

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

2

ЛОКИД

К И Р Б У Л Ы Ч Е В

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОХИЩЕНИЕ ТЕСЕЯ

ЛОКИД МОСКВА 1995

ББК 84Р7-4
Б907

Серия основана в 1995 году
Составитель серии *Георгий Хубларов*

Серийное оформление *Анатолия Гусева*
Обложка *Александра Яцкевича*
Иллюстрации *Андрея Разумова*

Булычев Кир

- Б907** Галактическая полиция: В 3 кн. Кн. 2. Покушение на Тесея /Сер. оформл. А. Гусева; обл. А. Яцкевича; ил. А. Разумова. — М.: Локид, 1995. — 491 с. — («Современная российская фантастика»).

ISBN 5-320-00024-3 (Кн. 2)

ISBN 5-320-00022-7

Второй роман из фантастической трилогии об агенте Интер-Галактической полиции XXI века Коре Орват повествует о самом сложном, опасном и долгом задании, которое ей поручено выполнить: в Древней Греции Коре следует отыскать и охранять от покушений злодеев мифического героя Тесея, в облике которого скрывается наследник престола одной из дальних планет. Коре приходится совершить путешествие по античному миру, побывать на Крите, увидеть Минотавра, подружиться с кентаврами и многократно рисковать жизнью, так как мир виртуальной реальности, в который Кора попала, может оказаться смертельно опасным.

ББК 84Р7-4

ISBN 5-320-00024-3 (Кн. 2)
ISBN 5-320-00022-7

© Издательство «Локид», 1995

У агента ИнтерГалактической полиции Кора Орват был двухлетний племянник. Кора обещала связать ему варежки. Для этого она еще в пятницу слетала в Боливию и купила там чудесной шерсти альпаки. Альпака, как известно, одомашненный гибрид викуньи и гуанако.

В субботу с утра Кора собрала сумку, чтобы отправиться в родную деревню к бабушке Насте и там, в тишине, попивая парное молоко, связать эти варежки-лапушки.

Хотя в сумке лежало все, что может пригодиться в деревне в выходные дни, Кора вдруг вспомнила, что хотела перечитать «Записки» Марка Аврелия и освежить таким образом заржавевший от неупотребления латинский язык. Она перешла в гостиную, чтобы отыскать книгу.

И тут почувствовала, что в гостиной кто-то есть.

Странное присутствие.

Нечеловеческое. Чуждое, почти неощутимое.

Кора провела правой рукой по бедру и нахмурилась — она не взяла с собой бластера, когда собиралась к бабушке.

Бежать? Скрыться? Известными ей пещерами уходить за реку?

— Не спеши, Кора, — раздался глуховатый низкий голос комиссара Милодара.

Комиссар стоял посреди гостиной и деловито оглядывался.

— Где брала обивку на диван? — спросил он, так как знал о своих агентах все. В частности, помнил, что Кора только на той неделе закончила ремонт квартиры. Сам же Милодар намеревался жениться, хотя это было тайной.

— Присаживайтесь, шеф, — произнесла Кора. — В ногах правды нет.

— Спасибо, постояю, — улыбнулся комиссар, и Кора поняла, что к ней пожаловал не сам Милодар, а его голограмма, — вот почему она так странно ощущала его появление в квартире!

Комиссар осторожно прислонился спиной к чучелу полосатого медведя, которого Кора в прошлом году голыми руками одолела на Цукарке.

— Кофе я вам не предлагаю, — сказала Кора.

— Не надо, тороплюсь, — ответил комиссар. — Я хотел вас пригласить на стадион.

— Не сходите с ума, шеф. Через десять минут я улетаю в деревню к бабушке Насте.

— С какой целью, если не секрет?

— Отдохнуть два дня на свежем воздухе и связать варежки моему племяннику Герасику.

— Чудесно, — откликнулся комиссар. Добрая улыбка тронула его лицо — морщинки побежали по загорелой коже от голубых глаз, крепкие белые зубы сверкнули под лучом полуденного солнца. Милодар убрал со лба седую прядь — другого седина бы старила, а комиссар казался еще мужественнее. — Чудесно, — повторил он. — Ни в какую деревню ты не поедешь. Мы с тобой идем на стадион Уэмбли.

— Комиссар, сейчас не время шутить!

— Шутить всегда есть время, — парировал комиссар. — Мужчина сразу бы спросил, на какой матч идем. Тебя же это не интересует.

— Я не играю в футбол. Я не смотрю футбол, я не выношу футбол!

— Считай, что ты на службе и выполняешь особо важное задание!

— И не подумаю.

— Ты уволена из ИнтерГпола!

— Я давно мечтала уйти из вашей замшелой организации!

— Кора, я достал для твоей бабушки семена тыквы обыкновенной и морковки «Буратино». Помнишь, она просила?

— Комиссар, вы старый лицемер, хитрец и обманщик. Где семена?

— Сразу после матча.

— Что это за матч?

— Вот уже лучше, дружок, уже теплее!

— Говорите же!

— Россия — Аргентина, финал Кубка мира.

— Разве это сегодня?

— Ты далека от футбола, крошка.

— Не терплю такого обращения.

— Иного не заслужила. Агент ИнтерПола обязан, понимаешь, обязан знать некоторые элементарные вещи. Например, сумму чисел два и два, число «пи», дату и исход матча Россия — Аргентина в финале Кубка мира. И кое-что еще...

— Семена с вами?

Голограмма хлопнула себя по груди.

— Может, все же вы мне сообщите, зачем меня туда тащите? Наверное, кто-нибудь из юных сотрудников сектора мечтал бы очутиться на моем месте?

— Конечно.

— И билет на матч стоит немалых денег.

— Безусловно.

— Так скажете?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Потому что я намерен поручить тебе дело, специфика которого определяется исходом финального матча на Кубок мира по футболу.

— Я убью вас, комиссар, — сообщила Кора и, подняв с пола кочергу для камина, направилась к Милодару, чтобы привести угрозу в исполнение.

Он непроизвольно отступил, когда Кора замахнулась. Протянутая вперед лапа медвежьего чучела проткнула голограмму и высунулась из груди комиссара. Зрелище было кошмарное.

Кора бросила кочергу и заявила:

— Как жаль, что вы не настоящий, комиссар.

Милодар наконец-то заметил, что из его груди торчит медвежья лапа с растопыренными когтями, и шагнул вперед.

— На стадионе я буду самый настоящий. Таковы правила.

Милодар известен в организации тем, что всегда нарушает любые правила.

* * *

Вход на стадион «Уэмбли-2» располагается в районе станции метро «Спортивная». Туда ходят специальные составы от «Парка культуры», «Сокольников» и «Лубянки». Их подают заранее до начала матча, и на платформах уже толпится разномастный народ — истинные футбольные болельщики. Но что творилось в тот, уже месяц ожидавшийся, день финала — трудно описать! Фантастически разбогатели продавцы свистков, козырьков от солнца или дождя, различных напитков и прочих мелочей.

Поезда с крупными надписями над передним стеклом: «Стадион “Уэмбли”» вылетали в ярко освещенный зал станции пустыми, полутемными, и в то мгновение, когда раздвигались их двери с простыми надписями: «Не прислоняться!», внутри загорались лампы и толпы болельщиков, еще спокойных, еще мирных, вливались в вагоны, заполняя их до полного добродушного отказа. Вагоны в мгновение ока пропитывались сложным запахом табака, перегара, машинного масла, пота и ваксы, но тут поезд мягко брал с места и разгонялся, все быстрее мчась внутрь туннеля, и запахи вылетали через открытые сверху окна вагона и оставались в темноте перегона.

Болельщики, как бы проникаясь общим духом, пытались запевать песни своей молодости. Они вели себя так, будто старались соблюдать правила игры, которые Коре, прижатой толпой к Милодару, были неизвестны. Более того, ее, как опытного агента ИнтерПола, смущало и почти пугало то, что Милодар впервые на ее памяти так близко появился рядом во

плоти, — она ощущала его руки, грудь, частое дыхание, жесткий ус щекотал ей щеку.

— Мне и самому не по себе, — признался он шепотом, лаская губами ее ухо. — Наверное, мне пора жениться.

Самое время помечтать об этом!

Комиссар Милодар был завидной партией и давнишним женихом, на которого по правилам, а то и без правил охотилось несколько тысяч красавиц и дурнушек Галактики. Может быть, утверждали злые языки, он и придумал для себя правило безопасности: нигде и никогда не появляться во плоти, потому что боялся похищения. На некоторых планетах выращивают смелых и беспринципных девиц, готовых украсть и обесчестить понравившегося ей мужчину. Лишь узкий круг ответственных сотрудников Интер-Гпола и, может быть, самые близкие друзья знали, что Милодар был уже женат, но, к сожалению, под оболочкой прекрасной девушки скрывалось не очень привлекательное существо с одной дальней планеты, которое таким образом рассчитывало шантажировать Милодара и проникнуть в наши секреты. Нет, не опасность для страны превратила комиссара в безнадежного холостяка, а искренняя любовь к оболочке врага, сделанной так искусно! Он любил ее до сих пор и до сих пор хранил объемные фотографии своей первой жены, хотя ее настоящие щупальца и жвалы давно уже гниют на одном отдаленном кладбище, в поясе Астероидов.

Правда, недавно Милодар заинтересовался синхронным плаванием и не пропускал ни одного состязания, в котором участвовали близнецы Джульетта и Макбетта Жилины. Но кем из них он заинтересовался и кто из них подарил ему защепку для носа, осталось тайной даже для Кору.

Поезд мчался к своей цели, не останавливаясь на некоторых станциях и действуя по своим законам, ибо у него была цель — привезти свою партию, свою тысячу болельщиков на «Уэмбли-2», — и никого не интересовало, каким способом он добьется своей цели.

Кто-то начал ритмично бить в ладоши. Та-та, та-та-там! И в вагоне подхватили; и даже Кора знала значение этих хлопков и топання по полу, древний как мир клич: «Спар-так — чем-пи-он!»

Вагон раскачивался, болельщики топали и хлопали, разжигая себя. Милодар, воспользовавшись необычной ситуацией, гладил бедра Кору, к счастью было так тесно, что ему приходилось заодно гладить бедра других болельщиков, за что в конце концов ему досталось от рыжего кривonosого соседа, который даже в этой тесноте умудрился врезать как следует в скулу комиссару и сказать наставительно:

— Мы здесь не по этой части.

— Уничтожь его! — прошипел комиссар.

В ИнтерГполе есть закон: комиссары и супер-комиссары сами никогда не совершают насильственных действий. Они призывают агентов.

— А я с ним согласна, — сказала Кора. — Мы с ним здесь не по этой части.

— Ты какую такую часть имеешь в виду? — обиделся комиссар.

Но ответить Кора не успела, потому что поезд начал тормозить у перрона станции «Стадион “Уэмбли-2”».

Далее толпа понесла их, приходилось лишь переставлять ноги, чтобы не упасть, а то затопчут и не заметят.

Эскалаторы в метро работали только на подъем, и то с трудом справлялись с людским потоком, но никто не роптал, люди даже получали некое удовольствие, предвкушая наслаждение от того, каково им будет в ближайшие два часа.

На улице стало сумрачно — погода изменилась за то время, пока они ехали в метро. Кора отметила этот факт и хотела поделиться им с комиссаром, но тут же забыла о нем.

От станции метро «Спортивная» к «Уэмбли-2» вела широкая асфальтированная дорога, которая проходила под насыпью железной дороги, и тогда перед восхищенными взорами болельщиков открывалась панорама великого стадиона.

Здесь идти было легче — не было такой тесноты.

— Милодар, расскажите мне хоть, что это за матч, — попросила Кора.

— Говори тише, — испугался Милодар. — Вдруг кто-то из болельщиков тебя услышит? Убьют.

— За что?

— За то, что ты занимаешь чужое место. Может быть, из-за тебя на стадион не смог попасть настоящий почитатель российской команды.

— Ну ладно, рассказывайте тихо, — согласилась Кора.

— Сегодня финал первенства мира по футболу две тысячи второго года.

— Какого года? — спросила Кора.

— Две тысячи второго, — ответил Милодар.

Что-то шевельнулось в Коре, какое-то сомнение. Что это было?

— Рассказывайте дальше.

— Финальные игры проходят в Лондоне, на стадионе «Уэмбли», — продолжал комиссар, поводя рукой вокруг, и Кора кивнула — она знала, что они приближаются к стадиону «Уэмбли». И что она находится в Лондоне.

— Правда, в Лондоне? — спросила Кора.

— Никто не думал, что российская команда дойдет до четвертьфинала. Ведь для этого она должна была вышибить команду Германии. А ты понимаешь!

— Понимаю.

— Мы победили в добавочное время, — сказал Милодар, — и вышли в полуфинал, где встретились с хозяевами турнира — англичанами. Продолжать, или ты вспомнила?

— Продолжайте.

— В полуфинале у нас не было никаких шансов. На «Уэмбли» билеты продавались по тысяче фунтов стерлингов.

— А сегодня?

— Сегодня дешевле, — отмахнулся Милодар, которому не терпелось продолжить рассказ. — Матч начался без разведки. Уже на восьмой минуте Джонсон — эта черная торпеда — врезал головой мяч в нижний правый угол. Харитонов был бессилен что-либо сделать.

— Что-то знакомая фамилия, — заметила Кора.

— Еще бы! — отозвался шедший рядом грозного вида мужчина в панамке. — Второго такого вратаря нет в мире. Он же отбил пенальти Марадоны-Джуниора!

— Да погодите, не вмешивайтесь! — обозлился Милодар. — Кто рассказывает? Я или вы?

— Ты, старый, не сердись, — вмешался в разговор тощий кришнаит с грязной косичкой на затылке. — Каждому хочется поделиться. Надо любить людей.

— Не всех! — отрезал Милодар. — У меня, молодой человек, специальность: выяснить, кого следует любить, а кого надо наказывать.

— Вы ошибаетесь, — тихо, но с достоинством ответил кришнаит. — Даже у крокодила есть искренние друзья.

— Крокодилы не бывают преступниками, — возразил Милодар.

— Да вы будете слушать или так пойдем? — рассердился грозный мужчина. — Я хочу рассказать, как Харитонов играл за детскую спортивную школу.

И поскольку никто не знал, как Харитонов играл за детскую спортивную школу, то окружающие замолчали и стали внимательно слушать грозного мужчину, повествующего о болезненном мальчике, которому запрещали даже играть в шахматы, но который однажды убежал от няни, увидел, как тренируется вратарь Черчесов, и навсегда выбрал свой жизненный путь. Тайком от родителей он стал обливаться по утрам ледяной водой и часами висеть на дверном косяке, чтобы укрепить и удлинить мышцы рук.

За этой, так и не оконченной историей они подошли ко входу на стадион, но судьбе было угодно, чтобы кришнаит оказался на два места левее Кору в том же ряду. Он помахал ей, как старой знакомой, и протянул сухую кунжутную лепешку. Кора с благодарностью приняла лепешку, хотя комиссар предположил, что она отравленная. Подозрительность была сильной стороной его натуры. С ее помощью он вырывался из совершенно безвыходных ситуаций, так как заранее догадывался об опасности.

Облака закрывали солнце, день был нежарким, как бы специально созданным для ответственного футбольного матча.

Сидеть приходилось тесно — видно, билетов было продано намного больше, чем мест, но никто не жаловался на тесноту; наоборот, она вызывала у всех чувство особой духовной близости, ибо за исключением жалких групп на противоположных трибунах, размахивающих бело-голубыми аргентинскими флагами, остальной стадион был нашим, русским, единым и непобедимым.

На поле выбежал судья — мулат с Тринидада, о чем Коре сообщил сосед справа, состоящий из острых костей пенсионер, с армейским биноклем, в кителе без погон, но с многочисленными планками наград.

Вообще проблема мулата с Тринидада, а также двух боковых судей оттуда же волновала наших болельщиков потому, что они могли найти общий язык с аргентинцами. Припугнет их Аргентина своим морским флотом — куда деваться Тринидаду? Поэтому на трибуне над левыми воротами скандировали:

— Три-ни-да-да нам не на-да!

Стражей порядка, включая солдат внутренних войск, вызванных из Тулы, эти крики беспокоили. Они оборачивались в ту сторону, и кое-кто сжимал кулаки, а в кулаках — дубинки.

Стадион зашумел — в правительственной ложе появился Президент, а также некоторые деятели ФИФА и премьер Аргентины — дама мрачной красоты.

Судьи вызвали команды на поле.

Они выбежали параллельными рядами: голубые с белым — аргентинцы и красно-белые — наши, российские.

Стадион неистовствовал, от крика и духоты Коре чуть не стало плохо. Сколько же людей погибнет сегодня от сердца и нервов? — подумала она. Ведь самой-то Коре лишь недавно исполнилось двадцать пять лет, а росту в ней было сто восемьдесят пять сантиметров, при гармонично развитом теле, а также совершенной красоте лица. Кора уже прошла в своей жизни просто школу, затем юридический факультет

Московского университета и Высшую школу Интер-Гпола, выиграла первенство мира по прыжкам в высоту, вышла замуж, через год рассталась с мужем, пережила эту трагедию, побывала по работе на восемнадцати планетах, трижды меняла погибшее тело, сама убила четверых закоренелых преступников — в общем, была одним из самых ценных агентов Интер-Галактической полиции.

А вот на стадионе «Уэмбли-2» чуть не упала в обморок.

Ворота бело-голубых были справа, ворота красно-белых — слева.

С первой же минуты наши кинулись в атаку.

Если для аргентинцев проигрыш в этом матче был всего-навсего национальной трагедией, после чего президентша лишалась места, кровавые генералы развязывали террор, футболисты скрывались в изгнании, а трудящиеся массы еще более нищали, то для нас, для России, поражение означало крушение национального престижа. Нам, русским, не нужны вторые места, которые нам все время предлагают. Мы берем или все, или ничего. Так сказал царь Иван Грозный, въезжая во взятый им город Казань верхом на белом коне, а полководец Жуков повторил эти слова, проходя в Берлин под Бранденбургскими воротами. Другими словами, Тринидада нам не на-да!

Некоторые экономические проблемы вкупе с проблемами национальными и социальными были напрямую связаны с результатами этого матча. Его ждали не только в Москве и Туле, но и в Тбилиси; Улан-Удэ и еще в нескольких горячих точках. Именно этим можно объяснить тот факт, что лондонский стадион «Уэмбли» был на девяносто девять процентов заполнен русскими болельщиками.

Первый удар нанес Первухин.

Это сочетание вызвало на стадионе смех и аплодисменты. Но когда Первухин постарался нанести еще один удар из-за пределов вражеской штрафной площадки, то какой-то хулиганствующий аргентинский защитник нагло сбил его с ног. И вот тогда русских болельщиков охватила тревога, потому что

судья с Тринидада, как и следовало ожидать, не назначил не только пенальти, но и банального штрафного удара.

Возмущенно закипевший стадион через некоторое время чуть смягчился, потому что нашим удалась неплохая атака, и лишь завершающий удар Железняка пришелся мимо цели.

Кора, которая не была активной поклонницей футбола, оглядывалась, рассматривала публику и старалась понять, зачем комиссару Милодару понадобилось тратить время и государственные деньги на такое сомнительное развлечение. А так как за простодушными масками комиссара скрывался холодный и даже коварный ум вселенского интригана, Кора буквально вывихнула мозги, стараясь найти решение задачи, и в результате упустила момент, когда в наши ворота влетел глупый, нелепый, случайный и несправедливый мяч.

О несправедливости и случайности гола Кора узнала от Милодара, которого горячо поддерживали соседи по трибуне, особенно сосед справа, локтистый старик с орденскими планками. Тот требовал повтора, чтобы все видели, что гол забит из положения вне игры, к тому же рукой. В бешенстве старик начал молотить кулачком Кору по плечу, и это было больно, но она понимала, что приходится терпеть, потому что ветеран не ведал, что творит.

С трибуны прозвучало несколько выстрелов — солдаты в бронежилетах кинулись по лестницам, чтобы поймать нарушителей порядка, матч на время прервали, и голос по стадиону объявил, что в случае еще хотя бы одного выстрела, стадион «Уэмбли-2» деквалифицируется навсегда, а команде России засчитывается поражение со счетом 0:3.

Стадион бушевал в бессильной ярости, как дикий зверь, попавший в капкан. Старик справа повторял как заведенный:

— Нет, вы подождите, вы подождите, я сюда вернусь! Только пулемет из дома принесу... А ну, пустите меня за пулеметом!

На этот крик ветерана восторженно отозвались некоторые из соседей, включая, к удивлению Коре, и самого комиссара Милодара, глаза которого сияли зловещим огнем справедливца. Все стали вставать, подвигаться, чтобы ветеран мог поскорее сбегать домой за пулеметом, а Коре повезло — теперь ее правым соседом стал очень мягкий, сонного вида молодой человек в наушниках и с таким отсутствующим выражением лица, словно он пришел не на стадион, а засыпает.

Угрозы лишить русскую команду причитающегося ей выигрыша возымели наконец действие. Виновные были вычислены, выведены со стадиона, и одного из помощников судьи, которого царапнуло пулей на излете, унесли на носилках и вместо него выпустили запасного, к сожалению, тоже с Тринидада.

Матч продолжался.

Кришнаит протянул Коре еще одну лепешку, завернутую в листок бумаги с номером телефона и предложением встретиться для обсуждения духовных проблем. Милодар, заметив, что Кора читает листок, в мгновение ока выхватил его и сжевал. Кришнаит тихо плакал. На поле кипели страсти, потому что Марадона-Джуниор упал в нашей штрафной площадке и делал вид, что ему сломали ногу. Но кто мог сломать ему ногу, если рядом никого, кроме бело-голубых, и не было! Если кто и сломал ему ногу, то не иначе как аргентинский защитник Хуан Обермюллер, наверное, его дедушка был палачом Освенцима.

Стадион ревел, пытаясь издали доказать этим перекупленным тринидадцам, что Марадона-Джуниор сам сломал себе ногу, чтобы заработать пенальти, и даже сломал ее заранее, вчера или позавчера, под общим наркозом.

На беговую дорожку выехали три пожарных машины и начали угрожающе поводить рыльцами шлангов, как бы отыскивая жертвы.

Судья из Тринидада отправился к белой отметке, чтобы показать, откуда он назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в наши многострадальные ворота. Марадону-Джуниора унесли, а весь стадион

принялся выть, чтобы запутать тринидадского судью. Но, видно, заплатили ему в галактических кредитах, так что разжалобить судью никак не удавалось.

Христофор Кортес, по прозвищу Буэнос-Айрес, вышел к мячу и установил его, не обращая внимания на беспорядочные выстрелы с трибун. Отмахиваясь от пуль железной перчаткой, отошел на десять метров. Наш вратарь Харитонов покачивался, как пантера перед прыжком, и вместе с ним покачивался весь стадион. Даже Кора ощутила ужас перед тем, что сейчас произойдет.

Нарастая, как далекая лавина, и заполняя собой воздух, над стадионом возник и расширился глухой, многотысячеглотковый свист.

Коре казалось, что этот свист придавит к траве, расплющит несчастного нападающего аргентинцев, вынужденного, разбегаясь, тащить на себе этот непосильный многотонный груз.

Но тот, выдирая ноги из земли, отчаянно стремясь к мячу, все же добрался до него и ударил, как можно ударить по пудовой гире...

Мяч лениво покатился по траве, с трудом добрался до ворот, и там уже, как следует подпрыгнув, вратарь Харитонов накрыл его телом и замер, словно совершил немыслимый подвиг, прыгнув за мячом на высоту пятиэтажного дома.

Но как воспарил стадион! Как все кричали и веселились, пели и плясали, пили водку, припрятанную в карманах и за пазухой, распевали народные песни.

Удрученный нападающий побрел к центру поля, а наши, словно в них вселился дух войны и победы, ринулись к воротам противника.

Удар Желюбко пришелся в штангу, и она зазвенела, как мачта от попавшего в нее пиратского ядра, Кусюцкий врезал мячом во вратаря, и того пришлось унести с поля, поменяв на нового, молодого и, к счастью, необстрелянного.

Штурм ворот аргентинской команды неизбежно закончился бы голом, если бы не очередная случайность. В то время как защитники аргентинцев бестолково отбивали мяч куда угодно, только подальше

от своей штрафной площадки, один из таких случайных ударов послал мяч в ноги Хуана Обермюллера, и этот аргентинец немецкого происхождения совершенно случайно оказался в центре поля в полном одиночестве с мячом в ногах.

Несколько секунд Хуан стоял на месте и раздумывал: послать ли мяч на трибуну или вернуть своему вратарю. Тренер аргентинцев махал ему от кромки поля, внушая дьявольские планы, и внушение достигло цели — словно нехотя и даже не спеша Хуан побежал к нашим воротам, а наши нападающие, напрасно прождав от него паса или аута, погнались следом. Но опоздали. Так что Хуан встретился с неосмотрительно выбежавшим из ворот Харитоновым, обогнал его и побежал дальше к воротам. Харитонов бежал за Хуаном Обермюллером, требуя, чтобы тот остановился и перестал хулиганить, наши нападающие и защитники бежали за Харитоновым и клеймили его последними словами, судья тоже бежал за всеми...

Некоторые из болельщиков, что сидели в первых рядах, поняли, чем это безобразие может кончиться, и стали выбираться на беговую дорожку, но тоже не успевали. Снайперы, которые могли бы подстрелить Хуана, к сожалению, истратили боеприпасы раньше, лишь один фоторепортер успел выскочить на поле и упал на пути аргентинца. Но аргентинец, к сожалению, не обратил внимания на этот подвиг и, вкатив мяч в ворота, сам упал туда следом.

— Ну где же ветераны?! — кричал Милодар. — Где ветераны с пулеметами?

Ветеранов не было. Продажный судья засчитал гол, а герой-фоторепортер поднялся, вытащил мячик из сетки и убежал с ним, давая этим понять, что никакого гола и не было, потому что и мячика не было.

Кришнаит протянул Коре кунжутную лепешку, и Кора заподозрила, что он втайне болеет за аргентинцев. Сосед с другой стороны, в наушниках, сидел, закрыв глаза, и блаженно улыбался. Это был странный человек.

Когда после пятиминутной задержки, в ходе которой солдаты отбивали у болельщиков то, что когда-то было нападающим Хуаном Обермюллером, и уносили в госпиталь, игра возобновилась. На табло горели цифры «2:0» в пользу Аргентины.

До конца первого тайма оставалось несколько минут, и стадион угрюмо шумел, не в силах придумать, чем бы взять этих аргентинцев.

И вдруг откуда-то издалека донесся крик:

— Плюш-кин... Плюш-кин... Плюш-кин...

— Плюш-кин! ПЛЮШ-КИН!

Стадион скандировал это слово, как будто кричал: «Ура!»

— Что это? — спросила Кора у толстого соседа.

Тот не услышал.

— Кто это? — спросила Кора у Милодара.

— Ах, отстань, — ответил комиссар. — Ничего не выйдет!

Тут прозвучал свисток судьи, и команды, провожаемые воем и ревом публики, спрятались в подземных туннелях зализывать раны и планировать новые атаки.

— Пойдем в буфет, — предложил Коре комиссар.

Она сначала хотела отказаться — такое состояние ста тысяч человек ее удручало и вызывало дурноту, но Милодару почему-то нужно было, чтобы Кора испытала полный набор мужских удовольствий. Так что Кора, чтобы не спорить с начальством, пошла с ним под трибуны, где было шумно, накурено, воняло перегаром, валялись банки из-под пива и бутылки из-под «Смирновской» водки, где мрачно шумели рассерженные болельщики, словно пчелиный рой, готовый кинуться на прохожего, который случайно задавил его матку.

Коре показались невкусными и пресными бутерброды, которые добыл для нее Милодар, и пиво, принесенное кришнаитом, который на правах старого знакомого увязался за ними.

— Кто такой Плюшкин? — спросила Кора, чтобы поддержать светскую беседу.

— Ничего не выйдет, — сказал кришнаит и сунул Коре в карман листок со своим телефоном.

Но комиссара такие дешевые трюки не смущали, он вытащил листок из кармана и проглотил его, не разжевывая.

— Плюшкин, — сказал он, — выведен из состава команды еще до начала первенства мира. И за дело.

— За какое? — осторожно спросила Кора.

— Это был неплохой нападающий...

— Отличный нападающий, — добавил кришнаит.

— Но он нарушил режим, — сказал Милодар.

— Вообще-то все нарушают режим. — Кришнаит вытащил из кармана блокнот и написал на листке свой телефон. — Но тут дело было в принципе.

— Вот именно что в принципе, — согласился Милодар и отнял блокнот у кришнаита. — Плюшкин набрал лишний вес.

— Ну и что? — не поняла Кора.

— Ему было сказано — не набирай лишний вес. А он набрал.

— И что же в том криминального?

— Даже президент издал указ, чтобы Плюшкин сбросил лишний вес.

— А он не сбросил, — сказал кришнаит. — Писать ему было больше не на чем, и он показывал номер на пальцах. — Он добавлял еще и еще.

— И стал плохо играть в футбол?

— Никто не знает, — ответил Милодар. — Он же не был допущен.

— Но почему?

— Потому что это было сделано по аморальной причине, — сказал кришнаит. — Он плотски влюбился в одну женщину. А та сказала ему, что хочет, чтобы он стал толстым и красивым. Несмотря на то что руководство команды и государства требовало от Плюшкина спортивной формы и подтянутой фигуры, он начал бессовестно жрать, нарушать режим...

— А она? — спросила Кора.

— Кто она? — не поняли мужчины.

— Женщина. Она полюбила его?

— Об этом ничего не известно, — сухо ответил Милодар, словно Кора допустила бестактность.

— Нет, — печально сказал кришнаит. — Она заявила, что толщина портит мужчину. Она не может любить человека, который ради развращающей женской любви мог пойти на нарушение спортивного режима, на предательство интересов команды и спорта в целом. Она ушла от него к председателю акционерного общества «Большой честный спорт».

— А он? — спросила Кора, пожалев футболиста.

— А он, говорят, играет в дворовой команде.

— За этим скрывались большие интересы монополий, — заметил Милодар, — молодому человеку они непонятны.

— И не хочу понимать, — ответил с достоинством кришнаит. — Я сторонник духовной любви, чистой от плотских утех. Вы меня понимаете? — Он обратил страстный и двусмысленный взор на Кору, будто предлагал ей не верить его словам.

Тут по переходам и подземным помещениям разнеслись звонки и свистки, и зрители, доедая бутерброды и допивая пиво, поспешили обратно на трибуны.

Второй тайм начался бурными атаками российской команды. Казалось, гол назревал, он, как говорят комментаторы, витал в воздухе. Но никак не мог дойти до ворот противника. Аргентинцы (их число поубавилось, так как уже трех или четырех игроков вывели из строя наши защитники, а резерв замен аргентинцы уже исчерпали) продолжали нагло обороняться, а их вратарь брал мячи, что неслись в дальние от него углы. По трибунам, как электрический разряд, пронесся слух о том, что президент обещал автору каждого русского гола по «мерседесу-ладе», но это лишь прибавило суматохи на поле и шума на трибунах.

А когда вовсе неудавшийся ростом и неприятный на вид, почти чернокожий Каравелло, таща на плечах и спине четырех наших славных защитников, умудрился забить нам третий мяч, а подлые тринидадцы его посмели засчитать, тяжелая тишина овла-

дела стадионом. Медленно поднялся и направился к выходу президент России, потянулись к другим выходам наиболее неуверенные в себе и слабонервные зрители.

Но основная масса болельщиков будто проснулась, будто очнулась от шока и начала скандировать все громче и увереннее:

— Плюш-кин! Плюш-кин! Плюш-кин!

По стадиону, перекрывая гул голосов, разнесся механический голос из мощных динамиков:

— Уважаемые гости стадиона «Уэмбли»! Сообщаем вам, что нападающий Плюшкин дисквалифицирован Федерацией за нарушение режима и антипатриотическое поведение.

— Плюш-кин! Плюш-кин!

Игра остановилась. Все наши футболисты, не глядя на мяч, присоединились к реву толпы:

— Плюш-кин! Плюш-кин!

Аргентинцы, как настоящие спортсмены, к тому же уверенные в своей победе, также остановились и стали кричать:

— Плюш-кин! Плюш-кин!

Даже проклятые тринидадские судьи, поддавшись народному мнению, кричали:

— Плю-ши-ки! Плю-ши-ки!

— Нет, — произнес тогда сосед Кора справа, стягивая с головы наушники. — Когда меня гнали из команды, так никто и слова в мою защиту не сказал.

Он снял темные очки и положил их в верхний карман пиджака.

— А теперь им, видите ли, понадобились мои ноги? Разве я не прав?

— Вы совершенно правы, Плюшкин, — ответила Кора симпатичному толстяку. — И мне очень грустно, что ваша преданность, верность и честность не нашли должной оценки. Но если вы свободны завтра вечером, я могу пригласить вас поужинать со мной.

Милодар так громко заскрипел зубами, что многие подумали, что падает осветительная вышка. Кришнаит тоже услышал и зарыдал.

— Спасибо, дорогая девушка, — сказал футболист, — но, к сожалению, я до сих пор верен этой паршивой суке, то есть Тамарке. Но как вы думаете, стоит ли мне идти на поле?

Тут вновь включились динамики. На этот раз в них звучал женский грубоватый голос:

— Слушай, Слава Плюшкин, говорит Тамара. Я тебе все простила. Если ты выйдешь на поле, то я вернусь к тебе.

— Ууууууу! — зарычал стадион.

Рычал он со сложными, смешанными чувствами. С одной стороны, он презирал Тамарку, которая предала такого героя, с другой — надеялся на то, что призыв возымеет свое действие.

— Обманет, — сказал Милодар. — Я слышу рядом с ней мужское дыхание.

— Знаю, — печально ответил Плюшкин. — Но не могу сопротивляться.

Он поднялся, и в первое мгновение никто на стадионе не узнал его.

Прежде чем пойти вниз, Плюшкин прошептал Коре:

— Я уже сбросил шесть килограмм.

Он пожал ей руку своей сильной, мягкой рукой и пошел не спеша вниз, на футбольное поле.

А навстречу ему уже бежали костюмеры и ассистенты с российской формой.

Стадион узнал своего бывшего кумира. Болельщики были, как волки в лесу. Аргентинцы растерялись и уже пожалели о своих рыцарских словах и жестах. Они побежали к тринидадскому судье, показывая на часы и торопя его продолжить встречу. А тем временем руководство аргентинцев уже толпилось у ложи комиссара, доказывая, что Плюшкин на игру не заявлен. Неизвестно, как дальше проходили переговоры, но через минуту Плюшкин, переваливаясь, выкатился на поле.

И стадион, который был готов почти к любому исходу, замер от ужаса. Ведь у многих дома висели фотографии Плюшкина, но никто не подозревал, что человек может так растолстеть. Казалось, Славе не пробежать и трех шагов.

Болельщики начали свистеть, обреченно и даже не очень громко.

Судья как бы в ответ прикоснулся к своему свистку.

Если верить часам, то до конца матча оставалось меньше получаса.

Делать нечего — свисти не свисти, все замены сделаны.

И игра продолжалась при вспышках хохота с трибун, когда круглый и неуклюжий Плюшкин никак не мог подпрыгнуть или дотянуться до мяча. И чем больше хохотал стадион, тем злее становился бывший нападающий. Кора это чувствовала лучше всех на стадионе, потому что ей очень понравился этот человек, способный на такие жертвы ради любви.

И она смогла уловить полусекундную паузу в стадионном шуме и крикнула ему громко, но на такой ноте, которая достигла ушей форварда:

— Слава, я тебя понимаю!

Слава замер и посмотрел вверх. Его заплывшие глазки отыскиали на трибуне Кору. Он поднял толстую руку, улыбнулся — может, именно такой, дружеской, искренней поддержки ему и не хватало.

Как раз в этот момент к нему приближался стройный, как тополь, и нахальный, как русский банкир, Хуан Обермюллер, который явно решил забить четвертый мяч в русские ворота и доказать всему миру, что настоящего футбола в этой стране не знают.

Толстяк Плюшкин не казался ему достойным соперником, тем более что Хуан, как и любой другой футболист, знал о трагической истории своего русского коллеги и, скорее, сочувствовал ему. Но сочувствие в спорте остается за оградой стадиона. Спорт не знает снисхождения.

Но не тут-то было! Ловким движением корпуса Плюшкин отрезал Хуана от мяча, и тот не успел сообразить в чем дело, как оказалось, что он продолжает бежать к нашим воротам уже без мяча, а мяч, словно приклеенный к ноге Плюшкина, мчится к другим воротам.

Аргентинцам пришлось мобилизовать всю защиту, чтобы в конце концов свалить Плюшкина с ног у

самой своей штрафной площадки, и, может быть, ситуация разрядилась бы иначе, если бы кто-нибудь из русских игроков догадался о том, что происходит, и пришел на помощь Плюшкину, хотя бы для того, чтобы получить от него пас. Но никто не пришел.

Зато когда надо было бить штрафной, прибежали все и забыли о Плюшкине, который, конечно же, хотел сам ударить по мячу. Но, незамеченный, он не спеша потрусил к своим воротам, в которых стоял вратарь, — все остальные забивали аргентинцам гол.

Но не забили.

Стенку из восьми игроков Железняк пробить не сумел, зато Каравелло тут же подхватил мяч и помчался к нашим воротам.

А там не было никаких преград.

Только неповоротливый Плюшкин, которого трудно обыграть любому. По необычной тишине на стадионе Плюшкин догадался, что дело неладно, и, обернувшись, увидел, что мимо него, метрах в десяти, несется Каравелло.

Какой бес вселился в Плюшкина — не знал никто, кроме Кору.

Он в три прыжка догнал Каравеллу и в подкате отправил мяч на трибуну.

Стадион грянул аплодисментами.

Аплодисменты не понравились товарищам Плюшкина по команде. Так что, когда Хохрянский кидал с аута, он нацелился Плюшкину в лицо. Но Плюшкин сделал вид, что так и надо, чуть отклонился, принял мяч на голову и, подбрасывая его, побежал к воротам аргентинцев, причем остановить его было невозможно и засудить тоже — никому не запрещено пронести мяч к воротам противника на голове.

Уже в штрафной Слава подбросил мяч себе под левую ногу и заколотил мяч под перекладину.

Конечно же, не только стадион бушевал. Товарищи по команде стали обнимать и целовать Плюшкина, исщипали его и исколотили при этом, но Слава не обидчивый. Ему главное — сделать дело.

Президент вернулся в правительственную ложу.

«Мерседес-ладу» выкатили на беговую дорожку.

А время шло.

Товарищи по команде плохо снабжали Плюшкина мячами. Предпочитали забить сами, хотя это у них не получалось. И вот уже весь стадион кричал:

— Отдай Плюшкину, мазила!

Неприятно быть мазилой, но тут к кромке поля выбежали тренер и председатель Федерации и стали приказывать игрокам играть на Плюшкина, иначе все зарубежные контракты будут аннулированы, а московские квартиры экспроприированы.

Тогда футболисты зашевелились.

Они стали нехотя и не очень точно пасовать Плюшкину, но тот бегал как заведенный и совершал чудеса.

Стадион сходил с ума от радости и надежды.

За шесть минут до конца матча Плюшкин забил второй мяч. Счет стал 3:2 в пользу Аргентины.

Плюшкина старались свалить и покалечить все защитники Аргентины. На как его свалишь, если он круглый?.. Покатится и опять на ногах...

Кора обратила внимание, что ее новый друг меняется на глазах.

Многие на трибунах тоже заметили это. Видно, жир был на нем наносный, нетвердый.

И когда за две минуты до конца матча Плюшкин забил свой третий гол, то футболист был уже втрое тоньше, чем в начале тайма.

А на самых последних секундах, когда тринидадский судья тянул к губам свисток, но не спешил, потому что ему же не хотелось бегать по стадиону все дополнительное время, Плюшкина все же заваляли в штрафной площадке. И с облегчением тринидадский судья назначил пенальти, но реализовал его не Плюшкин, а Железняк. Железняку Плюшкин и подарил один из трех своих новых «мерседесов», так как у спонсоров четвертой машины не нашлось.

Стадион ликовал, и многие рыдали.

Множество людей выбежали на поле, чтобы качать игроков.

Но большинство футболистов успели убежать, и тогда стали качать тринидадских судей.

Плюшкин тоже убежал, потому что люди путали, не могли понять — он еще толстый или уже худой?

В темных очках и старом костюме он поднялся на трибуну, где Милодар и Кора ждали, пока схлынет толпа, чтобы спокойно выйти со стадиона.

— Я принимаю ваше приглашение, — просто сказал он Коре.

— Ни в коем случае! — закричал Милодар. — Завтра Кора будет в другом конце Галактики.

— Я дожусь, — сказал футболист.

— Нет, — возразила Кора. — Не надо таких сложностей. Что вы делаете сегодня вечером?

— Только не это! — закричал Милодар.

— Только не это! — закричал кришнаит.

— Это выход! — обрадовался футболист.

— Это невозможно! — Милодар был непреклонен.

— Возможно! — ответила Кора.

— Ты поймешь это через десять минут, — сказал комиссар.

— Если пойму, то попрошу прощения, — вежливо ответила Кора, а футболисту сказала: — В семь возле входа в Дом Кино на Васильевской. Там, где написано: «Ресторан».

— Идем, идем, — Милодар потянул Кору за руку. — Нас уже ждут.

Кора протянула руку Плюшкину, и тот нежно пожал ее. Ладонь и пальцы спортсмена были такими же теплыми и сильными, но потеряли мягкость.

* * *

Вместе с веселящейся, шумной толпой они вышли со стадиона и в бурном потоке радостных людей влились в метро.

Вскоре подошел поезд метро. На нем было написано: «Финал — Центр».

Поезд понесся без остановок. В нем было тесно, но весело. И Кора не чуралась громких разговоров и песен, потому что чувствовала себя причастной к исторической победе отечественного спорта.

Еще через несколько минут поезд затормозил у станции «Лубянка» и выплеснул на платформу пассажиров.

Люди умолкали и медленно расходились в разные стороны.

Что-то странное происходило с Корой.

— Милодар, — спросила она. — Где мы были?

— На стадионе «Уэмбли», на финальном первенстве мира по футболу между Россией и Аргентиной.

— На стадионе Уэмбли в Лондоне, — сказала Кора. Комиссар снисходительно усмехнулся.

— Стадион «Уэмбли» находится в Лондоне, — подтвердил кришнаит. — До встречи.

Он растворился в толпе.

— Милодар, объясни мне, что произошло?

— Ничего особенного. Мы были с тобой на стадионе...

— Стой! Я вспомнила! Этот матч состоялся в две тысячи втором году. В Лондоне. Но ведь сегодня...

— Да, немало лет прошло.

— Но ведь мы с тобой были на стадионе!

Они поднялись наружу и уселись на лавочке в сквере на площади Лубянка, чтобы выкурить по сигарете. Вообще-то Кора не курила, но сейчас она была взволнована.

— Это была виртуальная реальность, В-Эр. Слыхла об этом?

— Конечно же, читала.

— Но сама не испытывала?

— Нет.

— А я тебе показал, что это такое. Потому что тебе придется работать в ВР.

— То есть все это нам казалось?

— Неужели у тебя ощущение галлюцинации?

— Ни в коем случае. — И Кора вытащила из кармана куртки сразу две кунжутных лепешки.

— То же самое было со всеми зрителями.

— Но они же знали, что это спектакль?

— Виртуальная реальность создается гигантскими по мощи компьютерами, которые переносят человека

в нужную ему реальность, и эта реальность совершенно очевидна и индивидуальна.

— Но я могу поклясться, что никто на стадионе не знал, чем кончится матч, хотя они обязаны были это знать.

— Иначе незачем брать за билет месячную зарплату профессора. Но в тот момент, когда специальный поезд-транслятор подходит к перрону метро, люди переключаются из своей действительности в виртуальную.

— И забывают, где находятся?

— Они знали лишь, что идут на грандиозный футбол.

— Но почему никто не разочаровался?

— Зачем? Они получили, что хотели.

— Сколько же человек на самом деле в этом участвовало?

— Глупенькая, все зрители на стадионе были настоящими. Этот сюжет виртуальной реальности настолько популярен в России, что раз в месяц болельщиками полностью наполняют стадион в Лужниках.

— То есть они знают, что идут в Лужники, и думают, что идут на Уэмбли.

— Видишь, уже сложность! И не первая, и не последняя.

— А толстый Плюшкин?

— Он умер от старости полвека назад.

— Значит, матчи проходят по-разному?

— Общий результат — четыре — три в пользу России остается без изменений. Но в пределах этого счета возможны варианты.

— Но ведь я переживала, меня толкали, я пила пиво, слышала шум, я там была!

— Конечно же, ты там была.

— И еще сто тысяч человек?

— И еще сто тысяч.

— И президент?

— Какое-то число людей — миражи, голограммы. Это футболисты, судьи, президент.

— Значит, ты хочешь сказать, что сто тысяч человек могут купить билет на матч, который состоялся

сто лет назад, забыть по дороге туда, в каком году они живут, провести два часа в неведении о конечном результате матча и вспомнить обо всем лишь по дороге домой?

— Вот именно, умничка!

— А вы сами все знали?

— Я не был закодирован. Я же находился на работе.

— А почему меня одурачили?

— Потому что я хотел показать тебе убедительность виртуальной реальности, создаваемой компьютером.

— Одурачить сто тысяч человек!

— Не одурачить, а показать им суперзрелище! Ты же знаешь, что есть люди, которые ходят на этот матч каждый месяц, — и таких тысячи. Это их главное развлечение в жизни.

— Гнусный наркотик!

— Почему? Человек получает заряд хорошего настроения на весь месяц вперед. Это как любовь. Пока ты целуешься, зуб не болит. К наркотику привыкают, а виртуальная реальность, как хорошая книга, как фильм. Полюбил его — смотри снова. Не удалось посмотреть — тоже не беда.

— В кино ты сидишь в зале и не участвуешь в действии.

— В хорошем — участвуешь. Ты можешь поставить себя на место героя.

— Но тебя не могут побить.

— С виртуального стадиона ты тоже вернешься живым. Фирма гарантирует.

— Значит, участие кажущееся?

— Нет, участие настоящее.

Пальцы Кору нащупали в кармане куртки что-то мягкое. Она вытащила кунжутную лепешку, ту, что получила на стадионе от кришнаита.

— Наверное, я зря провожу жизнь в метаниях по Галактике, — произнесла Кора. — Рискую жизнью, даже иногда погибаю, сама убиваю людей. Зачем? Можно пойти на стадион...

— Ты бы сбежала с этого стадиона, как только догадалась, что он — игрушка, перец в пресной жизни. Твой стадион не для зрителей, а для истинных спортсменов.

— Не утешайте меня, комиссар, — запротестовала Кора. Она уже поняла, что ей не суждено провести выходные в родной деревне.

У входа из старой подземки их ждал серый с синей полосой служебный флаер ИнтерГпола, вызванный Милодаром по интуитивной связи...

Пришлось перебежать к нему, прикрываясь футбольными программками. На улице моросил тоскливый осенний дождик.

Комиссар достал из кармана два скромных белых пакетика.

— Здесь семена для твоей бабушки. Все-таки сдержал обещание!

Через шесть минут флаер примчал их в санаторий «Узкое», раскинувшийся за Палеонтологическим музеем на окраине Москвы. Там, под одним из прудов, находилась тайная база московского сектора ИнтерГпола.

Спустившись по бетонной трубе и миновав стальные двери, они оказались в белом коридоре. Потолок кое-где протекал. Стены давно пора бы покрасить. Но Кора не стала говорить об этом комиссару. Она все еще ломала себе голову, зачем он ее сюда пригласил.

Они вошли в кабинет комиссара.

Ничто не указывало на то, что он находится под прудом в запущенном парке, если не считать таза в углу, в который капало с потолка. Мягкие ковры и низкие кресла придавали кабинету восточный экзотический уют.

— Присаживайся, Кора, — произнес комиссар, — чувствуй себя как дома.

Это был опасный знак. Комиссар никогда не добрал перед своими агентами, если им не угрожала смертельная опасность.

— Что будешь пить? Виски с содовой? Или джинс с тоником?

— Вы же знаете, что я пью только водку «Абсолют», — ответила Кора, которая старалась держать себя в руках и не показать страха, охватившего ее. Задание обещало быть смертельно опасным.

— Сейчас ты увидишь испуганную, убитую горем женщину. Ты должна проникнуться сочувствием к ее горю, — сказал Милодар, протягивая Коре высокий бокал. До половины он был наполнен колотым льдом и ломтиками лимона, поверх покачивался небольшой, но глубокий бассейн водки.

— Должна?

— Я не заставляю тебя притворяться. Ее горе искренне и глубоко. А мы обязаны ему помочь.

— В чем заключается ее горе? — осторожно спросила Кора. Она знала, насколько активно ИнтерПол был погружен в большую галактическую политику.

— Она боится потерять своего единственного племянника. Его могут убить.

— Мы должны спасти его?

— Вот именно.

— Почему?

Милодар поставил свой бокал на край стола и начал загибать пальцы.

— Во-первых, мы гуманисты. И любая человеческая жизнь для нас — истинная драгоценность.

— Комиссар, мы не на парламентских слушаниях.

— Не старайтесь показаться циничнее, чем вы есть на самом деле, агент Орват.

— Быть циничнее, чем я, невозможно, — откликнулась Кора, отпивая из бокала. Конечно, это была водка среднего класса, никак не «Абсолют», но она другого от Милодара и не ждала.

Комиссар удрученно вздохнул и продолжал загибать пальцы.

— Во-вторых, — продолжал он загнув второй палец, — смерть молодого человека нанесет смертельный удар по корпорации «ВР», акции которой наполовину принадлежат правительству Земли, и на них содержатся детские сады...

— Приюты для инвалидов, матерей-одиночек и бывших футболистов, — добавила Кора. И произне-

сенное ей самой слово заставило энергично заработать ее мозг. — Корпорация «ВР»... Значит, вы не случайно меня сегодня повели на стадион.

— Я ничего не делаю случайно.

— Этот молодой человек погибнет на стадионе?

— Все сложнее. И если ты дашь мне возможность договорить, то узнаешь немало любопытного.

— Я внимательно слушаю.

— Оторвавшись от нашей мирной жизни ты, наверное, и не представляешь, насколько глубоко вошла в нее виртуальная реальность. Стадион, на котором ты была сегодня, — это как бы вершина айсберга, очевидная для всех и всем известная. Мы все ходим смотреть сказку о Великой победе... Но основные доходы «ВР», а соответственно нашей с тобой родной планеты не от этих примитивных массовых зрелищ.

— А от чего же?

— От невероятно дорогих и тщательно подготовленных индивидуальных круизов.

— Это еще что такое?

— Дальнейшее развитие компьютерной игры. Ты становишься ее безусловным участником. Ты не руководишь действиями других персонажей, а попадаешь в заданные условия. В них живешь, из них возвращаешься в действительность с синяками, шишками и жизненным опытом. Но обязательно возвращаешься и обязательно живым. Так что... — Милодар загнул третий палец. — Спасение самой идеи зависит от нас с тобой. Если кто-то погибнет во время виртуального путешествия, это значит, что сама виртуальность порочна.

Кора допила водку, покатила языком во рту кусок льда, протянула бокал обратно. Чтобы взять его, Милодару пришлось разогнуть пальцы.

— Пожалуйста, не жалейте на меня слов, шеф, — попросила Кора. — Ведь вам хочется, чтобы я чего-нибудь поняла?

— Ты права, черт возьми, — согласился комиссар. — Специально для тебя, темной женщины, объясняю, что в индивидуальном туре ты можешь зака-

зять себе любую сказочную или, скажем, историческую роль. Ты можешь стать Жанной д'Арк...

— И кончить свою жизнь на костре девственницей?

— Тебе что больше нравится? «На костре» или «девственницей»?

— Все плохо.

— В последний момент тебя вытащат из костра, для этого и существует наша служба спасения и страховки.

— Значит, я могу стать Мессалиной?

— Это кто, проститутка?

— Или мадам Помпадур?

— Наверняка проститутка! Любовница д'Артаньяна. Я читал. Что у тебя за направленность фантазии?

— Но ведь это фантазии. А в жизни я — типичная Жанна д'Арк.

— Да? — Милодар смутился. Он не знал, спорить или согласиться.

— Продолжайте, комиссар. Только короче. Что же произошло?

— Один молодой человек заказал путешествие в Древнюю Грецию.

— К Сократу захотелось? — Нет, водка вовсе не такая плохая. Может, и не «Абсолют», но «Столичная» как минимум.

— Не совсем. Захотелось прожить жизнь Тесея.

— Тесея? Что-то знакомое. Это не он бегал по лабиринтам и придумал бой быков?

— Ты почти права, хотя твое образование оставляет желать лучшего.

— Я взяла за правило не быть образованнее собственного начальства, — отпаривала Кора.

— Тогда я тебе помогу. Тесей — один из сказочных древнегреческих героев. Нечто среднее между Гераклом и Периклом. Тебе что-нибудь говорят эти имена?

Кора протянула комиссару бокал, и тот отправился наполнять его вновь, но по его спине было видно, что он ждет ответа.

— Геркулес — это каша, — сказала Кора. — А Перикл — что-то связанное с расстройством желудка.

Господи, думала она между тем, как это романтично. Интересно, сколько стоит такое путешествие? Как жаль, что она никогда ничего не откладывала с зарплаты или премиальных, а то бы купила себе жизнь Афродиты или Елены Прекрасной. Пускай бы за мной побегали Одиссеи и Телемахи. Геркулес — это грубо, он все время кого-нибудь нечаянно убивал...

— Ладно, все равно тебе придется прочесть книжку о Древней Греции...

— Зачем? — удивилась Кора.

— Как зачем? Я тебе уже второй час пытаюсь сказать, что ты должна отправиться в мифологическую Древнюю Грецию, чтобы отыскать там Тесея.

— Комиссар, вы мне говорили что угодно, только не это!

Корахватила у комиссара бокал и выпила его залпом.

— Я волнуюсь, — сказала Кора.

В стене загорелся квадрат — на нем возникло милостивое лицо секретарши Милодара, Прасковьи Харловой, несчастной женщины, как рассказывают, спасенной когда-то Милодаром от приспешников Пугачева.

— Милостивый государь, — пропела секретарша, — к вам пришла госпожа Н.

— Введите, — приказал Милодар.

Дверь открылась. В нее осторожно впорхнула окутанная розовым пухом средних лет женщина с небольшой бриллиантовой диадемой в лиловых волосах.

— Проходите, ваше высочество, — сказал Милодар, поклонившись.

За пять лет работы в ИнтерГполе Кора не видела, чтобы Милодар кому-нибудь поклонился.

— Познакомьтесь, герцогиня, — продолжал Милодар. — Это Кора Орват, о которой я вам имел честь рассказывать; Агент номер три. Что означает третий по качеству агент в нашей конторе.

Женщина улыбнулась печальной царственной улыбкой и протянула Коре руку в белой перчатке — рука

двинулась к ней куда выше, чем нужно для рукопожатия, как бы предназначая себя для поцелуя, но Кора, будучи принципиальной демократкой, воспользовалась преимуществом в росте и осторожно пожала лапку ее высочества.

— Но почему для меня у вас только третий агент, комиссар? — спросила посетительница еле слышным нежным, даже робким голосом. — Где же те два, которые лучше?

Ах ты, коварная, подумала Кора. Тебе не меньше пятидесяти, но одеваешься ты как собственная внучка.

— Агент номер один пропал без вести в одном из кратеров Венеры. Его ищут... ищут уже шесть лет. Агент номер два неделю как вышел в отставку.

— Пускай его вызовут из отставки!

— К сожалению, он вряд ли согласится. Он мечтал об отставке последние сто тридцать лет.

Тогда ее высочество замолчала, прошла к самому большому из кресел и уселась с достоинством истинной герцогини.

— Девушка в курсе дела? — спросила она.

— В самых общих чертах, — ответил Милодар, виляя хвостиком. Коре даже захотелось встать, зайти к нему с тыла и поглядеть, не высовывается ли хвостик наружу.

— Она мне кажется слишком громоздкой, — заявила дама.

— В виртуальной реальности ваш Густав может сделать себя настоящим Тесеем, то есть почти гигантом.

— Ах, как это глупо! — воскликнула дама и покраснела, смущенная какими-то собственными мыслями. Когда-то, относительно недавно, она была сказочно хороша — бывает такая бесплотная, недолговечная красота, — красота розовой в голубизну кожи, светло-русых рыжеватых кудрей, тонких рук, увенчанных тончайшими длинными пальцами, а уж глаза... Глаза природа выдает таким красавицам нежных пастельных тонов, прозрачные, словно ты глядишь на утреннее голубое небо. Такая красота рано гаснет, и не дай Бог спасти ее кремами, подтяжками и массажами — кожа превращается в хрупкую

бумагу, глаза становятся водянистыми, а руки из тонких превращаются в худые.

Но дама Рагоза, так звали герцогиню, менее всех на свете была склонна согласиться с неумолимым действием природы. Она видела себя не в зеркале, а на портрете, писанном лучшим салонным художником ее государства двадцать пять лет назад.

Дама Рагоза была очень влиятельной дамой одной из планет, которая не родила собственной цивилизации, а, питаясь воспоминаниями о Земле, тем не менее давно уж была независимой и делилась на полдюжины королевств и республик. Некоторые были знакомы лишь составителям справочников, а некоторые, как например Отечество Рагозы, было известно в Генеральном Штабе Галактики, и его внутренние дела беспокоили больших политиков. В горных районах королевства находилась долина, где зачем-то собралась нижняя половина Периодической системы элементов, а извлечение элементов из недр было процессом несложным, отчего когда-то на Отечество Рагозы ходили походами соседи, поочередно покоряя его земли и оплодотворяя ее девиц, а в последние годы Рагоза стала объектом дюжины межпланетных договоров, которые не всегда выполнялись, но открыто не нарушались, потому что существовал Галактический центр.

Знать из Рагозы, а также способные молодые люди плебейского происхождения прилетали на Землю, по возможности учились в Гарварде, Черноголовке и Гейдельберге, либо, попавшись на торговле наркотиками, коротали дни в тюрьмах Синг-Синг или Леффортово.

Приехал на учебу в Московский университет, колыхель гуманитарных наук, наследник рагозийского престола Густав-Розарио-Иоахим, который, как только подошли очередные летние каникулы, направил стопы в правление компании «ВР», чтобы подвергнуть себя настоящему испытанию, избрав наитруднейший ВР-круз.

Подобное испытание на планете, где располагалась Рагоза, было еще внове, и решение принца, вызвав-

шее удивление его родственников и знакомых, скрыли от простого народа — пекарей, шахтеров, фермеров и электриков. Принц Густав был единственным прямым наследником престола. Права остальных претендентов были сомнительны или вообще отсутствовали. Это, разумеется, не мешало различным политическим партиям сдерживать претендентов, помогать им, толкать в спину и под локотки, ставя под сомнение исход борьбы за власть в государстве в случае, если с принцем Густавом что-то случится.

Об этом Милодар рассказал Коре в присутствии дамы Рагозы, а та слабым голосом, будто только что поднялась без лифта на двенадцатый этаж, сочла нужным добавить:

— Особа наследника престола священна.

После этого она надолго замолкла, ожидая, видимо, что Кора проникнется трепетом. Кора не смогла проникнуться, но спросила:

— Если вы так его бережете, зачем отпустили с родной планеты? Учили бы дома.

— Наш мальчик, — сказала дама Рагоза, — должен получить настоящее образование. Пришло время нашей Рагозе выйти в первые ряды мировых держав. Для этого нам нужен просвещенный монарх. Вы меня понимаете, душечка?

Душечкой Кору давно никто не называл. Слово было унижительным. Но не обижаться же на эту развалину!

— А что он учит? — спросила Кора.

— Густав учится на юридическом факультете, осваивает международное право. Но помимо этого вечерами он посещает лекции по теоретической физике и минералогии. Как вы знаете, наше главное богатство — полезные ископаемые, редкоземельные элементы...

Выговорив столь трудные слова, дама Рагоза откинулась в кресле. Она утомилась.

— Джин с 'тоником? — спросил Милодар.

— Капелечку, на самом дне, — ответила дама. — Откуда вам известны мои вкусы?

— Мы готовились к встрече с вами, — ответил Милодар. — Это так естественно!

— Неужели? — Дама поглядела на Милодара загоревшимся голубым глазом. Видно, только сейчас она увидела в нем мужчину, и это ее заинтересовало. Что Коре вовсе не понравилось.

Пока комиссар готовил напиток для дамы, Кора молчала и думала: то ли ей самой подойти к бару и приготовить себе новую порцию, то ли попросить Милодара не забывать другую даму. В конце концов она куда привлекательнее этой платяной моли!

Милодар, видно, спиной почувствовал укор, локти его заерзали, он обернулся, поднес бокал даме Рагозе и сказал почему-то ей, а не Коре:

— Наш агент Орват, к сожалению, не может составить вам компанию — она не употребляет горячительных напитков.

— Ах, какая жалость! — откликнулась дама Рагоза, принимая бокал из руки Милодара и дотрагиваясь до его пальцев кончиками своих фиолетовых ногтей. — С такими дикими привычками она ничего не добьется ни в обществе, ни в жизни. Светские обязанности требуют от нас умения поглощать всякую дрянь бочками.

С этими словами субтильная дама опрокинула в себя бокал и, проглотив джин, выплюнула кубики льда на ковер. Милодар кинулся было поднимать их — он ценил свой ковер, привезенный из какой-то юношеской экспедиции, от последних людоедов Аркадии. В его узор были вплетены волосы жертв межплеменной борьбы.

Кора решила, что она не настолько заинтересована в задании, сути которого до сих пор не знала. Пора было заявить о себе во весь голос.

Она резво вскочила и, пока Милодар ползал по ковру, в два шага подошла к бару, откупорила бутылку с водкой «Абсолют» и налила чуть больше половины стакана. С этой добычей она хотела вернуться на свое место, но ее остановил тонкий голосок дамы Рагозы:

— Не будете ли вы так любезны, душечка, долить мне в бокал того же напитка.

— С удовольствием, — сказала Кора и почувствовала, как ее отношение к этой герцогине меняется на прямо противоположное. Хваленая выдержка изменила Милодару. Так и не собрав льдинки, он наподдал их сапогом, и они, влетев веером, автоматной очередью выбили дробь по окну.

— Очень мило, — сказала дама Рагоза. — Очень мило.

Она приняла бокал из рук Кору, чокнулась с ней, и дамы выпили.

— Вы говорите, что вы только третий агент? — спросила она Кору.

— Это преувеличение, — сказала Кора. — Но думаю, что я во второй десятке.

— С каждой минутой ты мне все милее, — сказал хрупкое создание.

Милодар вернулся на свое место — напротив дамы Рагозы — и произнес голосом запоздавшего на совещание большого начальника:

— Ну что ж, продолжим?

Он делал вид, что его дамы пьют апельсиновый сок.

— Разумеется, в хороших домах это не принято, — сообщила дама, сама направляясь к бару и подливая в бокал из бутылки. Щеки ее покраснели, глаза сияли, она помолодела лет на двадцать. — Но мой Густав совершенно необычный ребенок. Его никогда не интересовали охотничьи подвиги и драки, он сам выучился грамоте, затем стал считать. Когда ему было десять лет, пришлось рассчитать всех его профессоров, потому что они ему ничего не могли дать.

— Не может быть! — Милодар постарался перехватить инициативу. — И что же дальше?

Дама Рагоза с удивлением окинула его взглядом от макушки до пяток, как бы спрашивая: что здесь делает этот человек? Милодар, непривычный к таким взглядам, смешался и замолчал.

— Сейчас Густаву двадцать. Он, без сомнения, самый образованный и серьезный человек на нашей планете, я уж не говорю о государстве Рагоза. С ним связаны все надежды на прогресс. Я уж не говорю,

как он много значит для меня. После того как его родители пали от рук убийц и власть перешла к регентскому совету, я осталась его ближайшей родственницей. Он — мой родной племянник, сын моей любимой сестры. Вы понимаете ситуацию?

— Так зачем ему было уходить в ВР-круиз? Лучше бы слазил на Эверест, — предложила Кора.

— Может, сделать кофе? — вмешался Милодар.

— Сделайте, голубчик, — согласилась дама Рагоза.

— Может, он устроил сам себе испытание? — предположила Кора.

— Все куда сложнее, — вздохнула герцогиня.

— Может быть, следует кого-то ликвидировать? — спросил Милодар из кухни.

— Как вы грубы, комиссар, — откликнулась дама. — Человеческие проблемы не решить насилием.

— Еще как решить! — не согласился комиссар. — Нет человека, и нет проблемы. Это я прочел в каком-то древнем манускрипте.

Он вошел с подносом и поставил его на журнальный столик.

— Вам пора жениться, — сказала дама Рагоза.

— Я пробовал, — ответил Милодар. — Но без взаимности мои союзы распадались.

— Я подыщу вам девицу благородного происхождения, из графской семьи.

— И я получу в придачу кучу сомнительных родственников! Ну уж нет! Лучше поищите мне ее в детском приюте...

Дамы рассмеялись, потому что испуг Милодара был искренним.

— Кроме того, я сейчас влюблен.

Милодар разливал кофе по чашкам. Рука его дрогнула.

— Это достойное занятие для мужчины, — вздохнула дама Рагоза, показывая этим, как горько ей сознавать, что он влюблен не в нее. — И кто же ваша счастливица?

Помолчи, мысленно приказывала комиссару Кора. Зачем позорить всю нашу родную планету в глазах мирового общественного мнения?

Но Милодар не послушался невысказанного совета.

— Две счастливицы, — сообщил он. — Близнецы.

— И какую вы выбрали?

— Я еще не решил, — ответил Милодар. — Вернее всего, я выберу обеих.

— Как так? Разве у вас не моногамия?

— Не знаю, что у нас, не знаю! Но поставьте себя на мое место. Если я женюсь на Джульетте, то Макбетта выйдет замуж за кого-то еще и будет ему отдаваться!

— Очевидно, так и нужно для ее счастья.

— Но я же их не различаю! — закричал Милодар. — И я убью каждого, кто посмеет жениться на сестре моей жены, потому что я не знаю, на ком он женился: на сестре моей жены или на моей жене.

— Боюсь, что это выше моего понимания, — призналась дама Рагоза, явно обеспокоенная. — Боюсь, что вы представляете опасность для окружающих.

— Другого на мое место пока не подыскивали, — ответил Милодар. — Я умен, решителен, коварен, быстр, предан делу, меня ценят начальники и любят подчиненные, правда, агент Орват?

— Что касается любви, — осторожно ответила Кора, — то это преувеличение. Но я убеждена, что каждый новый начальник хуже предыдущего. Это вселенский закон. По мне лучше тот, к которому я привыкла.

— Не самый умный ответ, но лучше такой, чем никакого, — заметил Милодар. — По-моему, мы отвлеклись. Ведь вы сами передали мне через посла о крайней срочности и важности дела. Я отложил в сторону все срочные текущие дела и для ознакомления моего агента с виртуальной реальностью отвез ее на стадион, где показывали прошедший сто лет назад драматический финальный матч по футболу.

— Сто лет назад! — вырвалось у Кору. Ей стало грустно при воспоминании о Плюшкине. Водка делала свое черное дело. — Все они давно умерли...

— Ах, я вспомнил — тебе понравился там один толстяк! — сказал Милодар. — Но он тоже плод виртуальной реальности.

— Со мной такое было, — сообщила фарфоровая герцогиня, отхлебывая водку из стакана, словно это был лимонад. Видно, совсем освоилась в кабинете грозного комиссара. — Я влюбилась в портрет. Я купила его, повесила в спальне и приказала моим техникам отыскать все данные по этому... рыцарю, который погиб триста лет назад, и восстановить его голограмму по скелету...

— Вы разрыли могилу? — удивилась Кора.

— А что ты прикажешь делать, если полюбила? — резонно спросила дама Рагоза. — Учти, что в любви я не знаю границ и правил. Не дай Бог тебе оказать-ся у меня на пути.

Кора была удивлена. Вот сидит перед ней робкое, покрытое глазурью розовое существо, в изящной ручке которого вздрагивает бокал с водкой «Абсолют», и угрожает Коре своими вулканическими страстями. А что, подумала Кора, ведь и отравить может. Именно отравить.

— Они его восстановили. Почти настоящего. Объемного... Пришлось отключить.

— Почему?

— О, эти лстивые художники!.. На портрете он был идеализирован настолько, что я его узнала только по усам. С тех пор я не позволяю себе увлечься мужчиной... За редчайшими исключениями.

— Дама Рагоза, — вмешался Милодар. — Если вам не трудно, продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

— С удовольствием. Душечка, подлеи этого славного напитка. Спасибо. На чем мы остановились?

— На том, что ваш племянник остался сиротой и поступил учиться в Московский университет.

— Правильно. А теперь отправляется в Древнюю Грецию, где его убьют, и мы останемся без наследника престола...

— И он выбрал судьбу Тесея? — спросил Милодар.

— Именно так. Именно Тесея. Это какой-то древний грек, который всю жизнь рисковал и хулиганил. Я еще понимаю, если бы он выбрал судьбу Гомера...

— Гомер был слепым.

— Или Наполеона.

— Он кончил жизнь в ссылке.

— Ну наконец, какого-нибудь бога — Диониса или Гермеса. Я бы не так беспокоилась.

— Но в любом случае никаких оснований для беспокойства нет, — сказал Милодар. — Я только что разговаривал с главой компании «ВР». Они клянутся, что их приключение совершенно безопасно. Ни в одном индивидуальном круизе за последний год не было смертельного исхода. Синяки, шишки, царапины, в крайнем случае поломанные руки... но все возвратились к мамам, папам и тетям.

— Боюсь, что могут быть исключения, — сказала дама Рагоза. — Я бы не примчалась к вам через половину Галактики только из-за нервного состояния души.

— Откуда у вас опасения?

— Сначала были слухи, — неверным голосом произнесла герцогиня: водка начала действовать. — Они ширились, ширились, ширились, пока не затопили всю столицу.

— Какие слухи?

— Очень конкретные. Что наш дорогой Густавчик решил отправиться в ВР-круиз и не вернется оттуда живым.

— И неизвестно было, откуда эти слухи, кто их распространяет? — спросил Милодар.

— Мне ничего не оставалось, как отправиться к самому оракулу Провала. И он мне... так и сказал: «Твой Густав отправится в ВР-круиз, и его там прихлопнут. Уже все готово».

— Кто такой оракул Провала? — спросила Кора.

— Сейчас все объясню, — сказала герцогиня. — Сейчас все объясню. Оракул... послушайте, где у вас тут туалет? Меня тошнит, черт побери! Чем вы напоили высокопоставленную гостью, а?

Герцогиня поднялась с дивана, и Коре пришлось подхватить ее на руки и отнести в ванную, где произошла некрасивая сцена, после чего Кора вымыла герцогиню, а Милодар вызвал охрану герцогини, которая состояла из двух мрачного вида красивых мо-

лодых людей, один из них закинул даму Рагозу через плечо, словно она была мешком с картошкой, а второй шел сзади, вытащив бластер и оглядываясь по сторонам, словно опасался неожиданного нападения.

У двери он остановился и, глядя на Милодара, произнес:

— Нельзя было старой перёчнице водки давать, неужели не ясно?

— Совершенно неясно, — сдержанно произнес Милодар. — Кстати, она не производила впечатления алкоголички.

— Ты тоже производишь впечатление мыслителя, — грубо ответил охранник.

Милодар тут же выхватил из кармана бластер, а молодчик не только выхватил свой в ответ, но и открыл стрельбу без предупреждения — хорошо еще что и Милодар, и Кора обучены предвосхищать выстрел по тому, как напрягается указательный палец противника. Оба они успели улечься за диваном, всю спинку которого разнесло в клочья.

Со стены с грохотом упала чудесная картина Боттичелли «Венера с чужим младенцем», пробитая и сожженная, люстра закачалась и рухнула на ковер, разбившись на множество осколков.

— Чудесно, мальчики! — раздался из коридора голос дамы Рагозы.

Вся эта компания исчезла, а Милодар тут же вызвал в кабинет бухгалтеров, чтобы подсчитать ущерб и отправить иск на планету в королевство Рагозу до того, как корабль с дамой Рагозой на борту попытается улизнуть с Земли.

Пока бухгалтеры, щебеча и ахая от негодования, подсчитывали и утраивали ущерб, Милодар убрал свой бластер.

— Я все равно выстрелить не мог, — сказал он.

Он направился к столу, рассеянно прошел сквозь него и попытался усесться на стул, но, разумеется, провалился. Лишь на уровне ковра ему удалось остановить свое падение.

— Когда вы успели подмениться! — удивилась Кора. — Ведь на стадионе вы были самим собой, а сейчас уже — голограмма!

— Ах, это так просто, — ответил Милодар, — я же ходил на кухню готовить кофе, там и заменился. Не понравилась мне эта герцогиня. Не люблю пьющих пожилых женщин.

— Предупредили бы меня, — заметила Кора. — Меня могли продырявить.

— Ну, убили бы в крайнем случае, — отмахнулся бессердечный Милодар. — Нашли бы тебе новое тело, получше этого.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Кора. Если бы она не знала, что вместо ее шефа в кабинете стоит голограмма, она бы сейчас выпарапала ему глаза. — Меня устраивает мое тело. Вы предатель, комиссар!

— Я разумный государственный деятель, — ответил тот. — Агентов можно отыскать сколько угодно. Комиссаров можно пересчитать по пальцам.

У Кору было свое особое мнение на этот счет, но она не стала делиться им с шефом, потому что не хотела терять работу. Если тебя увольняют с Интер-Гпола, то ты сразу оказываешься на чертом забытом астероиде, на окраине Галактики в должности начальника местного полицейского участка. И вскоре бесславно заканчиваешь жизнь от случайной пули или ножа в пьяной драке. Такова жизнь...

— Простите, шеф, — сказала Кора, взяв себя в руки. — Так мы будем браться за это дело или пускай дама Рагоза убирается в свое королевство?

— Я был бы рад забыть о ней. Не люблю дам, у которых такие нахальные охранники. Кстати, кому поручить его ликвидацию — тебе или Иванову?

— Пошлите Рабиновича. А то он в последнее время слишком много говорит о гуманизме.

— Хорошая идея, Кора, — одобрил Милодар.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Неужели тебе не ясно? Разумеется, мы беремся за это дело. Потому что таково решение Галактического Штаба. Хотим мы того или нет.

— Тогда избавьте меня...

— Не избавлю. Ты сейчас единственный у меня красивый и опытный агент женского пола. В мифологической Греции это играет роль.

— Почему?

— Вот, возьми. Тут книжки о греческих мифах. Нейхарт, Кун, Плутарх. Прочтешь все, что сможешь, о Тесее и его родственниках.

— Комиссар!

— Я уже шестьдесят лет комиссар. Но сначала ты вылетаешь специальным рейсом в королевство Рагоза.

— Это еще зачем?

— Ты должна встретиться с неким оракулом Провала и узнать, почему он считает, что принц Густав будет убит во время ВР-круиза. Какая птичка ему напела. Ясно?

— Неужели нет никого больше...

— Есть! Но это твое дело. Ты должна увидеть как можно больше действующих лиц этой драмы, понять их отношения, расположение сил и решить — убьют ли они Густава или только попугают. За время путешествия и освежишь свои знания в мифологии и древнегреческом языке.

— Я никогда не знала древнегреческого языка.

— Значит, к началу ВР-круиза будешь знать в совершенстве.

— Какого еще ВР-круиза?

— А как же иначе ты отыщешь принца Густава и будешь его охранять?

— Неужели это уже решено...

— Моя дорогая Кора, ты не представляешь, сколько стоит на галактическом рынке долина в королевстве Рагоза, где находятся месторождения всех редкоземельных элементов.

— Мне можно идти? — удрученным голосом произнесла Кора. Все происходящее ей совсем не нравилось.

— Иди, иди... Впрочем, вернись!

— Ну что еще?

— Не так грубо, агент! Посмотри, пожалуйста, кто из них тебе больше нравится?

Милодар протянул Коре две голографии молодых привлекательных брюнеток, похожих друг на дружку как две капли воды, тем более что у обеих носы были сдавлены прищепками для белья.

— А прищепки зачем? — спросила Кора, уже догадавшаяся, что присутствует при очередной попытке решения задачи про буриданова козла. Или осла?

— Мои невесты — чемпионки Таганрога по синхронному плаванию. Вот справа — Джульетта, а слева — Макбетта... Нет, погоди, может быть, наоборот?

— Вот когда научитесь различать, тогда и показывайте.

— А ты тоже не различаешь?

— А зачем мне различать?

— Пожалуй, ты права... ну иди, иди, чего стоишь? Рейс на Рагозу — через два часа. А тебе еще надо собраться.

— Чего же вы раньше не сказали! Я не успею.

— Не успеешь — нечего тебе делать в ИнтерГполе.

С этими приятными словами они расстались.

* * *

На корабле «Нирвана» Союза буддийских планет Кора увидела госпожу Рагозу в сопровождении одного телохранителя. Второго убрал Рабинович. Но подходить к ним Кора не стала, да и не легко это было, потому что Рагоза летела в классе «люкс», где ты мог сам выловить себе на ужин осетра из небольшого бассейна, где кокосовые орехи падали с пальмы по твоему выбору, а в ресторане слух клиентов услаждал джаз-оркестр под управлением Дюка Эллингтона, тщательно и изящно реконструированного генными инженерами.

Кора же пребывала в стандартной каюте второго класса, слава Богу, одна (от экономного Милодара всего можно ожидать), получала еду из овального отверстия в стенке над столиком, под надписью на нескольких галактических языках: «Использованную посуду сбрасывать в дезинтегратор».

Так что Кора наблюдала даму Рагозу, лишь когда та прогуливалась по галерее, поглядывая вниз, но, разумеется, не видя ни Кору, ни других простых пассажиров, потому что со стороны «люксов» галерея как бы парила над бескрайней равниной, а стеклян-

ный потолок, на который, задрав голову, глядела Кора, был превращен руками умелых голографов в зеленое море джунглей. Время от времени из переплетения ветвей взлетали вверх экзотические птицы и доносился рев обезьян и леопардов.

Всю дорогу Кора, будучи дисциплинированным агентом, посвятила изучению древнегреческого языка, на нем предположительно объяснялись Зевс и его родственники, а также биографию Тесея, которую различные источники трактовали по-разному.

Хоть это и не имело, с ее точки зрения, большого значения в будущей работе, сначала она выяснила, кто он родом, откуда взялся. Ведь, честно говоря, до этой поры она знала за Тесеем только один подвиг: этот самый Тесей пробрался в знаменитый Лабиринт, отыскал там дикого быка Минотавра и зарезал его, став таким образом первым в мире тореадором. Неужели принц Густав решил отправиться в ВР-круиз только затем, чтобы еще раз зарезать несчастного быка? Странно все это!

* * *

Отцом Тесея, как указывали все авторы, был некий Эгей, который, видно, потом назвал в честь себя Эгейское море. Он царствовал в Афинах, которые тогда еще не были столицей Греции, а, как поняла Кора, оставались довольно мелким городком. Этот самый Эгей шел к власти нелегким путем, у него были злобные родственники, желавшие отхватить у него Афины. Это были племянники, сыновья его брата Палланта. Звали их всех скопом Паллантидами, и насчитывалось их примерно пятьдесят голов, что доказывает, что у Палланта либо было много жен сразу, либо он их часто менял. Паллантиды никак не могли дожидаться, когда помрет их дядя Эгей, и тщательно следили за тем, чтобы он не женился и не сделал себе наследника престола.

Дело становилось интересным. Кора с увлечением прочитывала абзац у Плутарха, потом кидалась к Ку-

ну или Нейхарту, за проверкой информации перекрестным вопросом.

Эгею, конечно же, хотелось иметь детей, но он боялся за их судьбу, когда по дворцу так и шныряют десятки племянников и все они вооружены и опасны.

Тогда, под видом визитов к оракулам и соседям, Эгей стал отлучаться из Афин. Добрался он и до известного во всем тогдашнем мире Дельфийского оракула.

В энциклопедии Древнего мира о нем было написано немало интересного. Оказывается, что оракул — это не человек, а главный религиозный центр в Древней Греции, у подножия горы Парнас. Там стоял храм Аполлона. Он считался самым богатым храмом страны, потому что греки были народом суеверным и, по возможности, ни одно важное дело не начинали без совета с сотрудниками Дельфийского оракула, которые сидели в храме. А советы предсказателей, как и во все времена, не бывают бесплатными. Энциклопедия утверждала, что во время войн и вторжений этот храм обязательно в первую очередь грабили и разрушали, но потом восстанавливали еще лучше прежнего, пока его окончательно не уничтожил византийский император Феодосий, который, будучи христианином, предсказаний конкурентов не выносил.

Рядом с храмом располагались ипподром, театр и даже картинная галерея. От нее не сохранилось ни одной картины. В этом храме находилась очень важная святыня — полукруглый камень, метеорит по происхождению, носящий название Пуп Земли. Отсюда и пошло это странное выражение. Для греков все было просто: оказывается Зевс, как-то занялся геодезией, для чего с западного и восточного краев Земли по его приказу было одновременно выпущено два орла. Они встретились именно в районе Дельфийского оракула, и с тех пор все знали, что центр Земли находится именно здесь. Кора невольно улыбнулась: значит, греки были убеждены, что Земля плоская, или она в то время на самом деле была плоской?

В одном греки ошиблись — Кора отлично помнила, что ее бабушка Настя в раннем детстве внушала

Коре, что центр Земли находится на Красной площади. Каких орлов и с каких концов Земли бабушка выпускала для этой цели, осталось неизвестным.

В глубине храма сидели пифии — так назывались жрицы Дельфийского оракула. Сначала там была одна пифия, а потом, когда она не стала справляться с работой, наняли еще двух, чтобы работали в три смены.

Предсказывали пифии таким образом. Сначала они должны были выпить воды из священного источника Кассотиды, затем сжевать несколько листьев благородного лавра и усестся на золотой треножник, который стоял прямо над трещиной, откуда тянулся ядовитый дымок, зародившийся в недрах Земли. Теперь трещина закрылась, и определить состав газа, который приводит пифию в возбужденное состояние, невозможно. Но трезвые греческие наблюдатели утверждали, что пифия, нажевавшись листьев и надышавшись газами, начинала нести непонятную чепуху, а окружающие старались сообразить, что ее слова означают. Для толкований рядом стояло несколько дельфийских жрецов, которые специализировались в дипломатии. Они переводили бред на нормальный греческий язык, но всегда старались оставить предсказание как можно более туманным. Впрочем, лучшие предсказатели всегда так делали. В историю вошел один замечательный случай хитрости дельфийских жрецов. Как-то к оракулу приехал лидийский царь Крез, богатейший, как известно, скопидом той эпохи. Ему вздумалось повоевать с персами, и он интересовался, чем это для него кончится. Итак, пифия надышалась газом и начала бормотать что-то невнятное. Жрецы посоветовались и сообщили царю, что оракул устами пифии сказал следующее: «Крез, Галис перейдя, великое царство разрушит». Галис был пограничной речкой, а великое царство, как понимал Крез, было Персией.

Оставив жрецам немало драгоценностей за хорошее предсказание, Крез отправился воевать и по дороге, по словам Геродота, повстречал известного мудреца Солона, которому сообщил, что теперь он

не только богатейший, но и счастливейший человек в мире. На что Солон мрачно ответил: «Вот когда будешь помирать, тогда и подводи итоги». Или что-то подобное.

Крез посмеялся над пессимизмом известного ученого и поспешил перейти реку Галис. Перешел, потерпел сокрушительное поражение от персов, был взят Ксерксом в плен и вскорости задушен. Но перед смертью еще успел поднять международный скандал, требуя сатисфакции от пифии и жрецов оракула.

На что жрецы вежливо ответили:

— В жизни мы еще не делали более точного предсказания. Мы же предсказали, что великое царство Лидия будет погублено в результате заносчивости Креза, так и случилось. Надо слушать, что тебе говорят, а не то, что хочешь услышать.

Вот к таким людям и отправился за советом Эгей.

История умалчивает о том, какой вопрос Эгей задал оракулу, но, судя по ответу, догадаться нетрудно.

Вот что ответила пифия (в редакции жрецов и обработке поэта):

«Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий,
Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских».

— Что это значит? — вопрошал царь Эгей. — Я хочу жениться, а вы мне про бурдюки!

Но жрецы больше ничего не сказали, и расстроенный Эгей поехал домой.

Путь его, как проверила по атласу Кора, лежал на юго-восток, в сторону Фив и Афин. Но вместо прямой дороги он удалился на юг, в Арголиду, и как-то остановился переночевать в городке Трезене, где правил царь Питфей. В те времена в Греции царей было почти столько же, сколько крестьян. По нашим меркам, Трезена была небольшой деревней, но раз Питфей считал себя царем, да еще хвастался родством с некоторыми второстепенными богами, то к нему и относились соответственно — ведь древние греки были доверчивыми людьми.

Питфей Эгея, конечно, знал, тот наверняка приезжал в Афины за покупками.

За ужином гость пожаловался на Дельфийского оракула. Что еще за бурдюк? Что еще за пределы афинские?

Питфей насторожился. Предчувствие удачи укололо его.

Он принялся подливать вина уставшему с дороги гостю, и в конце концов тот согласился перейти в опочивальню.

Как только Эгей уснул, Питфей призвал к себе свою дочку по имени Этра. Дочка как дочка, ничем не приметная, замуж отдать трудно, потому что приданое незначительное, а сама красотой не блещет. А тут такой случай!

— Дочка! — горячо прошептал Питфей. — Маме ни слова, она этого не перенесет. У меня есть к тебе деловое предложение, которое сделает нас богатыми и знатными.

— Говори, папа, — ответила умная девушка.

— В гостевой опочивальне у меня храпит царь Афин Эгей.

— Слыхала.

— Ему только что предсказали в храме Аполлона вот что. — И Питфей повторил дочке предсказание. Сначала она не поняла, но, когда папа раза два стукнул ее жезлом по голове, она воскликнула:

— Нижний конец бурдюка — это та штучка, которая есть у мужчин, да?

— Умница!

— А развязывать, это значит...

— И ты будешь в этом участвовать!

— Ну что вы, папа, я же девушка!

— Сегодня ночью ты станешь матерью великого принца и будущего царя столичного города!

— Ах, папа мне так стыдно! — ответила Этра, но более не спорила с родителем.

Папа лично отвел дочь в опочивальню, где храпел Эгей, подтолкнул к его ложу, а дальше девушка сама занялась обработкой спящего гостя.

И это ей удалось, что говорит о некотором жизненном опыте Этры. Хотя, возможно, подумала Кора, я клеветшу на принцессу. Порой можно обойтись и без жизненного опыта.

Утром Эгей с некоторым удивлением увидел на своем ложе женскую головку.

Он вскочил с ложа, и разбуженная Этра тоже вскочила, стараясь тонкими ручками прикрыть обнаженное тело.

Тут, разумеется, вбежал отец Питфей и поднял страшный скандал ввиду того, что Эгей, напившись допьяна, нарушил закон гостеприимства, обесчестил дочь хозяина и теперь намеревается сбежать.

— Ничего не помню, честное слово, ничего не помню, — сказал Эгей и пошел завтракать.

За завтраком Питфей открыл глаза гостю на события прошедшей ночи.

— Припомни-ка, мерзавец, — сказал он молодому царю, — что тебе пифия предсказала.

— Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий, — произнес Эгей. — И это... Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

— Теперь слушай правду жизни, — сказал Питфей. — Народ пределов афинских — это мы, трезенцы, от нас до вас морем полдня ходу. Понял?

— Понял.

— Нижний конец бурдюка, это, прости, твоя мужская часть. А развязывать ее — это значит переспать с женщиной. Прямее пифии тебе сказать не могли, они сами девушки, стесняются.

— Понял, — сказал угнетенно Эгей.

— Значит, ты, надругавшись над моей невинной дочкой, по сути, выполнил предсказание пифии. Развязал в пределах. Так что я тебя прощаю, и давай играть свадьбу.

Эгей, который, в сущности, не был подлецом, даже обрадовался, потому что хотел иметь семью и ребенка. Но он разумно возразил потенциальному тестю:

— Я не могу подвергнуть риску жизнь твоей милой дочки. Как только мой брат и племянники узнают, что я женился, да еще на твоей дочери, они ее убьют. У тебя какое войско?

— Ну какое там войско — может, с десятков гоплитов наберется.

— А их пятьдесят богатырей, один другого страшнее.

— Тогда бери мою дочь и бегите куда-нибудь подалее, скрывайтесь в горах и лесах, по примеру героев древности, в конце концов твои высокие родственники за тебя вступятся...

Говоря это, на самом деле Питфей так и не думал — своей дочке он желал трона в Афинах, а в крайнем случае остается надежда, что прошедшей ночью удалось зачать наследника престола.

На то же самое надеялся и Эгей.

Не в силах обещать Этре венец и семейное счастье, он согласился оставить в Трезене доказательство своего отцовства. Он снял сандалии и отстегнул свой меч. Обыкновенный меч, неплохой, а на рукоятке родовой герб — изображение змей. Потом он сказал Питфею: «Вот когда мой сын родится да подрастет, пускай он отвалит камень и достанет из-под него обувь и оружие. И идет ко мне. Я его сразу узнаю».

И с этими словами Эгей поднял значительную скалу и придавил ею меч и сандалии. Затем поцеловал на прощание Этру, велел ей беречь будущего ребенка и ускакал в Афины...

А Коре надоело читать сказки, и она отправилась на танцы в общий салон.

* * *

День за днем Кора читала не только популярную литературу, но и источники на древнегреческом языке, и потому она скоро прониклась особенной, дурманящей, ветреной, жаркой атмосферой Древней Эллады.

Ей уже не терпелось возвратиться к никем не читанным страницам старых книг и узнать, что еще придумал наивный интриган Питфей. Впрочем, о его уме высоко отзывались современники. А как дела у Этры? Не округлился ли ее животик под девичьим хитоном? А как удастся оправдать такую неожиданную беременность? Правда, древние греки в таких случаях нередко валили все на пролетавшего мимо бога — боги были страстными, любвеобильными и

совершенно необязательными. Сделают ребеночка и тут же подсовывают его неведомо кому на воспитание.

Но в тот вечер Коре не пришлось продолжить увлекательное чтение и она не узнала, чем же кончилась история с дурнушкой Этрой. Потому что, когда Кора, полюбовавшись веселыми танцами в салоне, направилась в бассейн, чтобы окунуться перед сном, дорогу ей преградил охранник дамы Рагозы.

— Госпожа агент, — сказал он, глядя мимо такого ничтожного существа, как Кора, — ее высочество снизошло до встречи с вами. Так что спешите, охваченная счастьем.

— Слушайте, передайте вашей даме, что со мной так не разговаривают. Я еще не решила, снизойти ли мне до встречи с герцогиней. Так что спешите обратно, охваченный счастьем.

— Как так, как так? — озлобился охранник, наморщив низкий лоб в попытке понять, что же произошло.

Кора опытным взглядом окинула его мышцы и поняла, что он ей не соперник. Мышцы у него были накачаны, но совершенно не развиты. Такого кинет любой мальчишка в секции дзюдо.

— Выполняйте, — сказала Кора и продолжала свой путь по широкому пустому коридору к своей каюте за купальником. — А то с тобой случится то же, что с твоим напарником.

Охранник неосмотрительно догнал ее и схватил за локоть.

— А ну, тебе говорят...

Дурак, что схватил за локоть, этим он облегчил Коре задачу. Она легонько двинула локтем, и охранник улетел назад по коридору и так неудачно врезался своей маленькой, коротко постриженной головой в стену, что прошло минут десять, прежде чем он смог подняться и вернуться к своей госпоже, чтобы доложить ей о неудачной миссии.

Тем временем Кора успела переодеться и дойти до бассейна, небольшого, пятидесятиметрового, совсем пустого в это время суток, когда большая часть пас-

сажиров уже поживает, а остальные коротают время в ресторанах или на дискотеках либо балуются эротическими или географическими трипами в ВР — малыми приключениями наподобие снов.

Когда, проплыв под водой полсотни метров Кора вынырнула у противоположного края бассейна, она увидела, что там на складном стульчике сидит дама Рагоза, у ее ног на бортике бассейна — большая бутылка водки «Абсолют», ведро со льдом и два бокала.

— За встречу, — сказала она Коре.

— Мы с вами путешествуем в разных классах, — ответила Кора и снова нырнула. Когда она показалась на поверхности, герцогиня, субтильная и хрупкая, как никогда прежде, стояла на краю бассейна.

— Подождите, — окликнула она Кору. — Ведь не я вам покупала билет. Очевидно, ваша организация экономит на комфорте агентов, и это очень при-
скорбно. А вы мне понравились, и когда перейдете на работу ко мне, то будете всегда летать вместе со мной в «люксе». Как вам нравится такая перспектива?

Конечно же, дама Рагоза была совершенно права, и это было тем более обидно, что Кора уже несколько лет блюла абсолютную верность ИнтерГполу и лично Милодару, получая при этом в основном тычки и зуботычины. Любой охранник в банке или на автостоянке получал вдвое больше ее.

С этой грустной мыслью Кора нырнула на дно бассейна и залегла там, временно отключив дыхание. Так она могла пробыть под водой минут десять. Через пять минут Коре стало скучно, и она решила, что герцогиня уже ушла.

Ничего подобного. Герцогиня сидела на стульчике и сосала из бокала водку. Господи, подумала Кора, какие у нее тонкие ножки — всю жизнь ходи и трепещи, что сломаются.

— Я на вас не обижаюсь, — крикнула она Коре. — Я понимаю, что вы человек подвластный и безропотный. К тому же одинокая женщина.

— Почему одинокая? — удивилась Кора, откидывая голову назад, чтобы волосы падали на шею прямо и ровно. — В любой момент...

— Ах, сколько тысяч лет мы, женщины, повторяем эту фразу, — вздохнула герцогиня, — но это не скрашивает нашего одиночества.

— Я была замужем, — сообщила Кора. — И это не доставило мне удовольствия.

— Неточно, — возразила герцогиня. — Сначала это доставило тебе удовольствие, но оно кончилось раньше, чем тебе этого хотелось. В этом горе всех неудачных браков. Мы забываем первые ночи, а помним последующие дни, хотя в любви достойно лишь начало.

Кора выбралась из воды и села на край бассейна. Герцогиня протянула ей бокал.

— Неспортивно пить в бассейне, — сказала Кора.

— Никто не увидит. Все ушли спать. А дверь сторожит мой охранник. Кстати, простите, что ему пришлось сделать вам больно.

— Мне? Больно?

— В коридоре, когда он передал вам мое вежливое приглашение, вы ответили ему грубо, и он был вынужден чуть-чуть сжать ваши прекрасные пальчики.

— Ну и мальчик, ну и лжец! — вздохнула Кора. — Вы не могли бы его позвать сюда?

— Пожалуйста, — удивилась герцогиня и щелкнула пальцами. В пальцах, видимо, была микрокнопка, потому что через секунду дверь в отсек отворилась и появился охранник. На его лбу темнела небольшая шишка.

— Он самый, — сказала Кора. — Пускай подойдет и покажет, каким образом он сжал мои прекрасные пальчики.

— Не обращайтесь внимания, — сказал охранник. — Я вас уже простил.

— Надеюсь, он у вас не трусоват? — спросила Кора.

— Гера, подойди к девушке, — рассердилась герцогиня. — Что еще за спектакль? И не делай ей очень больно. Я же знаю, какой ты бываешь грубый.

Пожалуй, поняла Кора, он для нее больше чем охранник.

Гера подошел и остановился в трех шагах.

— Нет, ты показывай, показывай. — Кора рассердилась. Она не любила, когда за ее спиной распространяли сплетни, и тем более унижительные. — Мучай меня!

Эти слова, произнесенные с женским подвыванием, видимо, возымели на Геру действие, и он ринулся к Коре. Что и требовалось.

Она чуть отступила в сторону, выставила ногу, подтолкнула летящий мимо нее снаряд весом в сто килограммов, и тот ухнул примерно в середину бассейна, выплеснув половину воды, едва не утопив субтильную герцогиню, которой удалось спасти лишь бутылку с водкой, а сам скрылся на дне, и герцогине, после того как она пришла в себя, пришлось умолять Кору, чтобы она вытащила Геру из бассейна, пока тот еще жив.

После этого Кора с дамой Рагозой отошли в сторонку к деревянной скамейке и принялись за мирным разговором распивать бутылку. Причем, надо признать, что пила в основном дама Рагоза, а Кора, хоть и была специально натренирована в этом деле, частенько пропускала очередь и проливала водку на пол — ей было противно вспоминать вчерашнюю попойку у Милодара.

— Придется мне менять охрану, — с грустью произнесла дама Рагоза. — Не оправдывает моих надежд.

— Не расстраивайтесь, — ответила Кора. — Я же профессионал, иначе бы меня и не следовало посылать на важные задания. А ваши местные козлы для драк и мордобоя вполне годятся.

— Они хорошо стреляют, — добавила дама.

— Вот видите, и стреляют хорошо. Из рогатки?

— Из чего?.. Ах, вы шутите! Из бластера!

— Расскажите мне об оракуле, — попросила Кора. — Я сейчас как раз читаю о древнегреческих оракулах, а у вас, оказывается, есть свой!

— Я с самого начала поняла, что вы мне не доверяете, — сказала герцогиня. — Вас послали, чтобы меня разоблачить?

— Нет, чтобы уточнить ваши показания и понять, откуда к оракулу попали сведения, которые вас встревожили.

— С неба, — уверенно сообщила герцогиня. — Он имеет прямой контакт.

— Вот я и хочу проверить выключатель, — сказала Кора.

Они выпили, глядя, как приходит в себя Гера.

— Женщина в наши дни должна уметь постоять за себя, — заметила дама Рагоза.

— Я надеюсь, что вы умеете это делать, — ответила Кора.

— Вопрос правильного воспитания. У нас, девочка, в благородной семье обязательно проходят курс мести.

— И сложный курс?

— Три-четыре года.

— Разные предметы?

— Конечно, мы проходим интригу, яды, изготовление ловушек, теорию доносов — много предметов.

— И отравленное оружие?

— И разумеется, отравленное оружие, — дама Рагоза ловким незаметным движением вытащила из широкого пояса кинжал, упругий и тонкий, острый настолько, что его жертвой стал пролетавший мимо комар, — Кора успела заметить, как лезвие отхватило ему ножку.

Кинжал исчез в одежде герцогини так же незаметно, как появился.

— Вы опаснее меня, — призналась Кора.

— Конечно, — согласилась герцогиня, — я же благороднее тебя.

Для Кору это не было аргументом, но спорить она не стала.

— Я хочу тебе рассказать о моем племяннике, — сказала дама Рагоза, когда они почти покончили с бутылкой. — Густав — чудесный, честный мальчик, он не хочет быть нашим королем. Вот если ты его найдешь и поговоришь с ним по душам, то поймешь, что для него самое важное — физика и счастье народа.

— Это несовместимо, — возразила Кора.

— А в нем сочетается. Посмотри на его фотографии.

Дама вытащила из своей сумочки изящную книжечку с фотографиями принца Густава. Вот он в младенческом возрасте лежит в колыбельке, согнув в коленях ножки и делая пальчиками какие-то неспешные движения. А улыбка у него глупая-преглупая. Вот мальчик подросток. Он стал курчавым и серьезным. Он стоит, опершись локтем на какой-то декоративный столб, на нем рубашонка, подпоясанная ремешком, и короткие штанишки. А вот принц, одетый в гвардейскую форму, готовый принимать парад полка, шефом которого состоит. Мундир сидит на нем кривовато, каска налезла на брови, выражение лица страдальческое.

— Парады и смотры он не выносил, — пояснила герцогиня, — и участвовал в них из чувства долга, потому что народ ждал от него этого.

Следующая фотография — принц уже на Земле, в обыкновенной свободной непритязательной студенческой одежде. На носу — очки. Почему-то принц не захотел носить контактные линзы, как остальное человечество, а предпочел старомодные очки.

— У него сильная близорукость? — спросила Кора.

— Он носит очки, когда читает, — сказала герцогиня. — А так он обычно обходится без них.

Вот еще фотография — принц в библиотеке Московского университета. Он сидит за столиком, свет настольной лампы падает на страницы открытого фолианта, принц так углубился в чтение, что не заметил фотографа. У него были длинные темные волосы, длиннее, чем Кора ожидала. На концах они завивались. Нижняя губа показалась Коре слишком полной и чуть капризной, нос с небольшой горбинкой и высокой переносицей. Если его соответственно одеть, то в Греции он может сойти за аборигена.

Вот, наконец, последний снимок. Он сделан на улице. Веселая студенческая компания смеется чему-то перед объективом. Справа — Густав. Рядом с ним невысокая плотная девушка с широкими скулами и

раскосыми глазами. Она держит его за руку. Наверное, это та бурятка, о которой так строго отзывалась герцогиня.

— Из-за этой девицы все и началось, — повторила герцогиня свое обвинение.

— Не похоже, — сказала Кора. — На этом снимке она за него держится, а не наоборот.

— Это все — азиатская хитрость! Не прошло и семестра, как она ушла от него к курсанту Лукавому. У них в марте будет ребенок. Мы проверяли.

— Почему-то вам хочется убедить меня в страшной вине этой девушки, которая давно уж перестала думать о Густаве, да и он о ней забыл.

— Вы меня не поняли! Уйдя от него, бурятка подорвала в Густаве уверенность в себе, столь необходимую для королевской особы.

— Вы уверены, что именно она в этом виновата?

— Она — первопричина.

— Значит, были другие причины, о которых вы предпочитаете умолчать?

— Остальные причины были вторичными. — Дама Рагоза умела быть упрямой.

— Вы поможете мне узнать о них в Рагозе?

— Нет, — отрезала герцогиня. — Я вас не приглашала в Рагозу и не намерена вас там опекать.

— Я была уверена, что действую в ваших интересах и по вашей просьбе. Боюсь, что и комиссар Милодар был уверен в том же.

— Никогда не говорите, девочка, за своего комиссара Милодара. Он — самая хитрая бестия, с которой мне приходилось сталкиваться за последние годы. Он оскорбил меня недоверием, послав тебя за мной шпионить!

— Но зачем это комиссару?! — возмутилась Кора. — Еще вчера он и не подозревал о вашем существовании. Вы прилетели, вы пожаловались, вы попросили, наконец...

— Глупышка! Твой комиссар служит ИнтерГполу. ИнтерГпол — Галактическому центру. Галактический центр контролирует наши ценные природные ископаемые. А если к тому же окажется, что он вла-

деет половиной акций компании «Виртуальная Реальность», я также не удивлюсь. Поэтому интересы какой-то там герцогини лишь предлог вмешаться в наши внутренние дела.

— Тогда зачем же вы к нам обратились?

— Чтобы потом меня не допрашивали, почему я не обратилась, — загадочно ответила герцогиня.

Кора не сразу нашлась, что еще сказать... И молчание нарушила вновь дама Рагоза. Она склонилась вперед, опрокинула уполовиненную бутылку и смотрела с интересом, как водка струйкой льется в бассейн.

— Вы мне нравитесь, — сказала герцогиня, не отрывая взгляда от струйки. — И я очень надеюсь, что найду в вас искреннюю сочувствующую натуру. Мы могли бы с вами подружиться. И если все закончится ко взаимному удовлетворению, то вас ждет заслуженная награда. Я обещаю вам рагозское дворянство и имение в хорошем районе. Вы не откажетесь?

— Мне никогда еще не предлагали дворянства и имения. Так что я просто боюсь отказываться, — сказала Кора. — Снова не предложат.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — сказала герцогиня.

В самом деле она надеется меня перекупить или это только игра? И ей важно выведать, зачем я лечу на Рагозу? Впрочем, я сказала ей правду. А в правду трудно поверить.

— Если у вас найдется для меня несколько минут, — сказала Кора, стараясь перехватить инициативу, — я бы хотела задать вам несколько вопросов.

— Уже допрос? — со слабой улыбкой произнесла дама Рагоза.

— Нет, любознательность.

— Я к твоим услугам, девочка.

Дама Рагоза перевернула бутылку в нормальное положение и убедилась, что в ней осталось как раз на одну порцию. Ее-то она и выпила из горлышка.

Кора терпеливо ждала, пока дама Рагоза кончит пить. Сделав последний глоток, она кинула бутылку через плечо. Из дверей бассейна выскочил малень-

кий служебный робот, который ловко подпрыгнул, схватил бутылку и укатился прочь. Кора подумала, что, может быть, его специально здесь держат для этой цели — у знатных обитателей Рагозы есть странный обычай кидать пустые бутылки через плечо.

— Чего же ты молчишь, деточка? — спросила дама Рагоза. — Мы уже начали дружить, правда?

— Расскажите мне, пожалуйста, о Рагозе.

— Для этого есть справочники.

— Мне хотелось бы услышать о королевстве из ваших уст — просто и доходчиво, чтобы даже я поняла, что к чему.

— Какое наивное лукавство! — воскликнула дама Рагоза.

Она закрыла лучистые глаза и задумалась.

— Самое главное, — сказала она наконец, — заключается в том, что в Рагозе есть два древних клана. Мы — собственно Рагозы и клан Дормиров — младшая и недостойная ветвь королевского дома, не имеющая прав на престол, но нередко поднимавшая восстания против нашей законной власти. Густав — наша надежда, Кларенс — из клана Дормиров — надежда грязной оппозиции.

Это уже была нужная информация.

— Значит, ваш племянник связывает свои права на трон с результатами ВР-круиза? А разве у ВР-круиза могут быть результаты? Это то же самое, что ждать результатов от прочитанной книги или просмотренного фильма.

— Но он же в этом участвует!

— Разве может быть качество участия?

— По-видимому, вы ничего не понимаете! Разумеется, можно участвовать хорошо или плохо. Можно прославиться в ВР-круизе или полностью провалиться.

— А кто узнает об этом?

— Душенька, вы как будто вчера родились! Ведь фирма «ВР» выдает сертификат успеха! По крайней мере у четырех принцев королевской крови и двух герцогов висят на стенах кабинетов такие сертификаты. А еще у двух десятков — ничего не висит, хотя они в круизах были. Вы меня понимаете?

— Еще не совсем, — призналась Кора. — Ведь если во время путешествия в виртуальной реальности вам не грозит смерть, чего же бояться?

— Бояться можно многого помимо смерти, — мудро заметила фарфоровая герцогиня. Она достала из своей жемчужной сумочки длинную черную наркотическую сигарету и закурила, не предлагая Коре. Впрочем, Кора никогда не курила и не любила, когда курят рядом. К тому же на лайнере «Нирвана» повсюду висели строжайшие надписи, запрещающие курить. Преимущество общественного положения дамы Рагозы заключалось в том, что она могла не обращать внимания на надписи с запретами.

— Бояться можно увечья, — продолжала герцогиня, затягиваясь, — боли, унижения, насилия, навязанной тебе любви, а то и ненависти. На то и придуман страх, чтобы человек менялся перед его рожей и терял свое достоинство. Не так много знатных молодых людей нашей планеты решаются на ВР-круиз, хотя и существует негласное правило, по которому наследник княжества или большого состояния обязан пройти хоть небольшой круиз. Допустим, вы можете стать спутником Колумба и самое большее, что вам грозит, это морская болезнь либо наглые поползновения стосковавшихся по любви соседей по кубрику, если вы меня понимаете...

Герцогиня выпустила струйку дыма. Над бассейном распространилось тонкое дурманящее облако запрещенного наркотика.

— Или стрела индейца, направленная в тот же самый не прикрытый доспехами зад.

Хрупкая фарфоровая леди была холодна и цинична. Что на самом деле движет ею? Маска ли — этот холодный цинизм, маска ли — любовь к пропавшему племяннику? Или все это — отсветы большой политики маленькой Рагозы?

— Это значит, — спросила Кора, отворачиваясь, чтобы не вдыхать удушающий аромат, — что ваш племянник избрал необычный круиз?

— Как комиссар мог ничего вам не рассказать!

— Он не успел, — ответила Кора. — Когда он получил вашу жалобу, то прежде всего он вызвал меня и отвез на стадион, чтобы показать, что такое виртуальная реальность. В последние годы я работала в примитивных условиях и немного отстала от современных развлечений.

— Счастливая девочка. Если бы у меня был сын и если бы ты была достаточно знатной, я бы его на тебе женила.

— Зачем?

— Представляешь себе, — искренне ответила маленькая герцогиня. — У всех телохранители. Два метра в плечах, два сантиметра лоб. А у меня хорошенькая девица. Но я говорю тебе: «Хватай!» — И ты их раскидываешь голыми руками!

— А вы кровожадная, дама Рагоза.

— В нашем скорпионнике иначе не проживешь, — сообщила герцогиня. — Но моя кровожадность — это защита от хамства. Я как та слабенькая маленькая зверушка, которая кидается на громадного дракона, чтобы защитить своих детенышей. Да, я оскаливаюсь. Но, честно говоря, мои зубки для этого никогда не были приспособлены. И если бы почти весь наш клан не был уничтожен в заговоре Монтегасков, я бы оставалась нежным цветком, каким природа меня и создала.

Фарфоровая герцогиня грустно оглянулась в поисках бутылки. Не нашла и удовлетворилась затяжкой сигареты.

Какие-то шумные туристы вторглись в отсек бассейна, размахивая полотенцами и надувными спасательными кругами. Герцогиня щелкнула пальцами, и в дверях появились оба телохранителя. Возникла какая-то суматоха, давка, писк... Кора хотела было подняться, чтобы прекратить это безобразие, но тут услышала, как глава туристического семейства виновато произнес:

— Но мы же не знали, что бассейн закрыт на профилактику. Простите, но нигде не написано...

И воцарилась тишина. Туристы принадлежали к тому большинству населения Галактики, которое

убеждено, что если им сказали «нельзя», то этому есть разумное основание. В действительности за запретами, как правило, разумных оснований нет, а есть чье-то эгоистическое желание.

— Мой племянник избрал самый уникальный, дорогой и трудный ВР-круиз, — как ни в чем не бывало продолжала герцогиня. — Даже Одиссею и Гераклу пришлось проще, чем Тесею. Вы уже прочли его биографию?

— Я читаю, — честно призналась Кора. — У меня с собой книги и кассеты.

— Читайте внимательно. И если вы отправитесь следом за ним в виртуальную реальность, учтите, что это самая жестокая из всех возможных реальностей.

— Ему так нужно было испытать себя?

— Я не знаю, что ему было нужно! — Пустой бокал герцогини полетел в бассейн. Он утонул не сразу, а почему-то сначала подпрыгнул на водной глади, разбив ее, затем легко скользнул в глубину. — Я знаю, что этой его глупостью, этой непростительной глупостью воспользуются наши враги. И погибнет наш род, и будут истреблены все Рагозы до седьмого колена...

. — Неужели у вас так строго? — спросила Кора.

— У нас подло, — ответила герцогиня и прикорнула на скамеечке.

Охранник заметил это движение повелительницы, подошел к скамейке, взял хрупкую и невесомую герцогиню на руки и унес из бассейнового отсека, стараясь не встречаться глазами с Корой.

Коре пришлось снова нырять в воду, доставать со дна бокал, потом снова сушить волосы. Так что она попала к себе в каюту лишь через полчаса. И прежде чем заснула, успела познать лишь небольшой отрезок биографии своего героя.

* * *

Тесей рос в мирном Трезене, жил в царском дворце, больше похожем на обширный крестьянский дом. Излишне любопытные соседи и про-

хожие интересовались, как же так Этра понесла без мужа и даже без очевидного возлюбленного. Царь Питфей, беспокоясь о репутации дома и судьбе своего внука, которому всегда могли угрожать пятьдесят дядей, подробно рассказав любопытствующим, как его милая дочка купалась в море, ее увидел сам морской бог Посейдон и вспыхнул к ней неутолимой страстью. Он преследовал ее по прибрежным кустам, а потом настиг под одним фиговым деревом, да так настиг, что дочка стала его невенчанной супругой, каковых у Посейдона, как известно, по несколько в каждом царстве. Если кто из любопытных не верил, Питфей советовал ему обратиться в ближайший храм Посейдона и выяснить эту проблему у его жреца, а то и выйти на берег и обратиться непосредственно к отцу ребенка. Никто этого не сделал — проще было поверить или сделать вид, что поверил старому царю. Возможно, по нашим меркам, царь и не был таким старым, но в те времена смертные старели быстро.

Мальчик, которого называли Тесеем, рос подвижным, шустрым, драчливым. Но был неглуп, хорош собой и крепко сложен.

Мать в нем души не чаяла и мечтала, чтобы он унаследовал Трезен, но старик Питфей вел себя иначе. Дело в том, что он не отказался от высокой ставки, сделанной им несколько лет назад, — Афины или ничего!

Он торопил Тесея расти, тренировал его тело, заставляя бегать, поднимать тяжести, бороться со сверстниками, не забывая, правда, и о духовном развитии ребенка. Грамоте, счету и началам идеалистической философии мальчика обучал известный в тех краях ученый Коннид, о котором Плутарх писал, что «афиняне до сих пор приносят ему в жертву, барана за день до праздника в честь Тесея. Они помнят его и чтут несравненно больше, нежели Силаниона и Паррасия, рисовавших портреты Тесея и делавших его бюсты». То есть Плутарх намекает на то, что афиняне ставили науку выше искусства.

...Господи, оборвала себя сонная Кора. Количество водки, которое ей пришлось проглотить в последние

два дня в компании хрупкой, фарфоровой герцогини, удручало ее желудок и мозг. Зачем мне знать, кто и чему учил Тесея, которого я, может, и не увижу? Может, принц Густав уже вернулся домой и учит физику?

...Тесей подрастал, и неутомонный Питфей раз в неделю после тренировки вел его к большому обломку скалы, лежащему на заднем дворе дома, и велел поднимать его. Мальчик покорно тужился, но камень не двигался с места, а мать Тесея, Этра, кричала в окно:

— Прекратите издеваться над ребенком, если он надорвется, то кто его будет лечить? Грыжа — это на всю жизнь.

Но на следующую неделю все начиналось снова. И так год за годом.

Тесей и не подозревал, что под камнем, который он никак не может перевернуть, лежат отцовские меч и сандалии, должны изменить всю его жизнь и жизнь окружающих царств.

Когда Тесею исполнилось двенадцать лет, дедушка позвал его на прогулку по окрестностям и остановился перед крупным обломком скалы, лежавшим у дороги буквально в ста шагах от питфеевского дома.

— Мой мальчик, — произнес дед, поглаживая волнистую седую бороду. — Я должен открыть тебе тайну. Под этой скалой лежат сандалии и меч твоего отца Эгея, который правит в славном городе Афинах.

— Как так? — не понял мальчик. — Ведь мне же говорили, что мою мать изнасиловал...

— Тесей! Где ты нахватался таких понятий?

— Прости, дедушка, я хотел сказать, что моей мамой овладел сам Посейдон. Так что я рассчитывал быть его сыном.

— Никто не отнимает у тебя Посейдона. Считаю его своим отцом, сколько пожелаешь! Он как бы останется отцом номер один, а отцом номер два, но реальным, земным и нужным для будущего, мы будем считать царя Эгея.

Тесей задумался. Ему надо было все понять и взвесить. Потому что для своих двенадцати лет он был

развитым подростком. В конце концов он кивнул и спросил: а почему сандалии и меч лежат под скалой?

Такая реакция на сообщение дедушки, конечно, непонятна и даже невероятна для мальчика наших дней. Он знает, что его папа — либо генерал, либо шофер генерала. Но на двух пап ни один ребенок не согласится. В Греции было проще. И существовало немало детей, которые совершенно официально признавали своими отцами кого-нибудь из смертных, а также пролетавшего мимо бога. Двухотцовство было преимуществом и открывало политические перспективы. Поэтому Тесей совершенно не расстроился, узнав, что помимо бога в папах у него числится и царь.

— Эти предметы, — пояснил дедушка, — положены под скалу Эгеем.

— Зачем?

— Видно, ему хотелось бы увидеть тебя сильным и решительным.

— Значит, как от болезней лечить, пеленки стирать, в школу водить, это вам с мамой? А папе подавай готового богатыря? — спросил Тесей, не скрывая иронии.

— Мальчик, не надо так говорить о царственном отце, — ответил дед. — Лучше попробуй приподнять скалу.

Тесей попробовал, но тщетно. И они с дедом вернулись домой.

А сам Эгей между тем забыл о мимолетном ночном приключении. Больше того, он наконец женился, да так удачно, что все пятьдесят племянников царя прикусили языки и попрятались по своим небольшим поместьям.

Но всему на свете бывает конец. Тесей умнел, рос, расширял кругозор, много времени проводил в гимназии, занимаясь спортом, и в конце концов вырос в славного молодца, одного из самых крепких в Трезене. Неизвестно, хорошо ли он себя вел, но сведений о каких-нибудь особенных хулиганских поступках Тесея не сохранилось. Из будущих его подвигов и приключений станет ясно, что он был хорошим

товарищем, готовым ради друзей на жертвы и подвиги. Не жаловался на Тесея и его учитель Коннид. В общем, в отличие от всех остальных греческих героев, Тесей вырос славным добрым парнем.

Наконец наступил великий день для старого Питфея.

В присутствии деда, матери и нескольких слуг Тесея приподнял обломок скалы...

* * *

— Просим внимания уважаемых пассажиров. Наш лайнер проходит в галактической близости от планетной системы Вартлос. Пассажиров, сходящих на Вартлосе с пересадкой на местный рейс на Рагозу, просим собраться на нижней палубе и у терминалов А и Б.

— А и Б сидели на трубе, — сказала Кора, потягиваясь. Она вчера так и заснула над жизнеописанием древнего героя Тесея, и теперь голос корабельного информатора превратил все эти приключения и чудеса в обыкновенный собачий бред. Какой еще Тесей при пересадке с терминала Б?

В каюте было зябко и почему-то сыро. Кора включила туалет — стенка напротив койки уехала вниз, обнаружив унитаз и умывальник. Очень мило, но не романтично.

Собирать Коре было почти нечего, правда, груз ее был необычен — вряд ли кто-нибудь возит в космических лайнерах старинные книги в переплетах и с буквами на страницах.

Кора выбрала самый неизвестный и скромный из своих туалетов, она здесь — ничто, она — открытое для шепота ухо, прищуренные глаза, ее нет, есть только приемник информации, правда, лично знакомый герцогини дамы Рагозы.

Кору никто не встречал, кроме сдержанного в движениях агента Космофлота, относительно молодого человека с лицом, украшенным небольшим шрамом на подбородке. У агента была простодушная улыбка, и звали его Мишелем.

Небольшой зал Космопорта на Рагозе был шумно переполнен встречавшими. Оказалось, что дама Рагоза пользовалась здесь известностью не меньшей, чем в других местах популярные певицы или спортсмены. Некий седовласый, облаченный в вышитый халат господин надел на розовую шейку дамы гирлянды из фиолетовых цветов. К обниманию и щекоцелованию потянулось несколько десятков дам различного возраста в шляпах от широкополых до аэродромных. Почему-то многие из встречавших привели с собой домашних животных — отчего было немало лая, мяуканья и даже бляения. Неподалеку от Кору остановилась миловидная курносая девица с птичьей клеткой, в которой суетился маленький попугайчик. Представитель Космофлота Мишель представил ее как Веронику, которая отвезет Кору в гостиницу. Сам он задержался, чтобы договориться об отправке почты.

Они медленно пробивались сквозь толпу, попугай покрикивал на собак и кошек; дама Рагоза заметила Кору, помахала ей тонкой ручкой и улыбнулась... «И улыбнулась королева улыбкой слез, улыбкой слез» — это было из какого-то древнего романса, который любила напевать бабушка Настя в вологодской деревне.

В машине, лимузине десятилетней давности, раскрашенном, как цирковой клоун, которой управлял пожилой шофер, они направились в гостиницу.

За окнами проплывал обыкновенный, толком не приобретший индивидуальности, пограничный колониальный мир, который напоминал Землю, с опозданием на десятилетия, и в то же время находился под влиянием Галактического центра, лишённого прошлого, памяти и традиций. В Рагозе еще не научились как следует убирать мусор, но постройки были импозантные: с чего-то скопированные и безвкусные здания парламента, верховного суда и оперного театра, который, разумеется, использовали под биржу. Машин было мало, доставлять их космосом — накладно, а собственные дубликаторы, разумеется, работали из рук вон плохо.

По пути из гостиницы Вероника замучила Кору вопросами о принце Густаве; оказалось, она принадлежала к армии его поклонниц. О том, что принц из патриотических побуждений, решив проверить себя, прежде чем стать настоящим королем, отправился в невероятно опасный ВР-круиз, она уже знала, как, видно, и все в Рагозе. Потом она прошептала, прижимая к себе клетку с птичкой:

— А вы слышали главную тайну?

— Нет, уважаемая Вероника, — вежливо ответила Кора.

— Поклянитесь здоровьем моей птички, что эта тайна умрет между нами.

Между ними не было места, чтобы умереть тайне, потому что девица прижималась к Коре горячим боком, но Кора не стала возражать и тут же поклялась.

— Так знайте! — громко прошептала девица. — Нашего принца во время ВР-круиза должны убить! Какой ужас!

— А вы откуда знаете?

— Это страшная тайна.

На перекрестке мальчишка сунул в открытое окно машины газету. Девица кинула ему монетку и раскрыла газету на первой странице.

Там красовался грубо отретушированный портрет Кору и было написано:

«Агент ИнтерПола № 3 прибыл в столицу Рагозы, чтобы провести предварительное расследование надвигающейся смерти принца Густава. Убийцу, как подозревают, надо искать в одном из высших кланов».

Переведя эти строки, девица сказала:

— Я за вас боюсь. Они постараются от вас отделаться.

И она оказалась пророчицей.

Именно в этот момент из толпы людей, ожидавших на краю тротуара зеленого света, выдвинулся черноволосый юноша в черных очках и синем плаще и кинул гранату в машину Кору. Граната рванула под колесами, двери на другой стороне вырвало взрывной волной, и девушек выбросило на улицу под колеса встречного транспорта, который, к сча-

стью, вовремя завизжал тормозами, и потому все остались живы, хоть и поцарапаны.

К сожалению, погиб попугай — на него упал шофер.

Пока Вероника рыдала над тельцем птички, а толпа, собравшаяся в ожидании «скорой помощи», выражала свое возмущение, шофер сказал:

— Достанут они вас, точно говорю — достанут!

— Но кому я мешаю? — удивилась Кора.

— Вы мешаете сильным мира сего, — ответила из толпы высокая женщина с большим потертым портфелем в руках. — Наш принц Густав пропал, но мы, представители простого народа, продолжаем надеяться на его возвращение. И нас подавляющее большинство жителей планеты.

Женщина неожиданно побежала, за ней последовали другие любопытные, и пространство вокруг очистилось, в нем появились полицейские машины, и полицейские сразу начали оттеснять людей еще дальше, оцеплять мостовую, искать осколки гранаты и задавать пустые вопросы. Потом приехала карета «скорой помощи» и забрала всех пострадавших.

Свое первое на Рагозе интервью Кора взяла у космофлотовской Вероники, которая периодически начинала рыдать, жалея птичку, но Кора умело поворачивала беседу в нужном направлении.

Они сидели заклеенные пластырем и кое-как перевязанные в приемном покое «Скорой медицинской помощи» и ожидали, пока из центрального распределителя привезут противостолбнячную сыворотку и сделают им уколы. Медик, потрясенный тем, что лечит агента ИнтерГпола, объяснил, что вакцину и прочие ценные лекарства держат на центральном складе для удобства распределения, но Вероника, как только он покинул кабинет, пояснила, что этот центр распространения расположен в элитарной специальной больнице, потому что хорошие лекарства привозят с Земли или из Галактического центра и они слишком дороги, чтобы тратить их на кого ни попадя.

— Раньше, — популярно объяснила Вероника, — мы жили в отсталом, можно сказать, средневековом

обществе — так часто случается, если частица цивилизованного общества отрывается на большое расстояние и закруливается. Постепенно, с развитием контактов, мы расправили крылья, но получилось так, что первыми расправили их наши благородные кланы, те, что нажились в свое время на рудниках и теперь не намереваются делиться с остальными.

— Где вы учились? — удивилась Кора правильной и даже скучной речи ее собеседницы.

— Не принимайте нас за отсталых дикарей, — улыбнулась Вероника. — Я училась в столичной школе, у нас даже некоторые преподаватели были с Земли, по контракту. Потом поступила на химический факультет — не думайте, что это легко сделать обыкновенной девушке, даже не дворянке.

Кора согласилась, что нелегко.

— А потом не смогла найти работу, — продолжала Вероника. — Кланы, которые поделили между собой Долину, не заинтересованы в том, чтобы там добывалось много ископаемых. Они уже достаточно нажились за время редкоземельной лихорадки и вложили капиталы в фонды Галактического центра. Так что мне повезло, когда я нашла место у Мишеля... то есть в Космофлоте. И я не жалею, честное слово, не жалею!

Девочка влюблена в своего Мишеля, поняла Кора.

— Значит, богатство планеты стало тормозом ее развития, — сказала Кора.

— Правильно! Семнадцать семейств, которые де-лят власть в Рагозе, — потомки экипажа первого разведывательного корабля, открывшего Долину. С тех пор они так и не выпустили власть. Им выгодно, чтобы все оставалось как в сказке с королями, принцами и князьями.

— А вам смешно?

— Нам не смешно. Нам грустно. Мы живем, как в закрытой банке консервов. И потому наши надежды связаны с принцем Густавом.

— Почему?

— С тех пор как он кончил школу, он не скрывал отвращения к клановому заповеднику. И тот факт,

что он улетел учиться на Землю, тоже о многом говорит, вы понимаете?

— Значит, в вашей Рагозе найдется немало людей, которые порадуются, если принц не вернется?

— К сожалению, да. Вы же видите... — Вероника погладила пустую помятую клетку. Попугая она уже закопала в клумбу у входа в приемный покой. Вероника заплакала, а Кора терпеливо ждала, когда она успокоится.

— Он был как человечек, — сказала Вероника. — Он все понимал, и, по-моему, он был умнее многих людей. А они его убили.

— Значит, кланы поделили между собой Долину? — спросила Кора.

— Да.

— Но они не равны между собой?

— Конечно же, нет. Есть богатые кланы, а есть такие... одно название!

— А клан Рагозы?

— Он самый сильный. Из него обычно и выбирают королей.

— Он всегда был и есть самый сильный?

— Ну как вам сказать... конечно, есть и другие, которым это не очень нравится. Например, клан Дормиров. У них есть принц Кларенс. Они считают, что престол должен перейти к Кларенсу... Но это так сложно и неинтересно.

— Может быть, это не очень интересно для тех, кто живет здесь всегда, а мне это очень интересно. Мне ведь надо понять, что грозит вашему Густаву.

В этот момент в приемный покой ворвались врачи с коробкой, в которой лежали спецприцы и спецсыворотки. О чем они не уставали твердить все время, пока заканчивали процедуры.

Потом девушек и шофера отпустили. Но машины, чтобы довезти их до гостиницы, в больнице не нашлось. Пришлось идти пешком, впрочем, до гостиницы «Люкс» было недалеко.

В гостинице они подверглись атаке небольшой группы журналистов, уже знавших о покушении. Обнаружилось, как и следовало ожидать, что в машину

гранату кинул какой-то землененавистник, абсолютно сумасшедший, которого уже вернули в психиатрическую лечебницу.

В номер удалось прорваться лишь через полчаса, и Кора без сил рухнула на постель.

— Я вам больше не нужна? — спросила Вероника.

Вид у нее был ужасный, волосы встрепаны, вся в пластырях, в руке пустая клетка.

— Я вам так благодарна, — сказала Кора. — Извините, что я не могу проводить вас. Но завтра я хотела бы встретиться с оракулом Провала.

— Ой, зачем он вам?!

— Завтра, завтра я все расскажу, — пообещала Кора.

* * *

На следующее утро, в половине восьмого, в тот момент, когда Кора досматривала самый интересный сон, позвонил представитель Космофлота Мишель и сказал, что заказал завтрак в ресторане гостиницы.

Так и не узнав, чем кончился сон, Кора поднялась, проклиная планеты, на которых труженики поднимаются с пением петуха.

Мишель был не один. Вероника стояла рядом, свежая, душистая, пухленькая, маленькая; единственно, что нарушало гармонию, — аккуратные кусочки пластыря, наложенные на вчерашние царапины.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Мишель, печальный, как французский мим.

— Все зажило или заживет, — ответила Кора. — Главное, что нам повезло.

— Кому как, — сказал Мишель, и Кора поняла, что он имеет в виду. А Мишелю хотелось объяснить причину своей печали, но он был деликатен и потому промолчал.

Они прошли в длинный низкий зал ресторана.

Завтрак никуда не годился, потому что Мишель поселил Кору в самом шикарном отеле «Люкс», в котором повара старались придерживаться британ-

ских колониальных традиций. Кора представила себе гнев Милодара, когда тот узнает о расходах, понесенных организацией из-за расточительности Космофлота.

Британские колониальные традиции выразились в овсянке и яичнице с беконом. Но овсянка здесь изготавливалась из куколок каких-то мелких бабочек, а яичница из яиц ящерицы куруаны. К счастью, Кора узнала об этом заранее и ограничилась жидким «импортным» чаем и вчерашней булочкой. Зато труженики Космофлота накинулись на бесплатный завтрак, словно специально голодали две недели. Чтобы рассеять возможные сомнения Кору, Мишель смущенно сказал, что стоимость питания включена в представительские расходы, а Вероника давно мечтала отведать жареных яиц куруаны.

— Кора, — признался Мишель, уже к ней расположенный. — Я тебе должен сказать, что забочусь о твоих интересах по официальному запросу ИнтерГпола. По официальному. Иначе нельзя — если бы я сделал что-то втайне, меня сразу бы выслали, потому что здесь и без того подозревают, будто я не столько агент Космофлота, сколько агент ИнтерГпола. Это смешно, правда?

Но глаза Мишеля не смеялись. Кора поняла, что он и на самом деле агент ИнтерГпола, и послушно посмеялась за него.

— Вероника рассказала, что вы вчера болтали о кланах и о принце Густаве. Наивно болтали, по-женски.

— Да, конечно, ничего интересного, — ответила Кора, и Вероника радостно улыбнулась. В отличие от землянина Мишеля, она была пуганой местной жительницей.

— И куда вы хотели бы съездить? Какие достопримечательности вы хотели бы увидеть? Водопады? Заповедник сов?

— Пока что меня интересует одна достопримечательность — так называемый оракул Провала. Когда можно его посетить?

— Я уже звонил ему с утра, — сказал Мишель, признавая этим, что заранее обсудил проблему с Ве-

рониной. — Он согласен вас принять сегодня. В одиннадцать-двенадцать. Обычно к нему записываются за год.

Вероника нервно разгладила скатерть.

— Может быть, вам не стоит с ним встречаться, — предположила она.

— Почему? Он мне нужен как свидетель по делу, которым я занимаюсь.

— Он злобный реакционер. — Вероника перешла на шепот. — Всем известно, что он предсказывает те бедствия, которые выгодны сильным мира сего. Буквально до смешного... Ну скажи, Мишель, скажи!

— Разумеется, он очень популярен, — осторожно произнес Мишель, предварительно оглянувшись. — И влиятелен. Но в конечном счете Вероника права. Многие убеждены, что он находится на содержании у некоторых сильных кланов.

— Точнее, у клана Дормиров, к которому принадлежит принц Кларенс, — уточнила Вероника.

— Соперник Густава? — Кора уже начала вживаться в местную политику.

— Именно так! — сказал Мишель. — Но все это было бы только смешно, если бы он врал. Но он угадывает! Угадывает важнейшие события! Вы не представляете, насколько ему у нас верят.

— До смешного, — сказала Вероника. — Я человек несуетливый, но иногда поражаюсь его ловкости. Может быть, за этим что-то есть... Ведь экстрасенсы существуют?

— Пока что в Галактике я их не встречала, — ответила Кора. — Ни одному из экстрасенсов не удалось нарушить законов физики. А это уже утешает.

— Жалко, — призналась Вероника. — Я в школе не выносила физику и всегда надеялась, что найдутся какие-нибудь волшебники или маги, которые эту проклятую физику отменяют.

— Заодно с грамматикой? — спросила Кора.

— Ах, — согласилась Вероника, — вы говорите, словно льете мед на мои раны!

— Так что же он предсказывает? — спросила Кора.

— Он предсказывает неурожаи и засухи... — пискнула Вероника.

— Ну уж и засухи!

— У него на зарплате заместитель директора метеоцентра, — сообщил Мишель. — Только об этом нельзя говорить.

— Убьют? — спросила Кора.

— Нет, высмеют, а потом посадят в сумасшедший дом.

— Дело так плохо?

— Плохо настолько, что когда оракул вечной жизни...

— Как вы сказали?

— Официально его зовут Амитакус, Будда вечной жизни... Так вот, когда он предсказал в прошлом году пограничную войну между двумя небольшими кланами, то оба клана собрали армии и начали пограничную войну.

— А когда он предсказал прорыв плотины в Горноречье? Помните? — сказала Вероника.

— К сожалению, помню. Плотина рухнула. От взрыва. И кто ее взорвал — так и не выяснили. А предсказание сбылось — и это главное! И погибло несколько сот человек.

— Одни его любят и трепещут... — сказала Кора.

— А другие ненавидят и тоже трепещут, — сказал Мишель, который, как землянин, имел право на скептическое мнение. Вероника положила ладонь на его руку, чтобы остановить.

— Здесь всюду уши, — прошептала она.

— Оракул любит выступать по телевизору, читать лекции, заколдовывать воду, предсказывать результаты местных выборов... Но главное его выражение: «Я никогда не ошибаюсь!»

— «И если я предскажу день своей смерти, то умру в тот же день», — закончила цитату Вероника.

— И я убежден, что в королевстве есть тысячи людей, которые желали бы, чтобы он сделал такое предсказание, — тихо сказал Мишель, изучая узор на скатерти.

— Скорее всего не дождетесь, — сказала Кора. — Такие люди себя берегут.

— Боюсь, что так, — согласился Мишель. — Ну что ж, поехали?

Когда они вышли в обширный, но низкий холл гостиницы, Вероника, все так же вполголоса, обратилась к Коре:

— А о чем вы его хотите спросить? Если это не секрет?

— Для вас не секрет. Этот оракул объявил даме Рагозе и, возможно, другим лицам, что принца Густава убьют во время ВР-круиза.

— Все знают об этом! — подтвердила Вероника. — Я сама, кажется, вам об этом говорила.

— Но меня интересует — откуда он получил такую информацию, — сказала Кора.

— Оттуда, — показал Мишель пальцем в потолок. Он пропустил Кору в дверь.

— Милый Мишель, — сказала Кора. — Подобно вам, я верю в законы физики, а они гласят: слухи и сплетни распространяются от человека к человеку без посредства высших сил, которые заняты своими делами.

— Хорошая теорема, — согласился Мишель.

— Аксиома, — возразила Кора.

Было прохладно, собирался дождик. Мишель нервно раскрыл зонт, потом закрыл его снова.

Кора спросила:

— А где ваша машина?

И потому, как вздрогнул Мишель, поняла, что допустила бестактность. И тут же вычислила — какую. Кора прилетела из мира, где машин или подобных им средств передвижения изготавливается столько, сколько нужно. Если у тебя что-то случилось с фляером или мобилем, ты берешь со стоянки другой... Но сейчас-то она в чужом мире. В мире, где машина — предмет престижа, где машины дефицитны и недоступны подавляющему большинству жителей Рагозы.

— Вашу машину взорвали из-за меня, — сказала Кора.

— Я напишу и отправлю на Землю рапорт, — сказал Мишель. — И они пришлют новую машину

через два года. Да еще с выговором... А как нам работать?

— Как только вернусь на Землю, я сразу же пойду в Космофлот, — сказала Кора.

— Они будут с вами очень вежливы. Они мастера избавляться от неудобных посетителей.

— Но как же вы будете без машины?

— Буду брать напрокат, когда прилетают корабли. А так... обойдемся. Здесь есть общественный транспорт, — сказал Мишель, разводя руками и становясь еще более похожим на французского мима.

— Это не общественный транспорт, — возмутилась девушка. — Это общественное безобразие!

— Вероника!

Мишель поднял руку. Притормозило такси.

— К оракулу, — объявил Мишель.

Водитель подозрительно покосился на пассажиров, но ничего не сказал.

— Интересно, кому я так помешала? — поинтересовалась Кора.

— Наверное, клану Дормиров, — предположила Вероника. — Это они хотят убить нашего Густава, чтобы трон достался тупому Кларенсу.

Выслушав Веронику, Кора обернулась к Мишелю.

— Не знаю, — тихо сказал тот. — Я не могу для себя ответить на вопрос: что выгоднее для клана Рагозы, посадить ли на трон законного короля из собственного клана, который ставит своей целью задачу ликвидировать кланы и превратить Рагозу в государство нового типа... или договориться с другими кланами и отдать трон чужому, но послушному королю?

Кора не стала отвечать на вопрос, обращенный не к ней.

Вероника ахнула:

— Ну как ты мог так подумать!

Машина свернула на пальмовую аллею фешенебельного района.

— Будьте осторожны, — прошептала Вероника на ухо Коре. — Если он предсказывает смерть, то человек обязательно умирает. Уже были случаи... Не злите его.

— Это не входило в мои планы, — призналась Кора.

Перед узорчатыми железными воротами Кора, попрощавшись, вышла из машины.

В воротах ее встретил мажордом в ливрее, с деревянным жезлом.

Кора поглядела на светящуюся электрическими лампочками вывеску над воротами: «ОРАКУЛ ПРОВАЛА».

— Что это означает? — спросила она. — Где у вас провал?

— Вам объяснят, мадам, — ответил мажордом. — Господин оракул ожидает вас в голубой гостиной, как раз у провала.

Фонтаны журчали на разные голоса, птицы вторили фонтанам, а бабочки, что кружились над клумбами, старались удержаться в колорите высаженных там цветов.

Господин оракул встретил Кору в вестибюле. Он стоял, опершись ладонью о белый бок мраморной Венеры.

— Кора, милая, — сказал он. — Как радостно и трогательно тебя увидеть вновь!

Оракул удивил Кору. И не столько странным приветствием, как тем, что оказался нестарым человеком, лет тридцати пяти, аккуратно, по местной моде, причесанным и одетым. Одна прядь была покрашена в голубой цвет и, завитая, падала на правый глаз — ну точно, как у знаменитого певца, имя которого Кора, к своему стыду, забыла.

— Мне очень приятно, — сказала Кора, направляясь к оракулу и протягивая руку. — Но я не помню, когда мы встречались.

— Ах, Кора, Кора, — укоризненно произнес оракул, улыбаясь лукаво и добродушно. Был он неестественно гибким, словно вместо костей в нем находился упругий резиновый костяк. — Мы же были дружны в прошлой жизни, в конце двадцатого века... Ты была императрицей Жозефиной, а я маршалом Фошем.

Несмотря на ограниченные знания в истории, Кора сообразила, что ее морочат, либо оракул сам ни-

когда ничего не читал, кроме детективов Чейза и Шейнина.

— Ах, извините, — Кора подхватила тон оракула. — Как я могла запамятовать! Вы же взяли Бастилию и подарили мне открытку с ее видом!

— Не Бастилию, — поправил Кору оракул, — а Измаил. Но разве это столь важно?

Он жестом пригласил Кору в голубую гостиную.

Стены, потолок и даже пол этой обширной комнаты были стеклянными; за стеклами находился слой воды, подсвеченный голубыми лампами. В воде плавали рыбки и головастики. Зрелище было впечатляющее и не лишенное приятности.

Посреди пола чернело круглое отверстие диаметром в три метра.

— А вот и провал, — ласково произнес оракул.

Незаметно для окружающих, но, разумеется, не от быстрого взора Кору, он нажал носком ботинка на кнопку, чуть выступающую из пола у двери, и из черного колодца вырвался клуб голубого дыма.

— Адские силы, — легко и почти весело заметил оракул. — Именно в них я обретаю способность видеть будущее.

Он указал на золотой треножник, на котором лежала подушечка, и Кора поняла, что именно там он восседает.

— А где вторая кнопочка? — спросила Кора.

— Какая кнопочка? — насторожился оракул.

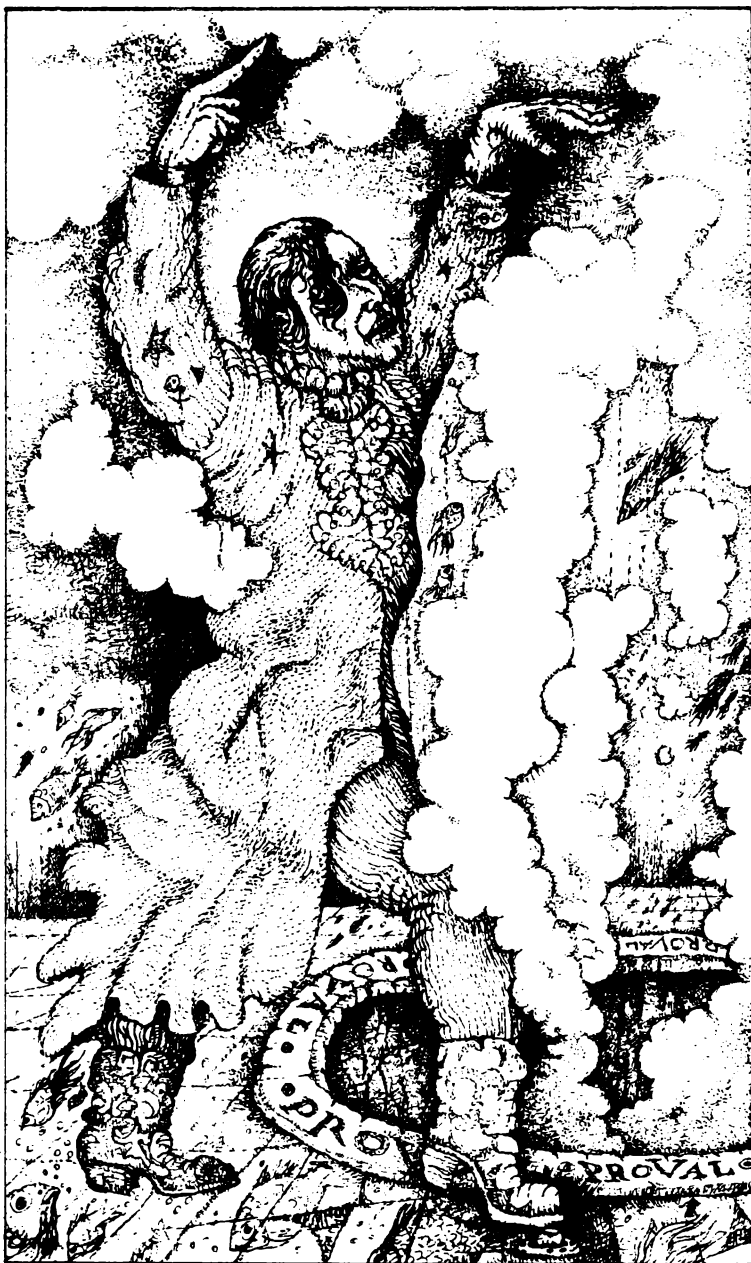
— На которую вы наступите, чтобы дым прекратился, — и Кора показала на первую, у двери.

— Ах, это не имеет никакой связи, — сказал оракул. — Кстати, я забыл представиться. Обычно меня зовут моим мистическим именем Амитаюс, то есть Будда вечной жизни.

— Кора Орват, агент ИнтерГпола, — представилась Кора. — А у вас есть настоящее имя?

— У меня сотни имен, и все настоящие. Но друзья детства звали меня Оливером. Оливер Джадсон — в этом что-то есть!

Он уселся на треножник возле провала. Кора обернулась в поисках какого-нибудь стула.

— Тебе придется постоять, подруга моей предыдущей жизни, — сказал Амиताюс. — В моем присутствии никто не садится.

— В предыдущей жизни, — заметила Кора, — ты был куда лучше воспитан.

— Ты меня неправильно понимаешь, — ответил Будда вечной жизни, — субъективно я хотел бы, чтобы ты сидела или лежала в моем присутствии, а я стоял бы или лежал у твоих ног. Но мое положение обязывает меня к превосходству над тобой. Не сердись, моя милая, я ничего не могу поделать с общественным мнением. Здесь не только стены, здесь и потолок имеет глаза и уши. Мы живем в отсталом, пронизанном суевериями обществе.

Кора, конечно же, могла бы сесть и на пол, но ее сейчас интересовали не вопросы этикета, а факты. Идея о смерти Тесея во время ВР-круиза, судя по показаниям его тетки Рагозы, исходила именно из этой голубой гостиной. Кто-то должен был принести ее сюда. Вряд ли она родилась в воображении оракула, которому хотелось набить себе цену. Но ничего нельзя исключать. Так что Кора продолжила разговор стоя.

— Уважаемый Будда, — сказала она, — я пролетела половину Галактики, чтобы насладиться лицезрением вашего мастерства.

— Что это означает?

— Я хочу, чтобы вы предсказали мне судьбу принца Густава.

— Невозможно, — улыбнулся оракул.

— Почему?

— Потому что я могу предсказывать судьбу лишь вам или вашим близким. Предсказания по заказу на других — порочны, неэтичны и, главное, лживы. Иначе ко мне прибегали бы соседи по квартире, соперники в любви и всякая преступная шантрапа.

— Почему же дама Рагоза узнала от вас судьбу Густава?

— Дама Рагоза, да будут дни ее протекать в благополучии, — ближайшая родственница нашего будущего короля и повелителя. Как мог я отказать ей?

Мне еще дорога своя шкура, простите за грубое выражение.

— И что же вы ей сказали?

— Я сказал то, что увидел в клубах дыма, которые вывалились из этого провала, достигающего центра планеты.

— И что же вы увидели?

— Я увидел исчезновение тела принца Густава в таинственном катаклизме, имеющем место в чужом для нас мире. Без надежды на воскресение. Окончательная терминальная смерть.

— Так не бывает. Человеку всегда можно подыскать другое тело или вырастить новое.

— Так бывает. Люди умирают навечно, если разрушен мозг.

— Вы рассказали это даме Рагозе? Почему она поверила вам?

Оракул Амитаюс длинным наманикюренным ногтем почесал маленькие усики — точно следы угля под тонким длинным носом.

— Мне верят все, — ответил он.

— Вы хотите сказать, что вы настоящий оракул?

— Разумеется, я великий оракул. Я вижу будущее.

— Что вы говорите! — возмутилась Кора. — Аксиома Вундеркинда гласит, что будущее увидеть нельзя, потому что оно еще не существует.

— Кому нельзя, — лениво ответил оракул, — а кому и можно. Таких, как я, всего два или три гения во всей Вселенной. Я могу заглянуть в будущее в любой момент.

— Дым помогает? — спросила Кора.

— Да, в частности, и дым. Если бы вы знали историю, то вам удалось бы узнать, что Дельфийский оракул сидел на треножнике над специальным дымом и входил в состояние.

— Теперь мне все понятно, — вздохнула Кора. — Вы читали что-то из популярных изложений, но не прочли, что оракул лишь термин, это символ, а не человек. А входили в состояние, по вашему выражению, лишь пифии.

— Вот именно, — неуверенно подтвердил оракул Амитаюс, — именно пифии. Крылатые богини! Я их видел, когда летал в прошлое!

— Значит, этот самый дым подсказал вам, что Тесея убьют во время ВР-круиза? — спросила Кора. — Терминально убьют?

Она протянула кончик башмака и легонько дотронулась до кнопки в полу. Клуб дыма послушно вырвался из провала. Запах у дыма был неприятный, с душком, наверное адский.

— Прекратите хулиганить! — закричал оракул. — Я вас уничтожу! Вам мало неудачного покушения? Будет и удачное!

— Вы и об этом уже слышали, Джадсон?

— Не Джадсон, а Будда вечной жизни, Амитаюс!

— Скажите мне, Будда вечной жизни, а про покушение на меня вам тоже дым сообщил?

— Разумеется, — ответил оракул, отодвигая ногой носок Кору, чтобы вернуть себе контроль над извержением дыма.

— А теперь меня убьют удачно?

— Успешно, — ответил все еще недовольный оракул.

— Объясните мне, Вечный Будда, — попросила Кора как можно вежливее. — Кому я помешала на вашей благословенной планете? Я ведь прилетела всего на один день поговорить с вами и тут же улечу.

— Значит, помешали, — ответил оракул противным голосом мальчика, который знает какую-то гадость про старшую сестру, но сообщать ее не намерен.

— Я чего-то увидела, чего мне видеть не следовало?

— Может быть.

— Или услышала?

— Не исключено. — Оракул покачивал ножкой, обутой в золотой сапожок.

Господи, подумала Кора, сколько времени он проводит у зеркала!

— И теперь меня убьют окончательно?

— Сегодня же, — лучезарно улыбнулся предсказатель.

— Но предупреждаю, — заявила Кора, хотя нельзя сказать, что она получила удовольствие от такого

категорического предсказания, — что если меня сегодня не убьют, я вас дезавуирую.

Оракул не понял слова.

— Поясняю, — продолжила Кора. — Я всему свету развоню, что вы трепло, которое не выполняет обещанного. Не смог угробить простого агента.

— Тебе никто не поверит, — сказал оракул. — Мне все верят так, что я порой сам себя боюсь. Если я говорю, что будет война, они начинают ее в назначенный мною срок. Если я предсказываю смерть, человек ложится и перестает принимать пищу.

— Где-то я уже это слышала.

— Вы нигде этого не слышали, — сообщил оракул, — потому что я уникален.

— Последний вопрос, и я уйду навстречу смерти.

— Пожалуйста.

— Кто все-таки посоветовал вам распустить слух о смерти наследника престола?

— Ну вот опять за свое! — завопил оракул.

Он нажал на кнопку и скрылся в облаке дыма.

Оттуда пахло адом и доносились проклятия в адрес Кору.

* * *

Добрые дела должны приносить доходы — таков принцип здравого смысла. Значит, надо спешить с добрым делом, иначе погибнешь, не успев принести пользы хорошим людям, из-за тебя же пострадавшим.

Кора взяла на стоянке такси, но не первое, а пропустив две машины. Сейчас ей нельзя было рисковать.

За ней следовала одна машина, почти не открыто. Может, это была слежка, может, — охрана. В сущности, это не меняло дела.

Намерения Кору были самыми прозаическими, так что скрываться не было смысла. Правда, она предпочла бы ехать по наиболее оживленным улицам. Почему-то убийцы предпочитают стрелять в тихих переулках.

Вот и центральный телеграф.

Кора вбежала по лестнице на второй этаж, в зал космической связи, и, пройдя во внутреннюю операторскую, показала дежурному свой знак и номер. Видно, для дежурного не было секретом пребывание на планете агента ИнтерГпола, и он провел Кору в святая святых — помещение грависвязи с Галактическим центром. Туда, не зная сегодняшнего кода, не мог войти даже король Рагозы.

Теперь Коре предстояло лгать.

Кора не любила лгать, хотя ей время от времени приходилось лгать во спасение или в интересах службы. Сейчас ситуация была иная, и потому тем более неприятная. Но выхода не было. Кора отлично знала, что правда ничего хорошего ей не принесет, а лишь испортит репутацию.

Связь дали минут через пять. Кора проверила звукоизоляцию камеры связи.

Милодар был на месте.

— Надеюсь все в порядке? Ты узнала, кто стоит за этими сплетнями? — спросил он.

— Кое-что узнала. Кстати, на меня было покушение.

— Удачное? — деловито спросил комиссар.

— Пока я отделалась несколькими швами и ушибами.

— Везучая ты у меня, — сказал Милодар так, словно сам устраивал эти покушения, а теперь сокрушался в их провале.

— Срочно переведите мне десять тысяч триста двадцать два экю для подкупа. Деньги должны быть у меня как только я доберусь от телеграфа до банка.

— А далеко до банка? — спросил Милодар, не ставя под сомнение требование агента, так как, зная психологию начальства, она назвала до нелепости точную сумму.

— Десять минут перебежками.

— Продолжают преследовать?

— Оракул полчаса назад предсказал мне, что последнее удачное покушение произойдет сегодня.

— Ты поосторожнее. — Голос Милодара дрогнул. — На моей свадьбе обещала погулять.

— Многое теперь зависит от вас. Деньги на бочку!

— А поменьше нельзя? — комиссар спохватился, что не поторговался с Корой.

— Поменьше нельзя. Могу провалить операцию.

— Верю, девочка, — сказал Милодар.

Кора прекратила связь, поблагодарила дежурного и спросила, есть ли в здании запасной выход.

— Я вас провожу, — ответил дежурный. По дороге он сообщил: — Сегодня с утра во всех газетах пишут о покушении на вас. Говорят, что к вечеру состоится удачное покушение. Все-таки это хамство, а вы как думаете?

Дежурный провел Кору длинными подземными туннелями, где вдоль стен и потолка тянулись, повисая, многочисленные кабели.

— Я с вами совершенно согласна, — сказала Кора. — А кто, вы думаете, за этим стоит?

— Распространяет слухи, конечно же, оракул Провала, — прошептал дежурный. — А ему подсказывает младший Кларенс, из клана Дормиров.

— А ему зачем?

— Нагнитесь, здесь может током долбануть, — предупредил дежурный. — А Кларенсу советует Кларисса. Он сам бы не догадался.

— Спасибо, — сказала Кора.

Они как раз вышли к полукрытому люку, ведущему на задний двор телеграфа. Конечно, Коре хотелось бы поговорить еще — всегда хочется узнать что-то новенькое, если это касается твоего убийства, но дежурный откланялся и ушел, сославшись на срочные дела. Для него смерть Кору была неприятностью, но не личной.

Итак, рассуждала Кора, пробираясь дворами и переулками к центральному банку. У нас есть цепочка: оракул — дама Рагоза — некий Кларенс-младший из клана Дормиров, который, если Кора не ошибалась, является главным соперником Густава в борьбе за трон и получает реальные шансы стать королем, если Густава забодает Минотавр. Но кто такая Кларисса и зачем ей убивать Кору? Появилось новое лицо, и это всегда интересно.

Без приключений, если не считать короткой схватки с бродячими собаками, которых Кора нечаянно отогнала от ящиков с мусором, считавшихся собачьей собственностью, она добралась до банка. У входа в банк кипела обычная жизнь, но ничего подозрительного Кора не заметила.

В банке она прошла сразу к менеджеру — он ее ждал. Гравперевод через Галактический центр поступил четыре минуты назад. Кора попросила выдать ей всю сумму наличными, что никого не удивило, потому что в Рагозе еще не обзавелись такими игрушками, как кредитные карточки или лазерные сканеры.

Семь тысяч Кора получила золотыми монетами в кожаном мешочке, который надежно привязала к поясу. Ни одна живая душа в этом городе не подумает, что кто-то может разгуливать по улицам так легкомысленно, если каждый вечер по радио не меньше трех часов перечисляются случаи нападений, насилий и убийств.

Остальные деньги, крупными купюрами, она положила в бумажник.

Все эти операции Кора провела в кабинете директора банка, у него на глазах. Тот старался не показывать своего изумления; в конце концов, сказал он на прощание, в каждой стране свои обычаи.

Напоследок Кора позвонила в представительство Космофлота. Мишель оказался на месте, он был рад, что Кора еще жива. Кора сказала, что им нужно встретиться — она нуждается в помощи для выяснения одной, весьма важной для следствия детали. Мишель спросил только, где и когда. Он уже воспринимал Кору как стихийное бедствие, с которым простые смертные не спорят.

— Я попрошу также присутствовать Веронику, — предложила Кора.

— Ой, она ушла домой пораньше, — ответил агент. — Боюсь, что у нее легкое сотрясение мозга.

— Вызовите ее, Мишель. Я знаю, как ей помочь.

Мишель не ответил. Он боялся за свою Веронику и хотел, чтобы Кора, от которой исходил аромат близкой смерти, поскорее улетела.

— Я улечу сегодня же ночью, — сказала Кора. — Мне казалось, что у вас в расписании был указан местный рейс на внешнюю планету.

— Правильно! — Наконец-то в голосе Мишеля послышалось облегчение. — Конечно же, оттуда вы улетите куда легче и безопаснее, чем от нас.

— Через полчаса я жду вас в подземном гараже универмага, — сказала Кора.

— Вы уже знаете этот гараж?

— Я уже многое знаю, — ответила Кора. — Спуститесь туда из кафе нижнего этажа.

— Через полчаса? Я постараюсь успеть. Если Вероника сможет...

— И постарайтесь не приводить за собой хвоста, — попросила Кора. — Мне надоели неожиданные встречи.

Повесив трубку, Кора поблагодарила директора банка за терпение, пригласила его на Землю, и тот вежливо принял приглашение, хотя они не уточняли, где и когда встретятся, как бы подразумевая этим, что такие известные персоны всегда отыщут друг друга на просторах Галактики.

Кора отказалась от сопровождения.

День уже кончался, на улице было тесно от спешащих по домам служащих, медленные потоки автомашин рывками двигались по мостовым, причем новенькие земные «мерседесы», с молодыми аристократами или банкирами внутри, пробовали время от времени взлететь над общим потоком, и полицейские вяло осаживали их.

Если бы кто-то попытался сейчас убить Кору, ему пришлось бы пробиваться сквозь толпу.

Но Кора не стала задерживаться на ступеньках банка и, сбежав вниз за спиной солидного господина в широком плаще, согнулась, затесавшись в толпу, и минут через десять уже была в центральном универмаге, занимавшем целый квартал.

Все ее дела в универмаге заняли десять минут, ибо сила чистого золота в кожаном мешочке с печатями центрального банка производит на продавцов неотразимое впечатление.

—Агент Космофлота и его помощница опоздали минут на десять — попали в самый час «пик», а без машины, даже плохонького космофлотовского фургона, в городе проехать почти невозможно, потому что электрические дилижансы и поезда внутренней железной дороги движутся медленно, а в часы «пик» набиты настолько, что на конечных станциях дежурят кареты «скорой помощи», чтобы извлекать трупы тех, кто не смог выдержать путешествия.

Они спустились на лифте.

Кора, стоявшая за широкой колонной подвального гаража и внимательно наблюдавшая, нет ли слежки, увидела их сразу, как они вышли и неуверенно остановились возле кабины.

— Если ее нет, это означает только одно... — начал Мишель. При слабом освещении он казался бледнолицым братом всего человечества.

— Что мы ее лишились? — спросила Вероника. Она покорно держала Мишеля за руку и ждала чего-то страшного.

— Спасибо, что так быстро откликнулись, — громко сказала Кора, чтобы не пугать их неожиданным появлением.

Лифт загудел и уехал наверх. В подземном гараже стало темнее.

Кора подошла к ним, улыбаясь.

— Не сердитесь, что я вас потревожила.

— Это наш долг, — ответил с облегчением агент Космофлота.

— Если говорить о долгах, — сказала Кора, — то, прошу вас... — Она сделала широкий жест рукой, показывая на новейший микробус — мечту каждой космической компании — со сложенными крыльями, на воздушной подушке, способный перевоплощаться в спальный вагон или грузовик, грузоподъемностью в шестнадцать тонн зерна, и в то же время, в обычных условиях, — комфортабельный лимузин на десять мест.

— Что это? — спросил агент Космофлота.

— Я возвращаю долг, — сказала Кора. — Из-за меня вы потеряли машину. Без машины работать

здесь невозможно. Ваш Космофлот пришлет вам новую через полгода, причем устаревшую и страшно неудобную.

— Ой, как вы правы! — вмешалась Вероника. — Они уже это делали в прошлом году.

Она поцеловала Кору и всхлипнула от счастья.

— Но откуда у вас деньги? — спросил подозрительно Мишель, побледнев еще более.

Он знал, что Кора, как и он, — государственная служащая, то есть человек относительно нищий.

— Давайте уедем отсюда куда-нибудь в укромное место, где можно перекусить. У меня выдался трудный день, — ушла от ответа Кора.

Она указала Мишелю на водительское место, а сама уселась сзади. Рядом устроилась Вероника, которая была растрогана и все норовила дотронуться до Кору, погладить ее.

— И все-таки вы должны признаться мне, — настаивал Мишель, — как вам удалось добыть такие деньги? Это же невозможно.

— Если бы я сказала комиссару, что мне надо восстановить машину, которую из-за меня потерял Космофлот, он бы ответил...

— Я знаю, что он бы ответил, — улыбнулся Мишель, а Вероника счастливо засмеялась.

— Я сказала, что деньги нужны на срочный подкуп, на грязные делишки, на тайные убийства и всевозможную гадость, — сказала Кора. — Он и не пикнул.

— Я вам верю, — сказал Мишель. — И тем более вам благодарен.

— Когда будете ставить машину у ресторана, — предупредила Кора, — сделайте так, чтобы с дороги никто не видел, что я в ней ехала. Вы же не хотите, чтобы ее взорвали снова.

Мишель аккуратно выполнил совет. Он уже любил свой микробус.

Они вошли в небольшой загородный ресторанчик, где кормили дарами раскинувшегося рядом горного озера, — там были чудесные нежные крабы и суп из черепках.

— Что вы узнали у оракула, если не секрет? — спросила Вероника. Глаза ее сияли, как на новогодней елке, а пластыри ничем не могли испортить чудесного личика.

— Что и предполагала — он утаил ответ, ускользнул как червяк. Но потом я услышала от одного человека два имени. Так как одно из них мне незнакомо, я нуждаюсь в вашем совете.

— Все, что угодно, — сказала Мишель.

— Что вы знаете о принце Кларенсе и девушке по имени Кларисса?

Кора отметила, насколько изменилось отношение к ней со стороны собеседников. Час назад она была не только союзницей, соратницей, но и эмоционально чужой, ввергшей их в неприятности и опасность. Сейчас же она стала другом не потому, что подкупила их, а потому, что позаботилась — в этом заключалась большая разница. Она понимала, что и сама могла оказаться на месте этих людей. И если утром они старались ей помочь, то сейчас они сделают для нее все, что в их силах.

— О Кларенсе вы уже слышали, — сказал агент Космофлота. — Сам по себе он ничего не представляет, но за его спиной сгруппировались все те силы, что противостоят Густаву. Если Густав умрет — у Кларенса и его клана появляются реальнейшие шансы оттеснить клан Рагозы от власти...

— А наша планета останется такой же старой ведьмой, как и сегодня, — смело заявила Вероника. Владелец такого микробуса могла и забыть о робости.

— Значит, он заинтересован в смерти Густава?

— Он никогда не высказывался подобным образом, но его окружение не скрывает своих надежд. К тому же у нас ходят туманные слухи о дуэли между Густавом и Кларенсом из-за Клариссы.

— Она состоялась? Кто победил?

— Говорят, — Вероника была смущена. Всегда неловко плохо отзываться о своем кумире, — говорят, что Густав отказался от дуэли и улетел на Землю.

Кора отодвинула тарелку с недоеденным крабом, хотя краб был чудесным.

— Расскажите мне о Клариссе. Это что ещё за роковая женщина? — спросила Кора.

— Вовсе не роковая, — воспротивился Мишель. — Это очень красивая и милая девушка, «Мисс Рагоза» позапрошлого года. Когда Густав приезжал на каникулы, он влюбился в нее.

— Так почему все молчат о ней?! — воскликнула Кора.

— Вы об этом не спрашивали, — возразил агент Космофлота.

— Это низкая продажная тварь, — сказала Вероника хрипло. Словно готовилась к пытке, но не собиралась сдаваться.

Впервые в присутствии Кору Вероника возразила своему Мишелю. Кора поняла, что угадала истинную причину конфликта, — видно, Кларисса была хороша и пользовалась при этом репутацией соблазнительницы.

— Простите, — обратилась Кора к Веронике, — и что же натворила эта продажная тварь?

— Ну нельзя же так! — укорил дам Мишель.

— Мишель, не перебивай меня, — сказала Вероника, хотя агент Космофлота и не собирался этого делать. — Все знают, что Густав в позапрошлые каникулы до смерти влюбился в эту охотницу за мужчинами и деньгами, и даже объявил о намерении жениться на ней после окончания университета. Разве не так, Мишель?

— Это не было официальной помолвкой.

— Густав выше этого! Он дал слово Клариссе. Он совершил ради нее преступление...

— Ну уж, преступление! — прервал подругу Мишель. — У них это не считается преступлением.

— Не говорите загадками, умоляю вас! — взмолилась Кора.

— Говорят...

— Кора, учти, что все это только слухи и сплетни, — сказал Мишель.

— Сбором их я и занимаюсь на этой планете, — ответила Кора. — Так что меня не смущает такой вид информации. Продолжай, Вероника.

— Под каким-то предлогом она заставила его заложить родовое имение.

— А Густав не богат?

— После смерти его родителей, все имения и участки редкоземельных элементов перешли под контроль клана. Если Густав станет королем, то он станет и главой клана. Сейчас глава клана — дама Рагоза.

— И он заложил родовое имение?

— Вероника права, — вмешался Мишель. — Судя по всему, Густав и на самом деле небогат. А когда он к тому же отправился учиться на Землю, то его шансы пошатнулись. Началась интрига против него, стали все чаще поговаривать, что стране нужен настоящий король, железный кулак, а не получивший образование черт знает где очкарик. Ну, вы понимаете...

— С трудом, — сказала Кора.

— Когда Густав улетел, Кларисса вела... как бы вам сказать... рассеянный образ жизни. Внешне скромница, тихоня... она подбиралась и подбиралась к принцу Кларенсу! — сказала Вероника.

— У нее было немало помощников, которые толкали ее в объятия Кларенса, — добавил Мишель.

— Ей, при ее любви к бицепсам, скоростным автомобилям и кожаным курткам, было трудно не кинуться в объятия к Кларенсу, — продолжала Вероника. — У него мышцы на руках — во! На ногах — во! А лобик — во-о-о-от такой малюсенький!

— Не преувеличивай! — улыбнулся Мишель.

— Принц Кларенс еще не успел произойти от обезьяны, — сообщила Вероника. — И именно это пленило нашу кошечку.

— И все же ты к ней жестока. Я допускаю, что она искренне увлеклась Кларенсом.

— Конечно. При условии, что она согласилась участвовать в заговоре с целью убийства Густава и лишить его трона. Тогда она получала трон и Кларенса.

— Но чем ей плох трон плюс Густав? — спросила Кора, зная ответ заранее.

— Да потому что она уже стала любовницей Кларенса и подружилась с теми, кто хотел видеть на троне именно его.

— Хватит, друзья. Мне почти все понятно.

— Подождите, мы еще не все рассказали! — возразила ей Вероника. — Разве вам не интересно, что случилось на балу, когда Густав два месяца назад прилетал сюда на каникулы?

— Любопытно, — призналась Кора.

— Шансы на то, что это правда, — минимальны, — сказал Мишель.

— Но у моей подруги двоюродная сестра была на том балу! — возмутилась Вероника. — Я же тебе говорила.

Мишель печально сделал шалашиком брови и устранился от разговора.

— Густав ничего не подозревает! — драматическим голосом воскликнула Вероника. К счастью, ресторанчик был пуст. — Он приезжал на бал с Клариссой. А там все уже подстроено. Он приглашает Клариссу на танец, но его опережает, даже отталкивает Кларенс. Мишель, не делай такое лицо — это видели пятьсот человек! Да, Кларенс отталкивает Густава и приглашает танцевать Клариссу. Густав терпит и делает вид, что ничего не случилось. Следующий танец. То же самое. И тогда Густав делает Кларенсу замечание. Он указывает ему на то, что Кларисса — его дама. А Кларенс хохочет ему в лицо в присутствии всей знати королевства и оскорбляет его, называя книжным червем, которому не видать такой бабы, как Кларисса. Но даже тут Густав ни о чем не догадался. Он стоял как дурак и говорил Кларенсу: как тебе не стыдно, братец. У Кларенса такое было прозвище в школе — братец.

— Вероника!

— Это видели пятьсот человек.

— Извините, но это на самом деле видели пятьсот человек, — сказал официант. — Тесть моего кузена был там лично. Он полковник гвардейских мотоциклистов.

— Вот видишь! — обрадовалась союзнику Вероника.

— Ну и что дальше?

— А дальше Кларенс обозвал Густава жалким трусом.

— Ну!

— И Густав был вынужден догадаться, в чем дело, и вызвать Кларенса на дуэль на дубинах.

— На чем?

— На дубинах! Дуэли позволены только знатым людям. И последние двести лет их проводят только на дубинах.

— С ума сойти, — сказала Кора. — Куда я попала!

— Я с вами согласен, — снова вмешался официант. — Совершенно варварский обычай.

— Густав сказал: «Кларенс, ты понимаешь, что я теперь буду вынужден вызвать тебя на дуэль?» Это ужасно. Кларисса хохотала на весь зал. Кларенс тоже стал смеяться. Тогда Густав повернулся и ушел из зала.

— И что же?

— А ничего! — ответила Вероника. — Это тайна. Дуэль не состоялась. Никто ничего не понял. Они так здорово придумали убить Густава традиционным путем, а дуэль не состоялась. Теперь Густава многие презирают и говорят, что такому трусу не видать дуэли как собственных ушей.

— Вероника, никто ничего не знает! — повторил Мишель.

— Почему же, — задумчиво произнесла Кора. — Сколько у нас времени до отлета местного рейса?

— Часа четыре, — сказал Мишель.

— Тогда мне надо поговорить со свидетелем.

— С каким свидетелем? — спросил Мишель.

— Ну как ты не догадался? — воскликнула Вероника. — Конечно же, с Клариссой. Правда?

— Правда. А что она сейчас делает?

— Она затаилась. Говорят, что она встречается с Кларенсом, но тайком.

— Она ждет, пока принца убьют у вас на Земле, в ВР-круизе, — сообщил осведомленный официант. — Мороженое нести или вы спешите?

— Спасибо, мы спешим, — ответила Кора.

— Тогда потратьте еще три минуты, и я поведаю вам, что рассказал тесть моего кузена. Я помню его рассказ до последнего слова.

— Говорите, — сказала Кора, взглянув на часы.

— Принц Густав сказал, что он никогда в жизни еще не дрался на дубинах и не знает, как это делается, но он убежден, что любая дуэль с человеком, который в школе, вместо того чтобы учить алгебру и думать, какую пользу он принесет собственному народу, размахивал палками и дубинками, будет просто убийством. А он, Густав Рагоза, не намерен выступать в роли барана. Так что он отправляется на Землю, там он закончит университет, а через полгода, получив диплом, возвратится домой и перед коронацией готов встретиться с Кларенсом и дать ему удовлетворение. Вы бы видели, что тогда началось! Крики, хохот, издевки и даже возгласы одобрения!

— Почему возгласы одобрения? Насколько я понимаю, принц струсил и потерял лицо? — спросила Кора.

— Не совсем так, — сказал официант. — Ведь в танцевальном зале было немало нормальных людей, которые понимали, что Густава затянули в ловушку и хотят убить, чтобы захватить трон. А Густав, хоть на первый взгляд струсил и попросил немыслимой полугодовой отсрочки от дуэли, в самом деле поступил разумно. Ну зачем ему спешить подставлять голову под чужую дубинку? А формально он не нарушил никаких правил, потому что его право оскорбленного — назначить место и время дуэли. Что он и сделал. А сейчас или через полгода... Просто раньше никто до такого не догадывался.

— Когда же должен возвратиться принц Густав? — спросила Кора.

— Через полгода. Как сдаст государственные экзамены и получит диплом. И тогда же намечена коронация.

— Почему? — спросила Кора.

— Совет регентов передает власть королю в день достижения им совершеннолетия. А это случится че-

рез полгода. Тогда принцу Густаву исполнится двадцать лет и четыре дня.

— Что за странный возраст? — удивилась Кора.

— Это для вас — странный, а для нас — обыкновенный, — ответила Вероника. — Давным-давно, когда короновали первого короля Солнечной династии, это должно было произойти в день его двадцатилетия. Но как раз перед началом церемонии пошел страшный дождь. Наши предки в то время еще не умели делать крыши. Им пришлось поспрятаться по пещерам и переждать его. Четыре дня бушевал ливень. Так что короновали первого короля, когда ему исполнилось двадцать лет и четыре дня. И с тех пор...

— Понятно, — сказала Кора, — с тех пор вы ждете, пока кончится дождик.

Никто не засмеялся.

— Спасибо, — сказала Кора официанту. — Вы очень помогли ИнтерГполу.

— Не может быть!

— Вы не рады?

— Теперь я как бы иностранный шпион...

— Мы никому не скажем, — улыбнулась Кора.

* * *

Отыскать нужный адрес, не привлекая при этом внимания убийц, которые, в чем Кора не сомневалась, охотятся за ней, было нелегко. Мишель несколько раз останавливал машину в узких пустынных вечерних переулках, а Вероника выскальзывала из микробуса и исчезала в темных подъездах или шепталась с бабушками, сидевшими на скамейках в сквериках, засеянных одинаковыми лиловыми цветами.

Потом она забилась в будку телефона-автомата, и минут через десять Коре показалось, что она вовсе забыла о ее существовании и обсуждает с подружкой модель нового платья. Мишель курил — он был настороже, — Кора ловила его на том, как он поглядывал в зеркальце заднего вида.

Наконец Вероника возвратилась с нужным адресом.

— Я поднимаюсь, — сказала она, — и скажу ей в чем дело — мы немного знакомы. Потом мы уедем. Я не хочу, чтобы Мишель рисковал. Ему здесь работать. Мы будем в Космопорте. Мы оформим вам билет на местный рейс.

— Ты права, — согласилась Кора, которая ценила преданность в других людях. И рада бы быть преданной кому-нибудь на этом свете. У нее же из близких людей оставалась лишь бабушка Настя... если не считать Милодара, который жертвует ею, как жертвовал многими агентами, если того требуют обстоятельства.

Машина остановилась, не доезжая метров пятидесяти до узкого дома, зажатого между другими, такого же рода, двухэтажными зданиями, со следами некогда яркой, а ныне выцветшей краски. Отличала его от соседей лишь недавно покрашенная зеленая дверь.

Улица была пуста, если не считать женщины, катившей детскую коляску. Прежде чем выйти из машины, они просидели там минуты три, пока не убедились, что никто за ними не следит.

Наконец Вероника выбралась из микробуса и не спеша подошла к зеленой двери. Постучала в дверь деревянным молотком, висевшем на цепочке. Дверь приоткрылась и впустила Веронику. Кора и Мишель ждали. Они молчали. Мишель поглядывал на часы, он тревожился за Веронику.

Вероника вышла из двери и пошла к машине. Кора приоткрыла дверь. Девушка быстро нырнула в машину.

— Ей нужны деньги, — сказала она. — Иначе она не станет говорить.

— Сколько? — спросила Кора.

— Двадцать золотых. Вы наберете столько?

Это была небольшая сумма, малая часть того, что Кора истратила на новую машину для Космофлота.

Затем Вероника отдала ей свою широкую короткую вышитую пелерину.

— Это вам на память, — сказала она. — И в знак благодарности.

— Спасибо, — одобрила Кора. — Так меня труднее узнать издали.

Вероника усмехнулась. Они поцеловались.

— Главное, учтите, что Кларисса больна жадностью. Блеск золота сводит ее с ума.

— Спасибо, я учту, — сказала Кора.

Как только Кора вышла из машины, та сразу рванула с места. Вероника обернулась и помахала Коре на прощание.

Кора подошла к новой зеленой двери.

Дверь сразу приоткрылась, приглашая ее зайти.

— Быстрее же! — послышался резкий женский голос.

Дверь тотчас закрылась за Корой, клацнул засов, звякнула цепочка.

В крошечной прихожей, где помещалась лишь вешалка для верхней одежды и откуда вели две двери и узкая лестница наверх, стояла небольшого роста согбенная женщина, одетая в бесформенное серое платье.

Заметив удивление Кору, она шепотом пояснила:

— Я бабушка Клариссы. Мы боимся покушений.

— Проходите, — послышался низкий хрипловатый голос из-за одной двери.

Кора вошла туда. Там ее поджидала Кларисса. Виновница всех злоключений принца Густава.

— Заходите и садитесь, агент Орват, — произнесла она. — Чем меньше мы будем разговаривать, тем спокойнее обеим. Мне сказали, что вы готовы купить информацию.

Кора смогла приглядеться к собеседнице, несмотря на то, что шторы в комнате были закрыты, а лампа под потолком пряталась в коричневом шелковом абажуре.

Кларисса была рождена королевой — не происхождением или чином, а статью, голосом, профилем, тем сочетанием порой неуловимых деталей лица, фигуры и осанки, которые и рожают императриц, даже если такая императрица рождена на помойке. Но не верьте тому, что императрицы рождаются на помойке, это бывает настолько редко, что только подтверждает обратное правило.

Женщинам такого рода свойственно прирожденное умение носить любую одежду, как вечернее платье от Диора.

В тот момент на Клариссе были заштопанный домашний халатик и шлепанцы, что вовсе не портило общего впечатления, которое усугублялось столь невинным и простодушным взглядом фиалковых глаз из-под длинных черных ресниц, что не оставалось сомнений: эта императрица очень дорогая и очень порочная шлюха.

Кларисса поправила свои естественно пышные и почти не причесанные волосы.

Кора, которая не уступала ей ростом и также достигала шести футов с лишком, была, пожалуй, сильнее, побыстрее и даже стройнее Клариссы, но ощутила неполноценность своей быстроты и стройности — это была стройность овчарки, стройность львицы, стройность дикарки рядом с ланью, рядом с борзой.

Признав относительное поражение, Кора прошла в гостиную, аккуратную, как уголок у кровати старушки в богадельне. У окна, занавешенного плотной, хоть и потертой, портьерой, стоял небольшой письменный стол с тетрадками и книгами — почему-то именно он и привлек внимание Кору.

Кларисса перехватила ее взгляд и заметила:

— Я решила, что, когда мое имущественное положение улучшится, я поступлю в университет. Но, честно говоря, — тут она сдержанно улыбнулась, показав жемчужные зубы, — я плохо, легкомысленно училась в школе, и мне приходится догонять и догонять... Сегодня, например, я задумалась с утра, когда и где произошла битва при Акуензуаре?

— И что же?

Кларисса лукаво улыбнулась.

— Мучилась до самого завтрака, просмотрела весь учебник и даже энциклопедический словарь. А вы не знаете?

— Простите, но я плохо знакома с историей вашей страны.

— Конечно, то, что необходимо знать каждому нашему патриоту, для вас, жителей Галактического центра, — мышьяная возня...

Кора промолчала. Ну чем она могла утешить эту красавицу, забывшую дату битвы?

— И знаете что? — вдруг воскликнула Кларисса голосом отличницы. — Я вспомнила эту дату!

Где же у нее рождается звук голоса? — подумала Кора. Наверное, за пупком. И на пути оттуда набирает глубину и надтреснутую звучность. Эта мысль помогла ей преодолеть гипноз присутствия Клариссы.

— Поделитесь со мной этим открытием! — попросила Кора.

— Оказывается, Акуензуар был предводителем странствующих монахов, которые вырыли пещеру Скупых слез, а битва была при Кензуаре. Представляете, какая я глупая?

Кларисса не улыбалась. Она показала Коре на низкую кушетку, а сама уселась на шатком стуле. Их разделил угол письменного стола.

Кларисса постучала по столу длинными холеными ногтями.

— Если бы не бабушка, я не смогла бы поддерживать в порядке руки, — сообщила она. — Ведь столько стирки и мытья посуды!

— Сколько я должна вам за информацию?

— Мое финансовое положение неблагоприятно, — официально ответила красавица. — Я оказалась игрушкой в грязной политической игре.

— Вам обещали за это заплатить?

— Не говорите глупостей. С такими людьми я не играю на деньги. В ином случае они теряют к тебе уважение и ты не получишь ничего. Я рассчитывала на брак с Густавом.

— Он обещал на вас жениться?

— Он поклялся в любви. Я была столь доверчива, что отдала ему все деньги на покупку учебников по физике.

В старинных романах писали в таких случаях, что глаза героини затуманились. Кора увидела именно это — глаза Клариссы заволочло туманом. Как будто из фиалковых они стали серыми, бездонными и непрозрачными, как опалы.

— Неужели у него не было своих денег на книги?

— Откуда у него деньги? — небрежно отмахнулась красавица от неприятного воспоминания. — Если только те, что тетя Рагоза давала ему на конфеты. —

Глаза Клариссы неожиданно поменяли цвет и стали зелеными. Это было великое достижение, даже для такой красавицы.

— Вы лжете? — спросила Кора.

— Обычно меня обвиняют во лжи покинутые любовники.

— Вы не ответили на вопрос.

— А я и не хотела отвечать. — Кларисса засмеялась низким, глубоким смехом греческой богини.

Бабушка звенела чашками на кухне за тонкой стенкой.

— Значит, вы отдали возлюбленному все свои скромные сбережения на покупку учебников по физике... Простите, но я готова заплакать.

— Пожалуйста, здесь многие рыдают, — ответила Кларисса.

— Но потом оказалось, что он вас недостойн.

— Конечно, недостойн. Он улетел на Землю и не взял меня с собой, хотя мне так хотелось учиться в университете! — Кларисса нежно погладила тетрадку, лежавшую на краю стола.

— Значит, в вашем разрыве виноват только он? — спросила Кора.

— Все не так просто. — Кларисса возвратила глазам прежний фиалковый цвет. — Мне пришлось выдержать неприятный разговор с дамой Рагозой. Старая метелка предупредила меня, что я не проживу и дня после свадьбы с Густавом. Представляете мое состояние? Девочка, только что из школы, совершенно невинная, смущенная первой любовью, только-только расставшаяся с девственностью, — и вдруг услышать такие слова от женщины, на которую надеялась опереться и найти в ней мать вместо той алкоголички, которая бросила меня в приюте!

— Она так и сказала — не проживете и дня?

— У нас ничего так просто не говорится. — Кларисса откинула со лба непослушную прядь. — Дама Рагоза спросила меня, как я отношусь к отвару из кукольных орешков. О, ужас, подумала я. Мне пришел конец!

— Почему?

— Потому что это страшный яд, от которого нет спасения. Половина злодейств в нашей истории совершена с помощью этого отвара. Сначала у жертвы выпадают волосы, потом — зубы, потом размягчаются кости... И ни один доктор ничего не докажет, потому что при этом человек остается совершенно здоровым. Он и умирает совершенно здоровым.

— Вы ей поверили?

— А кто меня защитит? Я не принадлежу к клану, у меня даже нет старшего брата.

— А принц Густав?

— Он бросил меня! Он променял меня на свои эгоистические интересы! О, как я его ненавижу!

Кора почему-то решила, что сейчас глаза Клариссы загорятся желтым пламенем. Но ничего не произошло. Красавица простодушно гладела на Кору фиалковыми глазами, и лишь ее ногти выстукивали что-то нервное по поверхности письменного стола.

— Пока его не было, вы нашли нового поклонника?

— О, вам насплетничали, вам наклеветали! — вздохнула Кларисса. — Иного я и не ожидала. Вы знаете, в чем мое проклятие?

— В чем?

Глаза Клариссы заглядывали в душу и молили о пощаде.

— В моей красоте. Все мужчины планеты желают, чтобы я им принадлежала. Но мне нужны дом, семья, дети, университет, тихое семейное интеллигентное счастье. Вы меня понимаете?

— Я стараюсь вас понять. Но это трудно.

— А я не так проста, как думают многие. Почему-то считается, что ум и красота несовместимы. Подобно гению и злодейству. Так вот, они совместимы: гений, злодейство, ум, красота!

— Из всех поклонников вы избрали принца Кларенса?

— У меня не было выхода. Я считала своим моральным долгом дожидаться возвращения неверного Густава. Принц же мог меня защитить. Не более того.

— И что произошло?

— Густав меня снова предал. Я так ждала его, а он меня предал! На первом же балу! Вы можете

представить себе, что он отказался сражаться из-за меня на дуэли? Какая низость, какое коварство! Оказалось, что ему дороже собственная ничтожная жизнь, чем мое счастье!

Бабушка принесла поднос с двумя чашками чая и жалкой горсточкой печенья на тарелочке с битым бочком. Кларисса хотела, чтобы Кора осознала степень ее бедности. Бабушка поставила поднос на стол.

— Неужели принц Кларенс тоже вам совсем не помогал? — спросила Кора, обводя взглядом комнату с потертыми обоями, скрипучей мебелью и аккуратно зашитым ковриком с изображением пруда с лебедями.

— Если бы я унизилась до того, чтобы принимать подачки от мужчин, я перестала бы себя уважать, — твердо возразила Кларисса. — Лучше благородная бедность, чем продажное богатство!

Бабушка, все еще стоявшая у стола, принялась хлопать в ладоши. У бабушки были молодые руки.

— Именно поэтому, — продолжала Кларисса, опустив глаза. Тень от длинных ресниц пересекла ее щеки, как тюремная решетка. — Именно поэтому я согласилась принять вас и продать вам информацию... Если эти сведения не затрагивают стратегических секретов моей родины.

— Bravo! — едва слышно закричала бабушка.

Кора смотрела на свою чашку. Пар, поднимавшийся над ней, был чуть-чуть темнее, чем пар над чашкой Клариссы. В воздухе присутствовал намек на запах миндаля и еще какой-то незнакомый, но очень опасный запах. Ну что ж, квартирка Клариссы вполне удобное место для того, чтобы выполнить последнее предсказание оракула. А если труп Кору потом убрать с глаз долой, то ИнтерГполу нелегко доказать, что в ее смерти кто-то виноват.

Кларисса перехватила взгляд гостя.

— Вам не нравится чай? — спросила она. — Вы попробуйте, попробуйте. Останетесь довольны.

— А почему ваша бабушка не составит нам компанию? — спросила Кора. — Она же тоже любит чай.

— Я уже пила, — прошептала бабушка. — На кухне.

— Я настаиваю, — сказала Кора медленно и раздельно, — чтобы ваша бабушка отпила из моей чашки.

— Вы думаете, что я вас отравила? — удивилась Кларисса. — Ах как это пошло!

Краем глаза Кора увидела, что бабушка продвигается к двери.

— Если бабушка не хочет пить чай, — сказала Кора, — тогда давайте поменяемся чашками, уважаемая Кларисса.

— С удовольствием, — ответила красавица, не дрогнув и ресничкой. Она протянула тонкую, украшенную золотыми браслетами руку, взяла чашку, принялась к ней и добавила: — Какая гадость!

После чего молниеносным, но точным движением выбросила чашку в открытое окно.

Раздался отдаленный звон — чашка разбилась о мостовую. И в тот же момент, словно подчиняясь приказу, выраженному этим звоном, бабушка нырнула в окно следом за чашкой. Она прыгнула головой в окно, и Кора лишь успела заметить черные брюки, что скрывались под ее длинной юбкой.

— Вот и все, — сказала Кларисса. — Теперь мы можем продолжить наш разговор. Вы согласны?

Такого противника Коре еще не приходилось встречать.

— Согласна, — сказала Кора, стараясь не перевести неуместной улыбкой драматическую сцену в ряд «черного» юмора.

— Тогда задавайте вопросы, а я буду называть цену... если смогу ответить, — произнесла Кларисса.

Под окном послышался слабый стон. Затем невнятная ругань... Девушки замолкли. Они услышали, как некто побрел прочь от дома, вздыхая и охая при каждом шаге.

— Кто эта «бабушка»? — спросила Кора.

Кларисса закрыла глаза, подумала, распахнула их снова и произнесла с отчаянием, будто сама мысль о деньгах была ей отвратительна:

— Десять золотых!

Кора отсчитала десять монет и оставила мешочек с остальными монетами на столе, у правой руки.

— Этот был тот, кто не терпит, когда его предсказания не сбываются. И он идет на многое, чтобы доказать миру свою непогрешимость.

— Неужели сам мистер Оливер Джадсон, Будда вечной жизни прыгал в это окно?

Кларисса искренне засмеялась. Отсмеявшись, произнесла:

— По возможности, обойдемся без имен, хорошо?

— Хорошо.

— Ваш следующий вопрос?

— Меня интересует, кто хочет убить принца Густава.

— Это слишком сложно! Здесь сталкиваются интересы различных группировок, — ответила Кларисса. — Я не смогу дать вам полную информацию. — Она вздохнула, выговорив такую сложную фразу. Она была собой довольна.

— А приблизительно? — спросила Кора.

— Это обойдется вам... Сорок золотых вас не затруднит?

Кора раскрыла мешочек с печатями банка и стала отсчитывать золотые монеты. Кларисса шевелила изящно очерченными губами, как бы помогая Коре считать.

Затем Кларисса пододвинула кучку тяжелых монет к себе и сказала:

— Приблизительно — дама Рагоза.

Кора приподняла брови, делая вид, что удивлена. Эту версию она уже слышала от Мишеля.

Кларисса неверно истолковала движение бровей Кору, как знак недоверия.

— Но вы не удивляйтесь! — воскликнула она, стараясь честно заработать золотые. — Представьте себе положение, в котором очутилась дама Рагоза! Верхушка кланов недовольна этим принцем. Кому нужны реформаторы с учебниками физики в зубах? Ну ладно, думали, что обойдется, утрясется. Нет, не выходит. Я вам больше скажу — если бы не было этой дуэли, Густаву бы что-нибудь еще подкинули.

Ну, там, автомобильную катастрофу, лавину, наводнение... Мало ли способов ухлопать наследника престола? Я думаю, что они давно перетянули герцогиню Рагозу на свою сторону. Не так важно, кто сидит на престоле, важнее, чтобы кто-то на нем сидел, понимаете?

— Понимаю, — согласилась Кора.

— Сначала они придумали, как убить его на дуэли.

— Значит, дуэль была подстроена?

— Кто об этом до сих пор не догадался, тому не место в политике! — сообщила Кларисса тоном молодой императрицы. Не было никаких сомнений, что для себя красавица отводит в политике значительную роль.

— А вы тогда...

— Я — жертва! Типичная жертва.

— Спасибо. Я уяснила.

— И не надо этой улыбки, Кора, — сделала ей выговор императрица. — Не надо усмешечки в глазах. Жизнь — жестокая штука.

— Значит, получается, что Густав всех обманул?

— О, только не воображайте, что он такой хитрый! Он струсил и постарался оттянуть время, потому что Кларенс сделал бы из него отбивную котлету. Зато если он вернется из ВР-круиза, то тогда у всех возникнут дополнительные сложности. Если дуэль состоится и Густава убьют — это хоть и в рамках древних обычаев, но очень пахнет скандалом. Многие поймут, что таким образом убрали законного наследника, а клан не смог его отстоять... Нет, даме Рагозе эта отложенная дуэль как кость в горле. И если она в свое время согласилась на этот план, то теперь проклинает тот день и час. А вот если Густав исчезнет без следа в ВР-круизе, то никто в Рагозе не виноват. И нет скандала. Больше того, клан Рагозы может выдвинуть нового кандидата, например принца Бискера... Знатные кланы на это тоже пойдут — только бы не пропустить Густава. Впрочем, все, кроме меня, будут рады смерти принца Густава.

— Почему же вы — исключение? — удивилась Кора.

— Он моя первая несчастная любовь, — призналась Кларисса. Она сама уже верила в это. — Он меня мучил, а женщины не забывают страданий.

— Густав не может отказаться от дуэли вообще? Отменить ее?

— Только не это! После такого заявления состоится суд чести и тэдэ и тэпэ. Вот если бы он добрался до трона и отменил дуэли будучи уже королем, им пришлось бы проглотить эту пилюлю... Ох как я их всех презираю! Надутые индюки, видите ли, по праву рождения призванные кушать омаров и устриц. В то время, когда простой народ...

— Кларисса!

— Двадцать три года как Кларисса! Еще вопросы есть?

— Значит, Рагоза примчалась в ИнтерГпол с требованием спасти племянника...

— Чтобы никто потом не вздумал показывать на нее пальцем как на организатора и вдохновителя этого убийства. С вас, дорогая, пять золотых за дополнительную информацию.

— Это была не информация, а рассуждение.

— Кора, у тебя же в мешке еще сотни две осталось, если не больше. И тебе жалко пяти золотых для бедной девушки?

Кора молча отсчитала три монетки.

Кларисса спросила:

— Может, поставить кофе? Не бойся, у меня своего яда нет.

— Обойдемся. Мне скоро уезжать. А кто рассказал о заговоре против Густава оракулу?

— Десять монет. Авансом.

Кора отсчитала деньги.

— Каждый мальчишка знает, что Густава хотят убить.

— Вы не ответили на вопрос. Мальчишки знают об этом сегодня. Но когда все затевалось, мальчишек и близко не подпускали.

— Я почти уверена, что дама Рагоза хорошо заплатила оракулу, чтобы он сделал такое предска-

ние. Как бы судьба устами оракула выносит приговор. Красиво?

— Это значит, — заметила Кора, — что ваш друг оракул становится заинтересованным лицом.

— Почему?

— Он не выносит, если его предсказания не сбываются. Его лозунг: «Все мои предсказания сбываются!» Он и меня ненавидит за то, что я ему порчу статистику.

— Во-первых, — заявила официальным тоном Кларисса, — этот оракул мне не друг. Просто он очень навязчивый и умеет пользоваться моей бедностью. Он способен только шипеть из угла или подсыпать людям в чай английскую соль.

— Это теперь называется английской солью?

— Проверьте. Там под окном.

— Молодец, — похвалила Клариссу Кора. — Вы знаете, что наш разговор я записываю.

— Ты была бы кретинкой, если бы не записывала. Твое начальство тогда тебя съест.

— Вы с оракулом надеялись потом забрать запись. Теперь же тебе хочется оставить потомству что-то вроде признания в своей невиновности. Может быть, вы просто хотели пошутить?

— Мы просто хотели пошутить, — послушно ответила Кларисса.

— Последний вопрос, — сказала Кора, — и я вас покину.

— Жалко, — вздохнула красавица. — В мешочке еще столько всего красивого!

— Какую роль в заговоре играет ваш друг Кларенс?

— Не буду снова утверждать, что этот человек мне не друг. Вы все равно не поверите. Но он оскорбил меня, потому что ему нужно мое прекрасное тело, а к моей душе он был равнодушен, представляете?

— Нет, этого я представить не могу. Так он участвует в заговоре?

— Десять золотых.

— Держи.

— А еще лучше пятнадцать.

— Нет.

— Ну хорошо, хорошо! Хотя мне неприятно видеть молодую женщину до такой степени охваченной бациллой жадности.

— Это подотчетные деньги, — сказала Кора.

— Я пошутила.

— И что же с Кларенсом?

— Он слишком глуп, чтобы участвовать в заговорах. Его не позовут.

— А пошел бы?

— Он не выносит всех очкариков и отличников. Густава в первую очередь.

— Спасибо, — сказала Кора. — Мне было приятно с вами познакомиться. Должна признаться, что еще не видела такой красивой женщины.

— От вас это мне особенно приятно услышать, потому что у меня есть основания верить в вашу объективность, — ответила польщенная Кларисса. — Разрешите провести вас через чердак?

— Зачем? — спросила Кора.

— Я хочу, чтобы у вас был хоть малюсенький шанс выжить.

Они поднялись на третий этаж. Маленькая дверца вела на чердак, заваленный старой мебелью и ящиками.

— Ужасно не люблю выкидывать старые вещи, — сказала Кларисса. — Наверное, с возрастом из меня получится скряга.

В темноте белки глаз и зубы Клариссы отсвечивали жемчужно-голубым цветом. Свет ночного городского неба проникал сквозь полукруглое чердачное окошко.

Чердачное окошко заскрипело, заныло так, что слышно было, наверное, за три квартала. Они подождали еще несколько секунд. Кора нащупала в темноте длинные холодные пальцы Клариссы и пожала их.

Крыша была скользкой и мокрой от росы или недавнего дождя. На соседней крыше орал кот, облака неслись стайками, по очереди показывая обе Луны: розовую — побольше и маленькую — голубую. У пожарной лестницы в переулке Кору поджидали. Но

ей повезло, они были так уверены в своем успехе, что не стреляли, пока она не опустилась на землю, — видно, хотелось потешиться. Так что Кора, почувствовав их тени и дыхание, прыгнула со второго этажа и застала их врасплох. Она кинулась бежать по переулку, ей стали стрелять вслед, но опоздали.

На улице ее поджидала машина — черная, низкая, бронированная. Она перекрывала выезд из переулка. Кора разбежалась и прыгнула руками вперед; пролетев над машиной и опустившись на землю, она клубком покатилась в подворотню.

Прицельно по ней стрелять не могли, но нападавших было так много, что кто-то обязательно в нее попадет. За подворотней был проходной двор, в нем преследователи потеряли ее — на две или три секунды.

У следующих ворот, выходящих на параллельную улицу, стоял микробус. Дверца с ее стороны была открыта. Кора с разбегу прыгнула в дверь, и микробус рванул вперед, набирая недозволенную скорость.

Кора спросила Мишеля:

— Как вы меня нашли?

— А мы решили, что если вы будете убегать от Клариссы, то обязательно побежите этим двором, — сказала Вероника. — Я училась здесь в школе, и мы всегда бегали в кино этими дворами.

Кора не стала больше ничего выяснять. Она не решила для себя достаточно важный вопрос: оказались ли убийцы возле пожарной лестницы, потому что Кларисса подсказала им, что Кора будет уходить по крыше? А может быть, Вероника и Мишель оказались у этой подворотни, потому что Кларисса бегала в кино из школы вместе с Вероникой?

До Космопорта они домчались без приключений. Там Мишель провел Кору служебным ходом к местному рейсу, уходившему через полчаса к соседней планетной системе. Ждать более удобного рейса было нельзя, потому что по радиосвязи уже был объявлен розыск жительницы Земли Кору Орват, которая в припадке безумия пыталась ограбить и убить бывшую «Мисс Рагозы» Клариссу К.

— Как мне сказал агент Космофлота, моя несбывшаяся смерть — первое неудачное предсказание оракула Провала за последние годы, — сказала Кора, заканчивая доклад Милодару о краткой командировке в королевство Рагоза.

Комиссар слушал Кору не очень внимательно — какая-то часть его сознания была занята мыслями о невестах-пловчихах, о чем он намеревался рассказать Коре, как только она закончит отчет о командировке. Он находился в трех тысячах километрах от московской базы ИнтерГпола, в «Узком», где Кора приходила в себя в массажном кабинете после рискованных приключений в Рагозе, поэтому голографическое изображение комиссара порой начинало дрожать или даже двоиться. Вернее всего, комиссар опять укрылся в бассейне для синхронного плавания в Таганроге. А связь с Таганрогом всегда плохая.

И, тем не менее комиссар не упустил главного в докладе Кору.

— Итак, — сказал он, дослушав ее до конца, — ты не выполнила задания. Как всегда.

— Не выполнила, — согласилась Кора. — Как всегда.

Массажистка Татьяна, женщина добрейшей души, фигурой и силой схожая со штангистом тяжелого веса, перевернула Кору на спину, чтобы пересчитать ребра с передней стороны тела. Тут она увидела на боку пациентки кровоподтек такого размера и интенсивности, что воскликнула:

— Ратуйте, люди добрые!

Родом Татьяна была из-под Николаева, и, хоть жизнь и профессия кидали ее из конца в конец Солнечной системы, и даже за ее пределы, каждое лето она проводила отпуск в родном селе, где ее муж ловил бычков в лимане, а все три дочери умело сводили с ума местных парубков.

Милодар вздрогнул и схватился за бластер, но тут же вспомнил, что ему ничто не грозит, и пригляделся к Коре. Нельзя сказать, чтобы он ее пожалел — сердцу комиссара Милодара чужда жалость. Если бу-

дешь жалеть каждого агента, некогда будет работать и расправляться с врагами Галактического союза, но удивление он все же выказал.

— Чем они тебя так? — спросил он. — Бульдозером?

— Честное слово, я не запомнила, — призналась Кора. — Я там успела попасть в несколько переделок. Вероятнее всего, это — от последней. Они взяли меня в кольцо ротой снайперов, а я, как назло, спускалась по пожарной лестнице.

— Возвращаемся к делу, — сказал комиссар, взглянув на часы. Тренировка его невест заканчивалась, и ему хотелось проводить их до гостиницы, чтобы они не успели познакомиться с кем-нибудь из приезжих турецких спортсменов. — Ты уверяешь, что оракулу сообщила о покушении дама Рагоза, а я тебе говорю, что ты пошла на поводу у дезинформаторов. Дама Рагоза произвела на меня приятное впечатление.

— Все же я полагаю, — сказала Кора, — что Кларисса права: оракул узнал об этом покушении от дамы Рагозы и превратил его из сплетни в факт общественной жизни. Этот человек страшно избалованный, самовлюбленный, спесивый, но он достаточно умен, чтобы тщательно следить за обстановкой в королевстве. Убийство Густава, история с его злосчастной дуэлью и ВР-круизом для такого оракула — золотая жила. И конечно же, он не смог остаться в стороне.

Татьяна мягко и решительно разминала бок Кору, той было больно, но надо было терпеть, потому что Татьяна была остра на язык и даже самые жесткие из агентов остерегались показать слабость в ее ручищах.

— Вот я и говорю, что ты не выполнила задания, — повторил Милодар.

— Если бы вы думали, что все так просто, что я прилечу в Рагозу и там мне выложат факты и домыслы на золотом блюде, то вы бы не начали работу с похода на стадион «Уэмбли» в Лужниках, — заметила Кора.

Татьяна резко перевернула ее на живот, чтобы заняться ссадиной на бедре. Из шкафа, по знаку Татья-

ны, выскочил маленький юркий робот — много рук, а тела нет, вскарабкался на жесткое ложе и принялся обрабатывать поверхностные раны Кора.

— Мне самому хотелось побывать в виртуальной реальности, — сказал Милодар. — Это интересно и поучительно. Для тебя также.

— Не притворяйтесь, комиссар, — возразила Кора. — Ради моего удовольствия, вы бы и пальцем не пошевелили. Особенно когда влюблены в синхронных пловчих.

— Это видно?

— Это видно всей Земле, — ответила Татьяна. — Скорее бы вы женились.

— Но на ком из них? — деловито спросил Милодар.

— И это человек? — спросила Татьяна у робота. Но тот не умел говорить. Может, поэтому Татьяна спросила именно у него.

— Ну хорошо, хорошо, — отмахнулся от женщин комиссар, — я с самого начала понял, что дело не простое, тем более что оно взято под контроль Галактическим центром. И дама Рагоза меня встревожила... Повтори, что сказала Кларисса о ее возможной роли в заговоре против Густава?

— Пленка с записью уже отправлена к вам и, вернее всего, лежит в правом верхнем кармане вашего костюма, — мягко ответила Кора.

— Я лучше тебя знаю, что и где у меня лежит... — Комиссар замолк и сделал шаг вперед. То есть это его голограмма сделала шаг вперед. — Кора, — спросил он встревоженным голосом. — Отвечай, только честно, что за красная сыпь у тебя на правой ягодице?

Кора не могла ответить, потому что в последние дни не рассматривала это место своего тела. За нее ответила Татьяна.

— Осколки разрывной пули на излете, — сообщила она. — И вообще-то не чоловичье это дело — рассматривать девичий зад. Вот оденется, тогда и бачите.

— Татьяна Петровна, мы с вами на службе, — строго сказал Милодар. Он был разочарован тем, что его мелкая месть не удалась.

— Кларисса считает, что дама Рагоза более всех заинтересована в смерти племянника. Ей не нужен опозоренный племянник, ей не нужен убитый на дуэли принц. Ей нужно сохранить власть кланов. Ради этого она готова на все.

— Парадоксально, но убедительно, — согласился Милодар. — Кто у нас еще в списке подозреваемых?

— Разумеется, остается Кларенс. Ему нужен трон. Конечно, у него есть шансы добыть его после дуэли. Но не меньше шансов получить его, если Густав пропадет без вести в ВР-круизе. К тому же он не выносит Густава. Впрочем, Кларенса я не смогла увидеть.

— Еще одно упущение! — сказал Милодар. — У тебя были сутки. За сутки Наполеон взял Бастилию.

Познания Милодара в истории оставляли желать лучшего, но апломб его был беспрделен.

— Это кто такая — Бастилия? — спросила коварная Татьяна.

— Его первая жена, — коротко ответил комиссар. — Кто еще у нас в подозреваемых?

— Мы знаем тех, у кого есть явные основания хотеть смерти Густава. Найдется еще немало людей, которые желают его смерти, но нам о том не поведали. Боюсь, что к их числу относится красавица Кларисса.

— Откинем желающих, — сказал Милодар. — Нам нужнее всего те, кому его смерть выгодна.

— А Бастилии смерть Наполеона была выгодна? — спросила Татьяна.

— Татьяна Петровна, попрошу не вмешиваться в деловой разговор, — рявкнул комиссар. — При чем тут смерть Наполеона?

— А разве она его не отравила? — спросила Татьяна.

Кора попыталась незаметно ущипнуть разошедшуюся массажистку, но пальцы лишь скользнули по каменному бедру.

— Она у него была не последняя жена! — сообразил Милодар.

— Та ж, конечно, простите, дядечку, — спохватилась Татьяна. — Я ж запомнила, что он помер на Елене.

— Вот именно! — подытожил комиссар. — И учти, что я имею моральное право не знать деталей из жизни полководца древних времен. Прошло четыре-ста лет, как он взял Москву.

— Триста, — поправила его Кора.

Милодар сделал паузу. И снова посмотрел на часы.

— Хорошо, — сказал он. — Как диалектики, мы должны с тобой понимать, что даже в неудаче есть свои достоинства. Все же ты побывала в их гнезде, посмотрела на них, познакомилась кое с кем, запомнила их физиономии. Может быть, пригодится в расследовании. Завтра отдыхаешь, проводишь время в медицинском центре, затем отправляешься в Древнюю Грецию.

— А он уже там? — неудачно спросила Кора, чем вызвала вспышку сарказма своего шефа.

— А ты что думаешь, — спросил он, — если бы он еще ходил на лекции в университет, мы бы его пустили в ВР-круиз? Разумеется, вся суeta началась потому что он уже там. Он уже давно там! Со дня на день он достигнет совершеннолетия и отправится в путешествие. Тогда он будет открыт всем опасностям и бурям.

— Он поднимет скалу и достанет сандалии? — спросила Кора.

— Я вижу, что ты кое-что прочла из литературы, которую я тебе рекомендовал?

— А как же меня туда отправят? — растерялась Кора. — Кем я буду?

— Об этом ты узнаешь завтра в семнадцать ноль-ноль, когда у тебя назначено свидание с президентом концерна «ВР» доктором Гермесом-Полонским. Подробности завтра. Отдыхай, лечись. Мне пора.

Комиссар начал медленно растворяться в воздухе. Когда от него осталось лишь слабое сияние, он вдруг заговорил вновь, только голос его звучал глухо и отдаленно.

— Когда будешь писать финансовый отчет, напиши заявление о том, чтобы стоимость подаренной автомашины твоим друзьям из агентства Космофлота была вычтена из твоей премии за раскрытие дела об убийстве Тесея.

— Комиссар, но они потеряли машину из-за нас! Они нам так помогли!

— Я не желаю платить из средств ИнтерГпола за невероятную жадность Космофлота. Не желаю, и все тут!

И тут комиссар растворился в воздухе, а Кора осталась наедине с горькими своими думами и болью. Татьяна и робот взялись за нее вдвоем.

— И что за чоловик, — сокрушенно сказала Татьяна, имея в виду Милодара. — И везде у него доноски и стукачи. Даже думать погано!

* * *

Президент всемогущего концерна «Виртуальная реальность» доктор Гермес-Полонский оказался родом из Крыма. Его истинные объемы и формы скрывались в складках терракотовой туники. На нем был тщательно завитой и напояженный черный парик, охваченный золотым лавровым венком.

Он встретил Кору в обширном кабинете, представлявшим собой внутренность древнегреческого дома — артиум, вместо письменного стола она увидела мраморное возвышение, на котором стояли компьютер, принтер, факс и супергалафаксетт. Возле аппаратуры возлежала длинноногая девица в легкой тунике, прикрывавшей лишь одну грудь. Девица была покрыта гусиной кожей и немного посинела от холода. Маленькая подушечка под локтем не могла уберечь ее от леденящего контакта с мрамором.

Президент концерна «ВР» доктор Гермес-Полонский, приподняв толстые младенческие ручки, запорхал между колоннами, намереваясь элегантно встретить гостью, но застрял между ними.

Он вытащил свой живот из щели, достаточной, чтобы там прошел бегемот, и, сделав круговое движение, отыскал более широкий проход между колоннами.

— Ах какая прекрасная гостья меня посетила! — пропел доктор Гермес-Полонский. Он склонился к руке Кору, впрочем, особых усилий ему для этого не потребовалось, потому что он был ниже Кору как

раз на две головы. — Я мечтал о встрече. Я люблю только высоких женщин.

Глаза у доктора Гермеса-Полонского были очень маленькие, карие, внутри их горели крошечные золотые искры, и Коре подумалось: реален ли этот господин, а вдруг он искусственный феномен, а глазки — рецепторы?

— Я реален, — угадал ее мысль президент концерна «ВР», — Каждое утро я просыпаюсь с уверенностью, что поменяю наконец свою отталкивающую внешность, — это мне теперь доступно! Но меня останавливают поклонницы.

— Нет! — заученно закричала девица у компьютеров. Ей было так холодно, что ее голос срывался. Но кричала она громко. — Оставайся как есть!

— Пожалуйста, сделайте для начала немного теплее. Ваша ассистентка совсем замерзла, — попросила Кора. — А потом займетесь своей внешностью.

— Неужели? — удивился доктор. — Анастасия, так ли это?

— О нет, мой возлюбленный, мой кумир! — откликнулась посиневшая девушка.

— Но я замерзаю, — сказала Кора.

— А мне жарко, — ответил президент концерна «ВР». — Мне всегда жарко.

— Ну хотя бы подложите что-нибудь под свою поклонницу. Она вся в синяках. Вы сам когда-нибудь лежали на холодном мраморе?

— Ах какое упущение, какое упущение! — закручинился Гермес-Полонский. — Какой недосмотр. И в самом деле синяки... и здесь синяк, и здесь синяк...

— Это временно! Это совсем не больно! — сопротивлялась девица на мраморе.

— Уходи, крошка, ты уволена. Мы поищем кого-нибудь более толстокожего.

Доктор Гермес-Полонский вытолкнул девицу из зала. Она хныкала и клялась в верной любви.

Кора проклинала себя за неистребимую потребность лезть в чужие дела.

— Так, — Гермес обернулся к Коре. — А из тебя мы сделаем амазонку. Какую грудь мыотрежем, чтобы удобнее стрелять из лука?

— Правую, — мрачно ответила Кора. — Скажите, вы притворяетесь хамом или вы такой на самом деле?

— У меня было трудное детство, — ответил доктор Гермес-Полонский. — Я открою тебе тайну. Я не доктор, не Гермес и не Полонский. Но президент концерна «ВР». Этого достаточно! Значит, ты получаешь ВР-круиз с ролью царицы амазонок. Стоить это будет всего пустяк — ночь со мной.

Кора в растерянности оглянулась. Милодар задерживался. Этот маньяк-президент был самозванцем. Настоящий не позволил бы так себя вести.

— Вызываем хирурга по удалению правой груди? — спросил он.

— Вы, очевидно, ошибаетесь, — сказала Кора. — Я агент ИнтерГпола.

— Не выношу этой организации. И знаете почему? Я боюсь, что когда-нибудь комиссар до меня доберется... Или я до него доберусь. Это шутка, крошка. Надеюсь, ты тоже пошутила?

Наконец-то в углу тихонько материализовался комиссар Милодар. Очевидно, он слышал последние слова доктора Гермес-Полонского.

— Пока я еще не добрался до вас, старый жулик! — ласково улыбаясь, сказал комиссар. — Убери лапы от моего агента, иначе я не ручаюсь за вашу сохранность.

— Ах, Милодар! — Гермес-Полонский стал сама любезность. — Я так рад визиту. Вы не видели мой сад? Ведь вас провели с главного подъезда, а он не презентабелен.

Кору и в самом деле провели через подъезд скучного стеклянного небоскреба на углу Никольской и улицы Борщова.

Меценат — сама любезность, — пропустил Кору вперед, в проход между колоннами. Милодар не спеша шел следом, обходя предметы, чтобы лишние глаза не заметили, что он лишь голограмма.

За домом обнаружился чудесный сад. Апельсиновые деревья были в цвету, утрамбованную землю покрывали лепестки глицинии.

— Осторожнее! — крикнул президент.

Кора обернулась на крик — на нее мчался кабан. Белый, с высокой гривой и огромными клыками. Кора еле успела отскочить в сторону и врезалась в колючий куст. Доктору Гермесу повезло меньше. Кабан подхватил клыками его хламиду и дернул так, что Гермес упал и покатился по земле, а кабан, перепуганный не меньше президента «ВР», пытался вырваться и рвал хламиду клыками и острыми копытами.

Коре пришлось метнуться на помощь меценату, потому что никого из слуг вблизи не оказалось. Она прыгнула на кабана таким образом, чтобы обеими ступнями ударить его в бок. Прыжок удался. От неожиданности и без того ополоумевшее чудовище упало и тут же потеряло все преимущества перед людьми. Кора навалилась на кабана, прижимая к земле его голову. Маленький, в белых острых ресницах глаз кабана смотрел на нее бешено и тупо.

Гермес-Полонский, попискивая и постанывая, выползал сразу из-под кабана и из своей хламиды.

— Поторопитесь, доктор, — с трудом сказала Кора — у меня силы на исходе.

— Эй, мать вашу! — завопил Гермес-Полонский, выпрыгивая наконец из одежды и оставаясь в красных трусах. — Где вы все! Всех уволю!

Будто испугавшись, что их и в самом деле уволят, из всех дверей и прочих отверстий в пейзаже возникли деловитые молодцы и мужчины различного вида — от тяжело вооруженных гоплитов до секретарей в серых костюмах и бордовых галстуках. Растолкав их, на лужайку выбежал устрашающего вида бородач в кожаном фартуке, отягощенный метровыми плечами. Он первым достиг кабана, впрочем, это легко было объяснить тем, что остальные не столь рьяно стремились оказаться первыми. Ловким движением гигант схватил кабана, локтем оттолкнул Кору, поднял кабана в воздух и, тяжело переступая, побежал с ним в обнимку к ближайшей двери.

— Наш идиот-дрессировщик, — мрачно сказал доктор, поднимаясь. — Вам нужна медицинская помощь?

— Если у вас есть вата, пластырь и противостолбнячная сыворотка, то я обойдусь без ваших медиков.

— Проводите, а я переоденусь, — сказал Гермес-Полонский одному из секретарей.

— Я пойду с тобой, — предложил Милодар, которого в последние минуты Кора не замечала.

— Только не это!

Она знала, почему Милодар предпочел не вмешиваться в бой с кабаном. Он никогда не был до конца уверен, когда и где он — голограмма, а когда и где — оригинал. Потому предпочитал не рисковать без нужды.

Разглядывая себя в зеркале туалета, Кора подумала, что в жизни ей еще не приходилось за такое короткое время получать столько неглубоких, но болезненных и нечистых ран, как за последнюю неделю. Хорошо бы эта жизненная тенденция прекратилась.

К сожалению, ее платье было испачкано и измято, но, когда она собиралась позвонить и сообщить об этом местным хозяйственникам, дверь в туалет приоткрылась, и в ней возникла тонкая женская рука с вешалкой. На вешалке висело неплохое, парижское платье как раз размера Кору. Это примирило ее с действительностью. Ибо ей не раз уже приходилось сталкиваться в жизни с отвратительной ситуацией, когда твоего размера в продаже нет. Какой-нибудь коротышке по пояс — любое платье, а ты хоть в простыню заворачивайся!

Когда Кора вновь вышла в садик и опасливо оглянулась — не исключено, что у дрессировщика есть в запасе тигры и удавы, то она обнаружила, что часть растительности уже исчезла, а к атриуму вела выложенная мрамором дорожка, которой десять минут назад еще не было.

За колоннами обнаружился уютный и просторный кабинет президента «ВР». Сам доктор Гермес-Полонский поднялся при виде Кору из-за широкого, затянутого зеленым сукном стола. Его пожилая секретар-

ша, сидевшая справа у двери за металлическим тонконогим столиком, вежливо улыбнулась и замерла как послушная собачка.

Доктор Гермес был облачен в строгий серый костюм, белую сорочку и шоколадный галстук. Со времени их последней встречи в лице президента произошли две перемены. Во-первых, он потерял парик с золотым венцом и облысел, во-вторых, поперек правой щеки тянулся серый пластырь и под глазом виднелся небольшой припудренный синяк.

— Простите, агент Орват, — сказал президент, протягивая Коре обе руки. — Как вы понимаете, события несколько вышли из-под контроля. Белый вепрь, которого мы готовим для Геракла, сегодня не в духе. А дрессировщик плохо запер загон и будет лишен квартальной премии. Надеюсь, вам понравилось скромное платье, которое я вам преподнес?

Милодара нигде не было.

Перехватив и разгадав ее взгляд, доктор Гермес-Полонский произнес:

— Комиссар был вынужден нас покинуть и вылететь в Таганрог. Он попросил меня сделать все для вас необходимое.

— Большое спасибо, — сказала Кора. — Я надеюсь, что вы мне поможете.

— Моя помощь, — улыбка чуть-чуть тронула уголки пухлых губ президента, — начнется с того, что я не сообщу комиссару, сколько стоит ваше очаровательное платье.

Доктор Гермес был проницателен. Если Милодар узнает, что Кора приняла подарок, превышающий по стоимости ее годовую зарплату, то, скорее всего, Кору немедленно вышибут из ИнтерГпола. И правильно сделают. В истории многих тайных организаций падение агента начиналось с маленького дара от доброго клиента.

— Присаживайтесь, — пригласил Кору президент, не ожидая благодарности за платье. — Очевидно, вы полагаете, что наблюдали час назад разгул страстей параноика. На самом же деле я знакомил вас с возможностями виртуальной реальности. Вы застали ме-

ня в тот момент, когда я возвратился из Древнего Рима, где мне пришлось разыскивать нашего агента, и потому я вынужден был играть роль Нерона. Я возвратился еще под действием той нереальной обстановки, и раз уж вы пришли, то продемонстрировали вам всю эту чепуху... Так что забудем!

Любопытно, подумала Кора, что же такого специфически нероновского он мне демонстрировал? Если это и был Нерон, то не по долгу службы, а по извращенному нраву. Об этом надо помнить, но нельзя говорить. Ведь он старается пронзить тебя, Кора, взглядом, чтобы угадать, поверила ли ты толстому дяде. Нет, не поверила, а полагаю, что ты пользуешься собственными возможностями для наслаждения? Для отдыха? Для разрядки? Надо лишь запомнить, что люди, подобные тебе, легко коррумпируются и поддаются шантажу.

— Спасибо за урок, — сказала Кора. — Но вот эти шрамы... и мое порванное платье!

— Я же сказал вам, кабан — это здешняя реальность. Потому и наши с вами синяки — проступок дрессировщика. Но учтите, если вы направляетесь в индивидуальный тур, то получите все синяки и шишки, как в настоящей жизни. Задавайте мне вопросы. Я готов отвечать.

— Я должна буду отыскать принца Густава.

— Я знаю и постараюсь вам помочь. Но зачем вам это?

— А где он сейчас? Что он делает?..

— Эльза, будьте любезны, — попросил президент, — свяжитесь с Управлением надзора. Пускай проверят, где сейчас объект Тесей, что делает.

— Приступаю, доктор, — ответила секретарша и включила компьютер.

— Время там, то есть в виртуальной реальности, идет с той же скоростью, что и здесь? — спросила Кора.

Вопрос обрадовал доктора Гермеса.

— Умница, — сказал он. — Выдрессировал вас Милодар. Сразу берете быка за рога.

— Это самый элементарный вопрос, — возразила Кора. — От ответа на него зависит, сколько времени

Густав должен пробыть в ВР, пока он не проживет героическую жизнь героя Тесея.

— Время в ВР проходит по принципу горного хребта, — пояснил доктор Гермес. Он дал знак и секретарша принялась выстукивать его сентенции. — Представьте себе Гималайский хребет. Он состоит из ста разных пиков. Но вам достаточно назвать Эверест или Аннапурну — да, пожалуй, эти две вершины. И вы уже знаете, что речь идет о Гималаях, о недостижимых горных вершинах. Вы мысленно увидели Эверест и Аннапурну — значит, вы увидели хребет. Значит, вы видели Гималаи.

— Гениально, — сказала секретарша. Эта секретарша, как и прежняя, была влюблена в толстяка. Но стаж ее влюбленности как минимум четверть века.

— Это значит, что мы проходим в той жизни только ее наиболее значительные моменты? — спросила Кора.

— Я же говорил, что вы — умница! — одобрил президент. — Что вам запомнилось из пятого класса средней школы? Что вы делали там третьего октября? Да никогда в жизни не вспомните! А вот первый поход на каток в том же году или сладкое воспоминание о том, как Коля Колин дернул вас за косичку, — это останется до старости. Понятно?

— И сколько же занимает человеческая жизнь?

— Тесей погиб не старым человеком, — как бы невпопад ответил доктор Гермес.

— Сколько ему там быть?

— Несколько недель, — сказал Гермес. — Но даже такой круиз — нечто редчайшее. Мониторинг и вся обслуга индивидуального круиза такой сложности стоит бешеных денег и научных усилий. Мы вынуждены сократить вдвое обычную деятельность.

— Не преувеличивайте, президент, — произнес Милодар, выходя из стены кабинета и проходя к свободному креслу. — Процент, от силы два процента мощностей... я проверю.

— Но вы не представляете, комиссар, что такое — целый процент моих мощностей! — закричал доктор Гермес-Полонский, воздевая руки к потолку.

Сам факт возвращения комиссара в его кабинет впечатления на президента не произвел, хотя другой бы испугался, насколько легко проникает в святая святых главный сыщик. Но человек, имеющий дело с виртуальной реальностью, привык не обращать внимания на такие мелочи.

— Где сейчас принц Густав? — спросил Милодар.

— Где этот бездельник, черт побери?! — воскликнул Гермес.

Секретарша послушно закивала сизой головой.

— Как раз поступают данные.

Мужской голос произнес:

— Агент четырнадцать-бис вошел в длительный сон, который продлится сорок минут и за время которого он станет старше на год и два месяца.

— Мы можем его сейчас увидеть? — спросил Милодар.

— Виртуальная реальность не позволяет нам увидеть объект, так как он реально не существует для человеческого зрения.

— Как же вы его контролируете, черт побери?!

— Мы не контролируем, черт побери! — бесплотный голос компьютера передразнил Милодара, но сделал это настолько равнодушно, что даже возмутиться было невозможно.

Милодар перевел дух и обратился к президенту:

— Мне, пожалуйста, джин с тоником. И немножко лимонного сока, две капли.

— Вы забываетесь, комиссар, — ответил на это доктор Гермес-Полонский, и комиссар, спохватившись, криво усмехнулся.

— Старею, — признался он. — Забыл, что я — голограмма. — Он поднялся с кресла, прошел сквозь стену и исчез.

— Почему нельзя просто сказать принцу Густаву, что ему угрожает смерть, что ему пора прервать ВР-круиз и вернуться в общежитие университета? — спросила Кора.

— Чепуха, чепуха, трижды чепуха! — воскликнул комиссар, возвращаясь сквозь стену. На этот раз в одной руке у него был бокал с кубиками льда, в дру-

гой — бутылка джина. Он снова уселся в кресло и налил джина в бокал. — Во-первых, он не захочет прерывать круиз, потому что он хочет стать героем, — продолжал Милодар. — Иначе бы он не затеял эту игру вместо того, чтобы защищать второй диплом, по экономике. Для него отступление на этом этапе, да еще при отложенной дуэли, — смерти подобно.

— А во-вторых, — закончил за комиссара доктор Гермес, — это сделать более чем трудно, потому что принц Густав сейчас закодирован таким образом, что он убежден в собственной идентичности Тесею.

— Вот так-то, — согласился с президентом Милодар.

Мужчины торжествующе смотрели на Кору, словно победили ее в отчаянной борьбе.

— Значит, если вы пошлете туда человека и попросите его привести Тесея обратно, то Густав просто не поймет, в чем дело?

— Вы совершенно правы, умница, — согласился Гермес.

— Значит, его надо утащить насильно. И спасти.

Из этих слов всем стало понятно, насколько Коре не хотелось отправляться в дикое прошлое.

— Наша компания, — доктор Гермес-Полонский махнул рукой секретарше, чтобы та не забыла зафиксировать его мудрые и окончательные слова, — никогда не позволит никому в мире прервать ВР-круиз, даже если за этим стоит вся мощь Галактики.

— Почему? — удивилась Кора.

— Потому что мы не сможем сохранить в тайне этот инцидент. И через некоторое время потеряем все — и честь, и клиентуру. Сегодня вы выхватываете из круиза клиента Густава, потому что какая-то сумасшедшая интриганка или выживший из ума оракул прокричали вам на ухо, что его собираются прикончить. А завтра к нам прибежит муж клиентки и потребует ее возвращения, потому что он без нее не умеет делать салат оливье.

— Не преувеличивайте, — заметил Милодар.

— Речь идет не о преувеличении, — рассердился президент «ВР». — Дело в принципе. Люди уходят в

круиз, как в небытие, уверенные в том, что они заживут иной жизнью. И если они будут подозревать, что столоначальник может вызвать их, потому что заболел бухгалтер и его некому заменить, то мы можем переходить на торговлю кастрюлями.

— А если мы представим доказательства того, что на принца готовится покушение? — спросил Милодар.

— Пожалуйста. Но я уверен, что вы никогда, ни за что не сможете представить нам таких доказательств. А впрочем, попробуйте.

С легкостью, неожиданной для столь грузного немолодого мужчины, доктор Гермес-Полонский оттолкнулся ладонями, подпрыгнул и уселся на крышку письменного стола. Стол зашатался, но выдержал.

— Но если его убьют, вы будете отвечать по закону! — рассердился Милодар, который не терпел, когда с ним спорят, а тем более, спорят убедительно.

— Еще никто не погиб в круизе, если сам того не хотел, — сказал доктор Гермес.

— Значит, кто-то все же погиб? — спросила Кора.

— Дорогая моя умница, — терпеливо сказал президент, который явно симпатизировал агенту номер три. — Разрешите мне объяснить вам, как нельзя и как можно погибнуть в ВР-круизе. Как я уже имел честь вам говорить, уходя в прошлое, вы принимаете образ, происхождение, окружение и, в общих чертах, судьбу своего персонажа. Его жизнь и его смерть. Ваша деятельность в прошлом контролируется весьма относительно, в вычислительном центре существует ваш ввод, и микродатчик, вживленный в вас, подает нам сигнал — пока вы живы, мы спокойны. Если вы погибли — мало ли что может произойти, — сенсоры тут же определяют ваше местонахождение и через несколько секунд извлекают вас из круиза, и вы оказываетесь на операционном столе, где вас собирают по кусочкам.

Почему-то это выражение показалось забавным секретарше, которая давно уже перестала стрекотать на клавиатуре и внимала президенту, как божеству. Она захихикала. Доктор Гермес цыкнул на нее и продолжал:

— Скажу больше, в случае, если ВР-круиз проходит по категории «О»...

— Опасный? — спросила Кора.

— Умница! — уже привычно воскликнул Гермес, вызвав гневный взгляд секретарши. — Маршрут Тесея расценивается как «ЧО», понятно?

— Понятно. Чрезвычайно опасный.

— В таких случаях мы ведем мониторинг состояния здоровья путешественника. И даже если он не умер, но параметры тела крайне ненормальны, мы посылаем в примерное место действия своего агента. Но это стоит безумных денег и не всегда дает эффект.

— Почему? — спросила Кора.

— Потому что мы знаем точку нахождения путешественника в пространстве и времени только приблизительно. Постоянна лишь неподвижность. Неподвижность означает смерть. Если вы умерли, то мы вас вытащим, но если вы живы, то вас трудно локализовать в пространстве и времени — вы же двигаетесь активно. Так что наш агент может помочь, может даже эвакуировать круизника, но порой это ему не удастся. Особенно если круизник сам не хочет, чтобы его нашли, и решил покончить с собой. — И предвосхищая вопрос Кору, доктор Гермес-Полонский закончил: — Да, так было трижды. Один раз мы смогли вытащить и оживить самоубийцу, дважды потерпели поражение.

— Как же так? — спросил Милодар, не скрывая сарказма. — Ведь ты сказал: наступила смерть, завершилось движение, объект неподвижен, вы его вынимаете из круиза, но терпите поражение?

— Есть редкие ситуации, когда мы его достать не можем, — уклончиво ответил президент и добавил специально для секретарши: — Это можно не фиксировать.

— Значит, — сразу же бросила в него вопросом Кора, — можно убить человека так, что вы не сможете его вернуть и привести... в порядок?

— Теоретически — да. Практически — очень трудно.

— Любопытные же вы открываете перед нами перспективы, — сказал Милодар. — Крайне любопытные. Вы не только допускаете смерть клиента во время увеселительной прогулки...

— Кто говорил здесь об увеселительных прогулках? Это ВР-круиз типа «ЧО»!

— Чрезвычайно опасный, — пояснила секретарша.

— Но вы еще утверждаете, что мы будем рисковать жизнью моего ценнейшего агента? — Милодар указал бутылкой на Кору.

— Давайте уточним, что будет делать ваш агент в чужом ВР-круизе?

— Она будет беречь принца Густава, который представляет особую галактическую ценность, от покушения.

— Так не бывает!

— Причем вы гарантируете, что никакой чужой личности агенту Орват вы не будете навязывать.

— В том мире — все современники!

— А Кора останется Корой.

— Исключено, исключено, исключено! Вы хотите опозорить меня и разорить.

— Наоборот, я хочу спасти вашу репутацию и поэтому рискую жизнью лучшего агента.

Может, лучше было бы спросить мое мнение? — подумала Кора, но вслух ничего не сказала. Ей польстило то, что ее называли лучшим агентом. Понятно было, что эти слова вырвались у Милодара только потому, что он торговался с Гермесом, но все же!

— Я могу в крайнем случае направить в прошлое моего сотрудника, — произнес доктор Гермес. — Но только не вашего агента, совершенно неподготовленного, обреченного на провал, к тому же молодую женщину! Нет, нет и еще раз нет! — Президент стукнул по столу пухлым кулаком.

— Ну что ж, — вздохнул Милодар так, словно и в самом деле решение далось ему с трудом. — Властью Галактической Федерации я приостанавливаю деятельность концерна «Виртуальная Реальность» как подвергающую опасности жизни своих клиентов.

— Вы сошли с ума! Вы разоряете миллионы акционеров, вам этого скандала не пережить.

— И вам тоже, коллега, — ответила голограмма Милодара.

И доктор президент Гермес-Полонский с проклятием капитулировал. /

* * *

Когда перед уходом в ВР-круиз Кора прилетела на Центральную базу комиссара, расположенную подо льдом в Антарктиде, Милодар, пожав ей руку и поцеловав в щеку, — на базе он позволял себе бывать в естественном виде, то есть во плоти, — сразу провел к себе в кабинет.

Он взял со стола небольшой объемный портрет молодого человека, с капризным мокрым ртом, низким лбом итальянского патриция времен Возрождения и курчавыми ржеватыми волосами.

— Узнаешь? — спросил он.

Кора покачала головой.

Милодар включил проектор, и на стене появилось изображение Космовокзала — известного шереметьевского терминала. Из туннеля для пассажиров вышел этот молодой человек, одетый богато, но старомодно.

— Неужели не узнаешь? — спросил Милодар.

— Да нет же!

— Ты ненаблюдательна.

Он включил еще один фильм. Кора сразу догадалась — эта пленка была снята ею самой посредством камеры-пуговицы в бедной светелке красавицы Клариссы. Вот и сама Кларисса, вот и старушка, оказавшаяся оракулом Дзадсоном.

Глаз камеры обследовал обшарпанные и залатанные обои, протертый ковер с изображением лебедей в пруду, ученический стол с фанерным верхом, на котором лежали учебники странной красавицы...

Затем глаз камеры переместился на стены и последовательно пригляделся к фотографиям, портретам и открыткам, прикрепленным к обоям. Открытки, как

правило, изображали какой-то небогатый приморский городок, куда Кларисса, видно, ездила отдыхать; на фотографиях были изображены капралы и фермеры — возможно, предки и родственники девушки...

— А теперь прошу твоего внимания, — сказал Милодар. — Я догадался совершить некий фокус, до которого ты, моя крошка, по неопытности, не додумалась. Мы снимаем тонкий слой грима, нанесенный на стены и пол, и смотрим, что же скрывается за обоями и открытками... Смотри!

Верхний слой картинки медленно расплавился.

По мере того как таяло изображение, Кора, к своему изумлению, видела, что и комната приобрела иной вид.

Под потертыми залатанными обоями обнаружились иные, шелковые, давленные, безупречные в голубизне, новизне и беспорочности. Попугаи и трясогузки летали с ветки на ветку... Портреты, развешанные по стенам, принадлежали кисти посредственных, но вполне профессиональных светских художников, на полу раскинулся пышный ковер чудесного рисунка, а столик семнадцатого века был изящно инкрустирован драгоценными камнями. На столе лежало несколько модных журналов — и ни одной тетрадки. Да и сама Кларисса была одета настолько дорого и изысканно, что сразу стало ясно, что на туалеты онахлопывает львиную долю чьих-то денег.

— Это гипноз? — спросила Кора.

— Нет, это так называемое наведение антиглянца. Недавнее и довольно дорогое развлечение: твое жилище и ты сам выглядишь в глазах гостя так, как тебе того бы хотелось. Тончайшая пленка скрывает истинный интерьер... А теперь посмотри на самый большой портрет над столом.

— Это он! — воскликнула Кора.

— Кто он?

— Тот, кто прилетел. Чью фотографию вы мне только что показали.

— За это ты получаешь еще один выговор и предупреждение о служебном несоответствии. Ты упустила одного из главных подозреваемых. И если бы

не меры, принятые мной, мы могли бы не заметить того, что сегодня на Землю прилетел не кто иной, как принц Кларенс, под именем торгового агента Купера.

— Это он? — удивилась Кора. — А я думала, что он куда как утонченнее.

— Ты не только не желаешь признавать ошибок, — укорил агента комиссар, — но и упорствуешь в них. Ты лишаешься премии за прошлый квартал.

— До чего вы бываете занудным! — сказала Кора, вытащила из волос шпильку, поддела ее ногтем, и из шпильки выкатилась и развернулась тончайшая пленка — портрет принца Кларенса.

— Могла раньше сказать! — рассердился комиссар. — Почему ты заставляешь меня тратить время, насыщая тебя ненужной информацией.

— Премия остается за мной? — спросила Кора.

— Только если Тесей вернется из круиза живым. Или не настолько мертвым, чтобы его нельзя было сложить и вылечить. Так что иди выпишись, почитай мифы Древней Греции, а также Плутарха — с собой их взять будет нельзя. Завтра в восемь ты отправляешься в мифические времена Афин. Ты рада?

— Я рада, что наконец выплусь, — уклончиво ответила Кора.

— Если ты в Москву, я тебя могу подбросить до Таганрога, оттуда ты доедешь на метро.

— Что за неожиданная доброта? Неужели ваши невесты там сегодня ныряют?

— Вот именно!

* * *

Добравшись до своей скромной квартирки, выстроенной в виде небольшого замка на крыше обветшалого небоскреба на углу Маросейки и Потаповского переулка, Кора сразу отключила связь и высыпала, не проглядывая, в преобразователь мусора всю корреспонденцию, накопившуюся за последние дни в почтовом ящике, — все равно прочесть не успеешь. Затем Кора направилась в ванную,

намереваясь, смыв с себя пыль космических трасс, рухнуть на диван и проспать часов двенадцать. Но когда она уже была в двух шагах от заветного дивана, преобразователь мусора недовольно заворчал и выплюнул, как не подлежащее уничтожению, открытку от бабушки Насти о том, что черника в этом году не уродилась, а вот вишня была чудесная, и также книгу, присланную комиссаром Милодаром. В углу конверта было крупно написано: «Прочесть до начала задания».

Внутри пакета лежал объемистый труд британского поэта и исследователя Роберта Грейвса «Мифы Древней Греции», где жизни Тесея была посвящена особая часть, подвиги и приключения героя трактовались в контексте культурологических штудий и сравнительной мифологии.

Кора намеревалась проглядеть первые две-три странички, как бы повторить пройденное, но нечаянно зачиталась и отправилась дальше по дорожке жизни своего героя...

Итак, мальчик Тесей рос при скромном дворце Питфея, нежась на ласковых руках мамы Этры, потом стал все дальше и дальше отбегать от родного дома. Учитель Коннид рассказывал ему о богах и героях, а также учил его читать, писать и считать, показывал созвездия и открывал тайны живой природы...

Порой к Питфею заезжал его родственник, очевидно двоюродный брат, а может быть, и дядя Геракл. У греческих героев всегда нелегко разобраться в родственных связях, во-первых, потому, что у каждого автора они иные, а во-вторых, потому, что в Греции можно было иметь, к примеру, двух отцов. Нередко хитрые и похотливые боги в брачную ночь или накануне ее слетали с Парнаса в постель к невесте, и потом считалось, что получившийся сыночек имеет сразу двух отцов. Кстати, такая версия широко использовалась дедушкой Питфеем по отношению к самому Тесею.

Впрочем, Кора все же сделала попытку разобраться в семейных делах. Это могло ей понадобиться в работе сыщика.

Значит, Питфей, сын Пелопа, в память от которого нам остался полуостров Пелопонесс, и Гипподамии (что вовсе не означает, как может показаться, что его мама была «лошадиной дамой»), имел двух известных своими подвигами и безобразиями братьев, Фиеста и Атрея, о которых мы здесь умолчим. Но еще у него была совершенно неизвестная никакими подвигами и безобразиями хорошенькая домовитая сестренка Лисидика. Лисидику отдали за Электриона, который не имеет отношения к электронике, и родилась очаровательная дочка Алкмена. Дочка Алкмена, как вы понимаете, родная племянница Питфея, вышла замуж за Амфитриона, который этого самого Электриона убил. Но не нарочно, а нечаянно, по дикости своего древнего характера. Амфитриона изгнали из Микен, и беглецы поселились в Фивах, где Амфитриону дали отряд и велели воевать, чтобы отработывал свой хлеб.

Амфитрион редко бывал дома, а скучавшая Алкмена принимала солнечные ванны на плоской крыше своего дома. Когда ее увидел пролетающий мимо Зевс, он так удивился, что тут же приказал ночи сменить день. Трое суток продолжалась ночь, потому что трое суток Зевс не мог насладиться и насытиться прекрасным и страстным телом Алкмены. Может быть, это и преувеличение, подумала Кора, но древним надо было найти какое-то объяснение тому, что плодом этой трехсуточной любви стал не кто иной, как Геракл, формально считавшийся сыном Амфитриона, который те трое суток пробыл со своим войском в поле, так как в крошечной тьме не знал, куда направить свои удары.

Значит, в общем, все не так сложно: Геракл — внучатый племянник Питфея, то есть сын племянницы. А Тесею он дядя. А дворец в Трезене для Геракла — дом родной.

Теперь все стало ясно и можно было двигаться дальше.

Может быть, именно в Трезене, в небольшом интеллигентном доме, в неспешных беседах, в атмосфере обожания и поклонения, Геракл отдыхал душой.

Всем там запомнилась такая яркая сцена.

Как известно, Геракл вместо нормальной одежды носил львиную шкуру, что говорит о его тщеславии и постоянном страхе, что его не узнают, не оценят и не испугаются.

Вместо того чтобы оставить шкуру, как и положено в прихожей, Геракл вошел в ней в столовую и только там спохватился, что в шкуре обедать жарко и неудобно. Он бросил ее в угол и забыл о ней. После обеда взрослые перешли выпить амброзии и поиграть в кости во внутренний дворик под сень виноградных лоз, а в столовую прибежали мальчишки, среди которых Тесея можно было угадать лишь по благородной осанке и то, если как следует приглядеться.

Мальчишки кинулись к блюдам — может, осталось от взрослых что-нибудь вкусненькое. И тут один из них увидел в темном углу льва!

С визгом дети бросились прочь из комнаты. С ними убежал и мальчик Тесей. Но в отличие от сверстников и старших товарищей он помнил, что на поленице у кухонной печи лежит топор. Мальчишка стремглав влетел на кухню, схватил топор и, не в силах еще замахнуться, поволок его в столовую.

Кто-то из поваров заметил Тесея и погнался за ним. Поэтому и оказался первым свидетелем первого подвига Тесея. Мальчик отважно дотащил топор до львиной шкуры и, с трудом подняв его, уронил на голову льва.

— Скорее сюда! — закричал повар. — Мальчик совершает подвиг Геракла!

Разумеется, тут прибежали взрослые, кто-то засмеялся, а кто-то и покачал задумчиво головой, понимая, что на глазах у них растет настоящий античный герой.

— Что поделаешь, — негромко сказал дипломатичный дедушка, — кровь Посейдона...

Этра зарделась, потому что любой молодой женщине стыдно сознавать, что у нее сын от существа, которое умудрилось совершить любовный акт, не поставив об этом в известность свою любовницу.

Рассердился только один Геракл, который был очень вспыльчивым. Он поднял шкуру и показывал всем, что Тесей прорезал ее в одном месте топором. Дырка была маленькая, и вероятнее всего от моли, но с Гераклом спорить не стали, и Этра сама зашила шкуру той же ночью.

...Кора потянулась, сон накатывал неумолимо. Пойти принять надежное лекарство, которое лишает тебя сна на сутки, а то и на неделю... Нет, лучше поставлю будильник, подумала Кора. Потому что она очень любила спать и смотреть сны.

Она дочитала историю детства и юности Тесея на следующее утро, нежась в ванной, покрытая голубой пеной, словно взбитыми сливками. В комнате шумел пылесос, ему вторил уборщик, который собирал по полу и под диваном осколки упавшего со стола будильника. Солнце поднялось уже высоко.

Кора заглянула в любимого ею здравомыслящего Плутарха, который, как и положено цивилизованному человеку, почти не верил в богов и всякую мифологическую чепуху, но был убежден, что Тесей существовал и совершал свои подвиги. Только их потом ложно толковали.

Не удовлетворившись краткими сведениями, излагаемыми Плутархом, Кора снова открыла Грейвса. Там история возмужания Тесея была описана с любопытными житейскими подробностями. Оказывается, когда юноше исполнилось шестнадцать лет, дедушка отправил его в Дельфы, к тому самому оракулу... Там, в храме Аполлона, Тесей пожертвовал богу свои волосы. Правда, не все. Он выстриг спереди короткую челку.

Когда Тесей вышел из храма, одна девочка, которая с ним в те дни дружила, удивилась и спросила:

— Ты что, с ума сошел? Это же некрасиво и совершенно немодно.

— Я не гонюсь за модой, — рассудительно ответил шестнадцатилетний юноша.

— Тогда зачем ты это сделал? — спросила девушка.

— Я готовлюсь к подвигам, — ответил Тесей. — А когда я буду драться с врагом, он может схватить

меня за волосы. А потом стукнуть дубиной по голове. Мы же еще совершенно первобытные. А так врагу будет не за что хвататься.

Девочка была потрясена такой сообразительностью в юноше и всем рассказала эту историю. И она дошла до нас так же, как и рассказ о том, как через тысячу лет Александр Македонский перед решающими сражениями с персидской армией приказал всем своим воинам сбрить бороды. С той же целью, с какой Тесей отстриг волосы.

Когда Тесей вернулся в Трезену, мама с бабушкой, как обычно, подвели его к скале. На этот раз он, поднатужившись, отвалил глыбу. Сандалии, хоть и были из хорошей кожи, запылились и ссохлись, а меч немного проржавел. За ночь сапожник и оружейник привели в порядок отцовское наследие. А утром дедушка Питфей призвал внука и сказал ему:

— Отправляйся в Афины. Срочно. Там покажи сандалии и меч афинскому царю Эгею. Он тебя узнает и сделает своим наследником.

— И все-таки скажите, мой отец не Посейдон? — огорчился Тесей, как огорчился бы на его месте любой молодой человек, внезапно лишенный божественного покровительства на небезопасных дорогах Эллады.

— Если спросят враги, говори: Посейдон, — ответил дедушка. — А если друзья, то друзьям всегда надо говорить правду. В конце концов унаследовать Афины — самый большой и богатый полис в Греции — это даже не каждому богу под силу. Так что я уже отдал приказ снаряжать корабль. С утра поднимешь парус — и в путь!

Но не тут-то было...

...В квартиру позвонили. Кора не открывала. Она не любила, когда ей мешали. К тому же до отъезда в Древнюю Грецию ей хотелось обязательно догнать Тесея в его походах.

Дверь в ее квартиру пытались сломать. Безуспешно. Дверь и внешние стены ее небольшого замка были сделаны из остатков боевого космического крейсера «Забияка», на котором покойный отец Кору прошел сквозь черное облако из волиевой кислоты.

Так что, кроме направленного атомного взрыва, дверь ничем не возможно взять. А бомбу рвать не будут — все-таки исторический центр Москвы, пережил три мировых войны...

...Но не тут-то было. Тесей посмотрел на дедушку и сказал:

— Нет, мы пойдем другим путем.

— Не понял, — удивился Питфей.

— Я не поплыву в Афины!

— Почему? Это же удобно! Корабль уже поднял парус, гребцы уже опустили в воду весла, на корме подготовлено удобное ложе для юного героя. Дня за два с попутным ветром вы доберетесь до Афин и увидите чудесные храмы и дворцы. О, это настоящее искусство, настоящая столичная архитектура! Ты поймешь, что рос в деревне. Но пусть это не смущает тебя, малыш; ты законный наследник престола в Афинах.

— Значит, точно Посейдон мне не отец?

— Сдался тебе Посейдон! Человек выше богов!

В этот момент Посейдон послал на Трезену такую грозу, что дедушке с внуком пришлось долго отсиживаться на чердаке. Но это могло быть случайностью.

Пока они сидели, Тесей честно рассказал дедушке, что безопасное путешествие по морю, на комфортабельной койке и под стройное пение гребцов для него не подходит. Для настоящего героя оно даже унижительно. Разве совершишь подвиг на этом пути?

— В жизни всегда есть место подвигу, — неуверенно заметил дедушка, мысленно подсчитывая, во что ему обойдутся завтрашние жертвы обиженному Посейдону. Ибо известно, что древнегреческие боги — большие мздоимцы.

— Зачем тебе идти по суше? — ломала руки мать Тесея, все еще молодая и даже похорошевшая с возрастом, по крайней мере приобретающая округлые формы, дама. — Там же страшные леса, давно не очищенные от разбойников и всякой нечисти. Ты понимаешь, что обрекаешь себя на ужасный риск всего в двух шагах от цели? Давай договоримся: ты устроишься на новом месте, по сандалиям и мечу тебя

опознает твой отец, а мой нечаянный муж, потом ты возьмешь афинское войско и с его помощью прочесешь окрестные леса. И нам хорошо, и народ доволен, и ты ничем не рискуешь.

— Ой, мама! Ой, дедушка! — возопил Тесей. — Неужели вы не понимаете, что это будут не подвиги, а карательная экспедиция, которая не останется в истории? Нельзя стать героем, если не рискуешь.

— Откуда тебе это известно? — строго спросил дедушка.

— У меня есть дядя, — ответил Тесей.

Этого ответа Питфей и опасался. Он давно видел, какими восторженными глазами мальчик смотрит на дядю Геракла. И бессмысленно было объяснять ему, что в большинстве своем подвиги дяди Геракла никому не приносят пользы и ведут лишь к разрушениям и жертвам. Да и сам Геракл с возрастом не становится умней и сдержанней. Он то и дело кого-нибудь убивает либо по неосторожности, либо в диком припадке. словно невероятная сила, рожденная трехсуточным любовным экстазом Зевса, плохо влияет на клетки головного мозга и сдерживающие центры знаменитого героя. Может быть, именно поэтому зачатие ребенка обычно не растягивают на трое суток.

— Твой дядя — хулиган-переросток! — закричала Этра, которая не была связана правилами мужской чести. — Он только и может, что убивать, убивать, убивать... Ты же сам мне говорил, что убийство тебе претит!

— Несправедливое убийство мне претит, — согласился Тесей. — Но и мой любимый дядя никого и никогда не убивает просто так...

— Тогда посчитай! — рассвирепела мать Тесея. — Кто убил всеми уважаемого старца Лина, крупнейшего исполнителя священных гимнов на кифаре, музыканта, какого не знал мир, учителя...

— А зачем этот старикашка хотел выпороть Геракла за то, что он плохо учил гаммы? — спросил в ответ Тесей.

— А кто убил своих детей и детей своего брата Ификла? Кто, я тебя спрашиваю? — закричал старик Питфей.

— Дедушка, от тебя я этого не ожидал, — укорил его внук. — Ведь все признали, что это случилось в припадке безумия, который наслала на дядю Геракла противная богиня Гера. За этот проступок он казнил себя больше, чем его могли казнить люди! Он выполнил двенадцать подвигов, и все они были совершены на благо человечеству!

— Пока еще он выполнил всего три или четыре, — поправила Тесея мать. Но она уже поняла, что все ее увещания бесполезны. Мальчик верил в отвагу, доброту и благородство своего дяди.

А старый Питфей понял, что мальчика не стоит отговаривать. Пользы никакой, одно раздражение. А может быть, для репутации Тесея совсем не так уж и плохо совершить несколько небольших и не очень трудных подвигов? Это ведь не всемирно известные деяния Геракла, а всего лишь наведение некоторого порядка в соседних рощах и оврагах... В конце концов мальчик крепкий...

— Мама, — произнес между тем Тесей. — Я даю тебе слово, что буду драться только с разбойниками и бандитами, которые грабят и угнетают наш простой греческий народ. И не нападу ни на кого, если он не атакует меня первым. Больше того, я постараюсь сделать так, чтобы наказание, которому я подвергну бандита, будет точно таким же, как и его преступление.

Разумеется, свою мать Тесей не убедил и не утешил, но Питфей поспешил в арсенал, чтобы подобрать внуку шлем, латы и круглый щит. Девочки, с которыми Тесей еще недавно танцевал на храмовых праздниках, юноши, с которыми делил забавы детских лет, собрались проводить его в славный путь. Некоторые просились сопровождать его, но Тесей пожал друзьям руки и объяснил, что подвиги лучше всего совершать в одиночку. А что касается народной молвы и свидетелей, то они обязательно найдутся, если подвиг настоящий.

Провожающие теснились толпой у открытых деревянных ворот Трезена, глядя, как, уменьшаясь, фигурка юноши достигла масличной рощи и пропала в

тени деревьев. Этра плакала, Питфей смахивал скучную мужскую слезу, а девочки и девушки, целовавшиеся с Тесеем под вишнями и смоковницами, рыдали навзрыд.

* * *

— Ну хватит! — грозно сказала Кора, отложив все книги, и вышла из голубой пены, как Афродита. Правда, она превосходила Афродиту ростом и размахом плеч, да и талия у нее была потоньше, чем положено богиням.

Кора подошла к двери, содрогавшейся от ударов электронным отбойным молотком.

— Кто там? — спросила она голосом домашней хозяйки.

Грохот прервался.

За бронированным стеклом окна завис вертолет, в котором яростно размахивал руками президент Гермес-Полонский. Рядом сидела голограмма Милодара и грызла ногти. Комиссар никогда не мог простить Коре, что даже его голограмма бессильна проникнуть внутрь ее квартиры без спроса.

— Что случилось, господа? — спросила Кора, потягиваясь и открывая окно. Из окна потянуло свежим ветром и перегоревшей пылью от буровых инструментов. Кора вытирала волосы махровым полотенцем.

— Что с тобой? Мы думали, что тебя убили! — закричал Милодар.

— Нет, — ответила Кора, — меня не убили!

— У тебя не отвечал телефон и экстренная связь тоже...

— Знаю, я была в ванной.

— Сколько ты там была?

— Часа два, не больше.

Милодар не хотел разговаривать, он отвернулся и замолчал.

— Вас ждут, — сказал доктор Гермес, простив Коре опоздание за то, что она явилась пред его очи в костюме Афродиты. — Все готово. Тесей пошел в Афины пешком.

— Значит, все согласовано? — спросила Кора. Она накинула полотенце на плечи и, взяв с подоконника гребень, начала расчесывать свои тяжелые русые волосы. — А мне никто ничего не рассказывает.

Президент Гермес-Полонский в смущении обернулся к комиссару, но тот продолжая хранить молчание, хотя в настоящий момент Кора была виновата лишь в том, что зачиталась подвигами Тесея.

Видя, что Милодар не желает говорить, президент взял инициативу на себя.

— Если вы будете так любезны одеться и присоединиться к нам, — сказал он, — мы отвезем вас к вратам ВР-круиза. Время не ждет. С той минуты, как Тесей покинул свой дом, он лишен профессиональной охраны.

— Какое оружие я беру? — спросила Кора.

— Никакого, — вежливо отвечал президент. — Вы выключили воду в ванной?

— Да, и сняла чайник с плиты.

Милодар возмущенно фыркнул, но промолчал.

Одевшись, Кора вылезла на крышу, захлопнула за собой окно, теперь только она знала кодовое слово, чтобы открыть замок в свою квартиру.

— Доктор-президент, — обратилась она к Гермесу. — Скажите, я получу у вас какую-нибудь одежду или должна буду добывать себе хламиду в отдаленном прошлом?

— Не говорите чепухи, — буркнул президент. — У входа в «ВР» вас ждут наши специалисты по хитонам, хламидам, гиматиям, обуви, застежкам и правилам приличия. У вас будет полчаса, чтобы все это освоить.

— Я не успею, — сказала Кора.

— Успеешь! — отрезал Милодар. — Хватит издеваться над старшими! Успеешь и через полчаса будешь в Древней Греции. Твоя работа уже началась. Ты найдешь Тесея и будешь охранять его до конца круиза. Не смей раскрывать свое инкогнито.

— И даже без отпуска?

— Ты все прочла, что я тебе оставил?

— Я успела дочитать только до его выхода из дома.

— К сожалению, больше связи с тобой не будет. В самом крайнем случае оставишь записку Дельфийскому оракулу. Учти, что ты первый посторонний человек, который входит в ВР-круиз, помня о том, кто ты такая и почему там оказалась. Все остальные живут чужой жизнью. Тебе понятно доверие организации?

— Я подтверждаю это! — воскликнул доктор Гермес-Полонский. Пожалуй, слишком громко, чтобы Кора ему поверила.

— А я могу и не ехать, — сказала Кора. — Мне больше нравится читать про Тесея.

— Врешь! — крикнул Милодар. — Сама ждешь не дожدهшься, когда пустишься в приключения. Ты без них жить не можешь!

— О как вы далеки от истины, комиссар! — ханжески ответила Кора.

Вертолет пошел на посадку в глубоком овраге на обнесенной силовой защитой площадке Центрального управления виртуальной реальности.

До перехода Кору в Древнюю Грецию оставалось двадцать пять минут.

* * *

У вертолета Кору подхватил молодой человек, женственный в движениях и интонациях.

— Какое счастье, — проворковал он, проводя узкой ладонью по боку Кору. Девушка в некоторой растерянности оглянулась на президента, но тот в ответ сделал некое прощальное либо прощающее движение толстой рукой, отдавая Кору на растерзание женственному молодому человеку.

Увлекая Кору внутрь здания, тот ворковал, подобно влюбленному голубю, гуляющему по ограде балкона.

— Вы несколько превосходите размером среднюю гречанку классического периода, но надеюсь, что мы успеем, да успеем...

В большом, низком, ярко и холодно освещенном зале двое мужчин, с ножницами и сантиметрами в

руках, стояли по обе стороны закройного стола, снабженного собственным компьютером с большим разноцветным экраном.

— Представлять никого не будем! — воскликнул женственный закройщик. — Речь пойдет лишь обо мне, скромном гении современности. Виртуальная реальность невозможна без моего толчка — вы должны появиться там либо обнаженной, либо приемлемой. Потом вы обзаведетесь гардеробом, но ваше невежество в простых повседневных вещах может стоить вам жизни.

Один из закройщиков взял со стола и протянул Коре массивные наушники, соединенные с металлическим шлемом. Молодой человек прикрепил его к голове Кору, для чего той пришлось склониться перед ним в поклоне.

— Сейчас я включаю изображение — фильм, снятый нашим сотрудником в нужном вам прошлом. Звуковое и смысловое сопровождение будет внушаться вам... — закройщик показал на наушники. — А мы тем временем вас оденем.

Мастера стали снимать мерки для одежды и обуви, а Коре казалось, что она очутилась в богатом древнегреческом доме, дивясь его простоте и неприхотливости, заглядывала на женскую и мужскую половины, увидела в обнесенном колоннами зале алтарь Аполлона, занавесы, заменявшие двери... Потом она перешла в бедный дом... Соответствующие греческие названия навсегда отпечатывались в памяти, да и картины античной повседневности тоже становились частью памяти Кору — ибо теперь она должна была поверить в то, что знает все детали этого мира с детства.

Недолгая процедура обследования дома, затем быстрого прохода по рынку, к храму, к гимнасии и гипподрому отвлекли Кору от того, что делали непосредственно с ней.

Когда женственный закройщик снял наушники и магические очки, Кора получила возможность увидеть себя в зеркале. Зрелище ей понравилось, хотя ее несколько разочаровала простота и даже бедность одеяния, которое ей предстояло носить.

Волнистые тяжелые волосы Кору, спадавшие на плечи — она ни за что не желала их укоротить, хоть сам Милодар требовал и грозил разжаловать, — были собраны сзади в низкий пучок и покрыты плетеной сеткой, будто попали в серебряную нить.

В ушах были две жемчужные серьги, схожие с каплями перламутровой влаги, на шее — две тонких нити бус, простых, но красивых: халцедоны, оникс, опал, жемчуг... интересно. Прелесть в отсутствии симметрии.

На руке тонкие браслеты и золотой перстень — потом рассмотрим.

На ногах сандалии — ничего особенного, кожаные подошвы привязаны к щиколоткам кожаными же ремешками.

Основная одежда — Кора знала уже теперь, как что именуется, — была коротким хитоном, который не доставал до колен. Он был соткан из тонкой шерстяной ткани белого цвета и обшит узкой полоской терракотового орнамента. Кора знала также, что хитон — простейшая одежда на свете — сложенный вдвое кусок ткани, сгиб которого приходится сбоку так, что в нем прорезано отверстие для руки. Вторая рука свободна, а на плече концы хитона были подхвачены брошью.

Так как легкий хитон, перехваченный поясом, был единственной одеждой Кору, то она поняла: прекрасное на греческих скульптурах не всегда удобно в жизни. Тем более когда женственный юноша, задыхаясь от эстетического восторга, объявил, что Коре будет предпочтительней обойтись без броши и застежек, а правую грудь оставить обнаженной. Это ей тем более удобно, если придется стрелять из лука. Высокая грудь в таких случаях только мешает, и, как известно, амазонки порой ее ампутировали...

— Да замолчите вы! — воскликнула Кора. — Я уже слышала этот текст от вашего президента, но я показываю свои груди лишь избранным.

— Какая жалость! — завопил женственный специалист. — Это же национальная ценность. Я предлагаю вам сделать с них слепки, как с образцовых изделий.

Кора поняла, что ей хочется пристукнуть женственного юношу, но что делать, если человеку досталась такая странная работа и свойственные эмоциональные всплески.

— Кстати, я не знаю, какие сумочки носили ваши гречанки, но мне сумка нужна.

— Вы с ума сошли? Что вы туда положите? Это вас выдаст!

— Я положу лишь то, что кладут все женщины мира, и надеюсь, это добро в вашей костюмерной найдется: зеркало, маникюрные ножницы, гребень, вату, мыло...

— Никакого мыла! Оно еще не изобретено!

— Проверим, — грозно заявила Кора.

— Вот там проверите, там и достанете. — Голос женственного юноши приобрел ледяные хрустящие нотки.

Оба закройщика, как оказалось, один — по одежде, а второй — по обуви и общему облику, отступили, любуясь результатами своего труда.

— Пора, пора! — послышалось по внутреннему динамiku. Загорелся экран видеосвязи. На нем появилось встревоженное круглое лицо Гермеса. — Аппаратура готова. Ведите агента к вратам Виртуальной реальности.

— Желаю удачи! — крикнул Милодар, выглянувши из-за плеча президента.

И Кору повлекли к вратам ВР...

* * *

Очнувшись на траве под сенью могучего дуба, листья которого лишь начали желтеть и жухнуть, а желуды наливаются питательной мякотью, Кора не сразу сообразила, где она, кто она и зачем она сюда попала. Этого с ней еще не случалось. Плохой признак — наверное, надвигается старость...

Впрочем, сколько ей еще осталось до старости? Если тебе двадцать шесть, во сколько лет впала в маразм Мария Кюри? Или Жозефина Бонапарт? Успели ли?

Налетел нежный ветерок (как-то он звался?), дохнул прохладой и сбросил несколько желудей. Один из них ударил Кору по плечу, и она сразу вскочила.

И все стало на свои места.

Агент ИнтерГпола Кора Орват выполняет особой важности задание: охранять и сохранить жизнь принцу Густаву из государства Рагоза, который отправился в ВР-круиз, чтобы доказать своему народу и девушке Клариссе, что он на что-то годен, кроме умственных занятий.

Находится она в автономном плавании, без связи с базой, без надежды на помощь начальства и без страха, что начальство не вовремя вмешается, чтобы помочь, и все загубит.

Выглядит она... Кора постаралась окинуть себя взглядом, и оказалось, что без зеркала женщина может увидеть себя только по частям. Руки обнажены, возле локтя царапина — след краткого путешествия в Рагозу. Грубо сотканное платье, точнее, хитон достает до колен и расклешен.

Больше ничего из одежды, как Кора проверила, она на себе не обнаружила, если не считать сандалий. Одеваться и раздеваться легко, но вот уже на холодном камне не посидишь: верное воспаление придатков. Вряд ли в Древней Греции ничего, кроме этой легкомысленной одежды, не ведали — надо будет обзаводиться гардеробом и в первую очередь приобрести приличную сумку через плечо.

Где здесь покупают приличные сумки через плечо? И как об этом попросить? Ах да, сначала надо проверить, как она знает здешний язык, который ей вкололи перед самым началом круиза, но совершенно неизвестно, что из этого вышло. Пожалуй, ей придется не легче, чем на незнакомой планете.

Муравей побежал по ее ноге. Кора с интересом следила за ним, ей хотелось понять, насколько он реален. Было чуть щекотно. Она схватила его двумя пальцами. Муравей был крупный, рыжий, лесной, он сердито ухватил ее жвалами...

— Больно же, ты с ума сошел! — крикнула Кора, отбрасывая муравья.

Она потеряла сразу заболевший палец, рассуждая, куда идти дальше. Наверняка Тесей — Густав бродит где-то неподалеку, иначе не было смысла забрасывать ее именно сюда.

Самое разумное для нее — выйти на какую-нибудь сельскую дорогу и спросить, как пройти в Афины. Специалист по мифологии, который крутился возле нее, пока ее готовили к переходу в древность, уверял, что ее рост, стать и вообще данные дают основание называть себя если не богиней, то наследницей какого-нибудь престола или незаконной дочкой Посейдона. Можно, конечно, сойти и за нимфу, хотя для нимфы Кора крупновата.

Грабителей и убийц можно не опасаться, но надо быть готовой к попыткам насилия. Отношение к женщине в те времена было скотским, особенно к женщине одинокой и не имеющей хорошей мужской защиты. Об этом, впрочем, и написаны почти все греческие мифы. Либо война за богатство и славу, либо война за женщину. Иного не дано.

Не дай Бог повстречаться с каким-нибудь мелким божеством, эти существа совершенно аморальные и бесконтрольные, потому что бессмертны и ничего не боятся. С такими милыми напутствованиями Кору и отпустили на поиски Тесея.

Нельзя сказать, что Кора пребывала в отличном настроении. Хотя надо признать, что сентябрьский теплый, уютный день был приятен, и, если бы не отвратительное задание, Кора с удовольствием выбралась бы сейчас к морю и провела неделю на пелопонесском берегу.

Ну что ж, надо идти. Дело прежде всего. А если удастся сохранить жизнь принца, то у нее найдется денек-другой для отдыха. Правда, как всем известно, Кора предпочла бы пребывание в деревне в обществе бабушки Насти всем чудесам атоллов и курортов.

Рассуждая таким образом, Кора вышла на прогалину. Перед ней тянулась проселочная дорога, узкая, пыльная, но приятная даже в жаркий день, потому что листва деревьев с обеих сторон смыкалась над ней, почти не пропуская солнечных лучей, пыль же под ногами была пятнистой, золотой и сиреневой.

Внутренне собранная и готовая к неожиданностям самого неприятного свойства, девушка вышла на дорогу и остановилась, соображая, в какую сторону ей направиться. В любом случае Афины лежат на востоке, за ними уже Эгейское море. Эгейское — не стоит здесь называть его так. Как жаль, что она не успела дочитать историю жизни Тесея, но что-то беспокоило память еще с детских времен. Именно из-за Эгея море стало Эгейским, именно из-за отца нашего Тесея. А что же натворит старый Эгей, чтобы заслужить такую честь? Ладно, подождем — увидим.

Сзади послышался скрип колес, Кора отступила в сторону. Высокая повозка, вроде арбы, катила по дороге, за ней золотилось облако пыли. Правил арбой сухопарый, жилистый, загорелый старик в широкополой шляпе. В повозке лежало несколько бурдюков с вином, на одном из них сидела средних лет крепкая женщина с черными, курчавыми, будто из проволоки волосами.

— День добрый, — сказала Кора путникам. — Куда едете?

— Едем в Коринф, — ответил, не смутившись, старик. — Везем на продажу молодое вино.

Говорил старик понятно, да и говору Кору он не удивлялся, а значит, лингвистическая программа в центре ВР была составлена правильно. Уже утешение.

— Я пойду рядом с вами, — сказала Кора, одновременно и спрашивая и утверждая.

— Иди, нам не жалко, — ответила женщина. — Но посадить тебя в повозку я не могу, потому что наш мул такой груз не сvezет.

— Нет, что вы, я не устала! — сказала Кора.

— Вижу, что ты не устала, — согласилась женщина. — А мы вот с утра выехали, так что уморились.

Улыбка у женщины была добродушной, открытой, только зубов спереди у нее не хватало. Впрочем, Кора понимала, что в Древней Греции с дантистами плохо и надеяться на хорошие зубы могли только боги и прочие бессмертные существа.

— Меня зовут Харикло, — сообщила женщина, — муж мой Хирон, а дом наш в Лаконии, потому что с горы Пелион нас изгнали лапифы.

— Разбойники лапифы, — грозно произнес возница. — Покарает их Зевс, обязательно покарает.

— Только нас с тобой уже не будет на свете, — заметила женщина. — Обычно добро торжествует после нашей смерти, ты не замечала?

— Простите, для этого надо умереть, — ответила Кора.

— Тонкий ответ, — заметил возница. — Выглядишь ты подобно богине, но лицо твое незнакомо. Не сообщишь ли ты нам своего уважаемого имени?

— Кора, — честно ответила девушка.

И как только она произнесла это имя, то прокляла себя — надо было прикусить язык. По тому, как буквально сжались ее случайные спутники, как загрустили они, Кора поняла, что совершила чудовищную ошибку. Она не знала какую, потому что времени перед отъездом было в обрез и ей просто не пришлось в голову проверить по словарю, нет ли какой-нибудь известной или малоизвестной Кору в греческой мифологии. А вдруг под этим именем была известна какая-нибудь распутница? Или похитительница драгоценностей?

Но дело оказалось хуже, куда хуже, хотя Кора об этом догадалась не сразу.

Некоторое время они шли молча. Слышно было только, как екает селезенка у серого мула, да скрипят старые несмазанные колеса повозки.

— Простите, — сказала Кора через несколько томительных минут, отгоняя надоедливое слепня, — я вас ничем не обидела?

— О нет, госпожа, — тихо ответила Харикло. — Но, может быть, вам удобнее следовать дальше в повозке? Мы с Никосом с удовольствием пройдемся пешком.

— Ваше отношение ко мне изменилось как только я назвала свое имя. — Кора решила выяснить отношения сразу, не оттягивая надолго недоразумения. — Чем же оно вас смутило?

Харикло смущенно хихикнула, возчик пожал плечами и соскочил с повозки. Далее он пошел, прихрамывая, рядом и ни за что не желал вновь подняться в повозку.

Только тут Кора заметила, что обнаженные ноги возничего покрыты серой шерстью и заканчиваются раздвоенными копытами, что никого, кроме Кору, не удивляло.

— Конечно, вы изволите шутить, госпожа, — сказала Харикло.

— Но я должен признаться, не слышал, чтобы Кора когда-нибудь шутила. А если шутила, то это плохо кончалось, — заметил Никос.

Ну что я натворила! Сказать им, что я не та Кора, которую они имеют в виду? Что моя бабушка Настя живет под Вологдой? Да, но до основания города Вологды должно пройти еще две тысячи лет! И польский прадедушка для госпожи Харикло — пустой звук.

— И далеко нам до Коринфа? — спросила Кора, чтобы переменить неудачную тему беседы.

— Нет, недалеко, — вежливо ответила Харикло и укоризненно покачала головой — зачем задавать такой вопрос? — Сегодня там будем.

— А от Коринфа до Афин далеко? — спросила Кора заискивающим голосом. Заискивания ее спутники не уловили. Кора перехватила взгляд возницы, очевидно сатира по национальности, который поглядывал по сторонам, будто собрался сбежать.

— От Коринфа до Афин дальше, — послушно ответила Харикло.

Снова замолчали.

Справа от дороги лес прервался и потянулся пологий склон холма с виноградником — виноградник был низкий, грозди маленькие, ягоды мелкие. Мичурина на них нет, подумала Кора.

— А вы знаете, почему меня называли Корой? — спросила она, решив наконец, что искренность — лучшая политика. Чего не поймут, пускай спрашивают. — Назвали меня так потому, что моя мама была великой поклонницей Шекспира, а Корделия из «Короля Лира» ее любимая героиня. Так что официально меня зовут Корделией. Но я полагаю, что об этом никто не подозревает. Даже мой первый муж.

— Муж? — робко спросила Харикло.

— Имеется в виду Аид, — мрачно пояснил сатир Никос. — Бог подземного царства мертвых.

— Ах да, разумеется, — согласилась Харикло.

— Я никому не желаю зла, — сказала Кора. — А к вам испытываю только благодарность за то, что разрешили идти вместе с вами. Я так боялась. Мне рассказали, что в этих местах безобразничает некий Тесей. А вместе идти спокойнее, правда?

Харикло поглядела на Кору, как на буйную сумасшедшую.

— С нами спокойнее? — переспросила она. — А без нас беспокойнее?

— Конечно, в кампании всегда лучше. Я так давно здесь не была...

— Ну конечно, — согласился возчий. — Наверное, грустно вам, великая госпожа, понимать, что сейчас пойдут дожди, наступят холода и придется вам возвращаться... туда.

— Никос, замолчи сейчас же! Ты что, хочешь навлечь на нас гнев самой великой богини Персефоны?

— Если вы считаете меня Персефой, — вежливо сказала Кора, — то вы ошибаетесь. Меня зовут Корой.

— Ну разумеется, мы никогда бы не посмели ошибиться, — сказала Харикло. — Но разве у вас не два имени, госпожа?

Ну что ж, придется примириться пока с дурной славой.

— А вы сами слышали о Тесее? — спросила Кора Харикло. — Он из Трезена, внук Питфея.

— Как же, как же, этот Питфей подсунул свою дочку пьяному афинскому Эгею, — сказал возничий, — а он сделал ей мальчика. Потом Питфей много лет бегал вокруг и кричал, что сына ей сделал сам господин Посейдон.

— Никос, госпоже богине может быть неприятно, когда без уважения говорят о ее родственнике.

— Ничего, ничего, — ободрила сатира Кора. — Я с ним совершенно незнакома. Ведь я же только тезка вашей Кору!

Кора могла бы поклясться, что страх перед ней смешивался во взорах ее попутчиков с недоумением,

подозрением, не спятила ли она. Поверить в такое совпадение они не решались, так как боги обидчивы и мстительны.

Вдруг сатир указал вперед и произнес с тревогой:

— Смотрите, стервятники кружат!

Харикло вскочила, встала в повозке, чтобы дальше видеть.

— Ох и не нравится мне это, — сказала она. — Может, повернем назад?

Она спросила у возницы, но вопрос относился и к Коре.

— А что там может быть? — спросила Кора.

— Вы, госпожа, можете и не знать о таких, с вашей точки зрения, пустяках. Но для нас, простых путешественников, это одно из самых опасных мест, — заявил сатир Никос.

— И немало невинных путников поплатились жизнью и своим добром из-за этого проклятого Перифета, — дополнила Харикло. — Кстати, о нем тоже говорят, что он незаконный сын Посейдона!

— Нет, госпожа, — возразил возничий. — Я старый фавн, много видел, много слышал. Но знающие люди полагают, что Перифет — сын Гефеста и Антиклеи.

— Что ты говоришь! — закричала, топнув ногой Харикло, отчего повозка закачалась, а мул сбился с шага. — Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты хочешь сказать, что он — единоутробный сын хитроумного Одиссея?

— Я полагаю, что Гефест забрался к ней на ложе еще до того, как она стала женой Сизифа, не говоря уже о ее браке с Лаэртом!

— А ты что, за ноги ее держал? — возмутилась Харикло. — Опозорить бедную женщину каждый из вас, козлов, рад! — И Харикло указала на ноги возницы, который стоял возле остановившейся повозки.

— Я попрошу нас не оскорблять, тем более в присутствии могущественной богини. Ты знаешь, что она с нами сделает, если рассердится?

— А я ничего плохого не сказала! — продолжала Харикло. — Я только защищала женскую честь.

Возница снял шляпу и почесал затылок. Из тугих кудрей торчали короткие прямые рога.

— Надень шляпу, не пугай женщину! — прикрикнула на сатира Харикло.

— Можно, — сказал возница. — Можно и не пугать.

— Вообще-то он у меня старательный, — пояснила Харикло. — Но происхождение вылезает, как уши у Мидаса. Вы слышали, что случилось с этим несчастным царем?

— Да, да, ослиные уши, — сказала Кора. — Можно задать вам вопрос?

— Всегда готовы ответить, госпожа.

— Тогда объясните мне, почему вы тратите столько времени для выяснения проблемы, кто чей отец, кто с кем спал, кто к кому залез в постель. Только об этом и говорите.

— Шутит, — сказал возница, обернувшись к госпоже Харикло. — Конечно, богиня шутит.

— А если не шучу? — спросила Кора поостроже.

— А куда деваться простому человеку? — вопросом на вопрос ответила Харикло. — Я же должна выяснить, кого обидела, а кто меня обидел, с кем поссориться можно, а кого лучше обойти стороной, иначе и костей не соберешь.

— У нас в деревне был случай, — заметил старый сатир. — Одна женщина увидела, как гусыня снесла яйцо. Гусыня была ничья, так, просто гусыня. Принесла она яйцо домой, и что же вы думаете?

— В яйце был зародыш кого-то еще? — ахнула Кора.

— Ничего подобного, яйцо было нормальное, свежее яйцо, только что снесенное. Но гусыня, как узнала, что случилось с ее яйцом, кинулась к своим родственникам. А оказывается, ее отдаленным троюродным дедушкой был тот самый лебедь.

— Тот самый лебедь, — вторила Харикло.

— Тот самый, который изнасиловал Леду!

— То есть изнасиловал, конечно, Зевс, — поправила Харикло, — но он принял вид настоящего лебедя, который на самом деле был гусем...

— Потому что в то время все были гусями, включая лебедей, — пояснила Харикло.

— А этот гусь долгое время жил в доме Прекрасной Елены, когда та была еще девочкой... Так вот эта гусыня пожаловалась Леде, Леда пожаловалась своему брату Кастору, Кастор прискакал и отрубил голову несчастной женщине.

— И я ее знала, — вздохнула Харикло. — Чудесная женщина! А какие пироги пекла!

— Но его наказали? — воскликнула Кора.

— За что? За то, что он вступился за родственницу, у которой съели еще не родившегося ребенка?

Они замолчали.

Потом сатир предположил:

— Не иначе как Перифет кого-то убил своей железной дубиной. У него она такая...

— Быка убивает.

— Он, может быть, не одного человека убил, а целый караван уничтожил.

— Значит, — сказала Харикло, — напился душегуб человеческой кровушки и дрыхнет.

— И что из этого следует, госпожа? — спросил сатир так, словно знал ответ.

Харикло обратилась к Коре.

— Великая богиня, — сказала она, — вас, может быть, и не интересуют наши мелкие дразги и наши земные хитрости. Но нам надо выжить, нам надо кушать и рожать себе подобных.

Сатир почему-то захихикал, и Харикло погрозила ему внушительным загорелым кулаком.

— Эта дорога нам отлично известна. Мы знаем, за каким поворотом можно встретить дракона или пещерного медведя, за каким камнем с двух до пяти таятся разбойники; когда и как поджидают своих жертв Перифет или Синис. И мы подгадываем наше путешествие к их привычкам и слабостям. Если разбойники дежурят с двух до пяти, то опытный купец пройдет опасную поляну в половине шестого.

— Вы хотите сказать, уважаемая Харикло, — сказала Кора, — что мимо разбойника Перифета лучше проходить, когда он уже кого-то убил и ограбил?

— Вот именно. И не будем терять времени даром. Будем надеяться, что в случае смертельной опасности великая богиня Кора нас защитит и спрячет в темных пропастях Аида. Но не навечно, а пока не минет опасность.

С этими словами Харикло склонилась до земли перед Корой, а сатир бухнулся в ноги и при этом нечаянно обнажился его зад, — зад был покрыт густой шерстью, и из него торчал короткий козлийный хвост.

— Прикройся, дурак, — прикрикнула Харикло и вспрыгнула на повозку.

Сатир бежал рядом, Кора шла сбоку.

Перевалив через пригорок, они оказались над широкой низиной, которую занимала старая роща, с гигантскими, под самое небо, деревьями грецких орехов. Роща проглядывалась далеко вперед, и потому они сразу увидели человека, лежавшего в тени грецкого ореха. Лежал он навзничь, раскинув руки, и его пальцы правой руки омывал быстрый ручеек, на другом берегу которого сидела обнаженная девица.

— Осторожнее, фавн, — приказала Харикло. — Странно это...

— У меня лесное зрение, хозяйка, — ответил возница. — Скажу вам, что у ручья сидит наяда, я ее знаю в лицо, даже как-то с ней целовался. Она живет в том ручье.

— Никос, ты идиот! — рассердилась Харикло. — Скажи, кто там мертвый лежит у ручья?

— Разбойник Перифет, и в том нет никакого сомнения.

— Как так разбойник Перифет? Я не верю своим глазам.

— Да я эту толстую свинью уже лет сто знаю!

— Может, он лежит потому, что напился коринфского вина и наслаждается покоем?

— А почему вода в ручье стала красной — неужели бурдюк разрезан?

— Это не бурдюк, а брюхо разбойника.

Сатир принялся подгонять мула, тот легко побежал вниз по склону; наяда, которая сидела у ручья, поднялась при их приближении и громко закричала:

— Злодейство, злодейство! Гнусное злодейство! Предательски убит и скончался в муках справедливый защитник бедных путников, мужественный борец за права малых народов Перифет Благородный! О Боги, спасите человечество, которое подвергается таким мучениям!

Наяда была прехорошенькая. Длиннющие темные волосы служили ей как бы видимостью платья.

— Вы же сказали, что Перифет был разбойником, — удивилась Кора.

— Разумеется. И одним из самых подлых на свете, — согласился сатир.

— Неправда! — закричала снизу наяда. — Вы его не знаете! Он так меня любил!

— Его называли еще Корунет, что значит...

— Человек-дубина, — подсказала Кора.

— Он выскакивал из-за дерева на путника и забивал его дубиной насмерть.

— А вы видели, вы видели, вы видели? — возмущалась наяда.

— Кто видел, — сказал фавн, — тот нам ничего не расскажет.

— Как же это произошло, милая девушка? — спросила Кора, подходя к ручью и останавливаясь на мостике в том месте, где он пересекал дорогу.

— Ой, я не переживу, не переживу! — причитала наяда. — Он поджидал меня на этом мостике. Я бежала к нему, просветленная от близкой встречи, готовая отдать ему самое дорогое, что есть у каждой из нас, — девичий стыд.

— А кому ты его не отдавала? — удивился фавн Никос. — Я тебя помню лет восемьдесят, как ты стала наядой этого ручья.

— Молчи, грубиян! — возмутилась наяда. — Тебя там не было.

— Видишь, забыла, крошка, — засмеялся фавн. — Лет пятьдесят назад мы с тобой резвились в тех вон кустах, которые превратились в каштановую рощу.

Наяда поглядела в ту сторону, но ничего не вспомнила.

— Они как ветер, — сказала Харикло, — наяды, нимфы, nereиды... Они помнят лишь вчерашний день и удовольствия нынешнего вечера.

Кора разглядывала гигантского мускулистого разбойника. Череп его был проломлен, лицо изуродовано.

— Чем его так?

— Я все видела! — сообщила наяда. — Это сделал Тесей. Этот мерзавец Тесей. Из Трезена, внук тамошнего Питфея. Он шел в Афины совершать подвиги. Такой противный, вы не представляете! А мой миленький Перифет увидел его и, как всегда, вежливо спрашивает, ты куда направляешь свой путь, о добрый чужестранец...

Харикло взяла с повозки кусок холста и накрыла лицо разбойника.

Наяда кинула взгляд на тело возлюбленного, но на этот раз его не узнала.

— Кого здесь положили? — спросила она. — Это же мой ручей, тут никого нельзя класть. Тем более если он уже умер.

— Подождите, — попросила ее Кора. — Расскажите, что было дальше с Тесеем.

— Я не буду с тобой разговаривать, — капризно отмахнулась наяда. — Ты кто такая, почему спрашиваешь?

— Меня зовут Корой, — ответила та.

Наяда вздрогнула.

— Прости, о Кора, — прошептала она. — Я тебя приняла за земную женщину. Что ты хочешь узнать?

Бедное речное существо трепетало от ужаса.

Почему я вызываю такой страх у этих людей?! Ведь во мне нет ничего пугающего. Может, я превосхожу их ростом? Но ведь этот разбойник Перифет, он не ниже меня.

— Что было дальше? Только правду.

— Правду? Тогда мне надо начать с самого начала, великая богиня. Я должна начать с того момента, как на дороге показался молодой человек высокого роста, стройный и очень милый. На поясе у него висел ржавый меч в рваных ножнах, а на ногах очень старые сандалии — я обратила на это внима-

ние. Тут из-за дерева выскочил Перифет с дубиной — у него громадная железная дубина. «Я, кричит, могучий разбойник Перифет! Сознаться, кто ты есть, отдавай все деньги, а потом попросаешься с жизнью». А тогда этот молодой человек говорит: «Я — Тесей, сын царя Афин и внук царя Трезена, иду совершать геройские подвиги, и первым из них полагаю подвиг во славу моего дяди Геракла — я намерен очистить от разбойников все побережье от Трезена до Афин». А Перифет размахнулся дубиной и отвечает ему: «Теперь я тебя убью с чистым сердцем, потому что ты намеревался причинить мне вред». Он как закричит: «Стой смирно, убивать буду!» Да как рубанет своей дубиной, но этот хитроумный Тесей его подло обманул...

— Как же он его обманул? — спросил фавн.

— Он отскочил в сторону. Вы представляете — ему велели стоять, а он прыгает в сторону. Разве так себя ведут?

— Так не ведут, но в будущем обязательно поведут, — сказала Харикло. — Это же очень разумно — тебе говорят: подставляй голову, а ты не подставляешь голову.

— Но так не положено! — воскликнула наяда.

— Откуда вам это известно? — поинтересовалась Кора.

— Да потому, что мой дорогой Перифет закричал на этого Тесея, что так не положено, а Тесей все же уклонился от удара, и Перифет долбанул палицей по дереву.

И тут, следуя указательному пальцу наяды, путники увидели сломанный пополам грецкий орех со стволом в два обхвата.

— Ого! — произнесла Харикло, — так не смог бы и сам Геракл.

— Но от удара дубина вылетела у Перифета из рук, — сообщила наяда. — И тогда... Нет вы не представляете! Этот самый Тесей подбежал к дубине, поднял ее, с трудом раскрутил над головой и проломил череп моему возлюбленному.

— Думаю, что он правильно сделал, — сказал сатир.

— Нет, неправильно! — сопротивлялась наяда. — Ведь Перифет меня любил!

— Я думаю, — сказала Кора, — что, когда Перифет напал на Тесея, у того не было никакой защиты от палицы. И никто не мешал разбойнику Перифету отпрыгнуть в сторону.

— Отпрыгнуть? В сторону? Он привык убивать всех не сходя с места. У него живот лежал на пне, куда ему прыгать?

И тогда Кора поняла, что покойный разбойник и на самом деле был при жизни очень толстым человеком.

— И что сделал Тесей дальше? — спросила Кора.

— Он вел себя очень странно, — сказала наяда. — Он помахал еще немного дубиной и сказал вслух, что она ему не по силам. Сказав так, он сразу подрос на пядь и стал на пядь шире в плечах. Потом снова помахал палицей и сказал: «Теперь в самый раз». Я ему крикнула, что согласна, чтобы он взял меня в качестве добычи. Что я согласна, чтобы он меня угнетал и принимал от меня жертвы... А он даже не взглянул на меня. Паршивый извращенец.

— Теперь мне ясно, почему она так проклинала Тесея и так кручинилась о Перифете, — сказала госпожа Харикло. — Она осталась без защитника и возлюбленного.

— Правильно, — согласилась нимфа. — К тому же я совершенно не представляю, как этого самого мертвяка хоронить.

Несколько стервятников уже расхаживали вокруг трупа, ожидая, что люди уйдут и им удастся отведать человеческой падали.

— Об этом просите госпожу Кору, — сказал фавн. — Это по ее части.

— О, великая богиня. — Нимфа бросилась Коре в ноги. — О ты, Персефона, владычица царства мертвых, повелительница чудовищ, разрывающая последние нити, что соединяют живых людей с этим миром. Пожалуйста, вызови кого-нибудь из своих слуг, чтобы они закопали тело этого отвратительного разбойника.

Так, поняла Кора, Кора и Персефона — одна и та же персона, которая замужем за каким-то Аидом и связана со смертью.

— Нет, — сказала она нимфе, — я полагаю, что для других разбойников поучительно узнать, что их Перифет лежит здесь, лишенный погребения, ибо человек, который убивает невинных, недостоин лучшей участи.

— Слушайте, слушайте! — закричала Харикло. — Это слова мудрой богини.

Остальные слушатели захлопали в ладоши.

Тем временем Кора могла не спеша рассуждать. Первое и основное — она на правильном пути. Перифет еще теплый. Наяда о нем не успела забыть. Значит, Тесей не успел отойти далеко. Значит, Тесей сдержал свое слово и отправился береговой дорогой, чтобы очистить торговый путь от разбойников. И наверное, до Афин ему встретится кто-то еще. Насколько он опасен? Насколько реальна замена разбойника кем-то из клана Кларенса или слуг дамы Рагозы?

— Госпожа Харикло, — попросила Кора. — Скажите, пожалуйста, а отсюда до Афин еще встречаются разбойники?

— Обязательно, — сказала Харикло. — Впереди, на Истме, сидит Синис, сын Пемона, его прозвали Питиокомptom. Что это значит?

— Это значит, «сгибатель сосен», — вежливо ответила Кора.

— Вот именно. Синис сидит на горе, справа — Коринфский залив, а слева — Саронический. Вокруг него шумят могучие сосны. Если он видит путника, то привязывает его за правую руку к вершине одной сосны, а за левую — к вершине другой. И когда он отпускает сосны, те распрямляются и разрывают путника пополам. Так что по сравнению с ним Перифет — милый добряк.

— А результат тот же, — заметила Кора.

— Результат тот же. Но можно убить гуманным способом, а можно — изуверским, — сказал фавн. — Когда-нибудь под настроение я покажу тебе разницу, великая богиня.

— Да перестаньте называть меня богиней! — вспылила Кора. — Это случайное совпадение.

— Слушаемся и подчиняемся, великая богиня, — на всякий случай согласился фавн.

— Мы сегодня увидим этого сгибателя? — спросила Кора.

— Нет, госпожа, — ответила Харикло. — Сегодня вечером мы достигнем нашего дома и я буду спать вместе с моим любимым мужем.

— А оттуда еще далеко до Афин?

— По берегу — три дня хода. Но ты богиня, если хочешь, сможешь долететь.

— Нет, — отрезала Кора. — Я оставила дома крылья.

Спутники поглядели на нее с уже привычным удивлением. Какие еще крылья? Что, богиня без крыльев долететь не может? Но опять же не стали с ней спорить.

— Я пойду до Афин пешком.

— Как тебе угодно, богиня, — сказала Харикло. — Тогда, если тебе не противно, прими наше гостеприимство и проводи ночь в нашем скромном доме.

— В нашей конюшне! — добавил фавн Никос и нагло расхохотался.

— Когда-нибудь я тебя убью, — разъярилась Харикло, но возница, смеясь, отбежал в сторону, отмахиваясь от хозяйки шляпой.

— Спасибо, добрая женщина, — сказала Кора. — Я с удовольствием и благодарностью воспользуюсь твоим приглашением.

* * *

Город Коринф, почему-то знакомый Коре из истории Древнего мира, хотя чем именно, она не смогла вспомнить, открылся неожиданно, как только дорога, петлявшая среди каменистых склонов, вырвалась на простор, к морю. Там, на границе бурой, зеленой, желтой, оранжевой осенней земли и лилового моря, лежал сам город: дома, домики и хи-

жины, окруженные виноградниками, оливковыми рощами и огородами.

Искренняя радость охватила спутников Кору.

— Вот мы и дома, — сказала госпожа Харикло.

— И снова живые, — поддержал ее старый сатир.

Мул, обрадовавшись тому, как близко его стойло, поспешил вниз, и остальным пришлось бежать по бокам повозки, стараясь удержать бурдюки с вином, — обидно же потерять товар в двух шагах от дома.

— Как-то там мой Хирон! — беспокоилась Харикло. — За неделю исхудал, наверное.

— Ну уж он-то нашел себе козочку, которая его и накормит, и согреет, — цинично заметил возница, но Харикло даже не обратила внимания на наглые слова — все ее устремления были впереди, дома, с семьей.

Повозка миновала ворота в городской стене, которая, видно, защищала город от соседских коз, и колеса ее застучали по неровной каменистой мостовой главной улицы. Прохожие издали узнавали госпожу Харикло и кланялись ей, приветствовали ее, с любопытством поглядывая на Кору.

— Как дела? — спрашивали торговцы на маленьком базарчике рядом с деревянным покосившимся храмом. — Живой добралась? Перифет тебя не тронул?

— Нет больше Перифета! — отвечал сатир. — Укокошили Перифета.

— Не может быть!

Но другой купец поддержал сатира.

— Это точно. Только что пролетали две гарпии, вон там, над огородами. Жена спросила: «Чего летите?», а они отвечают: «Там Тесей разбойника Перифета убил. Спешим полакомиться, пока кто-нибудь его труп не украл».

— От гарпий иного не жди, — откликнулся кто-то.

— Что будет, что будет! — закричала неизвестная женщина, торговавшая бусами из разноцветного стекла.

Торговцы принялись убирать товар, да и немногочисленные покупатели не возражали — спешили по

домам, кто сообщить семье о событии, кто спрятаться и пересидеть очередную смуту. Ведь если есть разбойник и он всегда живет в лесу и машет своей дубиной, значит, так угодно богам. Лучше покориться и не трогать разбойника, пожилого человека, занятого неблагородным ремеслом, но все же ремеслом! А тут появляется семнадцатилетний мальчишка и убивает его до смерти! А ведь говорят, что после Перифета осталась безутешная наядя и прижитые от лесных тварей дети и внуки... А если боги разберутся и решат, что Тесей не прав, может пострадать и Коринф, хотя бы за то, что его когда-то выстроили слишком близко к месту боя.

Под взволнованные крики торговцев и топот местных жителей, повозка госпожи Харикло подъехала к воротам в высокой стене, сложенной из каменных глыб.

Сатир постучал в ворота кнутовищем, но не успел он ударить второй раз, как ворота со скрипом раскрылись, за ними стояла служанка, снабженная копытами и рожками, — явно родственница сатира.

— Госпожа, с приездом! С приездом, отец! — радостно воскликнула она. — А мы вас не ждали. Думали, вы только в темноте приедете, когда Перифет ляжет спать.

— Нет больше Перифета! — сообщил сатир.

Повозка въехала во двор. Обычный хозяйственный двор: направо — вход в дом, высокий, но одноэтажный, налево — обширная конюшня.

— Где мой муж? — спросила Харикло. Голос у нее был напряженным, словно она страшно беспокоилась за судьбу мужа. Наверное, муж у нее пожилой, может, старый, подумала Кора. Возможно, он болеет или даже парализован?

Молодая сатирочка поклонилась госпоже и почему-то тупо повторила:

— А мы думали, что вы в темноте приедете, к ужину, когда Перифет заснет.

— Разгружай товар, — приказала Харикло. И тут же обратилась к дочке сатира: — Где он?

Сатирочка страшно смутилась и, не говоря ни слова, показала пальцем в сторону конюшни.

— Простите! — сказала Харикло Коре. — Но вы знаете их нравы. Тут уж ничего не поделаешь.

Она вырвала у сатира кнут и решительно направилась к конюшне.

Остальные заинтересованно двинулись следом, никто их не останавливал. Кора, хоть и понимала, что нетактично вмешиваться в семейные разборки, последовала за ними.

В конюшне было светло — солнечные лучи, проникая сквозь узкие проемы под крышей, освещали стойла, копны сена, в лучах плавали золотистые пылинки.

Колоссального размера всадник что-то делал с коровой, попавшей ему между передних ног; мелькает свет, корова мычит, всадник кричит и хрипит, госпожа Харикло кинулась к нему и лупит плетью... И тут Кора чуть не лишилась чувств от изумления.

Она поняла, что смотрит на очень крупного бородатого рыжего с проседью кентавра — по пояс человека, который ручищами тянет к себе за рога корову, — а дальше виден лошадиный круп, лошадиные ноги, лошадиный хвост и это самое... тоже конское. Кора смотрела на то, как кентавр любит корову... или это называется иным словом... как кентавр покрывает корову?

Харикло носилась вокруг и хлестала кнутом кому попадет — корове, кентавру. А тот стонал и вопил в ответ:

— Да погоди, жена! Да погоди ты, дай кончу свое дело, выйду...

Но корова, которой, видимо, эта сцена была неприятна, рванулась вперед, лягнула кентавра и помчалась прочь из конюшни, получив напоследок плетью по спине от взбешенной Харикло, а кентавр заколотил передними копытами, тоже выражая недовольство. Он откидывал назад крупную, украшенную седой бородой голову, ржал и вопил:

— Кто хозяин в доме? Всех разгоню!

И был он так грозен, что все выбежали прочь из конюшни и оказались на залитом послеполуденным солнцем дворе.

Харикло кинула кнут на землю и быстро ушла в дом, забыв пригласить Кору; сатир Никос стал раз-
нуздывать мула. Прочие слуги и рабы, сбежавшиеся
было на шум, потихоньку разошлись по своим де-
лам, а из дверей конюшни не спеша вышел кентавр.
Хозяин дома выступал осторожно и притом велича-
во, он, правда, не успел расчесать бороду, и в ней
золотились соломинки, торчали сучки, а в волосах,
переходящих в гриву, запутались палочки и даже
сено.

— Разрешите представиться, — произнес кентавр,
чуть грустя. — Я — многоопытный и мудрый
кентавр Хирон, хозяин этого дома, законный супруг
уважаемой госпожи Харикло. С кем, простите, имею
честь?

Хирон протянул Коре руку, и взгляд его ярких
блудливых глаз настолько нагло путешествовал по ее
телу, что Коре захотелось напомнить Хирону, что
она ему не корова.

— Кора, — сказала она, протягивая руку и пожи-
мая теплую жесткую кисть кентавра.

— Как? — Кентавр был поражен, даже отшатнул-
ся... но тут же взял себя в руки.

— Я не ослышался? — спросил он. — Мне при-
ходилось встречаться с Корой, которую порой име-
нуют в наших краях Персефоной, владычицей царст-
ва мертвых. Но она разительно отличалась от вас.
Означает ли это, что вы сознательно приняли чужое
обличие, или мы имеем дело с простым совпадением
имен?

Наконец-то цивилизованный человек!

Кора с облегчением призналась:

— Это совпадение. Но мне никто не верит.

— Совпадений, — сообщил кентавр, запуская
пальцы в бороду и выскребывая оттуда соломин-
ки, — в греческой мифологии даже больше, чем не-
обходимо. Каждый второй персонаж ее имеет двой-
ника. Возьмем, к примеру... Ну кого нам взять? На-
пример, Парфену. Не слыхали? Я знавал одну из
них, очаровательную, тихую, скромную девушку. Не
могу сказать, что она была красива, нет, она уступа-

ла многим развратным нимфам и наядам. Но какая стать, какие вишневые глаза под длинными ресницами! Какие нежность голоса и движения тонких рук... Несмотря на то, что отцом ее, без сомнения, был Стафил, все были убеждены, что Хрисотемида впустила на свое ложе Аполлона. Иначе почему он так любил эту девушку? Почему присылал ей цветы и конфеты ко всем праздникам? Хрисотемида поклялась при мне именем Зевса, что не имела никаких сношений с Аполлоном, что они дружили когда-то в ее детстве... Впрочем, я верю Хрисотемиде, и, если вам придется когда-нибудь с ней встретиться, вы сами сможете задать этот вопрос.

Борода была уже очищена, и кентавр запустил пальцы в гриву, для чего ему пришлось изогнуть шею. Он говорил громко, кося лошадиным глазом, несколько странным на человеческом лице, в сторону кухни, где гремела посудой Харикло.

— Что же случилось? — продолжил он свой рассказ. — Стафил, отличавшийся строгостью, послал Парфену с сестрой, не запомнил ее имени... Харикло, душечка, как звали сестру Парфены?

Никакого ответа.

— Стафил велел Парфене и ее сестре сторожить погреб, в который были сложены амфоры с молодым вином... Интересно, как этот идиот Никос сложил бурдюки?

— Отлично сложил, — отозвался старый сатир, который как раз в этот момент вышел из кухни, неся стопку круглых горячих хлебов, от которых исходил соблазнительный запах.

Кентавр несколько смутился и тут же продолжил рассказ о Парфене:

— Эти гадкие свиньи... не выношу свиней... забрались в погреб, когда девушки¹ по одной версии спали...

— А по другой баловались с Аполлоном! — крикнул с другого конца двора сатир.

— Помолчи. То, что не доказано, не может считаться фактом истории, — оборвал его кентавр. — Главное то, что девушки, спохватившись, увидели,

что погреб полон пьяных в стельку свиней, а все амфоры перебиты. В ужасе от наказания, которому их подвергнет отец, девушки побежали к морю.

— Все было не так! — решительно заявил сатир Никос, выходя на открытое место. — Они увидели, что вино погисло, и хотели об этом сказать отцу, но тот при виде разорения, решил убить своих дочерей, и они побежали от него к морю.

— Это бред! — заявила Харикло, появляясь в других дверях, держа в одной руке нож, в другой — луковицу. — Я знаю Стафила, это добрый человек, он души не чаял в своих дочерях.

— Но они же кинулись в море! — заревел Хирон.

Никто ему не ответил. Сцена опустела. Кентавр смог закончить свой рассказ:

— Они кинулись в море, но Аполлон подхватил девушек у самой воды и унес их от жестокого отца в Херсонес. Там он их и поселил. Может, вы слышали, где расположен Херсонес? Это далеко на севере, на краю страны скифов и гипербореев, которая именуется Тавридой. Они там вышли замуж, а Аполлон навещал Парфену...

— Все вы, мужики, развратники! — крикнула Харикло из кухни.

— Не обращайтесь внимания, Персефона, — сказал Хирон. — Но я совершенно забыл, почему я рассказывал вам историю о Парфене? Разве вы с ней знакомы?

— Нет, уважаемый господин Хирон, — ответила Кора, — вы говорили лишь о том, что одно имя давали разным людям.

— Правильно! Именно так! Ведь была другая Парфена. Родилась она у той же Хрисотеиды, за несколько лет до того, как родилась первая Парфена. Так вот, ее отцом был именно Аполлон. Вы понимаете?

Кора кивнула, чтобы старый кентавр не пускался вновь в объяснения. Она уже страшно устала и от переживаний, и от длинной дороги, и особенно от монотонного голоса Хирона.

— Вторая Парфена умерла в младенчестве или, скажем, в юности. Может быть, в молодости. Но

умерла, не познавши мужчину. И знаете, что сделал Аполлон? Он превратил ее в созвездие Девы. Как будто наше небо и без того не набито созвездиями, как базарная площадь в праздничный день. Но была и третья Парфена, так звали Афины в ее девичьем воплощении. Если будете в Афинах, посмотрите на храм Парфенон. Его называли так в честь девы Афины, то есть Парфены. Догадались, да? Слушайте: Пар-фен-на — дева! Пар-фе-нон — девичник! — Тут кентавр заржал, забавно переступая всеми четырьмя конскими ногами. Кора чуть отошла — взволновавшись, он мог и зашибить. Отхохотавшись, кентавр сделал серьезное лицо и завершил свою мысль: — Так что вполне возможно совпадение имени Кора с именем великой богини преисподней. И полагаю, что такое совпадение мешает вам жить! Я с трудом представляю себе мужчину, который решился бы жениться или хотя бы взойти на ложе с женщиной по имени Смерть.

— Хирон, перестань преувеличивать! Госпожа Кора — богиня-дева, дочка самого Зевса.

— И Деметры!

— Зевса и Деметры.

— И Аид утащил ее в подземное царство и заставил съесть зернышки граната, чтобы она всегда была ему верна. — Кентавр обернулся к Коре и быстро спросил: — Гранат был кислый?

— Не ловите меня так дешево, господин Хирон, — ответила Кора, которая, что ни говори, все же была агентом номер три ИнтерГпола, и на такую простую уловку поймать ее было нелегко. — Все равно я не та Кора, за которую меня принимают. Но если вы все будете сильно настаивать, чтобы я была именно той самой Корой, то я постараюсь в нее превратиться. Но вам же будет хуже!

Эти слова заставили кентавра задуматься, а простая умом госпожа Харикло произнесла:

— Я же вас предупреждала, что это та самая Кора.

Кора лишь мысленно махнула рукой, а Кентавр воспользовался паузой, чтобы наладить семейные отношения.

— Более того, — сказал он, — некоторые известные всем боги и титаны, а также другие существа, не менее опасные для нас, простых смертных, могут временно принимать иной облик. Когда Зевс возжелал Леду, он принял образ лебедя. Ну как могла несчастная Леда допустить, что под видом невинной птицы к ее ногам подкрадывается злобный мужчина?

— Зачем ты это рассказываешь? — подозрительно спросила Харикло.

— А затем, что сегодня я стал невинной жертвой очередной проказы всемогущей, но подлой богини Геры. Ей почему-то пришло в голову временно принять облик нашей коровы Эос и заманить меня в хлев под предлогом получить из моих рук сено.

— Та-ак, — произнесла Харикло, словно в руке у нее была плеть, хотя она держала всего-навсего картофелину, которой не следовало быть в Древней Греции, и потому на глазах Кору картофелина превратилась в репу. — И что же произошло дальше, любитель кормить коров?

— Не помню, — ответил кентавр. — Хоть убей, не помню. Вроде бы я дал ей сена, а она попросила почесать ей за ухом...

— Корова? За ухом? — спросила Харикло, потрясенная наглостью мужа.

Кора с трудом сдерживала смех.

— Потом я очнулся, — продолжал кентавр, — от того, что ты лупишь меня кнутом, словно старого мерина.

— Ты и есть мерин. Только развратный.

— Подобные логические ошибки свойственны глупым женщинам, — сказал Хирон. — Мерин не может быть развратным. К тому же я должен пожаловаться нашей гостье, она, кстати, может быть, является Персефоной, что я стал жертвой интриги богини Геры, которая давно искала путей к моему сердцу и, конечно же, не могла найти ввиду моей преданности моей жене Харикло. Пылая дикой местью, Гера уже не столько хотела соблазнить меня, сколько отомстить мне за верность супруге — единственной настоящей женщине среди всех жен кентавров! И с какой дьявольской тонкостью она все обставила! Она

подослала к разбойнику Перифету юного Тесея, открыв таким образом моей жене путь для раннего возвращения домой. Она затащила меня в сарай именно тогда, когда, по моему разумению, до возвращения Харикло домой оставалось еще два часа, и там... Да, я потерял бдительность! Да, я признаю свою вину! Но вина была не злонамеренная! Ты понимаешь, Харикло!

— Понимать-то я понимаю, — медленно и рассудительно ответила женщина. — Но при чем тут мое раннее возвращение?

Кентавр развел руками, чтобы весь мир видел, какая у него глупая жена. Если мир что и понял, то он промолчал.

Тогда кентавр сказал лишнее:

— И если я произнес хотя бы одно лживое слово, пусть меня Гера и покарает.

Немедленно в воздухе над двором образовалось небольшое серое клубящееся облако. На нем, как на мягком диване, восседала грозного вида женщина с крупным носом, яркими капризными губами и жестким подбородком.

— Чтобы я домогалась этого козла? — спросила она громовым голосом. — Этого лжеца? Так пусть же с этого момента ни одна женщина, кентаврисса или даже коза, не пострадает от его распутства. Хирон, отныне тебе придется заниматься философией!

Она указала пальцем вниз, и из пальца вылетела небольшая голубая молния, которая потянулась к животу кентавра.

Страшно закричал кентавр Хирон от невыносимой боли!

Взбрыкнув, он понесся кругами по двору, выбежал за ворота, и топот его, постепенно стихая, удалился в сторону моря.

— Ты довольна? — спросила богиня Гера с облака.

— Наказать его, конечно, надо было, богиня, — признала Харикло. — Но ты забыла о моих интересах.

— Меня никогда не беспокоили интересы обманутых жен, — ответила богиня.

Облако начало медленно подниматься.

Харикло сильно взволновалась.

— Гера! — закричала она. — Ты же сама жена!

— Мой муж делает что хочет и с кем хочет. Я не возражаю, зато делаю то же самое, с кем хочу и когда хочу. Так что и тебе советую последовать моему примеру.

— Но я хочу этого только с моим мужем!

— Я тоже хочу, но не показываю виду.

— Я умоляю тебя, богиня... возврати ему...

Но Гера уже растаяла среди облаков. Лишь длинный белый самолетный след остался памятью о ней на бесцветном к вечеру небе.

Харикло кинулась на землю, в пыль, и зарыдала. Кора понимала ее, но чем она могла помочь? И тем более ей стало неловко, когда, не поднимаясь с земли, Харикло потянулась к Коре и стала молить ее:

— О великая богиня, дающая жизнь и отбирающая ее, пойми же свою несчастную сестру. Волей злобной Геры...

Голос, отдаленный, но могучий, донесшийся из верхних пределов стратосферы, перебил монолог Харикло:

— Не злобной, а оклеветанной, униженной и названной коровой! Фу!

Харикло несколько секунд молчала. Ей надо было осознать то, что теоретически она знала и ранее: боги способны слышать смертных на значительном расстоянии. И могут ответить им с небес.

Но, помолчав, Харикло возобновила свой монолог:

— Боги не даровали нам с Хироном сына. У нас есть лишь дочка Эндейда, настолько маленькая, что находится на попечении нянек и мамок. Если же Хирон станет годен лишь для занятий философией, то откуда возьмется наследник?

И голос с небес ответил:

— Не расстраивайся, женщина. Всегда найдется бог или полубог, готовый подарить тебе сына за хороший ужин и бокал вина.

— Только не это! — воскликнула Харикло. — И вообще я не хочу больше слушать тебя, богиня.

В ответ из космических далей донесся насмешливый хохот Геры.

Харикло устало поднялась и спросила у Кору:

— И что мы теперь будем делать?

— Во-первых, это пройдет. Поболит и пройдет.

— Есть надежда? — Лицо Харикло озарила радостная улыбка.

— В крайнем случае у тебя уже есть дочка, наверное, вся в папу.

— Ты с ума сошла, Кора! — возмутилась Харикло. — Слава Богу, у Эндейды нормальные ножки и ручки. Кентавр-мужчина — это еще куда не шло, но кентавриссы — нет, лучше умереть бездетной, чем качать на руках девочку с копытами!

Харикло оглянулась. Во дворе было тихо. Домочадцы затаились, потрясенные событиями.

— Пойду, — сказала она, — поищу моего мужа. А то его занесет с горя куда-нибудь в опасное место, или подерется с кем-нибудь. Он хоть и мудрый, говорят, даже самый ученый из кентавров, но все же, сама понимаешь, не совсем человек, а с животными инстинктами.

— Я с тобой, — сказала Кора. — Мне интересно поглядеть на Коринф. К тому же я могу тебе пригодиться.

— Какая-никакая, но богиня всегда сгодится, — ответила Харикло, словно придумала поговорку.

У ворот их догнал сатир Никос. И хоть Харикло хотела оставить его дома, чтобы присмотрел за хозяйством, да за тем, чтобы бурдюки с вином хорошенько заперли в подвал, тот все же увязался за женщинами.

Прохожие, которые знали, что в доме Хирона произошла какая-то беда, но не догадывались еще какая, готовы были помочь Харикло. Мучимый ужасной болью, кентавр носился по улицам и переулкам Коринфа кругами — так что его видели все, но куда он в конце концов убежал, сказать не смог никто.

В конце концов, когда солнце уже коснулось краем холмов Истма — узкого перешейка, отделявшего Пелопоннес от Аттики, женщинам удалось увидеть кентавра. Он устало брел по водоразделу, мимо редких сосен, и показался Коре персонажем из театра

теней, выдумкой сказочника, а никак не реальным существом, с женой которого она сбилась с ног в поисках ее несчастного мужа.

— Хирон! — закричала Харикло. — Хирончик, миленький, вернись домой, я люблю тебя!

Крик ее пронесся над холмами, скатился к Сароническому заливу и заставил кентавра остановиться и замереть.

Он обернулся на голос и, видимо, разглядел жену.

Медленно, виновато, понуро кентавр спустился к ним.

Они ждали молча. Осенний, и без того не жаркий день сменился прохладным, даже зябким вечером. Потная шерсть тускло поблескивала под лучами заходящего солнца.

Хирон остановился в нескольких шагах от Харикло и медленно опустил на колени передних ног.

— Да ладно уж, — сказал сатир и смахнул слезу.

Харикло подошла к мужу и обняла его за шею. Стоя на коленях, он как раз сравнялся с ней ростом.

У Кору запершило в горле.

— Как жить будем? — тихо произнес Хирон, гладя жену по густым, тугим завиткам волос.

— Проживем, что ж теперь делать.

— Я к врачу пойду. Мне Асклепий поможет. Асклепия я грамоте учил, — сказал Хирон. — Он еще мальчишкой был, я ведь многих учил.

Кора где-то слышала, что Асклепий — это греческое имя Эскулапа, а Эскулап — главврач Древнего мира. И все же этот бедный кентавр преувеличивает...

— Ты с Ясоном поговори, — советовала жена, — он подросток, славный герой из него получится. Ахилл тоже тебе многим обязан.

— Я к Гераклу пойду. Он человек справедливый. Должен помочь.

— Эй, поглядите, опять Синис хулиганит! — закричал сатир Никос.

Кора поглядела наверх, на теневой театр, персонажем которого недавно был кентавр. На фоне оранжевого неба стояли редкие сосны. Кора раньше и не

думала, что в Греции могут расти сосны. Она скорее предполагала, что здесь финиковые пальмы, которых вовсе не оказалось.

Синис... Синис. Это разбойник, который живет на самом Истме, то есть перешейке. На перешеек она и глядит...

Между сосен можно было разглядеть две маленькие человеческие фигурки. Кора пожалела, что у нее нет бинокля.

— Что они там делают? — спросила Кора.

Кентавр поднялся с колен и тоже смотрел в ту сторону.

— Если бы я мог, давно бы с ним разделался. Но у него сильные связи на Олимпе. Рассказывают...

— Только не надо, пожалуйста, не говорите, что он — незаконный сын Посейдона! — взмолилась Кора. — Я этого не выдержу.

— Скорее всего он — незаконный сын Посейдона и Селии, дочери Коринфа, основателя нашего славного города, — сообщил Хирон, который, когда дело касалось богов и сложных родственных связей любвеобильных греков, терял чувство юмора и вообще все чувства, кроме почтения.

— Сколько же у Посейдона детей?

— Не наше дело считать.

— Но ведь вас могут обмануть. Что, если я скажу, что я — дочка Посейдона? — спросила Кора.

Все дружно засмеялись — шутку на таком уровне они восприняли с удовольствием. И когда Кора удивленно подняла брови, они слаженным хором воскликнули:

— Хорошо издеваться над смертными той, отец которой, без сомнения, сам Зевс...

— От чего он никогда не отказывался, — завершил хоровую декламацию Хирон.

— Опять — двадцать пять, — проворчала про себя Кора, но не стала спорить с семейством Хирона, потому что события на вершине холма приняли драматический оборот.

Один из человечков явно одолел другого и теперь, пригнув к земле вершину одной из сосен, что гово-

рило о его недюжинной силе, привязывал к ней руку своего противника.

— Что он делает? — спросила Кора.

— Ничего нового, — вздохнул Хирон. — Как всегда, победив путника, разбойник привязывает его за правую руку к вершине одной сосны, а за левую... Вот, смотрите! — за левую к вершине другой сосны. И что он сейчас сделает?

— Смотрите, смотрите! — сатир Никос даже поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть. — Сейчас!

Нечаянно оглянувшись на шум сзади, Кора увидела, что на крышах всех домов и хижин Коринфа стоят люди — с детьми, стариками даже домашними животными — и все глядят на вершину холма, ожидая развязки.

Кора тоже стала смотреть туда.

Победитель сделал шаг в сторону и отпустил вершины сосен.

Видно было, как с невероятной силой, стремясь освободиться, сосны стараются принять вертикальное положение.

Фигурка, привязанная руками к вершинам, извивалась, стараясь удержать их...

Но тщетно!

Сосны взяли верх над человеком.

Еще одно движение, судорога... и сосны разорвали человека пополам.

И распрямились — каждая из сосен несла на своей вершине, как флаг, половину человека. С одной рукой и одной ногой...

— Это ужасно! — вырвалось у Кору.

И вокруг нее — сзади, от города, сбоку — от семейства Хирона, донесся горький стон!

Человечек на вершине холма, убедившись, что его жертва погибла ужасным образом, медленно пошел прочь и скрылся за горизонтом — черный муравей на алом фоне заката.

Когда стенания мирных жителей Коринфа стихли, кентавр Хирон грустно произнес:

— Еще один наш соотечественник стал безвинной жертвой этого злодея! Еще один. Когда же найдется смелый герой, который положит этому конец?

— А вот ты бы своим ученикам подсказал. Что, Ахилл не может с ним справиться? Или Кастор?

— Беда героев заключается в том, что они очень дорожат своей репутацией, — ответил Хирон. — А объясняют нежелание воевать с разбойниками, мелкими бандитами и грабителями тем, что у них чистые руки, такие чистые, что кровь разбойника их может замарать.

— А Геракл? — спросила Кора. — Разве он не дрался с разбойниками?

— Ну там были особенные разбойники!

Сатир приподнял широкополую шляпу, почесал между рогов и сказал:

— Схожу все-таки погляжу. Может, кто из знакомых, надо снять, похоронить...

— Пройдоха! — воскликнула Харикло. — Он надеется на то, что убитый — купец и Синис чего-то у него не забрал.

— Дождешься такого от Синиса! — возмущенно воскликнул сатир. — Он все, до последней нитки, к себе в пещеру тащит. А потом пиратам продает. Нет, не дождешься...

Кора не могла сказать, что ей хотелось разделить компанию Никоса, но на вершину холма решил отправиться и кентавр. Он предложил жене и Коре подвезти их на своей широкой теплой спине. Коре не приходилось раньше ездить верхом на кентаврах, но коней она знала и любила. Для отказа у нее не было причин, к тому же она была здесь на службе, а на службе ей не раз приходилось видеть мертвых людей. Так что она забралась на кентавра, который элегантно подсадил дам.

Кора обхватила за плечи Харикло, сидевшую спереди. От волос Харикло пахло ярким солнцем, ветром, пылью и дымом очага. Оказывается, судьба женщины мало меняется за тысячелетия — женщина везет бурдюки, делает компьютеры или стирает, а мужчины занимаются высокой политикой.

Сатир бежал рядом, и сверху Кора видела лишь бурый круг его войлочной шляпы, поля которой скрывали плечи.

— Насчет этой коровы... — начал было Хирон.

Харикло оборвала его:

— О коровах мы еще поговорим. Если тебя вылечат. Кентавр замолчал.

Он с трудом взбирался по крутой проселочной дороге, что виляла и крутилась, как бешеная змея.

Кора оглянулась. За ними, переходя порой в бег, спешили несколько коринфян.

— Они почему туда идут? — спросила Кора у шляпы.

Сатир услышал и ответил:

— Одни боятся — вдруг родственник, а другие думают — вдруг можно пожить? Люди странно устроены. Я как-то видел, как сгорел храм Аполлона в Мегаре. Такое горе, такое страшное знамение! Толпа стояла вокруг, и люди рыдали. А некоторые хватили еще горячие от огня обугленные остатки чаш или горшки с пшеном, жертвоприношениями и бежали домой. Люди разные бывают. И не меняются. С этим лучше мириться.

Дорога вывела на вершину холма, оказавшуюся плоской и весьма обширной.

Люди останавливались под соснами. Смотрели все больше на правую сосну, потому что получилось так, что голова разорванного человека осталась на правой сосне.

— На кого-то похож, — сказал сатир.

Кора скользнула на землю с кентавра и помогла спуститься Харикло.

— Не хочу смотреть, — отвернулась Харикло.

Коре тоже смотреть не хотелось, но пришлось.

Голова, висевшая на дереве, принадлежала пожилому длинноволосому человеку грубой, отталкивающей наружности, который, видно, ни разу в жизни не мылся и не причесывался, зато предавался всем тайным и явным порокам, в первую очередь пьянству. И менее всего погибший был похож на купца или богобоязненного пилигрима.

— Эй, — обернулся кентавр к группе жителей Коринфа. — Кто из вас видел этого человека?

— Я, — сказала девочка, державшаяся за край хитона своей мамы. — Мы с девочками в лесу играли,

а этот дядя вышел и спросил, кто хочет вкусную конфету?

Девочка замолчала. Все тоже молчали. Видно, эта история всем, кроме Кору, была известна. Поэтому Кора спросила:

— И что дальше было?

— Дальше? Дальше Гига первая закричала, что хочет конфету. А я не успела. Он тогда взял Гигу и унес... а мы побежали следом и плакали, и просили, чтобы он отпустил, а он ее...

— Он ее съел, сожрал с потрохами, — сердито сказала мать девочки. — И хватит травмировать ребенка.

— Простите, — смутилась Кора. — Я же не знала, что все так трагично кончилось.

— Для него — что ребенок, что слон, — все одно... — произнес сатир и только тут до него дошло значение собственных слов. — Ого-гого! — закричал он. — Сograждане мои, родные мои эллины! Мы видим перед собой голову страшного разбойника Синиса, который терроризировал всю нашу округу! Оказывается, это не он разорвал свою очередную жертву, а очередная жертва каким-то образом связала и разорвала самого страшного разбойника всех времен и народов.

И тут горожане тоже догадались, что Синису пришел конец, и началось веселье.

Люди прыгали, пели, потом образовался хоровод, мужчины положили руки друг другу на плечи, и так они, притопывая, выражали свою радость.

— Кто это мог сделать? — спросила Кора, подзревая ответ, хоть и не успела прочесть продолжение мифа о Тесее.

Угадав ее мысли, Кору поддержал кентавр Хирон.

— Видел ли кто-нибудь, — спросил он, обращаясь к веселящимся землякам, — сегодня в городе могучего вида юношу, который шел в эту сторону?

После короткой паузы, вперед выступила полная женщина в длинном желтом хитоне, вышитом золотом.

— Такой юноша остановился возле моих ворот, — сказала она. — Он хотел пить, и я велела вынести ему напиться.

— Каков он был собой? — спросил кентавр.

— Высокого роста, — ответила женщина, — выше, чем молодая богиня, которая стоит рядом с тобой, Хирон. Широкий в плечах, в коротком алом гиматии и кожаных сандалиях с завязками. Он был подпоясан мечом, а в руке он нес очень большую и тяжелую железную палицу, такой я еще никогда не видела. Я даже спросила его: «Ты решил подражать Гераклу, мальчик?» И знаете, что он мне ответил? Он ответил: «Вы правы, добрая женщина, я подражаю моему дяде Гераклу».

— Это он! — воскликнул кентавр. — Конечно же, это славный Тесей, которому на роду предсказаны славные подвиги.

Кора была полностью согласна с кентавром.

— Простите, Хирон, — обратилась она к нему, — мне хотелось бы знать ваше мнение — где может остановиться на ночлег этот юноша?

— О, богиня, не делай ему зла! — взмолилась Харикло. — Твоя власть над смертью ужасна, но этот юноша сделал уже немало добра, за один день он убил двух самых страшных разбойников.

Кентавр остановил свою жену жестом руки.

— Где он остановится — ведают лишь боги, которые следят за ним. И если ты, Кора, относишься к разряду великих богинь, тебе проще, чем нам, узнать об этом. Но если ты простая смертная, то лучше тебе не соваться в густые буковые леса за Истмом — они кишмя кишат нечистью. К утру от тебя останутся рожки, да ножи.

— Это я гарантирую, — подтвердил сатир. — Я всю молодость провел в тех лесах, и, если бы у меня в те годы была совесть, я бы уже повесился от ее груза.

— С утра я составлю тебе кампанию, Кора, — сказал старый кентавр.

— Только не это! — воскликнула его жена.

— Глупая женщина! — возмутился Хирон. — Не позорь меня перед всем Коринфом. Может, ты уже забыла, какому несправедливому и жесткому наказанию подвергла меня богиня Гера? Я должен обязательно попасть в Афины и увидеть Асклепия. Если мне не поможет бог врачевания, я уж не знаю, кто мне поможет.

Харикло поняла, что ее ревность оборачивается против нее самой, и без слов отправилась обратно в город. Остальные потянулись следом.

— Может, подвезу? — обратился кентавр к женщинам. Но Харикло будто не услышала, а Коре неловко было одной ехать на кентавре. Правда, идти под горку было нетрудно, все спешили, потому что ночь обещала быть холодной.

За обильным ужином, который Кора и хозяйева дома вкушали в большом зале, обнесенном деревянными колоннам, Харикло и Кора сидели на жестких деревянных скамьях, к счастью, покрытых циновками и подушками. Перед каждой из женщин стояло по небольшому круглому столику, на который слуги и ставили тарелки с едой, простой, но свежей и вкусной. Мяса в обеде почти не было, если не считать куска курицы для Кору. Кентавр с удовольствием поедая свежую зелень, вареную капусту и початок кукурузы, который при внимательном рассмотрении оказался бананом и тут же превратился в небольшой кабачок. Правда, освещение было ярким, но неровным — горели факелы на треножниках, и масляные светильники стояли на каждом столе.

Кентавру нелегко сидеть или лежать, как обыкновенному человеку, и таким образом вкушать пищу, поэтому в доме Хирона вышли из положения, выкопав за столом неглубокую обширную яму, устланную соломой, куда и вместился круп хозяина дома.

Вкушая петрушку и запивая ее разбавленным красным вином, кислым настолько, что Кора от него отказалась, Кентавр рассуждал так:

— Может быть, есть определенная справедливость в том, что Гера совершила надо мной отвратительное деяние. Я засиделся в этой дыре.

— Ты же всего полгода назад говорил совсем другое! — возмутилась его жена.

— Правильно. Тогда я устал жить по чужим дворцам, учить грамоте и геометрии могучих телом и духом, но слабых разумом героев и принцев. Я был уверен, что мой милый домик в Коринфе это то, единственное место, где я хочу провести оставшиеся мне здесь годы...

— Ну и проводи!

— Но месяцы безделья пролетели незаметно, я отдохнул, и теперь меня снова потянуло к приключениям.

— С коровами?

— Не обижай меня, Харикло, ибо согрешить может каждый, но далеко не каждый может раскаяться в своих грехах. А именно раскаяние и станет когда-нибудь основой передового человеческого мировоззрения. Покаяние, любовь к человеку, умение прощать... Я боюсь, что отсутствие этих качеств и приведет в конце концов к гибели нашу античную цивилизацию.

— Вы — мыслитель, Хирон, — сказала Кора.

— А что еще остается одинокому кентавру, ушедшему на отдых... Нет, мне повезло! Теперь я вынужден идти в Афины, вынужден искать друзей, совершать подвиги и искать истину! Молчи, женщина!

* * *

Кентавр встал на рассвете. Харикло продолжала отговаривать мужа от путешествия, утверждая, что предчувствие, которое ее никогда не обманывает, предупреждает, что она уже больше никогда не увидит своего могучего, легкомысленного и мудрого мужа.

К проводам вынесли маленькую дочурку.

Кентавр прижал ее к широкой обнаженной груди и долго смотрел на ребенка. Девочка, такая же курносая и белобрысая, как отец, мирно играла его бородой.

Сатир дал Коре на дорогу холщовый мешочек с изюмом — им лучше всего подкреплять силы в пути.

Харикло стояла у открытых ворот с девочкой на руках. Кора ехала верхом на кентавре. Она обернулась и с нежностью поглядела на дом, в котором оставались ставшие близкими ей люди.

— Хорошая у вас жена, — сказала она кентавру.

— Ни у кого из кентавров нет человеческой жены, — сказал Хирон, не скрывая гордости. — У всех — лошади, а у меня — человек. А любит меня — ты не представляешь как! Если я погибну, может не пережить.

— Куда мы держим путь? — спросила Кора.

— Мы проедем мимо Кроммиона. Если Тесей идет по берегу, он не может миновать этого селения. Там разберемся.

— А в Кроммионе есть разбойники? — спросила Кора.

— Разбойники есть везде, но знаменитых разбойников там не водится. Зато те места знамениты своим вепрем. Такое дикое и могущественное животное, такое кровожадное, что кроммионцы перестали возделывать поля. Как этот кабан увидит человека, сразу бросается за ним. Сами кроммионцы справиться с ним не могут, потому что стрелы не берут его шкуры, а настоящие герои не хотят связываться. Еще опозоришься из-за какого-то кабана — пятно на репутации.

— Тогда мы там точно отыщем Тесея, — сказала Кора.

— Почему ты так думаешь, богиня?

— Тесей обожает своего дядю Геракла. А Геракл совершил известный всем подвиг — поймал живым эримантского вепря, который опустошил всю Аркадию.

— Геракла знаю, — заметил Хирон, — но никогда не слышал о его подвигах. А почему столь знаменитый и могучий муж должен совершать какие-то подвиги?

— Если не ошибаюсь, — ответила Кора, — то он что-то натворил. Или хотел натворить. То ли убил своих детей, то ли решил жениться на фиванской царевне.

— Никогда не слышал о подвигах Геракла, — повторил Хирон. — К тому же Геракл никогда не служил царю Фив, милейшему Креонту, я его знал... Геракл служит Еврисфею, так повелела проклятая Гера, но Еврисфей — царь Тиринфа и Микен...

— Только не это! Остановись, кентавр! — взмолилась Кора. — Я не могу больше слушать о ваших родственных связях, о том, кто кому обязан, кто кого проклял, родил или предал. У вас не история, а телефонная книга!

— А как же мне тогда рассказывать? — удивился кентавр.

— Говори просто — один человек.

— Хорошо, богиня, я постараюсь.

Дальше они ехали молча. Кора подумала, что, может быть, Геракл еще и не совершал своих подвигов, а совершит их через несколько лет, — как обидно быть необразованной! Перед следующим заданием обязательно прочту весь фактический материал и, если придется попасть в Киевскую Русь или в экспедицию Магеллана, буду знать, чем все это закончится.

Неизвестно, были ли уже совершены подвиги Геракла, или юный Тесей лишь подражал своему дяде, но, по крайней мере, в первом же из своих подвигов он убил сразу двух зайцев. Во-первых, подобно дяде, он обзавелся тяжелой дубиной, только у Геракла она была деревянной, а Тесей отнял у разбойника железную. Во-вторых, он обрел оружие для будущей дуэли. Если Тесею удастся потренироваться в этих краях и научиться управляться с железной палицей, то его сопернику Кларенсу стоило бы поостеречься и принять меры заранее.

Они проехали Истм — удивительный узкий перешийек, с вершины которого как раз за той рощей, где Тесей убил Синиса, открывался вид сразу на два моря, вернее, на два залива двух морей.

— А зачем Тесею воевать с разбойниками? — спросил кентавр. — Если он, как говорят, собрался к своему отцу, то мог бы плыть на корабле — и ближе, и спокойнее!

— Насколько нам известно, — ответила Кора, — Тесей — противник легких путей. Он должен совершать подвиги, а не следовать безопасными дорогами.

— Как это мне понятно, — вздохнул кентавр. — Я тоже таким был в молодости. Интересно, а рады ли ему будут при дворе Эгея?

— А почему бы и нет? — удивилась Кора. — Он придет, покажет меч и сандалии, которые для него оставил отец при зачатии. И тот объявит его наследником престола.

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво заметил кентавр.

В Кроммионе — небольшом поселении на берегу, где жители большей частью ловили губок или разводили виноград, Тесея они не застали. Чуть-чуть. Оказывается, он походя совершил там подвиг. Не потратил ни одной лишней секунды: как только увидел несущегося на него вепря, размахнулся палицей и раскрыл животному череп.

Вепрь лежал на площади, вокруг веселились жители поселка, готовились к большому торжеству и общему пиру, а Кора подумала, что этого вепря она уже видела там до начала круиза. Она даже обернулась в поисках дрессировщика, но вместо него ее взор натолкнулся на стоявшую в отдалении молодую женщину в хитоне, достающем до земли, и в платке закрывающем лоб. Что-то в осанке женщины, в линии руки, поддерживающей ткань, чтобы закрыть подбородок, в форме ногтей, подсказало наблюдательной Коре, что эту женщину она встречала раньше.

Женщина была здесь чужой, ее никто не замечал, потому что жители поселка находились в истерическом восторге. Женщина внимательно смотрела и слушала.

Пока кентавр разглядывал убитого вепря и обсуждал с поселянами подвиг Тесея, Кора подошла к одиноко стоявшей женщине и спросила:

— Простите, но я вас где-то встречала. Где?

Женщина не стала таиться. Она опустила руку с краем хитона, и открылось прекрасное бледное лицо — лицо Клариссы.

Затем, убедившись, что Кора ее разглядела, она произнесла:

— Меня зовут Медея. Я — грузинская царевна и законная супруга царя Афин Эгея. Соответственно, мачеха молодого человека по имени Тесей, который намеревается проникнуть в Афины и заявить о своих правах на престол. С помощью сандалий и меча. Всего-навсего. У меня же есть сын. Он еще маленький мальчик, его зовут Мед. Он сын Эгея и законный наследник афинского престола. Теперь вы представляете, с какими чувствами я ожидаю появления в Афинах Тесея?

— Но Тесей — старший сын Эгея.

— Об этом, девушка, мы с вами еще поспорим. Даже Питфей, его родной дедушка, кричит на всех перекрестках, что настоящий отец Тесея — Посейдон.

— Но вы же знаете репутацию Посейдона! — сказала Кора. — Я подозреваю, что каждый второй ребенок рожден от этого бога.

Но Кларисса — Медея не слушала Кору. Она взволнованно продолжала:

— Никто не знает, откуда этот Тесей раздобыл сандалии и меч. Может быть, украл? Может быть, это вовсе не эгейские меч и сандалии?

— Не переживайте, — сказала Кора. — Наверное, лучше кончить дело миром.

— И не надейтесь! Вы плохо знаете мою биографию. А я ведь настоящая грузинка. И во всем иду до конца.

— А разве имя Кларисса вам ничего не говорит?

— Ровно столько же, сколько имена Жанна, Марина и Параша, — ничего!

Фиалковые глаза Медеи грозно сверкнули, и Кора поняла, что лучше промолчать. Слова здесь не помогут.

— Вы куда? — спросила Кора, увидев, что Медея уходит.

— Я должна присмотреть за Тесеем, пока он идет к Афинам.

— Не смейте его убивать!

— И не подумаю, — ответила Кларисса, но Кора ей не поверила. Она хотела последовать за ней, но та вдруг разбежалась, широко раскинула руки и взлетела. И вскоре, уменьшившись, стала одной из многочисленных птиц, летавших над морем.

Оторвав взгляд от неба, Кора поспешила к кентавру Хирону, который помогал любопытствующим поселянам измерять вепря. Оказалось, что его длина от рыла до кончика хвоста — десять локтей. Такого вепря никто раньше не видел. Сразу поднялся спор, какую часть его принести в жертву богам, что съесть самим.

Кора отозвала Хирона в сторону и сказала:

— Здесь была одна женщина, которая хочет зла Тесею. Расскажи мне, что ты о ней знаешь.

— Что за женщина? Это становится интересным. — Хирон обожал пикантные ситуации.

— Боюсь, что это не совсем то, что ты думаешь, — сказала Кора. — Эта женщина сказала мне, что она законная жена царя Эгея, что у нее есть от царя сын, ставший теперь наследником престола, и что она разыскивает Тесея, чтобы помешать ему занять при дворе причитающееся ему место.

— Медея! — возопил Хирон так, что некоторые кроммионцы начали оглядываться. Кентавр схватил Кору за плечо своей длинной ручищей и оттащил в сторону.

— Ты говоришь — Медея? Неужели она пронюхала! Это смертельная опасность для Тесея. Потому что и в любви, и в ненависти эта женщина совершенно неудержима.

— Кто она, кто? Мне это очень важно знать!

— Тогда слушай. До ужина у нас есть время, и это время я посвящу рассказу о самой удивительной истории наших дней.

Кентавр удобно устроился под яблоней и начал свою повесть, время от времени срывая с дерева красные плоды и хрупая их так, что сок брызгал во все стороны.

— Может быть, ты слышала когда-нибудь об одном корабле, который во главе с одним молодым отважным человеком отправился в одно море, где есть одна страна, а в ней у одного царя хранится одна золотая вещь.

Кентавр сделал паузу и не без хитрости поглядел на слушательницу.

Кора тем временем пыталась привести в порядок услышанные слова: один царь, одна вещь, одно море...

— Ты что, издеваешься надо мной, Хирон! — воскликнула она, отчаявшись понять что-нибудь в рассказе.

— Но, госпожа моя, — возразил кентавр. — Только недавно ты потребовала, чтобы я перестал упоминать в моих рассказах все имена, потому что тебе надоело разбираться в том, кто чей дядя или папа.

— Но всему есть мера! — возразила Кора. — Если ты рассказываешь интересную историю, то самые важные имена ты можешь употреблять.

— А как я узнаю, какие из них важные, а какие нет?

— Хирончик, пожалуйста! — взмолилась Кора. — Я никогда больше не буду тебя обижать! Расскажи мне об одной золотой штуке нормальным языком.

Кора погладила покрытый жесткой, короткой шерстью бок чудовища.

— Не щекочи! — хохотнул кентавр. — Ладно уж, я тебя прощаю. Тебя невозможно не простить.

— Продолжай.

Шум поселян, которые никак не могли решить проблему, то ли тащить вепря к алтарю, то ли освежевать и разделать его здесь, доносился сюда, в низинку, как шум морского прибоя.

— Может быть, ты слышала о нем, о герое Ясоне. Он широко известен, — вновь начал свой рассказ кентавр.

— Да, он широко известен. У него был корабль «Арго», и он искал золотое руно.

— Все не так просто, девочка, — сказал старый Хирон, отмахиваясь хвостом от слепней. — Так как

Ясон был моим любимым учеником и я воспитывал его втайне от царя Пелия, который поклялся его убить, потому что Дельфийский оракул предсказал ему, что он потеряет трон от одного из потомков Эсона, из-за чего он перебил всех потомков Эсона, он не смог убить Диомеда, потому что Полимела распространила слух, что он родился мертвеньким...

— Хирон, я тебя убью — не выдержала Кора. — И ваши боги меня простят. Я не просила пересказывать мне телефонную книгу. Я хочу только знать, кто такая Медея, почему она грузинка, что она здесь делает и насколько опасна?

— Но как же я тебе все объясню, если ты не будешь знать, что Пелий должен был бояться юношу, у которого на ноге только один сандалий...

— Хоть три! Почему Ясон поплыл на корабле за золотым руном? Почему в Грузию?

— Я устал от тебя, женщина, — воскликнул кентавр. — Я не могу рассказывать тебе историю, если в ней не будет героев и негодяев, а ты не хочешь слушать меня, если я говорю о людях.

— Хорошо, — сдалась Кора, — говори как хочешь.

— Если начинать эту историю не с самого начала, а только с того момента, который тебя интересует, то мой ученик по имени Ясон, один из лучших, умнейших и храбрейших юношей, которых мне приходилось знать, согласился отплыть в Колхиду, чтобы привезти оттуда золотое руно. Об этом ты слышала, читала и знаешь, ибо подвиги Ясона и его товарищей на корабле «Арго» стали достоянием вечности. Но теперь я тебе скажу самое главное, о чем ты не знаешь и не знает никто из необразованных темных и нелюбопытных людей в этом мире, а именно: Ясон отплыл в Колхиду вовсе не за золотым руном.

— Ну вот еще этого не хватало! — в сердцах сказала Кора.

Поселяне между тем решили оттащить вепря домой целиком и теперь подводили под него палки и сучья, чтобы сдвинуть с места. Шум доносился до Кору, но она старалась не обращать на него внимания.

— Все дело было в привидении Фрикса. Вот именно — в привидении Фрикса, который когда-то сбежал в Колхиду верхом на божественном баране, покрытом золотой шерстью. Там этот самый Фрикс помер, и местные дикари грузины не смогли его похоронить как положено хоронить достойных греков. Вот он и стал привидением и теперь преследует во сне царя Пелия. Того самого, который захватил трон и должен отдать Ясону, но отдаст...

— Короче!

— Ясон, чтобы совершить свой великий подвиг и добиться трона, должен был привезти с собой привидение! Привидение Фрикса. И похоронить его дома по всем правилам. Поняла?

— А как же золотое руно?

— Куда привидение, туда и золотое руно!

— Почему?

— Не задавай глупых вопросов. Я сам не знаю. Так решили боги. Золотое руно без привидения не считается.

— Хорошо, продолжай. Только рассказывай поинтереснее. А то я засну.

— А ты устраивайся поудобнее. Клади голову мне на живот.

— У тебя там блохи, — сказала Кора.

— Не оскорбляй честного кентавра, — но Хирон не обиделся.

Кора улыбнулась и устроилась поудобнее, опершись о бедро кентавра.

— Итак, решено было, что мой ученик Ясон поплывет в дальние края искать золотое руно и привидение Фрикса.

— Слушай, коняга, — сказала Кора. — Долго мне от тебя слышать: мой ученик, мой ученик! Можно подумать, что ты научил всех великих героев Эллады.

— Так и было, — скромно ответил кентавр.

— Но что ты можешь знать!

— Все науки, — ответил кентавр.

— Науку стрелять из лука, науку биться на палках или науку готовить похлебку из лука?

— Вы, люди будущего, — ответил на это кентавр, лениво почесывая себе бок, — полагаете, что если живете на закате Земли, то стали умнее и даже образованнее. Чепуха все это! Я могу тебе как дважды два доказать, что мои знания глубже и разнообразнее твоих, агент Кора Орват.

— Что?! — Кора вскочила и схватилась за то место на боку, где положено было висеть пистолету.

— Вот видишь, — кентавр даже не пошевелился, — для тебя главный аргумент — пуля. А разве это не проявление глупости?

— Откуда ты знаешь?

— Здесь, в мире виртуальной реальности, я могу охватить взглядом и интуицией все ходы вашей игры.

— Значит, ты знаешь, что мы с тобой не в настоящей Греции?

— Глупышка. Ты и здесь осталась такой же наивной, как в поезде метро. Ты не поняла, что события и явления могут быть многозначными и многосмысленными. Виртуальная реальность — в первую очередь реальность. Для многих источник сомнения — само существование мифических времен в Элладе. Я — сказка, миф, выдумка старика Гомера? Грустно, но я сам порой поддаюсь таким мыслям. Ты ощупываешь свои крепкие бедра, ты смотришь на свои серые копыта, ты проводишь ладонями по короткой шерсти на своих боках и думаешь: а существую ли я на самом деле? Ведь здравый смысл против меня. Для Вольтера я — химера, выдумка, а для меня Химера — реальность, потому что я был знаком с ее мамой, которую звали Ехидной и которая также не отличалась красотой. Ты думаешь, что Химера была злобным чудовищем? Нет, жизненные обстоятельства сделали ее таковой. И Беллерофонт был хорош, когда напал на нее, на мой взгляд предательски! Но мне ли судить людей и богов? Я знаю, что они существовали и существуют, а создание людьми виртуальной реальности лишь укрепило реальность их существования. Я не знаю, к чему движется человеческая история, но подозреваю, что в относительно недалеком будущем нарушится связь времен. То,

что прошло тысячелетия назад, разумом человеческим будет исторгнуто из вечности и отправлено в будущее. И не удивляйся тогда, встретив меня в каком-нибудь Космопорте. Хотя, впрочем, кому от этого станет лучше — не знаю.

— Значит, ты знаешь, почему я здесь?

— Милая моя Кора, мои знания обрывочны и случайны, и я сам не знаю, каким образом они проникли в мой мозг. Я знаю, например, что ты выполняешь свой долг, но ведь каждый из нас выполняет свой долг. Я знаю, что ты не хозяйка своей судьбе. Но каждый из нас — раб собственной судьбы, собственных слабостей или собственной силы. Ты ищешь человека... В то же время от тебя исходит аромат справедливости. Я не хочу сказать, хорошая ты или плохая, жестокая или добрая, но основное направление твоей судьбы, это попытка помочь торжеству справедливости. Так что всю жизнь ты будешь способствовать ее победам, маленьким и небольшим, и вместе с ней ты будешь проигрывать большие битвы, потому что маленькая справедливость очень часто становится частицей большой несправедливости. Не спорь сейчас со мной. Я очень стар и видел столько тысяч людей и богов, что мне простительно кое-что знать об устройстве этого мира. А учу я людей и героев астрономии и арифметике, письму и риторике, и всем тем наукам, к которым в твои времена свойственно относиться со снисхождением взрослого мужчины, глядящего на то, как мальчишки гоняют по улице сшитый из тряпок мяч. Глупец, он забыл о радости этого немудреного занятия!

— Вы меня поражаете, Хирон, — сказала Кора.

— Это не было моей целью, — сказал он. — И жаль, что наше знакомство столь мимолетно. Вы выполните свою задачу и исчезнете из нашего мира. А жаль.

— Почему?

— Потому что Асклепий, может быть, вылечит меня от наказания Геры, и тогда я снова стану настоящим жеребцом, хоть куда! Но показать вам это на примере я не смогу.

— Вы с ума сошли! — Кора вскочила. У нее было хорошо развитое воображение.

Кентавр заржал от радости так громко, что с перепугу поселяне отпустили вепря, и он покатился под откос. Кентавру пришлось подниматься и вытаскивать их добычу на тропинку.

Когда кентавр возвратился, он был все еще весел.

— Продолжать ли рассказ о Ясоне? — спросил он.

— Продолжайте, — ответила Кора смущенно. Хуже всего оказаться в положении девицы, которая не понимает рискованных мужских шуток.

— Для нас, древних греков, — произнес кентавр, — поход на Черное море был необычайно трудным путешествием. И знаешь почему? Потому что это было в сказочные времена. Теперь Черное море стало как бы внутренним морем для греков, там понастроили городов и деревень, туда школьников возят на экскурсии. А вот во времена Ясона грекам казалось, что как только выйдешь в море, то начинаются такие чудеса, что и не приснятся. То же самое происходило с Одиссеем. Если задуматься, он кружил по нашим же домашним морям, а сказка осталась на века.

. — Ты нарушаешь логику, Хирон, — заметила Кора. — Сам же сказал, что Ясон был твой ученик.

— На его корабле «Арго», построенном из лучших стволов лучшего дерева, было немало моих учеников.

— Что же получается? Для Ясона это путешествие на Черное море — сказочный подвиг, достойный поэмы, а в то же время ты говоришь, что это море как бы внутреннее озеро греческого мира.

— Никакого противоречия, девочка, — ответил кентавр, — если ты вспомнишь об относительности времени. Кстати, когда вернешься от нас к себе, то скорее всего там пройдет совсем немного дней... или часов.

Кора вынуждена была склонить голову перед мудростью кентавра и попросила продолжить его рассказ.

— Корабль «Арго», который построили для Ясона буквально всей Грецией, был очень большим по тем временам, пятидесятивесельным.

— Но он был с парусами?

— С одним большим квадратным парусом и с двадцатью пятью парами весел.

— Значит, у них были рабы?

— Ты можешь не перебивать старших? Раз не знаешь, что в те времена за веслами на кораблях никогда не сидели рабы, это было почетное занятие и лучшие гребцы считались героями. Аргонавты и гребли! Сегодня трудно сказать, сколько их всего было, и даже перечислить их всех по именам. Вернее всего, их было чуть больше пятидесяти, и каждому принадлежало весло. Но кое-кого из них ты должна знать.

— Я?

— Конечно. Я тебе назову только моих учеников. Во-первых, сам Ясон, капитан и предводитель, во-вторых, Геракл.

— Сам Геракл? Неужели он подчинялся Ясону?

— Так повелели боги и люди. Это был поход Ясона, и всякий, кто присоединялся к нему, должен был подчиниться Ясону. Затем братья Диоскуры — Кастор и Полидевк, великий фракийский поэт Орфей, слышала о таком?

— Да.

— И многие герои. Среди них совершенно неизвестные твоим современникам, Кора. А теперь ты скажешь: не может быть!

— Не скажу.

— Среди них была девушка! Аталанта из Калидона, дева-охотница, стрелы которой разили без промаха.

— Она так и сохранила свою девственность? — спросила Кора, довольная, что скрыла свое удивление.

— Больше того, у нее было такое же весло, как у остальных, и она ни разу не уступила никому из мужчин.

— И это все?

— Почти все. Там, правда, был еще Лапиф Кеней.

— Ну и что? Что в нем особенного?

— До этого он был женщиной, но перед путешествием изменил свой пол.

— Не может быть!

— Я выиграл, богиня! Ты изумилась.

— Неужели в древнегреческие времена об этом знали?

— В наши времена знали все! Кеней был неуязвим и бессмертен. А раньше он был девушкой, говорят, очаровательной и хрупкой. И звали ее Кенидой. Кенида была любовницей Посейдона...

— Опять этот Посейдон!

— Сексуальный гигант, — согласился кентавр. — И Кенида пожаловалась ему, что мужчины не только преследуют ее, но и достигают своих низменных целей, ибо она — беззащитная и слабая. И тогда Посейдон превратил ее в неуязвимого мужчину, которым никто не смог бы овладеть без его желания.

— Надеюсь, остальные члены экипажа «Арго» были обыкновенными?

— Более-менее, — согласился кентавр. — Некоторые из них обладали способностями... нет, не буду сейчас отвлекаться. Пора отплывать.

— Разумно.

— Вскоре после отплытия «Арго» достиг острова Лемнос. Если посмотреть по карте, окажется, что он совсем рядом, но в те времена...

— В какие те времена? — лукаво спросила Кора.

— Время может растягиваться и сжиматься. Лемнос тогда казался таинственным и недостижимым. На том Лемносе начались такие безобразия, что о них лучше и не рассказывать.

Кора ничего не ответила. Она знала, что кентавру хочется рассказать о безобразиях. В кои-то веки раз ему попалась слушательница, которая ничего не знала о походе Ясона за золотым руном.

— А на Лемносе случилась трагедия, — продолжал кентавр, — о которой мало кто знает. Тамошние женщины зарабатывали тем, что красили ткани травой, она называлась вайда и отличалась особенным отвратительным запахом, который ничем невозможно уничтожить. Но так как ткани, окрашенные на Лемносе, пользовались спросом во всей Греции, лемноски все больше разводили этой травы и все хуже пахли. И в конце концов их мужья в весьма гру-

бой форме заявили, что не желают больше жить с такими женщинами, и отправились в поход на Фракию. Там они набрали в плен немало девиц, привезли их на Лемнос, поселили в своих домах и стали жить с ними, наслаждаясь жизнью, а бывших жен с их вонючими красителями изгнали на край острова. Но, как ты знаешь, женщин можно угнетать, бить и даже выгонять из дома, но нельзя так поступать с женским коллективом. И знаешь, что произошло? В конце концов женщины устроили заговор, ночью окружили собственный город и безжалостно перебили всех своих мужей, братьев и отцов, а также их фракийских наложниц. И стали жить без мужчин. Нельзя сказать, что это было очень удобно и всем доставляло удовольствие, но страх был сильнее страсти к наслаждению — женщины боялись, что если соседи на других островах узнают об их преступлении, то им не поздоровится.

Поэтому когда они увидели, что к берегу подходит большой корабль, то женщины взяли луки и, помня покойных мужей, вышли на берег и встретили гостей на «Арго» тучей стрел. Аргонавты вывесили белый флаг и отправили на берег самого красноречивого из них, Эхиона, который уверил, что кораблю надо только переночевать и набрать воды. А с утра они уплывут дальше.

Женщины посовещались и решили дать аргонавтам воды и пищи, но в город не пускать, чтобы они не стали задавать естественных вопросов: «А где, простите, ваши мужчины?»

Так бы все и закончилось. Но среди этих женщин была одна старуха, которая сказала примерно так: «Не подумайте, что я рассуждаю из эгоистических интересов, нет у меня уже интересов. Но я знаю, что без мужчин род продолжить невозможно. Скоро вы станете старухами, и никому будете не нужны, и умрете бездетными. Разве это выход из положения? Я предлагаю вам впустить аргонавтов в город, разделить их между небольшими женскими коллективами и установить некоторую очередность. Пусть аргонавты трудятся по своему прямому мужскому назначе-

нию. А вы их ласкайте, кормите, поите, пока не почувствуете, что ваша забота об этих моряках дала свои плоды. Тем более весь мой жизненный опыт говорит, что лучше мужчин, чем эти пришельцы, вы во всей Элладе не сыщете». Девушки и женщины Лемноса с готовностью согласились со старухой, потому что ее слова отвечали их тайным желаниям.

Предводительница женщин Гипсипила отвела Ясона в сторону и объявила ему со смущенной улыбкой, что мужчины на Лемносе бездельники и пьяницы, так что их с острова выгнали. А если аргонавтам хочется отдохнуть в обществе интеллигентных и страстных женщин — добро пожаловать, отдыхайте!

Конечно же, молодым людям было трудно отказаться от такого предложения, и они тут же отправились в город, где их развели по домам. В каждом доме их окружили группы женщин и девушек, жаждущих любви, и начались такие вакхические ночи, что и представить трудно! Днем аргонавты отсыпались, потом обильно обедали — и начинали трудиться... И так продолжалось несколько дней.

Неясно, чем бы кончилась вся эта история, если бы не Геракл. Он, как известно, несмотря на то что бывал женат, имел любовниц, к женскому полу в принципе был совершенно равнодушен. Именно поэтому, когда встал вопрос, кому остаться на «Арго» и стеречь корабль, он сам вызвался быть вахтенным. Он неделю смотрел в небо, занимался починкой паруса, немного охотился и рыбачил — в общем отдыхал. Наконец, его встревожило отсутствие товарищей, и он к вечеру отправился в город. Увиденное возмутило его до глубины души. Геракл верил в любовь, а тут он увидел, как женщины стояли в очереди в ожидании ласк аргонавтов.

— Где Ясон? — гневно спрашивал он аргонавтов, но те только отмахивались от настойчивого моралиста. Наконец Геракл нашел дом Гипсипилы и стал молотить своей всем известной дубиной в ворота, пока их не проломил.

Выскочил заспанный Ясон.

— Голубчик, — спросил его Геракл, еле владея собой. — Разве я уступил тебе место вождя такой ответственной экспедиции, чтобы ты проводил время с распутной женщиной?

Разумеется, Ясона охватил стыд. К тому же Гипсипила уже надоела ему невыносимыми сексуальными запросами и плохо отмытым запахом красителя. Так что Ясон признал правоту Геракла, и они уже вдвоем отправились вытаскивать спутников из постелей лемносок.

Те всем городом выбежали на берег провожать временных мужей, не зная еще, что большинство их беременно. Старуха была права. Отныне остров Лемнос будет заселен потомками аргонавтов.

Кентавр перевел дух и потянулся.

— Знаешь что, Хирон, — сказала Кора. — Давай пропустим все знаменитые и великие приключения, выпавшие на долю аргонавтов, и сразу перейдем к Грузии... Вот они достигли берегов Колхиды.

— Когда они достигли берегов Колхиды, — не стал спорить Хирон, — Геракла среди них уже не было. Тому находят разные объяснения. Мне же кажется наиболее вероятным то, что связано с соревнованиями по гребле.

— А что случилось?

— Ты должна себе представить этот корабль «Арго». Относительно небольшое суденышко, которому приходится по несколько дней находиться в открытом море. И становится скучно. А парни там молодые, здоровые, один сильнее другого. Пожалуй, лишь поэт и певец Орфей не тягался с прочими да возлюбленный Геракла юноша Гил. И вот как-то в безветренное утро Гераклу захотелось покуражиться, показать свое превосходство над прочими. И он предложил соревноваться, кто лучший гребец. Я, честно говоря, не очень представляю себе, как можно проводить такое соревнование на корабле с пятьюдесятью веслами, но я ведь не моряк, а простая лошадь, — с ложной скромностью произнес кентавр, и Коре захотелось возразить: «Что вы, не простая!» Но она, к счастью, удержалась. — В общем, как расска-

зывают свидетели, победа Геракла оказалась вовсе не такой простой и очевидной, как он думал. По крайней мере, трое его товарищей: Ясон и братья Диоскуры — Кастор и Полидевк, продолжали грести, когда все остальные уже свалились без сил. Тут Полидевк заметил, что любимый его брат Кастор гребет из последних сил, но не может в этом признаться. Тогда Полидевк, известный в Греции боксер, решил добровольно выйти из борьбы, чтобы Кастор не надорвался, он рванул весло брата и вырвал его из уключины. И сам тоже перестал грести. Теперь осталось лишь два гребца, они были загребными по разным бортам, судно рывками двигалось вперед. Ясон не сдавался, что привело Геракла в ярость. И тут случился сомнительный инцидент — так никто не знает, то ли сначала Ясон выпустил весло и откинулся на скамью, то ли сначала у Геракла сломалось весло, и, лишь увидев, что Геракл вышел из борьбы, Ясон выпустил свое весло. Это казалось бы не так важно, но на отношения двух героев, которые и без того во всем соперничали, этот инцидент наложил неизгладимую печать.

«Арго» в тот день пристал к чудесному лесистому берегу в устье реки Киос. Пока все отдыхали, Геракл мрачно вылез из «Арго» и буркнул, что идет искать себе новое весло, а то подсовывают черт знает что...

Высоко на берегу он отыскал гигантскую ель, вырвал ее с корнем и стащил вниз. Остальные аргонавты с трудом сдерживали смех, зная, чем это может кончиться. Геракл уселся у костра и стал обтесывать бревно топором. И тут кто-то из аргонавтов на вопрос Геракла, где Гил, почему он уже второй час не видит своего любимца, ответил, что Гил ушел в лес. Обеспокоенный его исчезновением, приятель Гила Полифем уже отправился его искать. Полифем был свояком Геракла — они были женаты на сестрах, поэтому особенно близки.

Вскоре вернулся Полифем и сообщил, что вроде бы слышал голос Гила, который звал на помощь, но никаких следов юноши не увидел. Геракл кинулся в лес. Всю ночь они с Полифемом и пришедшими на

помощь аргонавтами искали юношу, но безуспешно. И только утром от жителей леса им удалось узнать, что в Гиля влюбилась нимфа Дриона и ее сестры, они увлекли его в подводный грот, где он добровольно остался с ними, предпочтя общество прекрасных девиц любви мускулистого Геракла.

А утром произошла очередная драма, на этот раз на борту «Арго». Геракл и Полифем не возвращались из леса. Их звали, бегали их искать — но без успеха. Тогда Ясон приказал отплывать. И тут мнения аргонатов разделились. Некоторые были согласны, более того, они утверждали, что пока Геракл на борту, на корабле не будет настоящего капитана, — сомнение и бешеный характер Геракла наверняка завлекут их в какую-нибудь беду или междоусобицу. Другие же утверждали, что отплытие — месть Ясона за то, что Геракл победил его в состязании по гребле и что Ясон боится соперника. В конце концов «Арго» не дождался Геракла и отплыл. Но Геракл, как человек мстительный и злопамятный, через много лет отыскал тех двух аргонатов — Калаида и Зета, которые более других настаивали на отплытии «Арго» и зверски их убил. Такие времена, такие нравы...

— Как будто сейчас другие, — заметила Кора.

— Если вы имеете в виду наши времена, то разница невелика, но я думаю, что в отдаленном будущем наступит торжество гуманизма.

— Да? — рассеянно произнесла Кора. — Давайте пропустим Черное море и сразу окажемся в Колхиде. Не забудьте, что у меня здесь много дел и я здесь на службе, а одна из подозреваемых в подготовке преступления находится по соседству.

— Раз так, то продолжаю, — сказал кентавр. — После долгих приключений аргонаты увидели впереди горы и вошли в устье широкой реки Фасис, или Риони, которая впадает в Понт Эвксинский, то есть, по-вашему, Черное море.

— От Риони никаких гор не увидишь, — сказала Кора. — Колхида плоская.

— Разве это важно, если она так далека от Греции? — спросил кентавр. — Главное, что аргонаты

достигли цели и теперь им нужно было добыть золотое руно, хранившееся под защитой дракона у колхидского царя Ээта, который и правил в тех местах. Но если Ясон полагал, что самое трудное уже позади, то богини, собравшиеся на Олимпе, понимали, что добыть золотое руно и прилагавшееся к нему привидение будет очень нелегко. И потому, ничего не сказав Ясону, Афродита уговорила малыша Эроса пустить стрелу в сердце Медеи, дочери Ээта, чтобы таким образом внушить ей любовь к греческому аргонавту. Медея пока об этом не знала.

— Наконец-то мы добрались до Медеи, — сказала Кора. — Про нее давай все подробности. Мне это важно.

— Это была драматическая сцена, — оживился кентавр. — Мне ее рассказывали многократно. Жаль только, что самому не удалось видеть. В общем, пришли аргонавты к царю Ээту и просят отдать золотое руно. Сначала тот и знать их не хотел, но потом обнаружились кое-какие родственные связи и началась торговля. И тут входит в зал Медея... прекрасная, как грузинская ночь! — Кентавр глубоко вздохнул, жалея, что не присутствовал при той сцене. — Медея вежливо поздоровалась с Ясоном, тот — с Медеей. Надо сказать, что они друг другу понравились, но особой симпатией не прониклись. Царь Ээт, как положено сказочному царю, тут же придумал для героя невыполнимое задание. Он сказал Ясону, что раз уж тот проплыл столько дней, чтобы выполнить волю оракула и вернуть золотое руно и привидение на место, то он согласен расстаться с сокровищем. Но и Ясон должен ему помочь. Он должен вывести из стойла двух меднорогих огнедышащих быков, выкованных Гефестом, запрячь их в железный плуг, вспахать поле, посвященное богу войны, и засеять его зубами дракона.

— Зубами дракона? Это еще откуда?

— Если я буду объяснять, откуда и кто их уже сеял и собирал, то тебе придется выслушать еще двухчасовую историю и запомнить десятка два имен. Ты к этому готова? — не без издевки спросил кентавр.

— Обойдемся, — согласилась Кора.

День клонился к закату, было еще тепло, и их одолели слепни. Кора достала из сумы, данной на дорогу Харикло, сыр и лепешку, они спустились к ручью, поделили еду пополам, а потом кентавр еще немного попасся вокруг кустарника, пожевал листьев, объяснив Коре, что делает это только для желудка, который у него разделен на половины — человеческую и лошадиную, и каждая половина требует своей пищи.

Перекусив, они уселись в тени на берегу ручья, и кентавр продолжил свой рассказ:

— Конечно, Ясон в тот момент жалел, что поссорился с Гераклом. Тот очень хорош как раз для таких ситуаций: тебе предлагают невыполнимое задание, а взяться за него никто не хочет или не может. И тут приходит спесивый, надутый величием, словно перебродившим вином, Геракл и спрашивает: «Ну, где здесь невыполнимый подвиг, который только мне по плечу!» Но Геракла не было, пришлось самому запрягать быков. А надо сказать, что Ясон, а я это знаю лучше всех на свете, хоть и силен и упрен, в остальном человек обыкновенный, он может и струсить, и схитрить, и даже смалодушничать — не то, что Геракл. А тут запрягай быков, засевай поле, зная при этом, что из драконьих зубов вырастет. Ведь в древние времена один герой по имени Кадм уже засеивал землю зубами убитого им дракона. А что вырастает из зубов дракона?

— Ничего? — осторожно спросила Кора.

— Из них вырастают солдаты! Убийцы! Воины!

— И Ясон знал об этом?

— Лучше всех, потому и стоял в задумчивости. Он собрал пятьдесят героев и намеревался с их помощью схватить руно и бежать. А оказывается, что все предстоит делать ему одному. Беда!

...Сцена представилась Коре довольно ярко: низкий, но обширный тронный зал провинциального колхидского дворца, толпа грузин с кинжалами на поясах, красавицы в длинных юбках, впереди кото-

рых стоит Медея. Ясон, за его спиной — растерянные аргонавты, И наступает долгая пауза...

— И вот в этой паузе, — произнес кентавр, — сверху слетает невидимый для всех Эрос и стреляет из маленького лука прямо в сердце принцессе Медеи.

...В тишине зала слышны быстрые шаги. Неожиданно надменная принцесса, надежда Грузии, гордая дочь свободолюбивого грузинского народа, быстрыми шагами покидает зал. Все смотрят ей вслед. Но она не оборачивается.

— За ней побежала в спальню вдова Фрикса, того самого, о привидении которого все в тот момент забыли. «Что с тобой случилось, царевна?» — спросила она. И Медея с античной прямоотой ответила, что у нее в сердце стрела Эроса — она без памяти влюблена в пришельца Ясона.

Вдова рассудила, что победа Ясона в ее интересах, и потому согласилась быть посредницей. Пока Медея, изнемогая от любви, лежала на своем пуховом ложе, та проникла к Ясону и сообщила, что у него есть во дворце союзница. И не просто союзница, а Медея.

— Так что в ней особенного? — спросила Кора.

— Ах, ты и этого не знаешь, — вздохнул кентавр, который явно не встречал еще в жизни такого неосведомленного создания. — Медея — это Медея!

— Точнее! — потребовала Кора.

Ответить кентавр не успел, потому что наверху, на косогоре, появился один из поселян, который вежливо сообщил, что вепрь уже разделан и из него получится чудесное жаркое. Не соизволят ли высокие гости разделить скромную трапезу избавленных горожан?

Кора хотела объяснить поселянину, что она на работе, но кентавр остановил ее.

— Законы гостеприимства превыше всего, — прошептал он. А обращаясь к поселянину сказал, что они с радостью примут приглашение.

Так как до торжественного ужина оставалось чуть менее часа, кентавр мог продолжить свой рассказ:

— Медея, как известно каждому, даже отсталому ребенку, — величайшая волшебница греческих мифов. Она — внучка Гелиоса!

— Но, положим, здесь все чьи-то внучки. Правда, я не знала, что ваши боги шалили и в Грузии.

— Но в отличие от прочих у Медеи есть небесная колесница и она может летать по небу!

— Неубедительно, — возразила Кора. — Все боги умеют летать.

— Она может почти все! И главное — нет совести!

— Вот это уже опасно, — согласилась Кора. — Потому что, если она та женщина, которую я подозреваю, с ней придется нелегко. Пожалуйста, Хирончик, расскажи мне побольше о Медее.

— Честно говоря, рассказывать не хочется, потому что в греческих землях подобной твари просто не отыскать, да и грузины вздохнули свободно, когда от нее избавились.

— Хотя до сих пор называют своих девочек Медееями, — заметила Кора.

— У грузин есть комплекс малого, но героического народа, — объявил кентавр. — Героев у них не очень много, но все знаменитые. Злодеев и того меньше, но они еще более знамениты, чем герои. Обычно они отъезжали из Грузии для того, чтобы совершать свои страшные деяния на стороне. Медея безобразничала в Греции, потому в Грузии ее чтут как красавицу и волшебницу и знать не хотят о ее заморских преступлениях.

— Да, — согласилась Кора, — потом у них были Сталин и Берия. Они тоже отъехали из Грузии и совершали свои безобразия вне ее пределов. До сих пор грузины чтут Сталина. Хотя от его клеветров досталось и Грузии.

— Людская память коротка. И если людей сильно и долго бить, они начинают обожествлять палку, которая их колотила... Ты можешь сказать про какого-нибудь страшного тирана: «Он уничтожил миллион невинных душ!» А совершенно добрейший человек, который и мухи не обидит, ответит тебе на это: «За-

то он присоединил к нашей державе два безводных острова и одну пустыню, правда, для этого пришлось уничтожить всех обитателей, включая скорпионов, потому что они посмели кусать завоевателей».

— Хорошо, — вздохнула Кора, признавая концепцию кентавра. — Вернемся к Медее.

И кентавр продолжил свой рассказ:

— Медея призналась Ясону, что безмерно любит его. И поклялась быть верной ему до гроба. Ясон, которому Медея, конечно же, нравилась (такая красotka — кому не понравится?), тоже поклялся быть верным Медее до гроба, любить ее и жениться на ней. Так и решили. Остальные пункты брачного договора до поры до времени остались, как говорится, неопубликованными. Тогда Медея достала с полки флакон с волшебным зельем, которое странным образом действовало на обоняние медных быков. Стоило Ясону обмазать себя соком корней растений, выросших на крови титана Прометея, и подойти к быкам, быки стали относиться к нему как к родному. Весь день Ясон без отдыха пахал поле на быках, а аргонавты, царь и придворные грузины наблюдали за этим с окрестных холмов, чтобы чего не случилось. Поздно вечером Ясон притащил на вспаханное поле мешок с зубами дракона. И начал их сеять. Но, по совету своей Медеи, он сеял их не равномерно, а как бы по две стороны поля, оставляя между ними промежуток. Когда посев кончился, из земли начали вылезать закованные в латы, тяжело вооруженные воины, жаждавшие убивать и убивать... Тогда, отбежав до крайнего воина, Ясон изо всей силы метнул вперед большой камень. В темноте камень просвистел между двумя фалангами драконьих воинов и упал на землю. Воины приняли камень за врага и с двух сторон кинулись на него. Разумеется, камень никому не достался, потому что начался отчаянный бой левых с правыми. Бой кончился тем, что воины перебили друг друга. Надеюсь, ты понимаешь, что этот образ условен и символичен. Другими словами, тот, кто сеет зло, пожнет его стократно. Ясно?

— Ясно, Хирон. Теперь я верю, что ты учишь героев. Дальше, наверное, все было просто?

— Дальше все было сложно. Разумеется, Ээт тут же отказался от своего слова и принялся придумывать новые отговорки. А когда и они не помогли, то впал в гнев и пригрозил сжечь «Арго» и перебить аргонавтов.

— Но с ними была Медея...

— Ты права. Медея отвела Ясона в священную рощу, где висело руно, охраняемое гигантским драконом. Медея подошла к дракону — он ведь был как домашний пес: своих узнавал, чужих терзал. Она подсунула ему какого-то зелья, смазала веки сонным настоем, а когда дракон захрапел, Ясон снял руно, и они с Медеей оттащили его на корабль — все-таки баранья шкура с золотой шерстью весит немало.

— Наверное, это отражает старинные рассказы о том, как греки плавали в Грецию за баранами, — сказала Кора.

— Ничего подобного, — отозвался кентавр. — Если рассуждать научно, то известно, как на реке Фасис добывают золото: опускают в воду баранью шкуру, а потом смотрят, не застряли ли крупинки его в шерсти...

— Наивно, — сказала Кора, — но красиво. И чем же кончилась история с Медеей?

— Медея заняла вместе с Ясоном кормовую каюту, число гребцов еще поубавилось, а Ясон стал наслаждаться ласками грузинки.

— А товарищи не предлагали кинуть ее в набежавшую волну? — спросила Кора.

— История не сохранила об этом упоминаний, — ответил кентавр, которому самому надоело рассказывать, а более всего его манил запах жареной свинины, доносившийся от живописных домиков у моря. Человеческая половина его желудка требовала мяса.

— Медея честно отработала свой хлеб на «Арго», — сказал кентавр. — Когда флот Ээта настиг их в устье Дуная, то Медея придумала тонкий ход, еще невиданный в греческой истории. Она убила своего брата Апсирта, которого ранее уговорила по-

плыть с ней вместе, чтобы повидать Грецию и сделать славную карьеру в центре цивилизованного мира. Она не только убила его, но и разрезала его на куски, а куски кидала в море, когда корабль ее отца приближался к «Арго». «Смотри, папочка, — кричала она, — вот голова твоего сыночка. Не спеши, сначала вылови ее из воды». Со страшными проклятиями грузинские моряки спускали парус, сушили весла и начинали вылавливать части тела несчастного мальчика.

— Ясон после этого в отвращении бросил ее?

— Какое бы отвращение он ни испытывал, он закрывал на это глаза. Когда страшное преступление совершают для твоей пользы, надо быть очень сильным и чистым человеком, чтобы пожертвовать своими интересами ради справедливости. Аргонавты отворачивались, делали вид, что ничего не слышат и не замечают, и продолжали изо всех сил грести — они-то знали, что теперь грузины их ни за что не пощадят. К тому же существует версия, что Апсирта убил Ясон предательским ударом меча в спину, и это он отрубил ему руки и ноги. Настоящей правды мы с тобой уже не узнаем.

— Дальше!

— Неожиданно доска, которую вставила в корму «Арго» сама Афина, заговорила. Она потребовала, чтобы Ясон и Медея сошли с «Арго». Пока они не очистятся от подлого черного убийства, они не имеют права находиться на «Арго», построенном для благородного дела.

— И они сошли?

— Думаю, что этого хотели не только боги, но и аргонавты. Медея повела Ясона к пророчице Кирке, которая жила где-то в западных пределах Черного моря, и та сначала не желала совершать обряд очищения, но Медея ее уговорила, так как Кирка тоже была грузинкой, теткой Медеи. После долгих переговоров, в которых Ясон ничего не понимал, потому что они велись по-грузински, Кирка зарезала свинью и ее кровью провела церемонию очищения преступ-

ников. И те поспешили сухой догонять «Арго», чтобы вернуться на его борт...

С холма донеслась музыка, пир уже начинался.

— Может, закончим в следующий раз? — спросил кентавр.

— А много еще осталось?

— Нет, немного. Но самое главное.

— Тогда договаривай быстро и пойдем на ужин.

— Так неудобно опаздывать!

— Хирон, говори короче, а то нам ничего не оставят.

— Наши герои достигли «Арго», когда он уже благополучно вернулся в родные воды и чуть-чуть оставалось до дома. Но тут-то их и настигли грузинские корабли. Не буду уклоняться в частности, но после изысканных интриг Медеи с помощью посредников решили так: если Медея все еще девушка и находится с Ясоном не в интимных отношениях, а лишь состоит с ним в одной банде, то Медею отбирают и возвращают папе. Не теряя ни секунды, Ясон с Медеей кинулись в ближайшую пещеру, там устроили с аргонавтами пир, посмеявшись над наивностью старшего поколения, затем аргонавты вернулись на корабль, а молодожены расстелили для уюта золотое руно и на нем предались любовным утехам, как и делали уже несколько недель. Но формальности были соблюдены и, наутро все аргонавты могли клятвенно подтвердить, что именно этой ночью Ясон овладел девицей Медеей. Кстати, о силе искусства... — Кентавр потянулся, застучал от натуги копытами задних ног, зевнул и продолжал: — Помнишь, как Одиссей боролся с сиренами?

— Это которые так пели, что матросы кидались за борт?

— Вот именно. Он всем заклеил уши воском, а себя велел привязать к мачте. Говорят, он бился так, что чуть не перерезал себе руки веревками. А знаешь, что случилось на «Арго», когда сирены начали свои песни? Орфей взял лиру и в ответ им стал петь не хуже. Да так, что они сами полезли на ко-

рабль, пришлось отбиваться от этих меломанок... — кентавр хмыкнул, будто сам там присутствовал.

— Но все гадости и преступления этой парочки — Ясона с Медеей, потому что к тому времени мой ученик полностью подпал под влияние этой стервы, — меркнут перед тем, что они натворили, когда вернулись домой к царю Пелию, пославшему Ясона в поход. Конечно, они имели для этого некоторое оправдание, потому что мстили, но месть тоже должна знать границы. Ты как думаешь?

— Месть — глупое занятие, — сказала Кора.

— Без нее нет прогресса цивилизации, — возразил кентавр.

— Она заводит в тупик, потому что любая месть порождает новую месть.

— Тогда послушай о конце этой истории. Когда «Арго» подплывал к родному дому, он увидел в море лодку, в ней сидел рыбак. Рыбака позвали на борт и попросили рассказать, что нового случилось дома. И тот рыбак поведал ужасную вещь. Оказывается, царь Пелий откуда-то узнал, что аргонавты погибли, возрадовался и решил навсегда разделаться с родными Ясона. Он пришел к отцу Ясона Эсону и объявил о предстоящей казни. Тот взмолился: «Дай мне погибнуть от собственной руки!» Пелий согласился. Эсон выпил чашу бычьей крови и скончался.

— Почему? — спросила Кора.

— Сам не знаю, так рассказывают, — ответил кентавр. — Затем Пелий пришел на женскую половину и объявил матери Ясона Полимеле, что ее муж мертв. Сказав так, он схватил за ножки родившегося недавно младшего братишку Ясона и ударил головой о мраморный пол — головка вдребезги! Нет, не могу рассказывать!

— А мать? — спросила Кора.

— Мать тут же закололась.

— Значит, Ясон узнал о смерти родителей перед самым возвращением?

— Буквально в двух часах плавания от дома. Тогда Ясон собрал военный совет. И надо заметить, что на борту «Арго» к тому времени вряд ли оставалось не-

многим более тридцати моряков. И все были крайне истощены путешествием. Они разумно сказали Ясону, что ни сил, ни возможности штурмовать столицу Пелия у них нет. Надо разъехаться по домам, каждому собрать отряд и к назначенному сроку съехаться вновь и всем вместе пойти на штурм.

Но Ясона такой план не устраивал. Он впал в бешенство, он обвинял своих друзей и спутников в предательстве. И тогда Медея сказала, что она все уладит сама, одна, только попросила никого не вмешиваться в ее планы. И такое согласие, конечно, немедленно получила от всех аргонавтов. Тогда Медея приказала им спрятать корабль в небольшой бухте, замаскировать его и ждать сигнала. Как только над крышей дворца начнут размахивать горящим факелом, значит, месть свершилась.

Дело в том, что на борту «Арго» находилась небольшая, странного вида статуя Артемиды, полая внутри, они подобрали ее где-то в далеких морях. Теперь же Медея одела своих служанок в никому не известные экзотические одеяния, сама замаскировалась древней старухой, и в таком виде, волоча статую, процессия явилась к городу. Стражи, удивленные подобным визитом, не посмели остановить женщин. И они принялись носить статую по улицам и кричать, что сама богиня Артемида явилась из дальних стран.

Услышал об этом визите и Пелий. Город-то был невелик, а шум эти женщины производили изрядный. Пелий позвал женщин к себе и спросил, чего им здесь нужно. Медея, древняя старуха, заявила, что волей Артемиды она может возвратить Пелию молодость и даже дать ему возможность зачать нового наследника вместо того, кто недавно погиб. И когда Пелий начал сомневаться, Медея ловко провела по лицу влажной тряпкой, смыла краску, выпрямилась и стала вновь юной красавицей.

— Что говорит... — вмешалась Кора.

— Медея была в первую очередь замечательной актрисой, а вот насколько она была волшебницей — вопрос остается открытым, хотя бы потому, что вол-

шебнище не надо тереть лицо полотенцем, чтобы омолодиться.

— Дальше, — попросила Кора.

— Конечно же, старый дурак Пелий решил омолодиться, и немедленно. Для того чтобы окончательно убедить его, в полуую статую девицы сунули молодого барашка, а старого барана на глазах у Пелия разрезали на части и кинули в котел с кипящей водой. С громкими грузинскими заклинаниями Медея после этого вытащила из статуи ягненка, и тогда Пелий, которому казалось, что теперь он все доказательства видел собственными глазами, заявил, что тоже намерен стать молодым.

Старого дурака положили на ложе, и мстительная безжалостная Медея велела трем дочерям Пелия резать усыпленного ею старца. Старшая дочь отказалась резать отца и убежала, младших Медея заставила это сделать. Затем велела потрясенным девочкам идти на крышу двора и оттуда размахивать факелами, вызывая к Луне, чтобы их отец скорее очнулся молодым. Девочки взобрались на крышу и начали махать факелами. Этот сигнал увидели аргонавты и без всяких помех вошли в город, оборону которого некому было возглавить...

Но когда аргонавты увидели, что творится во дворце, их охватило такое отвращение к Медее и ее методам мести, что они тут же заявили Ясону, что не позволят ему и Медее править на родине его отцов, а отдают трон старшему сыну Пелия, Акасту, который был одним из аргонавтов и, конечно же, не подозревал о том, что Медея намерена разрезать и сварить его отца руками его собственных дочерей.

— Послушай, Хирон, я вижу в Медее какую-то ненормальность, — сказала Кора. — В наши времена это называется садизмом.

— Как ни называй, но эта грузинка — позор славного грузинского народа. Что касается конца этой истории, то царем стал Акаст, он изгнал из города двух сестер, опозоривших, хоть и по незнанию, свой род, а старшую выдал замуж за одного из своих друзей.

Аргонавты устроили в память о Пелии игры, они подробно описываются многими писателями, а Ясона и Медею изгнали из города. Причем, отдавая должное справедливости, «Арго» и золотое руно они оставили Ясону. Тот набрал команду из простых моряков и перегнал корабль в городок Орхомен, который захватил и стал там править. Ясон велел отвести дряхлый «Арго» от берега и утопить его как жертву Посейдону, но морской бог не принял от Ясона жертвы, и вскоре корабль выкинуло штормом на пустынный берег неподалеку...

— И это все? — спросила Кора.

— Нет, — ответил кентавр, — это не все, но если ты будешь настаивать на продолжении, то мы останемся без ужина, а оставшись без ужина, я впаду в такой гнев, что затопчу тебя, и все боги Греции меня оправдают.

Разумеется, кентавр шутил, но у древних существ порой трудно решить, где кончается шутка, а где начинается угроза. Так что Кора последовала за кентавром в городок, где на центральной площади были оставлены места для почетных гостей, а простые поселяне сидели на земле, пили и веселились. Кора время от времени вставала и обходила площадь в надежде увидеть Медею. Но так никого и не увидела.

* * *

Под утро, когда все укладывались спать, Хирон шепотом попросил Кору разделить с ним ложе в главном доме города. В ответ на удивленный возглас Кору он напомнил ей, что ничем угрожать ей по вине Геры не может, но если он позволит своей спутнице спать отдельно, то его кентаврийская репутация понесет неизгладимый урон.

Кора, хотя и не до конца доверяла Хирону, пошла на такой риск и в результате выиграла, потому что Хирон спал как убитый, но обнимал ее и прижимал к своему мягкому животу, и спать было удобно, как в люльке, если не считать, что в животе у кентавра время от времени громко урчало...

Утром путь вел через редкую дубраву. Кое-где под деревьями возились дикие свиньи, но не обращали на кентавра внимания. Солнце светило прямо в глаза, птицы не пели, но переговаривались, обсуждая свои осенние хозяйственные заботы.

Кентавр сам продолжил рассказ.

— Отец Медеи, — сказал он, — имел права на трон в Коринфе. Да, да, в моем родном Коринфе. Меня, правда, тогда не было, но соседи и общие друзья рассказывали, как и что там случилось. Медея отравила тогдашнего правителя и этим добыла себе и Ясону коринфский трон. Они заняли царский дворец. Надо сказать, что прожили они там долго и жили нескольких детей. Медея совершила немало гадких поступков, но Ясон был к ним глух и слеп, потому что и сам оказался не самым благородным человеком в Элладе. Но когда ему стало выгодно, то он припомнил Медею ее преступления. Однажды он вдруг заявил, что осуждает убийство Медеей коринфского царя. «Как бы иначе я добыла для тебя этот трон?» — взвилась всегда верная Ясону Медея. И вдруг, к ее удивлению, Ясон поднял страшный скандал и заявил, что не намерен больше существовать под одной крышей с убийцей. Медея не поверила в искренность скандала и сразу же навела справки. И оказалось что она и на самом деле рано успокоилась: Ясон тайком влюбился в молоденькую хорошенькую Главку, решил жениться на ней, а Медею с детьми бросить... Ты можешь представить Кора, насколько Ясон был наивен. Такие номера с Медеей никогда не проходили... Сначала Медея вспылила и напомнила ему о клятве вечно быть ей верным. Ясон стал юлить и говорить, что клятва была вытянута из него в особо тяжелых обстоятельствах и не была добровольной... Тут Медея начала рыдать и сообщила, что она понимает своего мужа, что она глупая, старая женщина, никому не нужная и покорная...

— Погоди, погоди! — оборвала его Кора. — Сколько же лет было этой покорной старухе?

— Дайте боги памяти... Когда она влюбилась в Ясона, ей уже исполнилось шестнадцать, больше года они путешествовали и устраивались в Фессалии и Арголиде... потом еще лет семь-восемь прожили в Коринфе. В общем, для волшебницы и царицы не так много, — сообщил кентавр, — как раз двадцать пять лет.

— Двадцать пять, моя ровесница... нет, не такая уж старуха!

— Медея заявила, что сама выткет свадебное одеяние для Главки и приготовит все для свадьбы. Ясон был буквально потрясен миролюбием жены.

И вот наступил момент свадьбы. Медея настояла, чтобы Главка накинула белый свадебный хитон, когда соберутся все гости.

И когда невеста так сделала, то ослепительное пламя охватило ее.

Она с криком сгорела в несколько секунд.

И сгорел ее отец.

И все родственники ее.

И все приглашенные на свадьбу.

Лишь Ясон, оказавшийся ближе других к окну, успел выпрыгнуть в него и, хоть сильно расшибся, упав со второго этажа, остался жив... Больше никого уже не спасли.

Медея тут же на глазах у всех вознеслась в небо, ибо ее дед, бог солнца Гелиос, прислал волшебнице свою собственную колесницу.

— А дети? — спросила Кора.

Рассказ взволновал ее.

— А детей она оставила на алтаре храма Геры, и та обещала ей сохранить их жизнь.

— И сохранила?

— Не посмела! Устранилась, чтобы не впутываться. В ту же ночь толпы разъяренных коринфцев, у каждого из которых кто-нибудь погиб в том свадебном зале, забили детей камнями...

— Скажи, Хирон, а есть ли на свете справедливость? — задумчиво спросила Кора.

— Чья справедливость? — ответил вопросом мудрый кентавр. — Справедливость Главки, которая хо-

тела выйти замуж за чужого мужа? Справедливость Медеи, которая ради любви к Ясону предала свою родину и отца? Или справедливость старого Пелия?

— Не знаю, — ответила Кора.

— Вот и другие не знают. Ее дед Гелиос спасал ее не раз и спасет еще. Геракл был готов принять ее в Фивах, потому что когда-то она вылечила его от приступа безумия, но сами фиванцы не пустили ее в город, заявив, что не желают видеть в своих стенах страшную и подлую убийцу. А что тогда она сделала? Она отправилась в Афины, явилась к королю Эгею и пленила его как мальчишку.

— Того самого Эгея?

— Да, того самого Эгея, к которому направляется сейчас наш Тесей, чтобы показать ему сандалии и меч и добиться права на престол.

— погоди, погоди, Хирон! А правда ли, что у Медеи подрастает сын Мед, рожденный ею от Эгея?

— Именно это делает судьбу нашего Тесея рискованной. Я бы и медной монеты не дал за его жизнь.

— И я ее видела!

— Это вдвойне плохо. Значит, Медея уже узнала, что Тесей приближается к Афинам, и пойдет на все, чтобы Эгей его не признал. Все разбойники мира и гроша ломаного не стоят рядом с Медеей.

— Надо его предупредить!

— Не будь наивной девочкой. Тесей не может заглянуть в будущее, которое определено ему богами.

— Ну вот это мы еще посмотрим, — отрезала Кора, которая не верила в исторический детерминизм, то есть в предопределенность будущего. Будущее мы создаем собственными руками, говорила она. И сейчас повторила эти слова кентавру. Хирон склонил голову и ничего не ответил.

* * *

На следующий день Кора долго не могла добудиться Хирона. Она бы ушла одна без него, но местный царек, человечек с зеленоватой от возраста бородой и рассудительный, как старая чере-

паха, оказавшийся к тому же внучатым племянником Афродиты, о чем сообщил с должными подробностями, убедил ее, что дальше, к Мегаре, дорога очень опасная, можно сказать, непредсказуемая.

— Если Скарон заставит тебя мыть ему ноги, что ты ответишь? — Старичок смотрел хитро и беззлобно. Ему в самом деле хотелось узнать.

— Я откажусь это делать, почтенный царь, — ответила Кора, морщась от храпа, который издавал ее спутник, и удивляясь тому, насколько местные жители к этому равнодушны. Впрочем, подавляющее большинство местных жителей дрыхли, как и кентавр, или маялись желудком, обожравшись свинины.

— Вот он тебя и того, — сообщил царек и расхохотался.

— Может быть...

— А потом тебе еще придется поговорить с Прокрустом. О таком слыхала?

— Что-то знакомое имя, — призналась Кора. — Это не он придумал прокрустово ложе?

— Вот именно! — Старичок обрадовался начитанности Кору. — Меня бы он вытянул вдвое, а тебе бы все обрубил, и головку, и ножки до колен. Так что лучше подожди, проснется твой кентавр, повезет тебя. Он у нас добрый.

— Вы все знаете, — сказала Кора. — Может, вы мне скажете, когда Хирон проснется?

— Сама виновата, видно, утомила ты его за ночь, девица! Но как только тень вот этой скалы дотянется до скамьи перед моими воротами, Хирон продерет свои бесстыжие очи. Так что ты отдыхай, а я пойду управлять государством. Надо хоть какие-нибудь остатки вепря снести к нам в храм, а то боги рассердятся. Мои-то как накинулись вчера, так и позабыли о жертвоприношении.

— Вам помочь, дедушка?

— Нет, там мало осталось, все больше косточки. Иди искупайся, сегодня вода в море хорошая, теплая. А то наступит зима — как искупаешься? Если ты, конечно, морской воды не боишься.

— Не боюсь, — улыбнулась Кора.

Так она рассталась со старым царьком.

Кора не спеша спустилась по крутому берегу к морю.

Море было ласковым, утренним, синим, волны поднимались над ним гладкие, без барашков, у берега были видны светлые камешки на дне. Здесь высокий берег загибался громадной дугой и на другом берегу залива угадывались белые строения Коринфа.

Ни рыбаков, ни сирен, ни циклопов — место казалось безопасным и мирным. Да и вряд ли старый царек отправил бы гостью купаться в опасное место.

Кора сбросила тунику и, найдя чуть повыше по берегу глиняное пятно, взяла кусок глины и использовала его вместо мыла, постирав хитон.

Разложив хитон сушиться на камнях, Кора вошла в ласковую воду и поплыла вдаль от берега. Пловчихой она была сносной, но на этот раз плыла не на скорость, а для собственного удовольствия.

Потом перевернулась на спину.

Высоко-высоко над ней парил орел. И может, это был вовсе не орел, а Зевс, принявший облик орла и даже имеющий по отношению к одинокой обнаженной пловчихе какие-нибудь эротические намерения. Черт их всех здесь разберет.

Кора поплыла вдоль берега, держась на глубине. Неподалеку стайей вынырнули дельфины и решили посостязаться с ней. Дельфины смеялись, что-то говорили высокими голосами, но боги не дали ей умения разбирать дельфиний язык, так что Кора могла только улыбаться им в ответ.

Один из дельфинов подплыл близко и повернулся, подставив ей плавник. Кора не выдержала соблазна и, схватившись за плавник, оседлала дельфина. Спина у дельфина была скользкая, упругая, и было не просто удерживаться на нем.

Они неслись вдоль берега, и Кора подумала, что они слишком далеко отплыли от Кроммиона. Она попыталась втолковать дельфину, что пора бы возвращаться. Но дельфин не хотел ее понимать, да и другие дельфины только скалились, улыбались, под-

нимали пенные брызги и продолжали нестись в сторону Коринфа, будто преследовали какую-то цель.

Кинув взгляд на проносящийся мимо берег, Кора увидела медленно бредущего человека в странной одежде, не обращавшего внимания ни на погоду, ни на море, ни на резвящихся дельфинов.

При виде его дельфины внезапно потеряли интерес к Коре, словно выполнили свой урок. Даже тот большой дельфин, на котором она восседала, неожиданно ушел в глубину, и, чтобы не захлебнуться, Коре пришлось оттолкнуться от него и вынырнуть.

Ей ничего не оставалось, как плыть к берегу, и, хотя до берега было не меньше двухсот метров, она добралась до него быстро и только тут вспомнила, что совершенно обнажена. И хоть в Греции к обнаженному телу относились куда спокойнее, чем в фундаменталистском Иране, все же встречаться с незнакомым мужчиной в таком виде ей не хотелось.

Но пока она рассуждала, мужчина, отошедший столь далеко, обратил внимание на то, что из моря вышла девушка, и ничуть этому не удивился.

— Добрый день — сказал он. — Возможно, ты Афродита, хотя зрение мое ослабло, или ты Океанида, вышедшая на берег без разрешения строгого Океана? Честно говоря, мне не хотелось никого видеть, но раз ты здесь, я не могу тебя прогнать. Земля — общая для всех живых существ.

Человек этот выглядел странно. Он был не стар, по крайней мере его длинные волнистые волосы были лишь чуть тронуты сединой, хотя борода и усы были совсем седыми. Кожа на лице была обветрена штормами, выдублена, как у старого моряка. Глаза этого человека казались бы молодыми, если бы не взгляд — пустой, усталый, мертвый, взгляд настолько древнего человека, будто он старше самой Земли. И одежда человека была странной. На нем была позолоченная бронзовая кираса с выкованной на ней мордой льва, короткий хитон, вылезающий из-под нее, был из дорогой пурпурной ткани, но оборван и потрепан. Сандалии, прикрепленные к ногам золотыми шнурками, сношены так, что ступни касались пе-

ска. У пояса висели пустые ножны. Некогда это был могучий воин, мышцы его, истощенные и обтянутые шершавой кожей, еще хранили память о победах в борьбе и гимнастических ристалищах, да и ростом он не уступал Коре.

Кора уже поняла, что видит кого-то из знаменитых героев Древней Эллады, но не знала, с кем из них столь жестоко обошлась судьба. В любом случае это был не Тесей, которому только-только исполнилось семнадцать лет и который шел от победы к победе.

Кора забыла о своей наготе, потому что человек более не замечал ее. Но не знала, что спросить. Обычно в Древней Элладе путник спрашивает незнакомаго человека, кто он и куда держит путь. Но Коре было неловко задать такой вопрос. Потому она спросила:

— Прости, странник, я разыскиваю юного Тесея, который идет из Трезены в Афины к своему отцу Эгею. Не встречался ли он тебе?

— Кого? — переспросил путник. Голос его был надтреснутым и усталым. Будто каждое слово давалось ему с трудом.

— Тесея.

— И он идет к Эгею? — вдруг оборванец засмеялся так же хрипло и устало, как говорил. — Какое странное совпадение. Она погубила меня, она погубит его... Разве это не забавно?

— О чем вы говорите, добрый человек?

— Если ты хочешь получить ответ на свой вопрос, девушка, то ты должна будешь немного пройти со мной. Я уже завершаю свой путь в этом мире, мне осталось идти недолго. Поэтому, если в тебе есть любопытство, последуй за мной.

Разумеется, Кора была настолько заинтригована, что пошла рядом со странным нестарым стариком.

— Меня зовут Ясон, — произнес человек. — Я думаю, ты слышала обо мне. О моих подвигах и путешествиях.

— Вы — Ясон! — Кора не смогла сдержать удивления. Кентавр не завершил вчера рассказ о Ясоне, но почему-то Кора была убеждена, что Ясон остался править где-то... но где?

— Кто-то должен платить за все, — произнес Ясон. — Покупают на рынке двое, а платит один. Смешно, правда? Я полагал, что цель, к которой меня подталкивали боги, на которую меня благословила вся Эллада, настолько велика, что ради нее можно пойти на все. Я был одержим. Ты меня можешь понять?

— Вы для меня, — призналась Кора, — не человек с человеческими чувствами, а герой, сродни Гераклу. Вы исполняете свой великий долг, а каково людям и городам, на которые вы между делом наступили, вам дела нет. Вы подали человечеству дурной пример — почитать убийц. Если бы вам дано было заглянуть в будущее, вы узнали бы, что люди почитают больше всего не спасителей, а именно убийц. Вам ничего не скажут великие в будущем имена Александра Македонского, Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера, — каждый из них выдумывал себе и своему народу, который одурманивал, подчинял себе, сводил с ума, одну цель, а цель была простая: убивать и убивать. И кто успел больше убить, тот выигрывал игру с вечностью. Видно, вы убили не так много людей, если бродите по берегу в таком жалком виде.

— Нет, я не герой. То, что я сделал по воле богов, как бы осталось вне меня, — сказал Ясон, — я оказался подобен полководцу, который вернулся с победоносной войны, а дома никому до этого дела нет и надо все начинать сначала. Пастись скот и растить детей. А у меня в ушах все звенят клинки мечей и слышны боевые клики.

— Но у вас была жена, семья, — неосторожно сказала Кора.

— Вы, наверное, слышали о моей жене, — отозвался Ясон.

Они медленно шли по берегу, к счастью, берег был песчаный, и босиком идти было даже приятно, особенно если спускаешься ближе к воде, где песок плотный, утрамбованный волнами.

— Да, я слышала о Медее, — согласилась Кора.

— В вашем голосе звучит отвращение. А знаете ли вы, что, будучи одинок, брошен всеми, ожидая смер-

ти, я еще раз вспомнил всю нашу жизнь с Медеей. И знаете, о чем я догадался? Что она моя жертва.

— Я не поняла вас, Ясон, — сказала Кора.

— Все, что делала эта дикая, первобытная душа, она делала ради любви ко мне. И не было и не будет уже в мире человека, который готов был бы на все, абсолютно на все, ради того, чтобы угодить возлюбленному. Порой я чувствовал это, а чаще такая любовь меня утомляла и даже пугала. Потому что она не знала границ. Я разделил любовь и деяния, а этого нельзя было делать. Нельзя было умиляться любовью и ужасаться деяниям. Потому что, когда мне было выгодно, я толкал Медею на эти деяния. О силе ее любви знаю лишь я, а о ее преступлениях знает весь мир. В каждом из нас смешан бог и смертный. В каждом... даже в последнем рабе. Так вот во мне правит смертный, а в Медее — богиня. И потому ее поступки нельзя мерить мерками смертных. Но что дозволено богине, то, к сожалению, осуждают в человеке.

— Значит, можно убить и разрезать на куски своего брата...

— Ради любви — да! Но богине, а не смертной.

— И смерть Пелия?

— Медея мстила за меня так, как я хотел бы отомстить в глубинах моего ума. Но, будучи смертным, не посмел. А она посмела — она как бы воплощение моих самых страшных и самых запретных желаний.

— Все это можно объяснить, но тогда она должна была смириться с вашей женитьбой на Главке.

— Может быть, она и смирилась бы, будь простой смертной. Но богиня должна мстить! Мстить мне за то, что я предал ее любовь.

— Но мстила не вам!

— Она знала, что для меня смерть Главки горше и больнее, чем собственная смерть. Моей тени будет все равно, живете ли вы, умерли ли, любите или ненавидите... все равно. А живому больно!

— А дети?

— Знаешь, девица, что самое страшное: я подозреваю теперь, что она сознательно отдала наших детей

на растерзание дикой толпе. Потому что в ее сердце вмещалась лишь одна любовь — ко мне. И потому лишь одна месть — месть любимому. До того момента как я был верен ей, ничто не могло встать на пути ее любви ко мне. В тот момент, когда я изменил ей, изменил своей клятве, она лишилась чувства любви. Медея жива, Медея неуязвима, ибо боги все равно защищают ее как высшее воплощение любви. Но на самом-то деле она никого не любит и не полюбит больше. И потому бойся ее, девушка. Она лишилась сердца. Это сердце в ней сжег я.

Далеко впереди в воду спускались черные скалы, высокие, тонкие, схожие с людьми в длинных черных хламидах с покрытыми головами, будто это были каменные плакальщицы. К ним и направлялись случайные спутники.

— Мне грустно, что меня отовсюду изгнали, что люди забыли обо мне и моих путешествиях. А завтра даже имя мое исчезнет с лица Земли, — произнес Ясон. — Но я не корю судьбу.

— Я знаю будущее, — сказала Кора, нарушая правила поведения агента в ВР. — Вы будете знамениты и славны до тех пор, пока будет жить человечество. Вы станете символом отважного мореплавателя, смелого героя...

— Странно, — сказал Ясон, не удивившись предсказанию. Греки не удивлялись предсказаниям, потому что на каждом углу у них был оракул.

— А куда вы идете сейчас, Ясон? — спросила Кора.

И впервые пожалела, что согласилась уйти в эту виртуальную реальность, которая на самом деле лишь добавляет печали нашей жизни.

— Я иду попрощаться с «Арго». Это мой последний друг.

— «Арго». Твой корабль?

— Да, он стоит вон за той скалой, выброшенный волнами на берег. Я принес его в жертву Посейдону, но бог не принял жертвы. Она ему была неужодна.

— Может, он пожалел утопить такой славный корабль? — сказала Кора.

— И предпочел, чтобы он гнил на пустом берегу?

И на самом деле за большой скалой, которая, как наклоненный в сторону моря палец, поднималась у самой кромки воды, криво стоял старый корабль, днище которого покрывал толстый слой ссохшихся водорослей. Мачты и весел не сохранилось. Слово «Арго» было выложено большими золотыми буквами на корме, на доске, пожертвованной Афиной.

Поднялся ветер, по морю побежали барашки, дельфины играли в воде, глядя на обнаженную девушку и старого героя.

— Уходи, — сказал Ясон.

— Что ты решил сделать?

— Хочу повеситься, — сказал Ясон. — Я хочу повеситься на своем корабле, хочу своей рукой принять смерть от моего единственного и верного друга. И не смей останавливать меня, ибо тебя нет и ты мое видение.

— Вернись к людям, Ясон, ты можешь принести им пользу. — Кора говорила и слышала утешительную фальшь своих слов.

— Уйди.

И приказ его, царя и героя, был таков, что Кора повернулась и пошла обратно по берегу.

И тут услышала крик.

Инстинктивно она обернулась.

Она поняла, что случилось. Ясон привязал конец веревки к высокому носу «Арго», забрался на нос и прыгнул вниз с петлей на шее. Но старое гнилое дерево не выдержало, нос корабля обломился, и доски погребли под собой несчастного героя.

Кора кинулась обратно. С трудом ей удалось растащить бревна.

Ясон был мертв.

В смерти его лицо было гладким, молодым и спокойным. Он умер на своем корабле.

Она должна похоронить его? Или позвать коринфян? Но, может, они будут мстить ему и мертвому?

На берегу стояла женщина, с мраморно-белым лицом, в длинном золотом полупрозрачном хитоне и жемчужной диадеме.

— Иди своей дорогой, — сказала она Коре. — Не следовало тебе видеть такой смерти героя. Потому что герои так умирать не должны. Это наша вина. Мы тоже забыли о Ясоне.

Не зная, кто говорит с ней, Кора поняла, что это Афродита.

— Если ты вспомнишь когда-нибудь о Ясоне, — продолжала богиня, — то взгляни на небо. Посейдон сегодня отнесет корму «Арго» с золотой надписью на небо, и Корма станет созвездием. Пусть будет так.

— Пусть будет так, — громом отозвался с неба Зевс.

* * *

Кора принесла горстями воды из моря и отмыла от крови и грязи ставшее прекрасным лицо Ясона. Проклятый Милодар, какое право он имел показывать ей на собственном примере бессилие человеческого разума, зависимость ее чувств от древних спектаклей... спектакль не был древним. Она спустилась снова к воде и долго оттирала ладони крупным колючим песком. Далеко-далеко белые домики Коринфа сбегали к светлой полоске берега.

Возвратившись к Ясону и глядя на его спокойное лицо, она вдруг поняла, что в ее настоящей жизни смерть героя не окончательна, — да свистни ты и примчится бригада медиков, увешанных аппаратурой, как елки игрушками. Если еще не поздно — а мозг сохраняет способность к регенерации клеток до десяти минут, — Ясону сменят тело и вдохнут в него жизнь с эффективностью, которой мог бы лишь позавидовать сам Зевс... был бы цел мозг.

И тут мысли Кору перескочили к проблеме, над которой не задумывалась за недосугом, а давно должна была задуматься. Ведь убийцы принца Густава должны знать условия виртуальной реальности и понимать, когда и почему человек, даже попавший в смертельную переделку в своем круизе, останется жив, потому что, как только его жизнь оборвется,

его вытащат в будущее. Значит, их задача — сделать так, чтобы не было никакой пользы от того, чтобы его оживлять. Надо уничтожить... уничтожить мозг! Остальное все восстановимо. Всегда тебе отыщут тело, временно твой мозг могут поместить в тело каракатицы, лишь бы оно имело обмен веществ и температуру, подходящую для твоего мозга. Итак, Тесея, то есть принца Густава, нельзя убить копьем в грудь, ножом в спину, нельзя задушить и повесить, нельзя утопить и сбросить в пропасть. Убийца должен быть уверен в том, что мозг жертвы наверняка и бесповоротно разрушен...

Грохот копыт вернул Кору к действительности. Вдоль берега тяжело дыша неся кентавр Хирон. Его седая борода в две струи окаймляла щеки.

— О боги! — закричал он издали, распугав равномерный шепот прибоя и тихий шелест ветра в листве прибрежного кустарника. — Она жива! Как ты смеешь так пугать старого Хирона, какое ты имеешь право выбивать из равновесия пожилых людей?

— Прости, Хирон, — сказала Кора, — меня привела сюда судьба.

И она рассказала о встрече с дельфинами, которые приплыли именно к этому месту, к «Арго», куда в тот момент подходил несчастный Ясон.

Хирон расстроился, увидев своего ученика. Он громко рыдал и рвал бороду. Он хотел предать тело героя погребальному костру, но Кора предупредила, что Афродита велела не трогать тела.

Некоторые жители Коринфа, узнавшие откуда-то о смерти Ясона, подошли к берегу. Но не посмели приблизиться к герою, потому что в его смерти была их вина — справедливо или несправедливо, но они выгнали его из города.

Из океана вышло несколько голубых девушек, в волосы которых были вплетены водоросли и морские звезды, а в руках они держали большие розовые раковины. Хирон сказал, что это и есть океаниды — дочери старого бога Океана. Океаниды украсили ложе, на котором лежал Ясон, звездами и раковинами.

И совсем уж странным показалось появление Медеи.

Она возникла на высоком берегу за спинами коринфян. Она шла медленно, как будто гуляла, и в руке у нее был какой-то горшок с хвостом.

Все расступались, опасаясь прикоснуться к ней. Но Медею это не задевало. Она никого не видела, не узнавала и ни на кого не глядела.

Только когда Медея подошла к лежащему Ясону, Кора поняла, что в руке у нее боевой шлем, который она несла, держа за подбородочный ремень. Шлем был медный, некогда позолоченный, но позолота с него стерлась, вычеканенные по бокам сцены боевых схваток от частых ударов казались просто неровностями, гребень, сделанный из лошадиного волоса, вытерся и поредел. Забрало было утеряно.

Медея присела на корточки возле тела своего возлюбленного, которому доставила столько горя, нежно приподняла его голову и надела на него шлем.

Она не вставала, глядела на Ясона, и Кора поняла, что сходство ее с Клариссой весьма поверхностно и могло таковым показаться лишь с первого взгляда. В Медее, еще далеко не старой женщине, была некая бессмертная древность прекрасной ведьмы, каждая морщинка на ее лице, будто специально высвеченная и подчеркнутая лучом заходящего солнца, казалась шрамом, и глаза были глубже и чернее ночи, в которой царит Аид. Нет, это не Кларисса, а само олицетворение трагедии.

Наконец Медея поднялась и пошла обратно, туда, где, как оказалось, ее ждала колесница, которой раньше Кора не заметила. Коре не надо было ничего объяснять, ибо она уже прониклась знанием, которым обладали древние эллины, — узнавать героев и богов. Хоть солнце, поднявшееся высоко, било в глаза, Кора увидела, что место возникшего на золотой колеснице занимал царь Эгей.

Медея легко взошла на маленькую колесницу, которой правил ее чернобородый муж, обняла его за плечи, и Эгей взмахнул длинным бичом. Кони легко тронули, и колесница исчезла, словно растворилась в воздухе.

Кора вновь обернулась к Ясону.

Это было последнее мгновение.

Именно в этот момент при полной тишине в море родилась высокая немая зеленая волна, которая накатывалась на берег, как накатывается море во сне. Хирон подхватил Кору, кинул себе на плечо и в два прыжка оказался на высоком берегу, среди жителей Коринфа, которые глазели оттуда на Ясона.

Гигантская волна в мгновение ока покрыла берег зеленым бутылочным стеклом, замерла, словно ожидая приказа, и также беззвучно откатилась обратно.

Берег был пуст.

Исчез корабль «Арго».

Исчез его капитан.

Но на поверхности воды не было видно ни единой щепки или иного предмета, напоминавшего о корабле.

Море успокоилось.

— Его взял Посейдон, — сказал кентавр. — По воле богов. Потому что теперь не нам судить, в чем прав, а в чем виноват этот человек.

* * *

Пока они возвращались к Истму и Кора, уже освоившись на широкой спине Хирона, вертела головой, любуясь пейзажами, Хирон рассказал ей еще об одном подвиге Тесея. Оказывается, пастухи поведали кентавру о том, что Тесей добрался до разбойника Скирона. Впрочем, этого и следовало ожидать, потому что тот сидел точно на пути Тесея и миновать его он мог лишь свернув с дороги. Но Тесей, как Коре уже было известно, отличался тем, что никогда не сворачивал с дороги.

У Скирона была скверная привычка. Он сидел на скале, которая нависала над морем, и всем путникам предлагал не больше, не меньше, как вымыть ему ноги. Ноги у него и на самом деле были такие грязные, мозолистые и противные, что говорят из-за этого его в свое время выгнали из Коринфа. И жена от него ушла.

Сидел Скирон над скалой и приказывал мыть себе ноги. Разумеется, свое предложение он подкреплял

острым мечом, которым размахивал, как тростиночкой. Те путники, что знали, чем это кончается, вообще делали в том месте большой крюк, чтобы Скирон их не приметил, а вот мужей наивных и неосведомленных Скирон вылавливал.

Рядом со Скироном из скалы выбивался родник и пробил за века углубление вроде ванны. Путник начинал мыть правую ногу разбойнику, полагая, что ему еще повезло, и в этот момент Скирон левой ногой изо всей силы ударял путника в спину, и тот, перевалившись через край обрыва, падал в воду с высоты в сто локтей. А там уже дежурила гигантская морская черепаха, таких больше в других местах не водится, может только где-нибудь на Галапагосских островах. Черепаха тут же пожирала оглушенного человека, а Скирон, посмеиваясь, собирал его добро и потом сдавал перекупщикам или сам употреблял в пищу.

Разумеется, как рассказывают очевидцы, завидев юношу, Скирон потребовал, чтобы тот вымыл ему ноги. Тесей спросил его, а хорошо ли разбойник обдумал свои слова, ведь принуждать свободного человека мыть себе ноги — это значит нанести ему оскорбление.

Разбойник нагло расхохотался, схватил Тесея за край хитона и потащил к своей ванне.

Тесей сказал тогда разбойнику:

— Учти, я тебя предупреждал.

Он взял его за ногу, поднял в воздух, раскрутил, будто это был не разбойник весом в двух быков, а зайчик, и закинул его так далеко в море, что черепаха еле его отыскала. Отыскав, она его сожрала — ей-то, черепахе, все люди на одно лицо.

— Куда же направится Тесей дальше? — спросила Кора.

— Я думаю, что к самому Прокрусту. И это уже настоящий подвиг, не то что мелкие провинциальные разбойники.

— Это к тому самому, который на своем ложе кого вытягивает, а кого укорачивает?

— Вот именно, — согласился кентавр. — И должен сказать, что это самая подлая пытка из тех, что

придумана человечеством. Ты в самом деле хочешь поглядеть на Прокруста?

— Надо постараться. Правда, я теперь не тот скакун, что раньше, но обыкновенного коня всегда обгоню. Так что устраивайся поудобнее и держись за мои плечи. Тебя будет трясти, а ты терпи.

— Ни в коем случае. Ведь если ты будешь крутиться вокруг Коринфа, мы не только до Афин, до Мегары неделю не доберемся. Зато Медея до Тесея доберется куда раньше нас. И уж она-то щадить его не будет.

— Тогда поскакали! — Кентавр перешел на рысь, но не замолчал, — Чем больше я узнаю Медею, — говорил он, — тем меньше понимаю. Вроде бы она — жертва любви. Ведь по прихоти богинь шалун Эрос вонзил в нее стрелу. Разве простой смертный может воспротивиться этому? Никто. Даже кентавр не может. Если сказать честно, для меня самый главный авторитет в истории — Плутарх.

— Какой еще Плутарх?! — тут даже Кориного школьного образования хватило, чтобы возмутиться. — Этот Плутарх еще не родился и неизвестно, когда родится!

— Кора, научись наконец простой вещи, — возразил Хирон. — Время относительно и, уж тем более, относительно положение в нем людей. Если ты попытаешься создать какую-нибудь таблицу, в которой разместишь деяния и жизнеописания людей, богов и героев, то получится сплошная чепуха. Даже мои ученики, которых я катал на этой вот самой лошадиной спине, порой умерли раньше, чем я родился, а другие переживут меня на столетие. Троянская война еще не началась, а кое-кто из моих современников уже погиб, сражаясь под стенами Трои. Да что там говорить, мальчишкой Тесей не испугался шкуры Немейского льва, которую Геракл, его дядя, бросил, придя к ним в гости на спинку стула. Но ведь в те годы Геракл еще и не помышлял о своих подвигах. Да что там говорить, в большинстве греческих мифов ты прочтешь о том, что Тесей был одним из аргонавтов. Да каким он мог быть аргонавтом, если

Ясон уже погиб, а Тесей еще лишь движется к своим подвигам. Так что не спорь со мной, девочка, и смирись с порядком, который навел в истории мудрый Плутарх, хотя Сократ пишет, что ему не хватает глубины выводов и умозаключений. Но Плутарх велик тем, что в эпоху, когда все верят в любую мистическую чепуху, когда любой демагог и популист может сманить на свою сторону греческий народ, если пообещает каждому по бутылке самогона и тысяче драхм, да еще пять рабынь, которых отнимет неизвестно у кого, то весь народ кинется за ним с криками «Слава!» И прольется кровь. Так вот, в этот критический для моей родины период приходит Плутарх и находит любой чепухе рациональное объяснение. И если ты начнешь утверждать с горящими глазами, что видела, как из груди Медеи торчало оперение стрелы, посланной Эросом, то Плутарх объяснит тебе ситуацию разумно, просто и без всяких стрел. Что было на самом деле? На самом деле невероятно тщеславная, красивая, помирающая от скуки и безвыходности колхидская принцесса узнала о прибытии аргонавтов из великой Западной Европы! На что она могла рассчитывать до этого? На мингрельского князька? На абхазского дикаря? На свана, живущего в вечных снегах? И Медея тут же дает себе слово — любой ценой она заполучит облеченного доверием богов Ясона и вырвется с его помощью из колхидского заточения.

Что и происходит. А ведь тщеславие Медеи не имеет границ. Если ради своей карьеры, которая в тот момент выражалась в завоевании Ясона, надо предать отца, она сделает это не задумываясь. Эрос ей выгоден для оправдания всех своих подлостей. Ему вообще предстоит в истории грустная роль — быть в ответе за все. «Я сделал это во имя любви!» А что ты сделал во имя любви? «Я завоевал империю! Я перебил сто тысяч поселян! Я ограбил храмы! Я убил родителей — и все во имя любви!» Разве это любовь? Уж лучше мой грех с коровой, то есть с Герой, принявшей облик коровы. — Кентавр залиvisto захохотал. Хотя ему было невесело. Коре тоже.

Ведь из уст Ясона она слышала другую правду! — Медея увидела Ясона и поняла: она его добьется, — продолжал Хирон. — И не только красотой, но и необходимостью. Она должна была внушить ему, что без нее он — ничто, он беспомощен. Зачем она разрезала на куски своего брата? Да потому что после этого Ясон привязан к ней как сообщник. Зачем она заставила девочек резать на куски собственного отца? Потому что это было ее общее преступление с Ясоном. Но кто погиб в конце концов? Кто был виноват в том, что сгорела живьем прекрасная Главка, ты думаешь — Медея?

— Да, я думаю, что Медея, — сказала Кора, зная иной ответ.

— Чепуха, виноват больше всего не тот, кто убивает, а тот, кто дает на это согласие! И как сказал когда-то мудрый человек: «Не бойся своих врагов, худшее, что они могут сделать, это убить тебя. Не бойся друзей, худшее, на что они способны, это предать тебя. Бойся равнодушных. Это с их молчаливого согласия на Земле совершаются все подлости и преступления». Может, я цитирую неточно. Но смысл передаю верно.

— Ты думаешь, что Ясон погиб... по справедливости?

— Это была для него лучшая смерть. Он мог погибнуть хуже. И я казнил бы его куда более жестоко.

Кора не стала спорить. Как и кому она сможет передать свой ужас перед пустотой глаз Ясона перед смертью?

— Человек должен отвечать за свои поступки, — сказал старый кентавр. — Надеюсь, что урок, полученный тобой, будет усвоен.

Над ними вились слепни, кентавр отмахивался от них хвостом и ладонями.

К Прокрусту они опоздали. Впрочем, успеи они туда вовремя, вряд ли что-либо смогли изменить.

Было уже поздно, стемнело, яркие звезды высыпали на небе, и среди множества созвездий наиболее ярко горело созвездие Кормы — память о корабле Ясона. Звезды этого созвездия были такие новые, са-

мые яркие на небе, разноцветные, как рождественские фонарики на елке, и от них на землю падали праздничные отблески.

Зрелище, которое они застали в доме Прокруста, наполнило сердце Кору ужасом и отвращением.

Слуги и рабы Прокруста толпились у входа, не смея войти внутрь. Из черной и невнятной толпы доносились стоны и вздохи.

Кентавр спросил:

— Что случилось в этом доме, добрые люди?

— Наш хозяин... — откликнулся некто невидимый из толпы, — нашего хозяина злодейски убили, это ужасное преступление, и боги жестоко отомстят убийце!

— Что же случилось с Прокрустом?

— Некий разбойник, — ответил тот же голос из толпы, — пробрался в дом к хозяину и когда тот предложил ему, как и положено, лечь на прокрустово ложе, чтобы выяснить, уместается ли он на нем, ибо хозяину придется подставить к ложу стульчик, чтобы гостю было удобнее спать...

— Ты говоришь правду, раб? — строго спросил кентавр.

— Разумеется, чистую правду.

— Как же зовут тебя, правдивый слуга?

— Меня зовут Мироном, и я здесь служу домоправителем. Завтра с утра приедут прокрустовы братья и наведут здесь порядок, — ответил домоправитель.

— Так продолжай же врать, недобрый человек. Я подозреваю, что именно ты приносил веревки, чтобы помочь Прокрусту, именно ты затыкал рот гостю, если он кричал и беспокоил соседей, именно ты оттаскивал потом истекающий кровью труп на свалку, ну, признавайся!

— Я никогда не дотрагивался до трупов, — быстро отозвался домоправитель, — это дело рабов.

— Тогда скажи, что же случилось сегодня?

Домоправитель почему-то замолчал, и из толпы заговорил низкий женский голос.

— К Прокрусту пришел человек по имени Тесей и попросился переночевать. Господин Прокруст, как всегда, ответил, что рад оказать гостеприимство незнакомцу, и пригласил его в дом. Затем, после легкого ужина, господин Прокруст предложил юному Тесею лечь на ложе и вытянуться. Когда же господин Прокруст увидел, что его гость длиннее ложа на два локтя, то он тут же поднес ему чашу с вином.

— Зачем? — спросила Кора, спрыгивая с кентавра.

— В чаше было сонное зелье, — ответила женщина, — его гость должен был заснуть.

— Почему?

— Неужели вы не поняли, что наш хозяин был добрейшей души человек? Он щадил чувства всех тех, кому вынужден был отрезать ноги или вытягивать их.

— Зачем ему это делать?

— Глупый вопрос! — возмутился домоправитель. — Ведь наш господин был Прокрустом. Он имел прокрустово ложе. Он должен был всех проходящих подгонять по длине под прокрустово ложе. Чего же здесь непонятного?

— Скажите, уважаемые рабы и слуги Прокруста, — попросила Кора. — А если ваш Прокруст просто пускал бы людей переночевать и не калечил бы их, не мучил и не убивал, разве это не лучше?

— Глупости! — визгливо ответила какая-то женщина. — А как тогда войдешь в историю? Как добьешься бессмертной славы? Как станешь знаменитым в веках?

— Все ясно, — сказала Кора. — Ведите меня к нему.

Никто не двинулся с места. Коре пришлось повторить просьбу.

Домоправитель ответил:

— А что если он еще жив? —

— Тогда вы напоите его лекарством и перевяжете ему раны. Ваш долг заботиться о господине.

У входа в дом в медную трубку был вставлен факел. Кора взяла его и вошла внутрь. Дом был богат, в центральном дворе дома стояли статуи, валялись

многочисленные сундуки, мешки и корзины, словно обитатели дома в спешке собирались бежать, да не успели.

Мальчишка, посмелее, провел их на мужскую половину, где они застали ужасную картину.

На каменном ложе, установленном посреди помещения, в неверном свете догорающих факелов, корчился в агонии истекающий кровью массивный человек с торчащей к небу рыжей курчавой бородой. Резкие и жестокие черты лица были искажены последней болью. Странно было видеть его ноги, по колено отрубленные и валявшиеся у подножии каменной постели, как лежат снятые на ночь сапоги.

— Мечь, — шептал Прокруст, увидев пришедших. — Отомстите за меня! Он посмел... он посмел...

— Скажи мне, Прокруст, — произнес кентавр, возвышавшийся над ним и касавшийся головой расписанного сценами любовных утех потолка, — многих ли людей таким образом ты укоротил или удлинил за свою жизнь?

— Зачем мне их считать? — ответил Прокруст, с трудом переводя дух. — Кто-нибудь добрый и благородный, приставьте мне обратно, пришейте ноги на место, чтобы кровь не вытекла из моих жил, чтобы я мог догнать и уничтожить Тесея! Ведь он был гостем в моем доме!

— А что бы ты сделал ночью с этим гостем? — Голос кентавра звучал без жалости.

— Я сделал бы с ним то же, что и с другими.

— Прокруст, ты уходишь сейчас в царство Аида, смиришься с этим.

— О нет! Я не хочу! Я не заслужил смерти! Я хочу жить!

— Ты видишь, что рядом со мной стоит сама Кора, богиня подземного мира. Она подтвердит, что твой час пробил.

— Твой час пробил, — сказала Кора.

— Нет, я же хороший, я же справедливый! Я столько всего не успел сделать. Я принесу жертвы богам, я принесу тебе, Кора, такие жертвы, что не снились и

Афине! Я принесу тебе в жертву половину Эллады, только пришей мне ноги на место.

— Не скажешь ли ты мне, зачем ты посвятил этому свою жизнь, — сказал Хирон. — Может, у тебя была высокая цель?

— Я отвечаю... — Прокрусту говорить было все труднее, он потерял много крови. — Я хотел, чтобы мир был красив. Чтобы все люди в нем были одного роста, чтобы при взгляде на людей сердце радовалось гармонии...

— Даже в такой момент он лжет, — сказал кентавр и пошел прочь.

— Пить, — попросил Прокруст.

Никто из слуг не посмел дать умирающему напиться. Кора увидела кувшин, налила из него воды в плошку и, приподняв голову Прокруста за горячий, мокрый от пота затылок, дала ему напиться. Прокруст пил жадно и быстро, он захлебывался, словно боялся умереть раньше, а когда напился, то поднял сильные руки и сомкнул их на горле Кору.

— Я утащу тебя с собой в царство Аида, девушка, которая выдает себя за богиню. Я не уйду один!

И все его силы, вся его ненависть к людям собралась в этом движении, в этом стремлении убить Кору.

Кора стала вырываться, но когти Прокруста безжалостно впивались в горло, и в глазах у нее поплыли красные круги. Она могла бы и сама схватить его за горло и задушить прежде, чем он успеет это сделать, но она не могла заставить себя причинить боль умирающему...

На крики слуг в комнату ворвался кентавр.

Его не беспокоили моральные соображения.

Он поднял переднюю ногу и так ударил копытом Прокруста в висок, что показалась темная кровь, хватка его пальцев тут же ослабла, и он, коротко охнув, умер.

— Просто, — сказала Кора.

— Пошли отсюда. Не надо было нам сюда заходить, — сказал Хирон.

— Куда теперь? — спросила Кора, когда они вновь оказались на пыльной дороге, еле видной, как серая полоса под светом южных звезд.

— Здесь неподалеку есть небольшая священная роща, мы переночуем в ней, а завтра — в Афины.

* * *

Впервые в жизни, если не считать фотографий и голограмм, Кора увидела принца Густава, убежденного демократа и наследника престола в Рагозе, утром третьего октября на улице столичного города Афины неподалеку от строящегося храма Аполлона Дельфиния.

Видимо, принц, перед тем как войти в Афины, остановился в какой-то цирюльне, завился, напудрил-ся, купил в лавке длинный, до земли, розовый хитон и скрыл под ним пояс с мечом. Походка у Тесея была изящная, вернее, та, которую в трезенской провинции полагали за изящную, да и сандалии он приобрел из позолоченной кожи, точно такие, как носили девушки и юноши из хороших семейств, где в моде тех дней были элегантность и изысканные ионические манеры.

Кора, которая провела ночь у городских стен Афин, так как они с Хироном добрались туда так поздно, что ворота города были уже закрыты, а вступать в переговоры со стражей было пустым занятием, утром лишь ополоснулась в ручье, а теперь шла по рынку, выискивая себе новый верхний хитон и платок на голову. Сандалии она уже приобрела, к счастью, ей ни о чем не пришлось просить. — деньги на покупки ей выдал Хирон, который уже считал себя ее старшим родственником. Сам кентавр пошел в низменный район Афин, где обитал его лучший друг Фол. У него он намеревался узнать, в городе ли сейчас бог медицины, на помощь которого он так рассчитывал.

Так что, когда Кора увидела Тесея, она не сразу догадалась, что видит героя.

Юношей и девушек, подобных Тесею, надушенных, элегантных, лениво фланирующих по обширной рыночной площади, красиво устланной каменными плитами, в то позднее утро было немало. Они бро-

дили либо останавливались поболтать поближе к ее краям, где возвышались статуи знаменитых людей, совершенно незнакомых Коре, а возможно, и божеств невысокого ранга. Дальше, где начинались улицы, раскидывали свои желтеющие, но еще густые кроны могучие платаны, некоторые из них еще помнили времена, когда столичные Афины были лишь поселением, подобным Трезене. За пределами площади тянулись ряды небольших колонн, перекрытых сверху каменными плитами, что давало дополнительную тень, которая падала на каменные прилавки и скамьи, где были разложены товары торговцев. Некоторые пристраивали к каменным прилавкам временные навесы и даже кабинки или хижинки для товаров, и в одной из таких хижин Кора подыскала себе чудесный длинный хитон нежного апельсинового цвета, тонкий и легкий, который доставал ей до колен и ниспадал широкими складками на пояс. Поверх него Кора приобрела плащ сродни гиматию, из тонкой шерсти терракотового цвета, обшитый по краю темно-пурпурным геометрическим узором. Хорошо бы сохранить эти одежды до возвращения домой и показаться в них в изысканном обществе Галактического центра.

Конечно, Коре хотелось бы провести остаток дня, а может и недели, в рядах, торговавших украшениями и драгоценностями, и совершить простительное преступление для женщины Галактической эры — купить себе, и только себе, немыслимые по изысканности драгоценности из опалов и аметистов Древнего Египта и Шумера, из нефрита Древнего Китая, из золота амазонок и скифов. Она понимала, что этим она лишила бы музеи будущего их сокровищ. Впрочем, денег у нее было немного, и если ты хочешь возвратиться домой не только с сувенирами для себя, но и с подарками для бабы Насти и невест комиссара Милодара, то лучше вообще отказаться от покупок.

С печалью и терзаниями оторвавшись от ювелирных рядов, где она уже обзавелась славными приятельницами и приятелями, Кора направилась к хол-

му, на склоне которого возводилось массивное здание из белого мрамора, окруженное простыми дорическими колоннами. Сначала Кора по недостатку классического образования предположила, что присутствует при сооружении Парфенона, но потом сообразила, что Парфенон увенчивает или будет увенчивать собой высокий крутой холм, пока еще не застроенный, с маленьким храмиком на вершине.

О названии храма Кора спросила стоявшую рядом женщину.

Та поглядела на Кору, как на сумасшедшую, но потом, видно, смягчилась при виде дорогих одежд собеседницы и сообщила, что сооружается храм Аполлона Дельфиния, о чем знает каждая собака.

— Кроме приезжих, — вежливо поправила ее Кора.

И вот тут Кора впервые увидела Тесея во плоти и не узнала его, что, конечно, непростительный промах для разведчика. Надушенный, расфуфыренный и гордый собой и своими, пока еще никому здесь не известными подвигами, Тесей шел по улице, и кто-то из рабочих, уже воспитавший в себе классовое чувство, несмотря на то, что только брезжила заря рабовладения, крикнул сверху:

— Ребята, поглядите, какая фря по улице гуляет. Я бы не отказался попользоваться!

Кора не могла удержаться от улыбки, потому что подумала, скольких щеголей в Древней Греции подводило крайнее сходство мужских и женских одежд. Различие в среде молодежи скорее заключалось в прическах, нежели хитонах. Может, именно поэтому в Греции было столько «голубых» и лесбиянок. Попасть в разряд сексуального меньшинства можно было случайно, по недоразумению, а вот выбраться из него — куда труднее.

— Вы обо мне? — спросил вполне добродушно настроенный Тесей, запрокинув голову и демонстрируя каменщикам юный пушок под носом и на подбородке.

— О тебе, девица, о тебе, любезная! — хохотали рабочие. Развлечение по тем диким временам было отменное.

И вдруг Тесея охватил гнев, вспышка его была столь неожиданна и быстра, что Кора не успела уловить момент, когда мирно фланирующий по улице пижон превратился в дикого зверя.

Тесей начал крутиться на месте, в поисках какого-нибудь орудия, которым он мог бы поразить обидчиков, но ничего подходящего под рукой не было. Он метнулся было к самому строительству, чтобы вырвать шест из опалубки, но тут обнаружилось, что путь к цели ему перекрывает воз — небольшой, но массивный бык волочил арбу, нагруженную тюками с сеном. Возчик, оказавшийся свидетелем столь смешной сцены, шел рядом, сгибаясь от хохота.

В следующее мгновение он уже не смеялся, а благодарил богов за то, что шел рядом с повозкой, а не сидел на ней, потому что этот женоподобный изящный юноша ловко ухватил в охапку своими длинными и вроде бы еще выросшими руками быка за живот и кинул все это вместе — и быка, и повозку, и тюки с сеном на крышу храма, где веселились рабочие.

Бросок был столь сильным, что бык с повозкой долетели до крыши храма. Хотя храм, по нашим меркам, был невысок, но метров шесть до крыши все же насчитывалось. Повозка смела с крыши насмешников, и все вместе — рабочие, бык, повозка, сено, палки, шесты... рухнули на мостовую.

Юноша пошел дальше, и Коре было видно, как ему хотелось оглянуться и полюбоваться безобразием, которое он натворил. Но Тесей превозмог мелкое тщеславие и, поравнявшись с Корой, которая, как и все зрители этого подвига, стояла неподвижно, вежливо спросил:

— Вы не скажете мне, добрая госпожа, как пройти ко дворцу царя Эгея?

Придя в себя, Кора толково и кратко объяснила юноше дорогу и вынуждена была признаться себе, что юноша произвел на нее куда лучшее впечатление, чем на снимках и голограммах, которые она изучала, потому что даже лучший фильм не передает тех микроскопических движений мышц и зрачков, которые так важны, чтобы понять человека.

— Кстати, — спохватилась Кора, полагая, что в этом мире полезно применять наглость последующих тысячелетий, ибо даже самые умные и сообразительные из местных жителей все равно еще наивны и просты, как наивен и прост их мир. Даже заговоры и злодейства их можно разгадать, если хоть на секунду остановиться и задуматься: зачем же эта милая женщина сыплет зеленый порошок в суп своему дорогому сожителю?

— Кстати, — повторила Кора, — мне как раз в ту сторону, и, если вы согласитесь сопровождать меня, я буду рада показать вам кратчайший путь.

— Разумеется, я буду польщен, — признался Тесей. — Вы очень красивая девушка и, судя по одежде, знатная. Значит ли это, что вы живете в этом славном городе?

Не спеша удаляясь с Тесеем от шума и проклятий, доносившихся сзади, Кора имела возможность как следует рассмотреть своего подопечного.

Разумеется, сходство с Густавом оставалось настолько ясно выраженным, что даже человек, мало знакомый с рагозским принцем, узнал бы его. Но узнав, удивился.

Принц Густав был высок ростом, худ, чуть сутуловат, то есть его нельзя было назвать откровенно хилым человеком, но, пожалуй, физически он был развит недостаточно. Он был скорее студентом кабинетного склада, чем атлетом.

К тому же принц Густав был близорук, отчего носил очки, а не контактные линзы, ибо, как говорится в анналах рода Рагозы, в детстве мальчик часто плакал, терял линзы, и его отец Теодор-Рудольф III как-то упал, поскользнувшись на потерянной ребенком линзе, и сломал шейку бедра. Чувство вины перед горячо любимым отцом овладело мальчиком настолько горячо, что он поклялся: никаких линз! Коррекцию же зрения или установку новых глаз запретила бабушка принца Густава, которая где-то вычитала, что эти операции могут вредно отразиться на здоровье, а главное, умственных способностях мальчика.

Здесь, в ВР-круизе, Густав изменился — иначе бы и не было смысла затевать все это дело. Как и каждый «заказчик», Густав вообразил перемены в собственном теле, какие он желал. И вообразив, получил.

Порой, где-то читала Кора, путешественники в ВР вовсе не обязательно становятся богатырями или геркулесами. Наоборот, они даже согласны выбрать себе некий соблазнительный недостаток, вплоть до известного своими безобразиями в ВР Ахмета Магомет-оглы, который вообразил и осуществил себя невысоким, хромым и страшнолицым, решив повторить походы и подвиги Тамерлана. Его пришлось вытаскивать из круиза по частям, спасая после первого же восстания сельджукской гвардии.

Густав пошел по обычному пути. Он оставил себя таким, как есть, но улучшил, как подсказало ему тщеславие: «Ах, если бы я был на голову выше его, да вдвое шире в плечах, он бы убежал от меня быстрее зайца!» Считайте, что принц осуществил свою школьную мечту. Зная, каким был принц Густав, мы без особых трудностей можем представить себе, как выглядел принц Тесей.

— Я здесь приезжая, как и вы, господин Тесей, — сказала Кора. — И мне спокойней и надежней идти вместе с вами.

— Вы узнали меня? — Растерянная и добрая улыбка принца, такая знакомая Коре по справочному изоматериалу, тронула его губы и затуманила глаза. — Как вам это удалось?

— Это небольшой мир, — ответила Кора. — Здесь люди знают друг друга по именам. Я жалею иногда, что не родилась в будущем, когда все концы Ойкумены будут уже известны и населены, когда я смогу встретить на улице Афин настоящего гиперборея или этруска. Как тогда будет интересно! Сколько будет разных людей и товаров! Наверное, тогда корабли будут плыть быстрее, а Дедал наконец-то построит свой воздушный корабль, о котором он уже давно всем уши прожужжал.

— Не надо! — вырвалось у юноши, который в сердце своем оставался все же интеллигентным, хо-

рошо воспитанным студентом. — Вы забываете о жестокой судьбе... мальчика... как же его звали...

Кора чуть не подсказала, но сообразила, что в Густаве сработал блок беспамятства. Он не мог знать будущего этого мира, он был частью его, он его формировал, и, как только он заглянет в будущее, весь смысл ВР-круиза, конечно же, пропадет. Нельзя забывать, что ты здесь, возможно, единственная, кто смотрит в будущее... исключая Дельфийского оракула. Погодите-погодите, а что если пифии — работники службы виртуальной реальности? Смешно... Впрочем, нет, они слишком часто ошибаются.

— О чем мы говорили? — спросил Тесей, прижимая указательный палец к переносице, — жест, оставшийся от прошлого, когда он носил очки.

— Мы говорили, что я люблю путешествовать.

— По виду своему вы принцесса, — произнес Тесей. — Простите, если я вам покажусь невоспитанным...

— Для этой эпохи вы слишком хорошо воспитаны, — оборвала его Кора. — Вам придется быть поглубже.

— О да, я сам это уже чувствую, — согласился молодой человек. — Они думают, что я их боюсь. Но ведь это ошибка. Я, должен вам сказать, приехал сюда для того, чтобы восстановить свои права. И никого не боюсь. Мне вообще не свойственно чувство страха.

— Точнее! — потребовала Кора.

Молодой человек удивился такому требованию, но подчинился ему:

— Точнее, я намерен преодолеть в себе чувство страха для того, чтобы, возвратившись куда надо, вести себя достойно.

Густав не стал уточнять, а Кора не стала настаивать. Обе стороны поняли этот краткий монолог в меру своей информированности.

Наконец они поднялись на холм, увенчанный дворцом Эгея. Здесь, над узкими городскими кварталами, было прохладнее, с горы, поросшей соснами, скатывался прохладный ветерок, в прозрачном воздухе

медленно плыли паутинки. По площади перед дворцом вышагивали большой семьей индюки. Два солдата в медных доспехах и шлемах, надвинутых на носы, чтобы укрыться от солнца, дремали у входа.

Тень Тесея упала на одного из них, тот лениво поднялся, опершись на короткое копьё.

— Кто ты, странник? — спросил он, и ясно было, что времена стоят мирные, врагов в Афинах не ожидают, так что одинокий щеголь в сопровождении богатой молодой женщины не вызывает тревоги.

— Меня зовут Тесей. Я пришел из Трезины, — сказал молодой человек. — Я хочу видеть царя Эгея.

— Еще вопрос, захочет ли царь Эгей видеть провинциала, — проворчал воин, но беззлобно, как бы для порядка.

— Эй! — крикнул он в глубь двора, в который выходили двери и ворота хозяйственных построек и конюшен. — К царю гости.

Последовала длительная пауза. Потерявший вдруг уверенность в себе, Тесей переминался с ноги на ногу, из глубины двора вышла большая белая коза с голубой ленточкой на шее и стала обнюхивать хитон Кору.

— Ты не обращай внимания, — сказал сидевший воин. — Это Номия, нимфа, гонялась за Дионисом и вот догонялась!

Коза, она же бывшая нимфа, опустив короткие рожки, кинулась на воина, а Кора, которая совершенно не представляла, чем провинилась Номия перед Дионисом, отошла в сторонку, чтобы не испортить в суматохе хитон.

Это был их мир, даже Тесей чувствовал себя здесь своим. А она лишь выполняла задание. Кора подумала, что не спросила Тесея, каково было ему, студенту Московского университета, отрубить ноги пожилому человеку Прокрусту, даже если тот и в самом деле виноват перед древним человечеством. Надо будет спросить... правда, если Медея не расправится с Тесеем в этом дворце.

Кора профессионально оглядела двор и двери, откуда выглядывали любопытные слуги, — типичный

лабиринт, здесь и убегать, и сражаться очень трудно, а если Тесею подстроят какую-нибудь ловушку, его трудно будет защищать. Любопытно, родилась мысль, там, наверху, в компьютерном центре «ВР» есть дисплей, на котором видна энцефалограмма Тесея, чтобы вытащить его в момент смертельной опасности? А есть ли такой же дисплей для нее, агента Кору Орват? По крайней мере, никаких параметров перед уходом с нее не снимали. Может быть, раз ее круиз никем не оплачен, они решили сэкономить. А если так, то прекращение ее жизнедеятельности не отразится на показаниях приборов! Грустно!

— Ну, ты идешь, девушка? — спросил Тесей. Видно, повторил вопрос, так ей показалось по тону.

Перед ними стоял воин более импозантного вида, чем солдаты на входе в бедных кирасах и домотканых юбочках из-под них.

Шлем его был украшен гребнем из конских волос, по бокам которого были прикреплены петушиные перья. Поножи покрывал чеканный узор.

За ним следовал пожилой местный служитель в синей хламиде из милетской шерсти и широкополой войлочной шляпе.

— Чем мы обязаны визиту столь высоких гостей? — спросил он, быстро и внимательно оглядывая их.

— Я Тесей, — сказал молодой человек. — Внук Питфея и сын Этры. Послан ими в гости к Эгею.

Придворный никак не отреагировал на слова Тесея, но обратил взор к Коре.

Та представилась честно:

— Кора, дочь Тадеуша из страны гипербореев.

— Великая богиня? — спросил придворный с некоторой опаской, но без трепета. Видно, сюда раз в неделю заглядывает кто-то из великих богов.

— Тезка богини, — ответила Кора.

— Так просто это не случается, — сообщил придворный, и Кора склонила голову, отдавая должное его мудрости.

Но внимание придворного уже вновь было обращено к Тесею.

— Мы ждали твоего прихода, Тесей, — сказал он. — Известие о твоём продвижении от Трезена к Афинам достигло нашего слуха, как только ты объявил в родном городке о намерении очистить от разбойников всю прибрежную дорогу. Сама госпожа Медея, царица Афин, не раз высказывала беспокойство, что кто-нибудь из разбойников сломит тебе шею и мы не будем иметь счастья лично лицезреть тебя.

— Ничего, — искренне отозвался юноша. — Конечно, нелегко пришлось, да и неудобно убивать людей, но я дал обет. Вы понимаете?

— Разумеется, — ответил придворный, — каждый из нас неоднократно дает в жизни обеты. Главная цель, таким образом, не выполнить их, чтобы сохранить и честь и жизнь.

— Вы говорите изысканно, — признал юноша.

— Я и думаю изысканно, — ответил придворный, отступая в сторону и подбирая хитон так, чтобы он полностью замотал правую руку. Это было не очень удобно, но жест получился выверенным.

— Я хотел бы представиться, — сказал он, — имя мое Гиас, и считается, что я погиб на охоте от укуса змеи. Но, как видите, я жив, немолод и никогда не хожу на охоту.

Кора мысленно отмахнулась от очередных родственных отношений, но принадлежащий теперь к этому сообществу Густав — Тесей сразу спросил:

— Вы не родственник Гиад, о которых мне приходилось слышать?

— Гиады — нимфы дождя, дочери Атланта, — ответил низкий женский голос, — они так горевали после гибели их брата Гиаса, что все умерли, обливаясь слезами. Пожалев их, великий Зевс взял их на небо и составил из них созвездие Тельца, появление которого на небе связано с началом дождей.

Голос принадлежал незаметно подошедшей Медее, которая и объяснила родственно-божественные связи.

— Парадокс в том, — всхлипнул придворный, — что я не умер, Асклепий вылечил меня от укуса змеи, но весть об этом опоздала, и сестры уже погибли. Грустно.

— Только не плачь, умоляю, — попросила Медея. — Не хватало мне в Афинах еще одного плакальщика. И так с утра до вечера слезы.

— Почему, владычица? — спросил Тесей, глядя на Медею влюбленными глазами глупого теленка. И Кора отлично знала, почему это происходит, — Медея обладала обликом Клариссы. Однако это была Кларисса, обогащенная грузинской яркостью Медеи. Не той Медеи, что скорбела над Ясоном, а иной, живой и настроенной.

Важно было понять, находится ли Кларисса в ВР-круизе, или она здесь так же нелегально, как и Кора. А в таком случае она должна Кору узнать...

— Мы с вами где-то уже встречались, госпожа Медея? — спросила Кора.

Та поглядела на нее равнодушно и ответила:

— Не то в Коринфе, не то в Мегаре — вы ведь приходите родственницей кентавру Хирону?

Если она притворяется, то она неплохая актриса.

— А я вас видела вчера на берегу, у тела...

— Помолчите, девушка! — раздраженно прервала ее царица.

— Простите, я не права.

• Медея добавила:

— Право же, нам незачем стоять посреди двора, где любой раб может нас лицезреть. Прошу вас пройти в малый зал для приемов, где мы продолжим беседу, пока мой благородный супруг еще поживает.

Гиас, лишившийся безутешных сестер, проследовал за гостями и царицей в гостиную, где посреди небольшого, окруженного порфировыми колоннами зала находился неглубокий овальный бассейн, в котором плавали листья кувшинок и мелькали серебряные спинки карпов. Прислужницы поправили подушки на деревянных с плетеными рамами ложах и принесли тазы и кувшины для омовения ног и рук путников.

— Да, — сказала Медея, ни на секунду не спуская глаз со служанок и следя за тем, чтобы они вели себя достойно и вовремя исполняли все положенные ритуалом действия. — Я та самая несчаст-

ная женщина, которая ради охватившей любви предала интересы моей небольшой, но свободолюбивой страны Колхиды и дала возможность выкрасть золотое руно из Грузии, куда оно со временем, я верю в это, обязательно вернется как часть нашего культурного наследия.

— А правда ли... — начала Кора, но закончить вопрос она не успела, потому что Медея его угадала.

— Нет! — резко ответила она. — Неправда все, что касается моего брата, которого я любила и с которым росла и резвилась на пляжах возле Батуми. Нет, если вы хотите задать мне вопрос о дочерях этого мерзавца Пелия. Если они что и сделали, то сами виноваты. Еще вопросы есть?

— О, не волнуйтесь, благородная госпожа! — сказал Тесей и робко протянул в ее сторону дрогнувшую руку атлета и богатыря.

И Кора не без ехидства подумала: «А ведь ты, голубчик, все этимышцы себе выдумал. Когда мы тебя снова увидим в университетских коридорах, этихмышц и в помине не будет». Но кто, кроме Кору, знал о том, что происходит на самом деле? Присутствующие играли в свою игру. Они существовали в том мире, который для Кору был аренной Игры... И она была бы в этом уверена, если бы не смерть великого Ясона, при которой она так недавно присутствовала.

— Давайте поговорим о более приятных вещах, — сказала Медея, сладко улыбаясь.

Служанка, принеся таз с теплой водой для омовения ног, подставила его Тесею, ловко развязала завязки сандалий и сняла их.

Краем глаза и краем сознания Кора понимала, что эти сандалии сейчас важны для дальнейшего. Но все внимание было обращено к Медее.

Служанка унесла сандалии Тесея, но Кора никак не могла вспомнить, почему этого нельзя было делать.

Медея проследила за ее взглядом и сделала незаметный знак другой служанке. Та склонилась к Тесею и отстегнула пояс с мечом. Меч звякнул о пол.

— Сейчас ты отдохнешь, Тесей, — сказала Медея, — сейчас тебе будет покойно. Дорога была трудной.

— Это правда, что погиб Ясон? — спросил Тесей, как бы просыпаясь. — Сам Ясон? Этого не может быть.

— Не жалея его, — сказала Медея. — Он причинил людям много зла и погубил мою молодость.

— А я знаю тебя, — сказал Тесей, покорно позволяя девушке снять с него пояс с мечом. — Я помню тебя. Скажи, где мы встречались с тобой?

— Наши встречи еще впереди, мой герой, — сказала Медея.

— Стой! — Кора вдруг пришла в себя. — Меч! Тесей, они уносят твой меч! Как он узнает тебя?

— Кто узнает? — тихо и зловеще спросила Медея.

— Где мой меч? — Тесей сразу вскочил.

Девушка побежала по коридору. Тесей кинулся за ней. Кора не двигалась с места. Она смотрела на Медею, готовая в любой момент остановить ее или предупредить ее действия. Медея словно чувствовала угрозу, исходившую от Кору, и была неподвижна.

Через минуту вернулся Тесей. В руке он держал пояс с мечом, девушка, пытавшаяся унести его, брела сзади.

— Зачем ты это сделала? — спросила у нее Медея, словно меч утащили у нее, а не у гостя.

— О, госпожа! — воскликнула рабыня. Она была искренне напугана и протягивала вперед тонкую девичью руку с глубокой ссадиной на ней. — Я хотела вытереть ножны от пыли, я хотела начистить меч, как положено молодому герою. Я хотела сделать как лучше.

— Ты будешь наказана, — приказала Медея, — ты будешь сослана в серебряные рудники Фракии и будешь там девкой для услады рудокопов.

— О только не это, госпожа, я всегда верно служила тебе!

— Послужишь верно и простым людям!

Откуда-то вышли два воина. Девушка пыталась что-то сказать, но один из воинов заткнул ей рот, второй потащил из комнаты.

— Медея! — воскликнул Тесей, прижимая пальцем к переносице несуществующие очки. — Только не это! Девушка не виновата. Пожалуйста, сделай это для меня.

— Я сделаю это, но ты будешь моим должником, — сказала Медея, — и убережешь с моих глаз женщину, из-за которой и случилось это досадное происшествие! — Медея указала пальцем на Кору.

— Но мы почти незнакомы, — сказал юноша. — Мы только недавно встретились.

— Ты не родственник ей?

— Нет.

— Ты видел ее раньше?

— Никогда.

— Почему же она пришла ко мне во дворец?

— Я пришла, как каждый путник, который устал с дороги, — сказала Кора, выпрямляясь во весь свой великолепный рост. И Медея сразу стушевалась перед ней, хоть и была дьявольски хороша собой.

— Как твое имя, гостя? — спросила Медея.

Разыгрывался спектакль. Медея уже сталкивалась с Корой, Кларисса — тем более.

— Меня называют Корой, — сказала Кора, стараясь придать голосу силу и значимость.

Шорох голосов, испуганный шепот прокатились по залу. Имя богини пугало. Кора здесь уже сталкивалась с этим феноменом: возможно, имя Кора принадлежало здесь разным женщинам, но сознание выбирало лишь самый опасный вариант — имя Кору-Персефоны, владычицы царства мертвых. А впрочем, может, Кора и ошибалась — вряд ли греческая мать, выбирая имя для ребенка, склонна была избрать одно из имен смерти...

— Сегодня во дворце пир, — сказала Медея так, словно и не было только что столкновения с Корой. — Надеюсь, что наши гости сочтут возможным принять в нем участие. Меня же ждут дела.

Медея повернулась чтобы выйти из зала, но тут вбежал мальчик, лет семи, черноголовый, кудрявый.

— Мама! — закричал он. — Там привели белого барана! Настоящего белого барана! Его тоже зарежут на ужин?

Медее подхватила мальчика на руки, закрывая всем телом от Кору.

Неужели она меня тоже опасается? Она, величайшая из волшебниц древности?

— Это мой сын, — сказала она, обращаясь к Тесею. — Его зовут Мед. Отец его Эгей!

— Очень приятно, — сказал Тесей, еще не осознавая смысла слов хозяйки дома и стараясь при этом как-то пристроить на ногах новые, не очень удобные сандалии.

— Это единственный законный сын Эгея. Он взял меня в жены, когда я поклялась ему, что рожу сына — Меда. Я выполнила свою клятву. Перед вами наследник престола в Афинах.

И она быстро вышла из зала, неся мальчика на руках. Мед что-то говорил ей, он был веселым балованным ребенком, и на прощание он помахал Тесею ручкой.

Тесей поднял руку в ответном жесте.

— Я не знал о том, что у Эгея есть еще сын, — сказал он. — А у меня младший братишка.

— Я тоже не знала, — сказала Кора. — Ты намерен отказаться от разговора с отцом?

— Нет.

— Ты не заметил, что сандалий у тебя уже нет? — сказала Кора.

— И что же? Ведь остался меч. — Тесей был рассеян, будто никак не мог сосредоточиться на том, зачем он здесь оказался.

— Тесей, — позвала его Кора. — Что с тобой? Опомнись! Ты зачем пришел в Афины? Ты зачем совершал подвиги на пути сюда?

— Чтобы быть достойным своего отца, — твердо заявил Тесей, словно проснувшись.

— Но для этого надо, чтобы отец тебя узнал. А Медее постарается этого не допустить.

— Но она такая красивая...

— Тесей, перестань лепетать глупости! — оборвала его Кора. — Ты о ком сейчас говоришь?

— Я? — Тесей замер, словно ему с размаху заткнули рот.

— Ты говоришь так о своей мачехе, знаменитой на весь мир убийце, бывшей жене путешественника Ясона, грузинской царевне Медее. И нет преступления, которое она еще не совершила. Впрочем, есть...

Тесей тупо посмотрел на Кору.

Ну зачем таким мальчикам позволяют шляться по Древней Греции, где смерть караулит их на каждом шагу?

— Какое? — спросил Тесей.

— Она еще не убила тебя, Тесей!

— Но зачем ей убивать меня?

— Потому что ты пришел сюда, чтобы доказать, что ты — старший сын царя Эгея, так?

— Так. Но кому от этого плохо? Я буду любить и брата, и мачеху.

У Кору на языке вертелся ответ: «Нет, это Кларисса, и потому она вдесятеро опаснее для тебя, чем какая-нибудь древняя волшебница. Медее тебя только убьет — вонзит в тебя кинжал или отравит цикутой, — и уже через два часа ты будешь лежать в реанимации московского центра «ВР-медицина». Кларисса уничтожит тебя так, что потом не оживить. А значит, она уничтожит твой мозг, мой мальчик. На твоё счастье, она здесь находится в теле Медее и с возможностями Медее. Но если мне придется живой вырваться отсюда, то я приму все меры, чтобы выяснить, как получается, что в ВР-круизе оказываются убийцы с другой планеты?»

— Что такое ВР-круиз? — спросил Тесей.

Оказалось, что Кора произнесла последнюю фразу вслух.

— Не обращай внимания. Я хотела тебе сказать, что Медее всегда честно выполняла все, что обещала. Она обещала Ясону золотое руно, и она его добыла, даже обманув и предав своего отца, она обещала спасти Ясона от погони, и спасла. Она приехала к Эгею и в обмен за кров и защиту обещала, что будет верна ему и родит наследника. И она была верна ему и родила наследника. Так что она — достойный противник.

— А мне она не противник, — упрямылся Тесей, — она красивая и добрая.

В этот момент в комнату вошел воин, на этот раз одетый вполне прилично, словно из учебника истории. Кора невольно бросила взгляд ему под ноги в поисках сопроводительной подписи вроде «тяжеловооруженный гоплит VI в. до н.э. Афины».

Надписи не было, но говорить эта картинка умела.

— Великий господин царь Афин Эгей приглашает своих высоких гостей для знакомства.

— Это аудиенция? — спросила Кора.

Вместо ответа, воин указал на меч Тесея и велел снять его.

— Я не могу, — ответил Тесей. — Я всегда с ним хожу.

— А у нас к царю ходить с мечами не принято, — вежливо ответил воин. — Ты, может, человек воспитанный, а другой придет, решит, что он герой, — и сразу нашему царю срубит голову с плеч. Теперь после этого Геракла столько развелось героев, что без друзей лучше вечером на улицу не выходи.

Тесей был возмущен, но сдержался и отстегнул пояс с мечом.

Ну и дела, подумала Кора. Сандалии у нас новые, выданные Медеей из дворцовых запасов, меч у нас отобрали, как же теперь узнать младенца?

Кора сама позаботилась о том, чтобы спрятать меч в один из сундуков, стоявших в комнате вдоль стен.

Воин с картинки провел их темным коридором, затем шесть крутых ступенек вверх, еще коридорчик, где сидел на корточках гоплит, упершись копьем в потолок. Наконец за пурпурным, но потертым занавесом обнаружилась комната, которую Кора условно назвала для себя кабинетом властителя.

Там находился первый письменный стол, увиденный Корой в античной древности, хотя надо признаться, что с интеллигенцией, не считая одного полуконя, ей встречаться не приходилось. Стол был мраморным, на толстых дубовых ножках и использовался по назначению — на нем лежало несколько свитков, намотанных на деревянные палки, просто листки бумаги, таблички, впрочем, Коре некогда было рассматривать, насколько образован ее хозяин.

Сам царь Эгей вошел сразу следом за гостями, откинув кусок ткани, прикрывавшей вход во внутреннее помещение.

— Я рад видеть вас, — произнес он, идя навстречу гостям. — В всегда рад, когда благородные герои посещают наш город.

Кора могла разглядеть его. На вид царю Эгею было лет пятьдесят, но, как она обратила внимание, в Древней Греции люди старели раньше, видно ничего не знали о диете и экстраенсах.

Пегаая борода царя была тщательно завита, длинный гиматий выглажен, каждая складочка как бритва, да еще вышит золотом по низу. Под гиматием был золотистый длинный хитон, расшитый сложным восточным узором. Кора отметила про себя, что царь ухожен, вымыт, надушен и, вернее всего, в этом чувствуется заботливая женская рука. При всей своей антипатии к Медее она должна была признать, что свои супружеские обязанности по отношению к очередному мужу она выполняет.

Тесей вежливо поклонился отцу. Отцовских и сыновних чувств, так обильно расписанных в мифологической литературе, они друг к другу пока не испытывали. Пожалуй, Тесей скорее ощущал неловкость, как человек, желающий потребовать то, что ему вовсе не принадлежит, а царь Эгей был в привычной для себя роли государя на малой аудиенции, когда надо по возможности разузнать, чего хотят от тебя потенциальные просители. Беда любого царя заключается в том, что, встретив человека, он вынужден подозревать в нем просителя. А это утомляет и ведет к разочарованию в людях.

— Я шел из Трезена, — сообщил Тесей, — по дороге, которая ведет вдоль берега моря. И по пути уничтожал тех разбойников, которые за последние годы заняли всю эту дорогу и совершенно сорвали местную торговлю.

— Постой, постой! — воскликнул царь. — Ты не тот ли Тесей, внук Питфея, о котором говорят, что он сын Посейдона? Не ты ли решил совершать подвиги подобно твоему двоюродному дяде Гераклу?

— Простите, родному дяде Гераклу! — с достоинством поправил царя юный герой.

Царь Эгей улыбнулся. Молодой человек пришелся ему по душе.

— И ты один пошел по берегу?

— Совсем один.

— И как видел разбойников, нападал на них, забыв, что все они — дети хороших семей, с большими родственными связями, и именно из-за этого ни жители Коринфа, ни жители Мегары, ни даже мы, афиняне, не осмеливались их тронуть? Или тень Посейдона все время охраняла тебя?

— Нет, царь, — отвечал Тесей с достоинством, которое редко можно встретить у простого студента университета, — я никогда не причиняю людям боль ради боли. Я делал с этими разбойниками только то, что они делали с другими людьми.

— Что? — Эгей был поражен. Видно, слух о подвигах Тесея еще не добрался до Афин. — Это значит, что ты сбросил со скалы Скирона?

— И еще отрезал ноги Прокрусту, — сообщил молодой человек, — а главное, раскроил дубиной череп Перифету!

— Ах, какой ты еще молодой и наивный! — подумала Кора.

Как бы в ответ на слова Тесея, занавесы и занавески, которыми были украшены стены зала, закачались и оттуда донеслись голоса и суета.

— А ну, пошли отсюда! — закричал Эгей и затопал ногами. — В собственном кабинете покоя нет!

— Кто это? — спросил Тесей, хватаясь за пояс, на котором не было меча.

— Это мои племянники, — пояснил Эгей. — Паллантиды, сыновья моего неразумного, тщеславного и жадного брата Палланта, который все ждет не дожидется, пока я помру, чтобы захватить власть.

— Но у вас же есть наследники, — осторожно заметила Кора.

— Мед — замечательный мальчишка, — признал царь, — но он еще мал. Я надеюсь, что Медея достаточно умна и осторожна, чтобы оградить мальчи-

ка от кровавых лап Паллантидов. Пока что она их запугала, пригрозив страшными волшебными бедами всему роду, если что-нибудь случится с Медом. Так что они предпочитают охранять его и беречь... до поры до времени.

И царь сокрушенно вздохнул.

— А другие наследники? Мне приходилось слышать, что у вас был сын в Трезене?

— Я надеялся на это, — искренне ответил царь Эгей. — Но, наверное, ничего из нашей случайной связи не вышло. А то бы я давно уж об этом узнал.

Вот сейчас бы показать ему меч и сандалии! — подумала Кора. Но сандалии наверняка сожжены Медеей, а меч слишком далеко, чтобы бежать за ним. Ну ладно, еще не все потеряно.

— Господин царь, — произнес между тем отважный юноша. — Если вам нужна помощь, то моя железная палица уступает лишь палице самого Геракла. Если надо кого сокрушить, уничтожить, в пыль стереть — я к вашим услугам.

Царь с благодарностью положил руку на плечо Тесею и произнес роковые для своего старшего сына слова:

— Хотел бы я иметь такого сына, как ты, Тесей.

Снова шевельнулась шелковая занавеска за спиной царя, и на этот раз Кора явственно увидела черную прядь, блеск бриллиантовой диадемы и услышала легкую поступь грузинской царицы.

Судьба Тесея была решена.

И спасти его могла только Кора Орват.

* * *

Аудиенция у царя была закончена. Он пригласил их вечером на праздничный ужин в честь двадцатой годовщины со дня восьмилетия его посещения источника Семи нимф.

Кора посмела поинтересоваться, почему такое незначительное на вид событие послужило причиной для пира во дворце, на что царь ответил, что пиры во дворце бывают каждый вечер и, к сожалению,

знаменательных дат и событий для причин не хватает.

После этого Эгей вызвал слуг, чтобы они проводили гостей отдыхать.

— Осторожнее, — попросила Кора Тесея, прощаясь с ним до вечера. — Особенно бойся опасности сверху. Здесь враги постараются расколотить тебе голову.

— Я буду смотреть в небо, чтобы на меня не упала черепаха, — засмеялся Тесей и направился направо, на мужскую половину дома. Коре туда вход был возбранен, так что пришлось идти налево, на женскую половину, где служанка провела ее в небольшую комнату без окна, только с дверью, затянутой полосатой занавеской.

Коре было приготовлено ложе, девица в коротком хитоне и обнаженной грудью предложила помочь раздеться и себя в качестве грелки, но Кора отказалась, спросив только, когда же будет обед. Обед, как сообщила служанка, только сейчас готовится, так что у гостей есть время отдохнуть. И ушла.

Кора вытянулась на низком ложе, устланном козлиными и бараньими шкурами. Хотя это был царский дворец, шкуры были выделаны кое-как, и от них несло козлятиной. Занавеска не отделяла комнату от деловитых звуков дворца. Надо было бы попроситься на экскурсию, подумала Кора. А то она даже не представляет устройства дворца, и если придется отсюда срочно убегать, то неизвестно, насколько это удастся. Где-то она читала, что в Древней Греции дворцы строились как лабиринты, отсюда и пошло название дворца на Крите, где жил Минотавр. Ну, что ж, если сегодня у нас все обойдется благополучно и нам удастся сохранить жизнь принца Густава, то вскоре мы окажемся именно на Крите, чтобы драться с Минотавром, — до таких пределов знания Кору по древней истории вполне распространялись.

Как жаль, что этот перестраховщик Милодар не разрешил взять с собой никаких приборов и приспособлений, которые так нужны агенту ИнтерГпола! Ей достаточно было бы надеть один рабочий пояс со

взрывчаткой, отмычками, оптикой и средствами подслушивания. Тем более что раз ее здесь подозревают в принадлежности к классу богинь, то никого не удивили бы ее сверхъестественные способности. А то как будешь голыми руками работать телохранительницей древнего героя по имени Тесей? Курам на смех!

И все же Кора поднялась и осторожно обошла помещение. Комната была невелика, стены, сложенные из аккуратно обтесанных блоков песчаника, оштукатурены, а на них довольно грубо нарисованы полоски орнамента, и повыше, под потолком изображены птицы и бабочки, как их учат рисовать в старшей группе детского сада. Великим греческим искусством в этой части дворца пока и не пахло.

Знает ли Медея, что не любая смерть убьет ее врага? Настоящей Медее это все равно — главное сохранить престол для Меда. Клариссе — важно убить Тесея безвозвратно и окончательно...

Кора поднялась с ложа и, осторожно приоткрыв занавеску, высунулась наружу. Коридор был пуст. Кора двинулась в ту сторону дворца, откуда доносились звон посуды, голоса, шум и бульканье варева. Вскоре она попала в один из внутренних двориков, где стояли распряженные повозки и в ряд у коновязи жевали сено добродушные ослики и мулы. Под повозкой на куче сена мирно спала служанка, прикрывшаяся серой накидкой, которую Кора осторожно с нее сняла. Спящая не шевельнулась. Кора накинула трофей как платок, который опускался ниже пояса, — в полутемных переходах, комнатах и других служебных помещениях дворца она сразу стала незаметна, при условии, что она будет непрестанно двигаться. В атмосфере всеобщей суматохи и кажущегося беспорядка, напоминавшей муравейник, дворец управлялся стихийным разумом, когда каждое насекомое тащит свою палочку черт знает куда, и в результате добыча попадает в нужную ячейку, а все куколки и личинки оказываются вовремя накормленными.

Для вящей убедительности Кора прихватила где-то горшок, который поставила себе на бедро, и теперь

ничем не отличалась от мириад прислужниц и рабынь, благо здесь не было заметно надсмотрщиков, которые давали бы указания, — видно, все дела были многократно отрепетированы.

Одаренная фотографической памятью, Кора через двадцать минут уже имела полное представление как о женской половине дворца, так и о его многочисленных хозяйственных помещениях. На мужскую половину попасть было труднее, но Кора вскоре освоила и ее. Для современного разведчика древний греческий дворец был детской игрушкой. В нем, к примеру, совсем не имелось дверей, кроме входных ворот. Дверные проемы закрывались занавесами или просто тряпками, так что не было проблем со взломом и подслушиванием. А так как коридоры днем и вовсе не освещались, а свет туда попадал только сквозь дверные проемы и занавески, то многочисленные служанки, которыми кишел дворец, казались тенями — такими, наверное, кажутся друг дружке муравьи в глубинах муравейника.

Коре предстояло отыскать нервный узел двора — покои Медин.

Это оказалось не так-то легко, не потому, что покои были особо запрятаны. Просто они почти не отличались от покоев других родственниц царя, которых тоже оказалось немало.

Когда Кора уже решила, что ничего не отыщет и лучше возобновить поиски к вечеру, когда нападение на Тесея станет наиболее реальным, ей повезло.

Она шла по какому-то черному узкому коридору, смахивая с лица ключья паутины, стараясь не уронить ненароком что-нибудь из ломаной мебели, сваленной там, и не поднять лишнего шума, как услышала за перегородкой громкий разговор. Беседующие не таились и не понижали голосов — видно, они были убеждены в том, что их никто не может подслушать.

— Ты видел его? — слышался низкий глуховатый голос Медин. — И какое он произвел на тебя впечатление?

— Милый юноша. Я хотел бы иметь такого сына...

Длинная пауза. Кора поняла, что Медея старается взять себя в руки.

Потом снова ее голос:

— У тебя есть сын.

— Я стар. Боюсь, что не доживу до того момента, когда он сможет поднять мой меч. А если я оставлю царство мальчику, вас затравят мои родственники.

— Я волшебница и целительница, — ответила грузинка. — Ты будешь жить много лет, ты увидишь, как поднимут мечи твои правнуки. Ты у меня самый молодой и красивый...

— Ах, Медея, как мне трудно поверить в твою любовь! Я дал тебе приют, когда толпа хотела тебя растерзать. Ты дала мне сына. Но о любви разговора не шло.

— А я понемногу полюбила тебя, старый дурак!

— Ну ладно... ладно... мне же щекотно! Медея, прекрати! Вспомни, сколько мне лет!

— Зевсу куда больше...

— Зевс — бог.

— Ты — выше всех богов, ты — царь Афин. Народ беспрестанно славит твою мудрость...

— Медея!

— Эгей... О! Как ты могуч! Обними меня еще крепче!

Коре стало стыдно подслушивать далее, потому что если в восклицаниях и отдельных словах супругов можно было уловить смысл, то он не имел никакого отношения к сегодняшним событиям.

Но Кора не сразу отошла от опочивальни царя, потому что старалась сообразить, в какой стороне может находиться комната, выделенная Тесею. Ей пришла в голову неприятная мысль: пока они будут ужинать, Медее нетрудно подослать верных работников, которые подпилят балки над ложем Тесея, и ночью он погибнет именно так, как нужно Клариссе и клану Кларенса. Может быть, Медея за эти годы и в самом деле полюбила царя Эгея и хочет, чтобы он пожил подольше, пока Мед не сможет занять престол. Но опасность, грозящая Тесею, от этого не уменьшается.

Когда Кора сообразила, куда двигаться по этому лабиринту, сквозь звуки поцелуев и страстные вздохи прорезался вполне спокойный голос царицы.

— Эгей, я хотела спросить, — произнесла она, — а как тебе показались нынешние гости?

— Милейшие люди, — с придыханием ответил Эгей, — милейшие люди... О, как я счастлив!

— Осторожнее! Со мной такого еще никогда не было! Я умираю от счастья! Все эти титулованные мальчишки и мизинца твоего не стоят! Кто научил тебя, так обращаться с женщиной?

— Жизненный опыт, любимая!

— О, не бросай меня, не оставляй, иди ко мне, мой старый вепрь!

— Ты совсем другая сегодня! Я тебя не узнаю! Ты трепещешь, словно только что пойманная лань!

Но тут торжествующий счастливый крик Медеи озарил всю парадную часть дворца. Замерли повара и поварята у своих плит, замерли кухонные мужики и подавальщики, мойщики посуды и резчики мяса... И каждый подумал о том, самом счастливом миге его собственной любви, который уже миновал или на который еще можно надеяться.

• Кора печально вздохнула.

Любая нормальная женщина хочет быть счастлива, как Кларисса... черт побери, как Медея! А может, в этом и есть секрет бурной любовной сцены, которую Кора случайно подслушала...

Какое-то время было тихо. Лишь быстрое и нежное дыхание доносилось из царской опочивальни. Потом она услышала голос Медеи:

— Надеюсь, ты понял, возлюбленный, что они не те, за кого себя выдают?

Некоторое время Эгей тяжело дышал, приходил в себя после ласк Медеи, потом спросил:

— Почему ты так решила?

— Ну, с этой, так называемой Корой, все ясно! — сказала она твердо. — Никакая она не Кора и не Персефона, я отлично знаю в лицо всех богинь, и уж тем более таких выдающихся, как богиня подземного царства.

— Вот и я подумал, — отозвался Эгей. — Слишком она молода и красива для такой должности. Нет в ней ничего страшного. Милейшее, добрейшее создание.

— Ты, как всегда, прав, мой кролик. Но чувствую я, что наши дела никуда не годятся, если шпионы спокойно разгуливают по дворцу и вынюхивают, что где лежит.

— Я тебя не понял, крошка!

— А я не понимаю тебя. С твоим государственным опытом! С твоим политическим чутьем... и так попасться! Ты что, не догадался, что этот Тесей — искусственный человек?

— Как так искусственный?

— Тебе в женской вышивальне сидеть, а не на престоле! К тебе во дворец пробралась парочка политических террористов! Это вовсе не люди! — В голосе Медеи появились визгливые, кухонные интонации.

— А кто же?

— Ты Дедала помнишь?

— Еще бы не помнить, — ответил Эгей. — Великий мастер, но, по-моему, слабый человек.

— Я бы его не назвала слабым. Есть другие слова для этого поступка.

Кора замерла, чтобы не пропустить ни слова. Ведь она в детстве читала про Дедала и Икара. Она отлично помнила, что Дедал изобрел воздухоплавание, что он сделал себе и своему сыну Икару крылья и скрепил их воском, а потом велел Икару не подниматься близко к Солнцу, а то воск растопится — и тогда молодой человек с небес упадет в море. Все прогрессивное человечество с тех пор любит образ Икара, как человека, устремившегося к Солнцу, даже рискуя погибнуть! Конечно же, она об этом знала, но при чем здесь Тесей?

— Не великий мастер! — кричала Медея. — Это типичный случай сальеризма! Если ты подонок, значит, ты не великий мастер.

Кларисса! — чуть не закричала Кора. Что ты делаешь! Сальери еще нет! Этого понятия не существует...

— Давай не будем спорить в такой момент, — взмолился Эгей. — С тобой, усладившей меня необычными ласками грузинских земель, я готов согласиться во всем. Давай не будем ссориться, и если ты полагаешь, что мы имеем дело со случаем сальеризма, то не мне с тобой спорить.

Все, поняла Кора, я схожу с ума.

— Но тем не менее я должна открыть тебе глаза на этого юношу.

— Открывай, — лениво откликнулся Эгей.

Коре показалось, что он намеревается задремать.

— Слышал ли ты когда-нибудь о том, что Дедал сделал для Миноса девять искусственных юношей из смолы редких пород деревьев, столь схожих с настоящими, что отличить их можно было лишь по их совершенству.

— Зачем? — удивился Эгей.

— Это — идеальные шпионы, убийцы, лазутчики. Минос ненавидит тебя за смерть Андрогей.

— Я его не убивал. Он сам упал и умер.

— Я не спрашиваю, как он умер. Минос убежден в твоём злом умысле! Он отбирает у Афин дань — юношей и девушек. А теперь он подослал к тебе идеального шпиона, искусственного человека. Скажи, знаешь ли ты обыкновенного юношу, который мог за три дня истребить почти голыми руками всех великих и непобедимых бандитов и разбойников побережья Арголиды и Аттики?

— Нет, о таком я не слышал.

— А видел ли ты, с какой легкостью он носит железную палицу, которую мог бы поднять только Геракл?

— А вдруг он и на самом деле сын Посейдона?

— У Посейдона сыновья в каждой деревне, он сам не знает их числа. Сейчас я тебе сообщу, что я дочка Посейдона. А дальше что?

— С меня достаточно того, что ты внучка самого Гелиоса, — не без гордости возразил Эгей.

— Так что отбрось сомнения. Этот самый Тесей — шпион Миноса. Он уже обследовал все побережье Аттики, отыскивая самые удобные места для высадки

десанта. Теперь же ты будешь эту куклу развлекать в своем дворце. Поздравляю! Хватит с меня уж того, что весь цивилизованный мир смеется над тем, как ты служишь этому грязному отвратительному Миносу.

— Я не служу ему... Это условия мирного договора! Они сильнее нас!

— Теперь ему мало этого! Он подослал к тебе лазутчика, чтобы забрать не дюжину лучших, а отобрать и убить или отдать в рабство всех афинских юношей и девушек.

Слышно было, как Медея опустила ноги на пол и возит ступнями по плиткам пола, разыскивая в темноте сандалии.

— Что же делать? — спросил Эгей.

— Ты должен показать себя настоящим мужчиной. Ты должен плюнуть в лицо этому мужлану. Ты должен наконец сказать «нет»!

— Но разве могут Афины сравниться по силе с Критом? Да он камня на камне от нас не оставит!

— Трус! Старикашка! — Это говорила не Медея, а Кларисса. — Афины должны остаться в истории мира как величайший центр цивилизации. Твоим именем должны называть моря! А кто запомнит какого-то Миноса? Может, потому, что он вырастил в семье Минотавра, — ничего себе наклонности! Такого изощренного разврата я не встречала даже в солдатских анекдотах.

— Но это его боль, его беда...

— А почему мы должны за это расплачиваться? — не сдавалась Медея. — Почему очередная подлая выдумка Дедала должна стоить жизни нашим с тобой лучшим детям? Почему?

Эгей вздохнул и не ответил.

— Я собственными руками уничтожу этого робота! — заявила Медея.

— Кого?

— Деревянного шпиона, сделанного подлецом Дедалом.

— Моя любимая, так нельзя поступать. Тень падет на мой дом. Я не могу нарушить законов гостеприимства.

— Какие еще в Греции законы гостеприимства? — возмутилась Медея. — Ты что, цикуты объелся? Да здесь каждый мерзавец, вроде Прокруста, готов затащить тебя в дом, чтобы потом отрезать тебе ноги или голову. Мы не в Грузии, где еще поддерживаются обычаи. Опомнись. К тому же и речи не идет об убийстве. Уничтожь игрушку! Разломай изобретение Дедала. Я даже не прошу тебя убивать эту отвратительную дылду.

— Ты о Коре?

— О ком же еще? Конечно, об этой самозванке.

— Боги порой принимают чужой облик.

— Меня не проведешь дешевым трюком. И хватит об этом. Ты лучше поспи, в твоем возрасте после общения с молодой женщиной надо поспать, отдохнуть.

— Ты его хочешь отравить? — спросил Эгей вполне трезвым и мирным тоном. Чем сразу восстановил Кору против себя. Только сейчас она полагала, что царь поддается наглому нажиму царицы, которая бьется за своего сына-наследника. Но теперь ее охватили сомнения. Так ли уж невинен и нейтрален Эгей? Может, ему удобно, чтобы роковые решения принимала женщина, репутацию которой уже ничем не ухудшишь?

— Я его хочу растворить, — ответила Медея. И Кора сразу насторожилась. — Отравить можно простого человека, — продолжала Медея, — есть для этого много ядов, и я, как волшебница, все их знаю. Но как ты отравишь деревянного шпиона? Цикутой? Смешно.

— И что ты придумала, любимая? — снова звук поцелуя. Этот сладострастный старик уже смирился с решением Медеи, и теперь его интересовали только детали.

— У меня есть яд, добытый из слюны подыхавшего Цербера, — сказала Медея. — Тебе не надо знать его состава. Он растворяет те смолы, из которых Дедал изготовил свою игрушку.

Здорово придумано, подумала Кора, прислонившись спиной к стене коридора, потому что мимо

проскользнул кто-то из слуг, таща за ногу ягненка. Деревянный шпион. Жалеть мы его не будем. Растворяются смолы... Как она все продумала! Но свою ли ты волю исполняешь, или ты сама игрушка в руках Кларенса... А может, тети Рагозы?

Вдруг Кору посетила успокоительная мысль: теперь можно спокойно отправиться в свои покои и поспать до вечера. Вряд ли Кларисса — Медея совершит свое покушение до ужина.

Но оказалось, что отыскать собственную спальню нелегко.

Только минут через пять Кора попала в большую кухню, там сбросила серый платок и уже в образе гостыи дома спросила у поваров, где ей положено отдыхать. Повара об этом не знали, они были заняты, они спешили. Позвали охрану, охрана тоже не знала. Медея, как выяснилось, заперлась в своем тайном волшебном подвале, в который никто не смел входить, царь Эгей спал без задних ног. Так что Коре пришлось устроиться на первом попавшемся ложе в гостевых покоях. Все было бы хорошо, если бы через полчаса не появился какой-то чиновник из Фив, приглашенный на обед и полагавший, что это его комната, а раз Кора спит на его ложе, то он имеет право пользоваться ею наравне с подголовником и покрывалом. Кора спросонья провела совсем не известный здесь прием борьбы фу-ку-шу, и, пока визжащего от боли советника не унесли на перевязку, она не могла уснуть.

* * *

Даже если бы Кора не успела выспаться, ее бы все равно разбудили. Во дворце, во всех его залах и переходах, загремели медные бубны и гонги, завизжали неблагозвучные флейты, забухали обтянутые бычьей кожей барабаны. Торжественный обед в память всеми забытого события начался.

Кора вскочила — вид дикий. Хорошо еще она в своих странствиях обзавелась гребнем, который подвешивала к поясу вместе с зеркалом и самодельной

зубной щеткой, объясняя любопытным, что это обыкновенное средство для размазывания пудры.

Кора причесалась, взбила волосы, поправила смятый хитон и натянула жемчужную сетку на голову. Зеркальце, привязанное за ручку к поясу, сообщило ей, что она здесь всех прекраснее и белее. Пожалуй, кроме Медеи?

В коридорах были беготня и мелькание теней, но уже не деловое, а связанное с приближением праздника.

Музыканты прошли, толкаясь и громко разговаривая, будто уже оглохли от собственной музыки, какие-то люди тащили длинные гирлянды, сплетенные из виноградных листьев. Торжественно проследовали виночерпии...

Зал, в котором происходило пиршество, был обширен, но невысок — черные, кое-где прогнувшиеся от старости балки нависали буквально над головой. Толстая пузатая колонна с вырезанными в ней крокелюрами, будто она была каменной, поддерживала потолок в центре. А по сторонам, нестройно и многочисленно, словно молодая поросль, тянулись колонны потоньше, некоторые из них резные, другие гладкие, отшлифованные поколениями ладоней, как раз между этими колоннами и размещались деревянные, с подлокотниками кресла для гостей поважнее, и дальше, вдоль боковых стен, стояли складные табуретки, какие любят брать с собой на этюды художники-пейзажисты. Стола, как единого понятия, не существовало. Столов, вернее, столиков было множество. Для почетных гостей и хозяев дома столики были индивидуальные, круглые, каждому по штуке, а к столикам у стен было приставлено по три-четыре табуретки. Справа от двери располагался оркестр, пока что он расставлял и настраивал инструменты и с наглостью, свойственной оркестрам всех времен и народов, производил звуки неприятного свойства. Слева, копошась в сундуках и коробках, готовились к танцам девицы из придворного ансамбля, которых, как, впрочем, и окружающих, вовсе не смущала их нагота.

Гости, ожидая сигнала сесть за стол, толпились в центре зала, благо места всем хватало. Кора сразу отыскала глазами Тесея и направилась к нему. Он был рад ей. Между ними, к счастью, установилось доверие, столь необходимое между охранником и его подопечным, даже если подопечный не подозревает, что его охраняют.

— Здравствуй, госпожа, — сказал Тесей.

Господи, ты же еще совсем мальчик, подумала Кора, у тебя даже борода толком не растет, и, когда ты сдвигаешь в гневе брови, далеко не всегда получается сурово — скорее в таком движении проскальзывает растерянность перед необходимостью делать больно или неприятно другому человеку... Впрочем, чувство долга и ответственности у юноши развито достаточно сильно. Ведь нельзя забывать, что, дав себе слово повторить подвиги Тесея, студент Московского университета, вряд ли знакомый со смертью иначе как на телевизионном экране, смело отправился в бой.

— Ты выпался? — спросила Кора.

Ей было приятно прикосновение его большой сильной руки. Черт с ним, что это следствие ВР-образа. В ней течет самая обыкновенная красная кровь, и она тепла, как положено обыкновенной руке.

— Я выпался, отдохнул и готов к встрече с отцом.

— Ты понимаешь, что не все испытывают счастье от этого?

— Разумеется. — Тесей улыбнулся улыбкой студента и поправил кончиком указательного пальца несуществующие очки на переносице.

— Ты помнишь, что сандалий у тебя уже нет?

Студент понизил голос:

— Я думаю, что отец их бы и не узнал. Они совсем сносились.

— А меч?

— Меч он узнает.

— Надеюсь, на этот раз ты не сдал его у входа?

Тесей лишь усмехнулся, и Кора не стала задавать глупых женских вопросов. К счастью, греческие па-

радные одежды, ниспадающие пышными складками до пола, как нельзя лучше приспособлены для того, чтобы под ними носить мечи, топоры и, может, даже катапульты. Говорят, что перед смертью Цезарь успел горько пожалеть о том, что не приказал носить сенаторам короткие юбки в обтяжку.

— Эй, там, в оркестре, пора! — крикнул толстяк в засаленной тоге, видно распорядитель.

Тогда вперед выступил офицер в полном боевом облачении, но без шлема и взмахнул руками, как регулировщик, останавливающий уличное движение.

Из оркестра поднялся негр с медными тарелками и с удовольствием ударил ими. Звонкий гул заполнил зал.

И тут все заспешили, прерывая на полуслове разговоры, потому что, как оказалось, подавляющее большинство гостей относилось к разряду обыкновенных, которым следовало занять наиболее удобные табуретки по бокам зала, а то могло и табуретки не достаться, тогда придется простоять весь пир за спиной более удачливого соседа, перехватывая кусочки с его столика.

Раньше Кора была уверена, что греки на пирах возлежат и вкушают. Ничего подобного — по крайней мере, здесь, в Афинах, они сидели как обычные люди, собравшиеся в кафе на празднование дня рождения дедушки. Перед каждым — столик, перед компанией — столик на троих. Официанты, одетые в набедренные повязки, несмотря на прохладный вечер, сновали между столами, принося и унося чашки, подносы, кубки, добавляя вино по вкусу, отсекая куски мяса и кидая их на глиняные тарелки.

Кора не спешила занять свое место, ее больше встревожил настороженный взгляд Клариссы, которая стояла между двумя колоннами, в полутьме и внимательно оглядывала Тесея.

— Тесей, — позвала Кора. — Твой меч под хитом?

— Как же иначе я смогу показать его отцу? Но мне никак не удастся остаться с ним с глазу на глаз. Медя обещала устроить нам встречу сразу после обеда. Тогда я покажу ему меч.

При имени Медеи голос героя дрогнул и очи его несколько увлажнились. В сердце Кору шевельнулось дурное предчувствие: на чары Клариссы наложились чары Медеи, и скорее всего лишь тот факт, что Медея приходилась ему хоть и молодой, но мачехой, останавливал Тесея от каких-либо поползновений.

Медея подозвала к себе двух воинов весьма решительного и мрачного вида. Она что-то шептала им, воины склонили к ней шлемы, украшенные гребнями.

— Послушай меня, Тесей. И не сердись. Ты можешь мне верить, можешь посмеяться надо мной. Но я могу поклясться именем Громовержца, что через минуту к тебе подойдут вон те два воина. Они тебя обыщут и отнимут у тебя меч, под предлогом того, что с оружием вход на пир не рекомендован.

— Но ведь многие здесь с оружием, Кора! Погляди вокруг!

— У тебя осталось полминуты, чтобы незаметно передать меч мне.

— Я пожалуйюсь Медее...

— Это она приказала отнять у тебя меч.

К счастью, они были отделены в тот момент от воинов толпой слабосильных мелких рабов, которые волокли прожаренную тушу быка.

— Решайся, иначе будет поздно!

Тесей решился — он сделал шаг и стал вплотную к Коре. Она перехватила короткий меч за рукоятку, изображающую двух переплетенных змей, — знак знатного рода Эрехтеидов, к которому принадлежал Эгей, и, резко отвернувшись, спрятала его в многочисленных складках праздничного терракотового хитона.

Отходя в сторону, чтобы не быть в поле зрения стражи, Кора видела, как воины ловко подхватили Тесея под локти.

— Что вы делаете? — громко спросил он, несколько стесняясь попасть в центр скандала, — неловко же прийти в знатный дом и драться там с солдатами. В отличие от Геракла Тесей умел владеть собой, хотя бы как студент Московского университета.

Воины незаметно для окружающих гостей, которые, правда, были заняты тем, что старались поудобнее рассестись на пиршественных сиденьях, обыскали Тесея, вытащили и расстегнули ремень и выхватили пустые ножны.

— А ножик? — прошипел один из них.

— Меч где?

— Какой меч? — в лучших традициях восточной сказки ответил наивный царевич.

Воины убедились в том, что Тесей их не обманывает, окинули подозрительными взглядами тех, кто находился по соседству, но в таком движении трудно было отыскать подозреваемого. И потому с пустыми ножнами и ремнем они поспешили к Медее, а Кора, понимая, что, в отличие от воинов, Медея может зачислить ее в число подозреваемых, спряталась за колонну. Очередной раунд был выигран, но до победы на этом пиру было еще далеко...

Служитель подошел к Коре и провел ее к почетному креслу справа от царя Эгея. Все же рост, осанка и независимость поведения, несмотря на уверения Медеи в обратном, заставили царя не рисковать — он оставил Кору в числе почетных гостей.

Во главе стола восседал царь Эгей, длинные завитые белые кудри и курчавая борода придавали ему несколько опереточный вид, он производил впечатление слишком ухоженного и напомаженного старого мужа молодой красивой жены, которая тщится доказать прочим его наследникам, что она-то позаботится о нем лучше прочих.

Медея сидела справа от него. Она беспокоилась, вертелась, покрикивала на слуг, особенно внимательна была к виночерпиям, — очевидно, что это пиршество стало одним из решающих моментов в ее бурной биографии.

Затем сидел Тесей, безоружный, лишенный сандалий, да еще оклеветанный. Правда, к счастью, юноша не знал, что он — робот-шпион Дедала и Миноса, иначе бы очень расстроился.

Между ним и Корой уместилась нимфа Левкотей, существо голубоглазое, нежное, полногрудое и стра-

стное, она все норовила тронуть Тесея коленкой, но Кора успела предупредить юношу, что Левкотей страстно влюблена в Аполлона, который почитает ее в своем девичьем резерве и при первом возможном случае намерен ее обесчестить. А так как у Аполлона мстительный и мелочный характер, то Тесею Левкотею лучше за коленки не хватать. Впрочем, Тесей и не думал о коленках. Кора видела это по уже привычному жесту — когда принц Густав волновался, он начинал поправлять на переносице дужку несуществующих очков.

Далее располагались родственники и афинская знать, некие богатые фиванские оптовики и знаменитый родосский мореплаватель, чье имя никто не знал, но который выступал со смелой гипотезой, что Земля подобна чаше и именно поэтому океаны не выливаются с ее поверхности, как то случилось с несчастной Луной. А дальше, занимая все табуретки и все столы числом не менее пятидесяти, сидели совершенно одинаковые, словно клонированные молодые люди в полном боевом вооружении, наглого вида и грубые в манерах. Центром этого странного сборища был пожилой мужчина, во всем подобный самому Эгею, но не носивший пурпурных царских одежд и царского золотого обруча на голове, не завитой и не причесанный, а как бы нарочно грязный и всклокоченный.

От этого сборища исходил козлиный дух, грохот мечей и доспехов, наглые слова, но тем не менее никто их не боялся и не обращал на них внимания, как не обращают внимания в доме на вечно лающую собаку.

Кора сама догадалась, что впервые в жизни видит Палланта и его пятьдесят сыновей от различных женщин, нимф, наяд и океанид, которых он наплодил, рассчитывая в свое время занять афинский трон и снабдить каждого из сыновей выгодным местечком. Но этого не случилось — в свое время трон у него отобрал Эгей. Дело это давнее, темное, и своих прав на престол наглый Паллант и пятьдесят Паллантидов доказать никому не смогли, народ их не любил, и Палланту теперь оставалось лишь ждать, когда Эгей

умрет или погибнет, чтобы захватить власть в Афинах. Можно представить, как все Паллантиды ненавидели своего дядю, но невозможно даже хоть на йоту вообразить их ненависть к Медее, которой приходилось скрывать от них своего сынишку Меда в высокой башне без входа и самой ночами кружить над башней в облике орлицы с зелеными перьями и когтями, оберегая башню от подкопов или штурма. Сколько раз Паллантиды устраивали на нее покушения! Так что Медея в Афинах ходила буквально по лезвию ножа. Правда, в ее грузинском характере было нечто, заставлявшее получать удовольствие от такой полной опасностей жизни.

Ах, что будет, если они узнают, что у Эгея есть еще один наследник, подумала Кора и не смогла сдержаться усмешки.

Вначале несколько слов о значении праздника произнес сам Эгей, затем поднялся запасной афинский философ, из ранних стоиков или киников, который говорил долго. Гости начали таскать со столиков закуску, и уровень шума, постепенно повышаясь, перекрыл голос оратора. Тогда и Эгей взял со столика луковицу, разрезал ее кинжалом, снятым для этой цели с пояса, и вложил половинку луковицы в мягкую нежную плоскую лепешку.

— Вина! — приказал он.

Виночерпий поспешил к нему с большим кувшином. Но Эгей велел начинать с гостей.

Теперь следовало быть особенно осторожной.

Виночерпий наливал поочередно — Коре, Левкотею, потом Тесею...

Тесей бросил встревоженный взгляд на Кору. Та ободряюще ему улыбнулась.

Это отвлечение чуть не стоило Тесею жизни.

Медея обернулась к Эгею.

— Пора? — спросила она, чуть улыбаясь.

— Ты уверена? — спросил Эгей.

— Корабль под парусами Миноса, который привез его сюда, таится в бухте Тридда всего в часе ходьбы от твоего дворца. Скорее всего он не только шпион и лазутчик, но и убийца.

К счастью, у Кору был абсолютный слух. Она слышала шепот царственных супругов, словно они прикладывали губы к ее уху.

— Как жаль, — сказал Эгей. — Может, сначала допросим его?

— Со дня на день появится Дедал. Тебе еще не хватало шпиона и убийцы! Ты потеряешь трон!

— Я согласен, — сказал Эгей и с печалью во взоре отвернулся от Тесея, который сидел неподвижно, чувствуя неладное, но не зная, откуда ждать опасности.

Медеея провела рукой над чашей с вином, стоявшей перед Тесеем, и Кора увидела, как тонкая струйка белого порошка протянулась к красной поверхности вина.

Кора нащупала рукоять меча и постаралась положить его на колени так, чтобы он оставался прикрыт хитомом. Прекрасная Левкотейя заметила это движение, и, как назло, в этот момент острый конец меча ткнулся ей в бедро.

— Ах, — тихо сказала Левкотейя. — Что вы со мной делаете?

Кора не нашлась, что ответить.

Но внимание их было отвлечено мужем достойным, бородатым, полным, который нес большой поднос, где лежали какие-то плоские штуки, неизвестные Коре и сразу насторожившие ее. Нервы были и без того на пределе, а тут еще что-то вроде жареных осьминогов.

Но никого, кроме Кору, штуки на подносе не смутили, когда муж достойный склонился к гостю, тот брал штуки с подноса и натягивал на руки — это были перчатки, что окончательно сбило Кору с толку. Перчатки!

Тем временем многочисленные слуги с подносами, на которых лежали куски мяса, быстро проходили мимо столов и кидали руками мясо на блюда, стоявшие перед гостями. Мясо было горячим, от него поднимался пар.

Все смешалось: рука Медееи над чашей Тесея, полная рука Левкотейи, отталкивающая конец меча, под-

нос с мясом — кусок его шмякнулся на тарелку перед Корой, наконец, перчатки, которые бросил достойный муж со своего подноса. Это были кожаные перчатки. Кора кинула мимолетный взгляд вокруг, и увидела, что все гости дружно натягивают перчатки на руки и берут ими куски горячего мяса. Перчатками рвут мясо на куски, перчатками отправляют куски в рот... Господи! Они еще не изобрели вилок! Но все-таки с античной тонкостью вышли из положения: руки остаются чистыми, да и не обожжешься — перчатки кожаные. Интересно, знают ли об этом ученые, или Кора совершила великое историческое открытие?

Все! Рука Медеи легко поднялась; шелкнуло — закрылась крышечка перстня. Медея усмехнулась, глядя в затылок отвернувшегося царя, — тот не хотел видеть, как за его столом отравят гостя, даже если это всего-навсего робот злодея Дедала.

Теперь пришла пора действовать!

Но Тесей был в растерянности, на это Кора сейчас и рассчитывала. Ведь обычно студенты Московского университета не рвут мясо руками, тем более в перчатках.

Он растеряно поглядел на свои руки, затем на дымящиеся кусища мяса, наконец, потянулся к кубку, видно, надеясь, что лучше начать со знакомого действия.

Теперь пришла пора вмешаться!

Тесея отделяли от смерти мгновения.

— Тесей! — окликнула его Кора. — Тебе будет удобнее резать мясо ножом.

Она достаточно ловко выхватила меч из складок хитона, отчего нимфа Левкотей упала в обморок. Говорили, что она не пришла в себя до самого утра, что и дало возможность Аполлону нежно надругаться над ней.

Так как двум рукам за рукоять невозможно держаться, Кора перекинула меч Тесею.

Молодой человек оказался не так наивен, как казался.

— Это еще что такое?! — закричала перепуганная Медея, которая, видно, решила, что Тесей, раску-

сивший ее злодейские планы, намерен свести с ней счеты.

— Это мой фамильный меч, — вежливо ответил Тесей, держа его плащом на ладонях и протягивая Медею, словно пойманную большую бабочку. Но сделал он это столь решительно, что рукоять меча не мог не увидеть обернувшийся на шум Эгей.

И всем стали видны сплетенные змеи — знак древнего рода Эрехтеидов.

— Что? — вскочил Эгей. — Откуда это у тебя?

— Это наследство, которое оставил мне отец, царь Эгей Афинский, — сказал Тесей.

— Где? — спросил Эгей.

Еще далеко не все в зале, неровно освещенном факелами и светильниками, поняли что же там происходит, еще катилась по залу волна вопросов и сбивчивых ответов, но первая сообразила, что надо делать, Медея, которая схватила со стола кубок с отравленным вином и, приложив его к губам Тесея, воскликнула:

— Быстро! Пей! Ну же!

В ее черных глазах было столько силы, столько гипнотического внушения, что если бы эти слова относились к Коре, то она, как призналась себе, наверняка бы подчинилась волшебнице.

Но так как приказ относился не к ней, Кора была свободна в своих решениях. И она буквально по-вратарски прыгнула вперед, опустила животом на столик Тесея, опрокинула его и, главное, вышибла кубок из рук Медеи.

Пока она старалась подняться с пола, соображая, много ли костей переломала, Медея уже поняла, что проиграла. За эти секунды основные действующие лица драмы успели прийти в себя.

Тесей, подняв меч, кинулся за ней через весь зал. Эгей, рыдая, опустился на трон, грубые Паллантиды бросились убивать Медею, но в суматохе спасли ее, потому что ей удалось пробить сквозь их толпу ровный, как лезвие ножа, проход и выскочить наружу, тогда как Тесей задержался, натолкнувшись на толпу двоюродных братьев, которые, к счастью для него, не сообразили, что он и есть их главный враг.

Кора сидела на полу — не было сил подняться — и думала, что никогда еще не была так близка к провалу ответственного задания. Секунды и сантиметры отделяли ее от провала, а Тесея от смерти.

Но закончились ли ее приключения... или убийцы не отказались от своих намерений?

* * *

Вот как пишут известные авторитеты в греческой мифологии о событиях, последовавших тут же за сценой во дворце во время пира.

«Тогда в Афинах воцарилось веселье, которого город еще не знал. Эгей обнял Тесея, собрал народное собрание и на нем объявил его своим сыном. Он зажег огни на всех алтарях и осыпал изваяния богов подарками, были принесены в жертву гекатомбы быков (точный перевод этого слова забыт, но быков погибло очень много), украшенных гирляндами цветов. Во всем дворце и во всем городе аристократы и простолюдины пировали вместе и пели славу Тесею, свершившему уже больше подвигов, чем прожил лет в своей жизни... После этого Тесей отправился, чтобы отомстить Медее, которая ускользнула от него, окутав себя волшебным облаком, и уже покинула Афины вместе с юным Медом и свитой, великодушно предоставленной Эгею».

Другие источники уточняют, что бежала она не на волшебном облаке, а на самой обыкновенной колеснице, запряженной летающими драконами, которую прислал за ней ее дедушка Гелиос. Особо хотелось бы обратить внимание читателей на то, что, с одной стороны, Эгей носился по дворцу, славил судьбу, вернувшую ему сына, и проклинал Медею, которая чуть его не убила, но с другой — именно царь Эгей, и этого не отрицает ни один из древних и современных авторов, вывел тихонько жену из дворца, посадил на облако или на колесницу, поцеловал на прощание мальчика Меда, подарив ему игрушечную лошадку, и даже смахнул непрошеную слезу, когда Ме-

дея скрылась в облаках. Как себя вела в этой ситуации Медея? Думаю, что и она, несмотря на твердость характера, всплакнула. Все-таки они десять лет прожили душа в душу, и расстаться им пришлось из-за недоразумения. Не появившись старший сын так не вовремя, отпраздновали бы Эгей и Медея серебряную, а потом и золотую свадьбу, нянчили бы внуков и правнуков, и эта история не имела бы драматического продолжения. По крайней мере для Эгея, отрави Медея его старшего сына, судьба сложилась бы куда удачнее.

Но это все относится уже к греческой мифологии, а не к сюжету нашей повести. Хотя, впрочем, может быть, кому-нибудь из наиболее любознательных читателей будет интересно узнать, что убежавшая от Эгея Медея на этом не успокоилась, а отправилась искать счастья дальше. В частности, она побывала в Фессалии, где не придумала ничего лучшего, как участвовать в соревнованиях по красоте, состязаясь с Фетидой. Это было большой непоправимой ошибкой.

Сегодня уже мало кто помнит, кто такая Фетида. Елену Прекрасную помнят, Минотавра помнят, Горгону Медузу вспоминают, а вот Фетиду забыли, хотя в те времена это была фигура первого плана. Достаточно того, что она — мать Ахилла. Помните, такой герой Троянской войны, который был совершенно неуязвим, потому что мать окунула его в воды мертвой реки Стикс для бессмертия. Но было у него одно место, так называемая ахиллесова пята, то есть пяточка, за которую мама держала крошку, окуная его в мертвые воды (некоторые говорят — в огонь). Вот эта пятка и привела его к гибели. Фетиду боялся даже Зевс. Она была такой красавицей, что именно на ее свадьбе и появилось то самое яблоко раздора, доставшееся Афродите, принесшее Парису Елену Прекрасную, а грекам — Троянскую войну.

Говорят, что Фетида была дочкой кентавра Хирона и милой женщины Харикло. И тоже оказалась волшебницей. Когда ей очень не хотелось замуж и она скрывалась от жениха, то превращалась в огонь, воду, льва и змею...

И вот с такой женщиной решила соревноваться Медея. Причем Фетида тогда, как сами понимаете, была еще совсем юным цветком, а Медея — женщиной средних лет, закаленной в боях и интригах. Медея проиграла соревнования — Фетида была в тот раз объявлена самой красивой. После очередного поражения Медея уехала в Азию, где вышла замуж за какого-то неизвестного царя, он усыновил Меда, и вроде бы эта история должна была закончиться... но тут до Медеи дошел слух, что трон ее отца Ээта, с которым она столь злобно и предательски обращалась раньше, захвачен его братом Персом. Интересы грузинской государственности взяли верх, Медея оставила нового мужа и помчалась в Колхиду наводить порядок. С ней был и подросший Мед, который убил своего дядю Перса на поединке, Ээту вернули трон, а вот что было дальше, покрыто обычным для истории туманом. Одни утверждают, что по протекции Гелиоса боги сделали Медею царицей Островов Блаженных, где она живет и поныне, считают, что она вернулась к своему последнему азиатскому супругу, наконец, есть сторонники той точки зрения, что Медея осталась в Колхиде и нянчила детишек своего Меда, который законным образом наследовал Ээту.

Вот и все о Медее. Здесь справедливость не восторжествовала.

Правда, остается неясным, а что же считать справедливостью. Ведь для каждого она своя.

* * *

Кора смогла заснуть только следующей ночью. Впрочем, это относилось к большинству жителей Афин, которые были искренне рады, что теперь у них есть настоящий наследник престола, притом сильный, молодой, умный и не имеющий в прошлом никаких грехов и преступлений.

Недовольны были только пятьдесят Паллантидов, они, правда, далеко не сразу сообразили, что путь к трону им закрыт навсегда. И сначала с горя напи-

лись. И проспали первые сутки. Так что все жертвоприношения, праздники и народные гулянья проходили без них. Зато на следующую ночь они проснулись и отправились убивать Тесея, а заодно, очевидно, и самого царя.

Кора в это время как раз заснула, она тоже была не двуязычная. Некий Леос успел разбудить Тесея и донести ему, что все пятьдесят молодых Паллантидов идут его убивать. Двадцать пять братьев во главе с отцом пошли на штурм царского дворца, а еще двадцать пять залегли в засаде на дороге, ведущей из Афин к морю, полагая, что Эгей с Тесеем побегут спасаться именно по ней. Предупрежденный Леосом, Тесей не стал тратить времени на ожидание, пока Паллантиды отыщут его в лабиринте спален и переходов дворца, а, схватив свою железную палицу, помчался к сидевшим в засаде кузенам. Там в полной темноте и неразберихе он их перебил. Тем временем остальные двадцать пять кузенов, подняв страшный шум, разбудивший Кору, разбежались по дворцу, чтобы отыскать и убить Тесея, который в это время добивал засаду, а что касается царя Эгея, то он, наученный Медеей, никогда не ночевал две ночи подряд в одной спальне и на одном ложе. Спал он в специально сделанных для этого сундуках, а то и на шкафах. Если он спал под ложем, то на ложе клали двойника, порой заодно и двойника Медеи. Погибло их, говорят, видимо-невидимо.

Шум и грохот еще продолжались, стража дворца, как ей и положено, отсиживалась по подвалам, потому что не знала, кому придется служить завтра, но тут прибежал последний из оставшихся в живых Паллантидов из засады, и, охваченные ужасом, остальные братья исчезли в ночи...

Остаток ночи прошел спокойно. Хотя рассказывают, что с тех пор потомки Паллантидов запретили называть детей именем Леоса, а своим девочкам принимать ухаживания от людей с именами: Лев, Леос, Лео, Леонард, Леонардо, Леви, Левит и Левитин, Львов и Лайон. Так они отомстили Леосу и его потомкам до последнего колена.

Праздники по поводу возвращения наследника и возведения его на престол рядом со счастливым, хоть и не столь уже ухоженным отцом должны были продолжаться на следующий день, но ничего из этого не вышло, потому что утром, когда слуги еще очищали дворы от побитой за ночь посуды и перевернутых стульев, а из домов павших Паллантидов доносились стенания (хотя, впрочем, никто в городе не жалел этих хулиганов и бездельников), во дворец прискакал посланец с дозорной вышки, которая стояла на самой вершине Акрополя, — там где, будет построен храм Ники. Оттуда было видно море на много стадий к югу, откуда обычно и появлялись торговые, а то и вражеские корабли.

Посланец буквально сшиб с ног стражей у ворот дворца и помчался по коридору, вызывая Эгея.

Тот не спешил отзываться, потому что отлично усвоил, что спешка — один из основных недостатков любого царя. Чем дольше ты полежишь под своим очередным ложем, тем больше шансов у тебя дожить до старости.

Так что Кора узнала о тревожных событиях даже раньше, чем царь Афин и его наследник, который, конечно же, спал без задних ног.

— Что случилось? — спросила Кора строго, загораживая дорогу гонцу.

— Мне нужен царь!

— Вы можете сказать мне, — ответила Кора. — Я имею полномочия от комиссара ИнтерГпола. — Она могла позволить себе такую невинную шутку, потому что Милодар ее сейчас не слышал, а его имя в Древней Греции неизвестно.

— Приплыл Дедал за данью, — грустно произнес гонец. — В этом году несчастье обрушилось на нас еще раньше, чем обычно. Наверное, это наказание за то, что мы веселились вчера вечером в честь возвращения наследника.

Гонец был пожилым человеком, сандалии его были снабжены небольшими крыльями, которые хоть и шевелились, трепеща, вряд ли помогали ему бегать.

— Что еще натворил ваш Дедал? — спросила Кора, но гонец не ответил, а с криком: «Господин царь, покажитесь народу! Господин царь, очередное несчастье!» — побежал дальше по темным коридорам.

Тогда Кора решила, что ей не мешает самой посмотреть, что же происходит. Она побежала вверх по узким улочкам на холм Акрополя, где и стояла дозорная вышка и куда спешили тысячи жителей Афин, прослышав о приближении корабля Дедала.

Так как Кора нагнала полную немолодую женщину, которая взбиралась наверх довольно медленно, ей удалось вытянуть из нее кое-какую информацию.

Надвигалась еще одна древнегреческая трагедия, и здесь шансы Тесея выжить падали до нуля.

Ненавидя Афины за убийство сына, Минос готов был стереть их с лица Земли. Но, как положено древнегреческому извращенцу, он отказывался брать дань лошадьми, золотом или осетриной.

Дань Минос брал семью самыми прекрасными девицами и семью самыми отважными и сильными юношами Афин, которых отвозили на остров Крит, где был Лабиринт... Вспомнили? Кора тоже вспомнила. В Лабиринте жило страшное чудовище по имени Минотавр, то есть человек с головой быка. Этот подлец не желал питаться ничем иным, как молодыми девушками и юношами из Афин. Вот так проявлял свой мерзкий характер и своеволие царь Крита.

Такова была жизнь в эту эпоху, таковы были нравы. А так как в основе действий Миноса была родительская месть, то его изощренный садизм становится более-менее понятным...

Корабль, изобретенный и ведомый главным советником и доверенным лицом царя Миноса Дедалом, приближался к Афинам, чтобы взять очередную партию жертв. Афины приобрели наследника, но должны были потерять четырнадцать юных душ.

Корабль, который Кора увидела, когда поднялась к подножию деревянной дозорной башни, был для греческих времен удивителен и неповторим. На нем сидели в два ряда гребцы, формой корпуса он также не

отличался от античных кораблей, но посреди него возвышалась высокая черная труба, которая венчала собой кирпичную печку. В печку кидали дрова, перед печкой стояла первобытная, но действующая паровая машина, из трубы шел дым, и было совершенно очевидно, что Кора наблюдает первый в истории человечества пароход. Дедал, а это было доступно орлиному взору Кору, в белом гиматии возлежал на корме, поглядывал на работу своих чудесных механизмов и попивал вино из турьего рога.

В отличие от афинян, которые осыпали Дедала и Миноса проклятиями, оставаясь на почтительном от дедаловского монстра расстоянии, Кора, влекомая любопытством, дошла пешком до гавани и успела туда как раз в тот момент, когда Дедал, оказавшийся худым лысым малоростком, почти карликом, с крючковатым носом и слишком светлыми для такого смуглого и чернобрового человека желтыми глазами, выбрался на берег. Кроме Кору, его никто не встречал, что Дедала совершенно не расстроило.

— Удивительно, — произнес он, глядя на Кору, — судя по всему, знатная дама, а не испугалась и пришла сюда. Ага, я догадался! Ты пришла просить? За свою сестру? Но ведь не я отбираю, кого посылать на съедение нашему племяннику, это решает ваше народное собрание. Так что вы, девушка, обращаетесь не по адресу.

— Я здесь чужестранка, — сказала Кора. — Меня более интересуете вы, мастер Дедал. Я наслышана о ваших изобретениях и злодействах, и потому мне хотелось с вами познакомиться.

— Тогда погодите немного, — сказал Дедал. — Я должен отдать приказание моим людям, а затем я свободен. Если вы захотите говорить со мной, то удобнее всего это будет сделать в доме моего здешнего друга кентавра Фола, может быть, вам приходилось о нем слышать?

— Нет, из кентавров я знаю только Хирона и полагаю честью для себя считать его в числе своих знакомых.

— И даже друзей! — послышался сверху глубокий голос.

Кора обернулась. На склоне, возле складов, где таились, выглядывая редкие афиняне, стоял могучий Хирон, расчесывая свою раздвоенную бороду, а рядом с ним возвышался кентавр, поменьше ростом, более изящный, склонный к щегольству, что выдавала заплетенная в толстую косу длинная грива.

— Фол, друг мой! — воскликнул Дедал и побежал к кентавру.

Возмущенные возгласы донеслись из-за складов. Там афинские граждане высказывали свое негодование по поводу отсутствия патриотизма у кентавров, и неудивительно, что ругательства, которыми их награждали, относились к разряду зоологических терминов.

Кора также была рада увидеть вновь Хирона, а тот представил ее Фолу.

Фол сказал:

— Именно такой я вас и представлял, богиня.

Значит, Хирон говорил о ней как о богине? Ну что же, это его право.

— Эй! — крикнул Дедал гребцам и солдатам, что оставались на судне. — Выставьте стражу. Никого близко не подпускать. Пароль и отзыв вы помните?

— Помню, — отозвался один из гребцов, который отличался от остальных желтой повязкой, стягивающей волосы. Во всем остальном и гребцы, и воины были совершенно одинаковы.

— Это твои искусственные люди? — спросил Хирон.

— Да, с ними удобнее, — ответил Дедал. — Они всегда послушны и готовы умереть.

— К тому же их нельзя подкупить, — сказал кентавр Фол.

И все с ним согласились.

— Но люди, которые управляют паровой машиной, стоящей на корабле, не могут быть деревянными, — сказал Дедал. — Им надо думать.

Он помахал на прощание оставшемуся возле машины механику.

Кора спросила:

— Я не вижу колес, или колеса сзади, зачем вам тогда паровая машина?

— Мой друг Архимед, не знаю, слышала ли ты о таком, богиня, ты ведь чаще встречаешься с воинами, чем с мыслителями, придумал приспособление, которое именуется винт. Пар вертит этот винт, помещенный под водой сзади моего корабля, и толкает корабль вперед. Понятны ли тебе мои слова?

— Спасибо, Дедал, — сказала Кора.

Никакой официальной встречи не предусматривалось. Царь Эгей не желал в глазах своего народа показывать свою зависимость от ненавистного критского царя. Но когда Дедал с Корой и кентаврами поднимались от причала, подошел глашатай и сказал, что царь Эгей примет посланца царя Миноса по интересующему их обоих вопросу сегодня же в два часа пополудни в храме Аполлона в присутствии знатных граждан города.

— Скажите царю, что я буду, — ответил Дедал и быстро пошел вперед, откинув назад лысое яичко головы и резко ударяя по плитам высокими каблуками своих башмаков.

Кентавр Фол жил неподалеку от порта в большом доме, устроенном удобно для коней, а не для людей, как у Хирона. Да и понятно, если Хирон обожал свою Харикло и дочкой его была красивейшая девушка Земли, то у Фола все было проще, и сам он был кентавром, и жена его была кентавриссой, и его дети были маленькими кентаврами.

День разошелся, небо было синим, стало даже жарко, все расположились в уютном крытом дворе фоловского дома, и хозяин угощал как мог каждого из гостей. Когда гости немного насытились, кентавр Фол сказал:

— Мы здесь старые приятели, мы знакомы много лет, и потому между нами не должно быть секретов.

При этом он поклонился в сторону Кору, как бы прося у нее прощения за то, что она не относится к числу его старых приятелей. Но его бестактность тут же исправил Хирон:

— Ты не прав, мой друг, — произнес он. — Кора умна, образованна, разумна и вполне достойна того,

чтобы принадлежать к компании интеллигентных людей.

— Говорите, — призвал их Дедал, который понимал, что разговор пойдет о нем.

— Я слышал, что погиб молодой Талос, — сказал Хирон.

— Ты прав, — сухо ответил Дедал, глядя в кубок с вином.

— Мне говорили, что это не было случайностью...

— Нет, это была случайность, — возразил Дедал, голова его так склонилась над кубком, что казалась большим страусиным яйцом.

— Это тот юный Талос, — произнес Фол, — который изобрел пилу?

— Каждый дурак мог изобрести пилу, — ответил Дедал. — Если бы мне на глаза попалась рыба чельюсть, я бы тоже догадался, по какому принципу должна работать пила.

— Ты не догадался, — заметил Хирон.

Дедал наконец отпил из кубка. Но не глядел на окружающих.

— А я слышал, что он изобрел гончарный круг, — сказал Хирон.

— Его много раз изобретали, — отмахнулся Дедал. — И в Лидии, и на Крите и в Египте, эта идея витала в воздухе.

— Конечно витала, — согласился Фол. — Так же как идея циркуля.

— Между прочим! — Дедал неожиданно вскочил с места и зашагал по комнате. — Между прочим, у меня в заметках есть чертеж циркуля. Я не мог только подобрать хорошего дерева для его ножек.

— Ну и расскажи нам, — сказал Хирон, — как погиб несчастный Талос?

— Мы с ним стояли на крыше храма, — медленно произнес Дедал, словно вспоминая, как было дело, — он сделал шаг вперед... я сказал ему: «Остановись, Талос, это опасно!» Но он не услышал меня, сделал еще шаг... и упал!

— Ты больше ничего не хочешь нам сказать, Дедал? — спросил Фол.

— Хочу! — вдруг взорвался маленький изобретатель. — Да, хочу! Я хочу заявить всему миру, что Талос был грязной тварью, что он вступил в преступную связь со своей матерью Поликастой — с моей родной сестрой! Честь семьи была под угрозой! И он должен был умереть!

— О грехе Талоса было известно давно, — тихо произнес Хирон. — Да, они были любовниками... и это очень прискорбно. Но за это карают боги, а не Дедал.

— Он не думал о морали, — поддержал Хирона Фол. — До тех пор пока люди вокруг не стали говорить, что Талос талантливее Дедала, что Дедал уже на закате, а Талос — это завтрашний день науки!

— Никто, кроме идиотов, так не говорил!

— В Элладе нашлось немало таких идиотов, — заметил Хирон.

— Даже до наших лошадиных ушей докатились эти сплетни, — сказал Фол.

Почему он терпит? — удивилась Кора. Почему великий изобретатель и могущественный, судя по всему, человек так покорно слушает обвинения двух полуконей, словно мальчик, вызванный на порку взрослыми дядями?

— На главное ваше обвинение, — сказал Дедал, остановившись посреди комнаты, — я отвечу решительно — «Нет!» Я никогда и никому не завидовал. Мои величайшие изобретения еще впереди! Вы видели мой корабль, который передвигается силой пара?

— Ему уже десять лет, — усмехнулся Хирон.

— Вы видели моих гребцов и воинов? Одинаковых, как горошинки в стручке!

— Твоих деревянных людей знает весь мир. Видно, плохи твои дела, наш друг, если ты ищешь оправданий в своем же вчерашнем дне.

— Справедливый суд свершился, — сказал Дедал, видно, имея в виду Талоса, потому что кентавр Фол на это ответил:

— Твоя прекрасная сестра Поликаста покончила с собой.

— Это ее воля и признание вины, — жестоко ответил Дедал. — Я теперь тоже хочу задать вам вопрос, друзья. Ведь не зря же я терпел все обвинения, которые вы мне бросали в лицо, какими бы нелепыми они ни были. Но скажите мне, к чему весь этот разговор? Разве дело только в обвинениях прошлых лет?

— Мы не обвиняем тебя. Мы не суд, иначе бы ты сюда не пришел, — сказал Хирон. — Но мы — люди, которые хотят понять смысл и связь вещей в природе и причины человеческих поступков. Мы не стали бы разговаривать об этом с ничтожным рабом или толстым чиновником. Мы хотим понять, совместимы ли гений и злодейство...

Странно, я где-то уже слышала эту фразу, подумала Кора. Я ее даже отлично знаю. Я знаю ответ: «Гений и злодейство несовместимы!» Кто же сказал это? Гегель? Дарвин? Эйнштейн?

— Он сам упал с крыши храма, — сказал Дедал, как бы подводя итог дискуссии.

— Можно ли поговорить с тобой, — спросил тогда Фол, — о другой женщине?

— О ком?

— О Пасифае?

— Нет! — отрезал Дедал. — Нет, нет и еще раз нет! Я покидаю ваш дом.

— Неужели ты так испугался?

— Срок давности миновал!

— У нас другие сроки, Дедал.

— Передо мной была поставлена инженерная задача, — сказал Дедал. — Мне был брошен вызов. И я принял его.

— Так это был инженерный вызов?

— Да! Именно так.

— А Лабиринт? Тоже инженерное задание?

— Сделав первый шаг, я был принужден ко второму.

— То есть, по-твоему, эти твои конструкции сопоставимы?! — спросил Хирон.

— Да! — Дедал поднял сжатый кулачок.

Тут кентавры начали хохотать и ржать, как жеребцы, так что сбежались домочадцы Фола и пришлось

гнать их, потому что объяснить причину смеха кентавры не могли ни женщинам, ни детям. И лишь Коре удалось уговорить Хирона рассказать, над чем они смеялись, и тот, несколько смущаясь, поведал ей о критском подвиге Дедала, причем последний вовсе не был смущен, а даже подавал реплики и был собой доволен, ибо: «Для гения нет задач мелких и неблагодарных. Для него любая задача — одинаковый вызов!»

— На острове Крит был белый бык, — сказал кентавр, — говорят, с точки зрения бычьей красоты, он был совершенен.

Фол фыркнул.

— Ну как, например, можно считать Фола образцом конской красоты? — заметил Хирон, и его друг густо покраснел. Неловко, когда тебя сравнивают с конем в присутствии красивой дамы. — Это был бык Посейдона — я уж, честно говоря, не помню, почему он там оказался... — Оба его друга кинулись было объяснять происхождение белого быка, но Хирон поднял руку, останавливая их. — Важно лишь то, — продолжал он, — что супруга царя Миноса, которую зовут Пасифаей, женщина невероятной прелести, и притом любвеобильна так, что... — Пока Хирон искал сравнение, сам Дедал докончил его мысль:

— Что готова переспать с пнем!

— Ну вот как грубо! — сказал Хирон, но в принципе он был согласен с Дедалом. — Дама она уже солидная, в летах...

— Чепуха! — закричал Дедал. — Это было десять лет назад! Какие могут быть лета?

— Ну, дама она все равно солидная, с пышными формами, родившая Андрогее, из-за которого Крит поссорился с Афинами, а также девочек — Ариадну и Федру. И вот эта мать семейства воспылала страстью к белому быку! — Хирон замолчал, как бы подыскивая наиболее приличные слова для последующего рассказа, а Дедал вмешался в паузу, заявив:

— Да ты говори как есть, не стесняйся. Наша подруга знает, какая птица приносит детей.

Дедал Коре совсем не нравился. Она привыкла к тому, что в учебниках, книгах и фильмах все великие

ученые, изобретатели и поэты — обязательно милейшие, мудрейшие и бескорыстные люди. И если поэт Пушкин влюбляется в какую-нибудь Керн или Воронцову, то делает это только для того, чтобы подарить ей букет цветов, вспылать вдохновением и заодно порадовать мужа своей музы... Конечно, это он придумал! Конечно, он: «Гений и злодейство несочлестимы!» Правда, имел он в виду не Дедала, а Моцарта.

— Хорошо, — согласился кентавр. — Я буду придерживаться безжалостных фактов.

— Почему безжалостных? — удивился Дедал. — Любовь зла — полюбишь и кентавра! Разве вы не слышали такой поговорки?

— Полюбишь и козла, — поправила Дедала Кора.

Все засмеялись. И она сама засмеялась, поняв, что ее поправка была неуместной.

— Пасифая начала выходить в поле, — продолжал Хирон, — когда там пасся белый бык, и ласкала его, гладила, приносила ему всевозможные вкусные вещи и всеми знаками, принятыми у людей, показывала, что хотела бы добиться с ним близости. Бык был обыкновенным — бык как бык. Он не возражал против близости, но не с Пасифаей, так как у быков нет рук, чтобы прижимать крошек к груди.

Когда кентавры отсмеялись, заговорил Дедал:

— Давай я сам доскажу. Вызывает меня Пасифая, а я тогда только-только на Крите укоренился, мне нужны были покровители, да и сама женщина мне нравилась...

— Неужели и ты тоже воспользовался ее ласками? — спросил Фол.

— А чем я хуже белого быка? — удивился Дедал. — Я мужик хоть куда! Это входило в мой гонорар.

— Ты еще и деньги с нее взял?

— Изобретатель живет на свои гонорары. Я не беру подачек. Но если сдаю работу, то попрошу: деньги на стол!

— И что же вы придумали? — спросила Кора, чтобы вернуть Дедала на истинный путь рассказа.

— Я посмотрел на то, как мучается несчастная женщина на лугу, стараясь соответствовать белому быку, как она, бедная, подлезает под него, да и он страдает... Я понял, что должен был решить проблему ко всеобщему удовольствию. И вот что я сделал: я изготовил деревянную корову, крепкую, гладкую, изящную с точки зрения коровьей эстетики, затем я обшил ее коровьей шкурой... Вам понятно?

— Пока да.

— Внутри нее я сделал ложе, на которое могла устроиться царица Пасифая. Затем проделал в дереве дырку там, где у коровы соответствующее отверстие, и подогнал ложе Пасифаи таким образом, чтобы ее соответствующее отверстие совпало с соответствующим отверстием в деревянной корове.

— Ну хватит, все ясно, — сказал Хирон.

— Сейчас кончаю, немного осталось, — ответил изобретатель. — Я дал совет Пасифае: держитесь крепче и если что не так — терпите. Потом закрыл царицу в корове, отошел и позвал быка. Вскоре белый бык появился. Он увидел мою деревянную корову — должен вам сказать, шедевр коровьей красоты — и буквально кинулся к ней, раздеваясь на ходу.

— Быки ничего на себе не носят, — заметил Фол.

Дедал долго смотрел на него, склонив голову набок. Фол вопросительно обернулся к Хирону.

— Дедал пошутил, — пояснил Хирон.

— Да, я пошутил, — сказал Дедал. — И мне грустно сознавать, что с такими тупыми лошадками я дружу и даже позволяю им меня судить.

— Заканчивай свою историю, надоело, — буркнул Фол.

— А больше нечего рассказывать. Бык взгромоздился на деревянную корову, и изнутри вскоре донесся отчаянный женский вопль. Однако я был бессилен помочь несчастной, потому что бык вряд ли позволил бы мне вытащить ее из деревянной коровы. Когда бык утолил свою страсть и удалился пастись, я подошел к корове и, с некоторым ужасом, открыл окошко внутрь. Я боялся увидеть холодеющий

труп Пасифаи, но вместо этого увидел разъяренную львицу, которая потребовала, чтобы я заставил быка возвратиться и продолжить любовное насилие!

Дедал расхохотался подобно маленькому мальчику. Он зашелся от смеха, и кентавру Хирону пришлось как следует шлепнуть его по спине.

— Меня чудом не поймали за этим занятием, — закончил Дедал, — потому что Пасифая заставила меня еще раз десять устраивать ей свидания в деревянной корове, а вы попробуйте спрятать корову, когда любовное свидание закончилось?

— Результатом этих мерзких действий Дедала... — начал Хирон.

— Не надо! Не надо навешивать ярлыки! — возмутился Дедал. — Если любовники счастливы, никогда не смей называть этот процесс «мерзкими действиями».

— Но ты же служил ее мужу!

— Ее мужу я тоже служил. Должен тебе сказать, что для него я делал не меньшие мерзости, чем для жены. Пойми в конце концов, вечная задача наша, изобретателей, поэтов, ученых, писателей, — угождать самым низменным прихотям правителей и владык. Если эти прихоти совпадают с общественным мнением и к тому же ты славно услужил начальству, то останешься в истории, как Гомер. Еще вопросы есть?

— Есть, — сказал Хирон. — Ты построил Лабиринт для Минотавра?

— Да, милая женщина. — Дедал вновь обратился к Коре, полагая, что ей не известно продолжение этой истории. — От любви к белому быку Пасифая забеременела. И как следовало ожидать, родилось чудовище. Здоровенный младенец — все в нем как у людей, а голова бычья! Фу, какая гадость! И как только природа терпит этих гибридов!

— Поосторожнее, Дедал, — заметил кентавр Фол. — Нас она пока терпит.

— Недолго это будет продолжаться, — сказал Дедал. — Вы же с Хироном — исключение, а как правило — кентавры, грубые скоты, мечтающие лишь о

том, как кого-нибудь изнасиловать, а потом напиться допьяна.

Фол и Хирон не стали спорить. Помолчали. Видно, в словах Дедала заключалась неприятная правда.

— До последнего момента Пасифая надеялась, что все обойдется и у нее родится человеческий младенец. Но боги у нас любят пошутить, — продолжал Дедал. — Когда Минос пришел в ужас, она поклялась ему, что белый бык напал на нее в поле и надругался над ней. Но она испугалась сразу признаться мужу, потому что берегла его чувства. Неизвестно, поверил ли Минос этой лжи, но все же велел казнить всех акушеров, служанок и повивальных бабок, которые присутствовали при родах, приказал назвать чудище Минотавром, а затем велел мне построить такой каменный дворец, в который можно войти, но выхода не найдешь. Заблудившись, обязательно попадешь в самый его центр, где таится Минотавр. Для меня это была инженерная задача, и я ее выполнил. Дорогу внутрь Лабиринта не знала даже Пасифая. Лишь однажды она попросила меня провести ее внутрь, чтобы показать, хорошо ли устроен малыш, удобно ли ему. Я подчинился царице. Она равнодушно поглядела на Минотавра, и я понял, что она не чувствует себя его матерью. Потом она спросила меня, нельзя ли заменить кормилиц коровами. И мы сделали так... А потом он их съел.

— Кого съел? Кормилиц? — удивился Фол.

— Нет, коров.

— А чем его теперь кормят? — спросила Кора и по неловкому молчанию окружающих поняла, что вопрос оказался бестактным.

— В этом и проблема, — сказал наконец кентавр Хирон. — Поэтому мы и пригласили мастера Дедала.

— Я догадываюсь, — сказал маленький гений.

— Каждый год семь самых красивых девушек и семь самых сильных юношей отправляются на Крит на корабле Дедала, чтобы стать жертвами отвратительного кровожадного Минотавра.

— Какой ужас! — воскликнула Кора. — Нельзя ли его кормить чем-нибудь попроще? Кроликами, например?

— Это дело принципа, — заметил Дедал. — Я сам не раз спрашивал Миноса: «Зачем тебе эти варварские обычаи?» Мы живем в гуманном государстве в гуманную просвещенную эпоху. А он в ответ: «Мой сын погиб в Афинах и потому афинские дети будут погибать на Крите».

— Может, выпустить Минотавра, пускай живет на воле, может, женится на какой-нибудь корове, — спросила Кора.

— Какая наивность! — воскликнул Фол. — Минотавр — чудовище. Так постановила судьба. Как же он может стать обыкновенным быком и жениться на корове? Нет, пока его кто-нибудь не убьет, все это будет продолжаться!

— Вот именно поэтому, — сказал Хирон. — Ты, Дедал, должен нам помочь.

— Всегда рад! — В голосе Дедала прозвучала бравада, будто он заранее знал, что они скажут, и заранее отметал это, как пустяк.

— Завтра ты поднимаешь паруса и отбываешь на Крит?

— Да.

— На борту у тебя будут четырнадцать жертв — лучших сынов и дочерей Афин, предназначенных для того, чтобы их сожрало чудовище. Ты считаешь это правильно?

— Меня никто не спрашивает.

— Скажи, а если бы ты изобрел, к примеру, бомбу, которая может испепелить половину мира, ты бы отдал ее своему царю? — спросил Фол.

— Боги решают такие проблемы. Боги, а не мы, смертные.

— Ты не ответил на мой вопрос! — закричал Фол, стуча копытом.

— Я не мерзавец. Я честный гений. Я лучший в мире изобретатель. Не смей оскорблять меня, мерин паршивый!

— Подождите, подождите, — прервал его Хирон, — в таких спорах не бывает победителя, пото-

му что никто не согласится считать себя неправым. Дедал, у нас к тебе очень простая просьба. У тебя самого есть любимый сын Икар, тебе знакомы отцовские чувства. Поэтому от имени всех отцов города Афины я прошу тебя об одном — дай мне план Лабиринта.

— Зачем вам план Лабиринта?

— Чтобы можно было войти в него, пройти безопасными ходами и выйти оттуда.

— Ни в коем случае!

— Но почему?

— Это слишком опасно. В моих интересах, чтобы с Минотавром было все в порядке. Чтобы он был сыт, чтобы все жертвы попадали к нему в желудок... Как только случится что-то неладное, на меня сразу же падет подозрение, что я подстроил встречи Пасифаи и белого быка. Минос — страшный человек, тиран, деспот. А у меня любимый сын Икар. Я должен его беречь.

— Тебе ничем не грозит...

— Кто, кроме меня, знает этот план? Никто. Отдать вам план — значит подставить шею палачу! Нет, никогда!

— Уезжай с Крита, если тебе там плохо. Живи в Афинах.

— Ни в коем случае! Для меня этот деспот создал идеальные условия работы. У меня лаборатория, мастерские, тысячи рабов для опытов. Меня любит жена царя Пасифая... нет, с Крита я не уеду.

— Значит, пускай умирают юноши и девушки?

— Им все равно суждено умереть, — ответил Дедал с искренней печалью. — Мы с вами умные люди, цвет человечества, мы понимаем, что жизнь человека быстротечна, как жизнь бабочки-однодневки. Все его метания лишь три взмаха крыльев.

— Значит, и твоя жизнь такова? — спросил Хирон.

— Нет, господа кентавры. Я бессмертен! Я зарабатую бессмертием величием своего разума. Боги не посмеют убить меня, потому что второго Дедала на свете нет. А теперь я должен откланяться, потому что моих деревянных людей каждые два часа надо

заводить бронзовым ключом, чтобы не останавливались. Спасибо за угощение. Надеюсь, что нам еще не раз удастся посидеть за чашей вина в более мирной и дружеской атмосфере. К сожалению, нас, умных людей, осталось так мало... Не представляю, чем все это кончится? — Дедал поднялся.

— Судьба накажет вас так, как вы наказываете других родителей, — сказала Кора.

Дедал не стал прощаться. Он зло вскинул яйцо головы, окинул Кору презрительным черным взором и быстро вышел из дома. Подошвы его подкованных медными шипами башмаков долго еще отсчитывали плитки мостовой.

Кора знала продолжение этой истории, по крайней мере ее ближайшее продолжение. И понимала, что в ВР-кризисе путешествие Тесея на Крит и его бой с Минотавром должны стать центральным эпизодом. Ясно было, что враги принца Густава скорее всего воспользуются боем с Минотавром для того, чтобы разmozжить голову ее подопечному. Ну что ж, раз нам не дали плана Лабиринта, будем проникать туда без плана. Там ведь была нитка, нить, чтобы вернуться обратно? Кто ее даст Тесею? Какая-то девушка... Спросить не у кого.

— Скажи, Хирон, как зовут дочерей Миноса?

— Кажется Федра и Ариадна, — ответил старый кентавр. Он был задумчив и расстроен. Его огорчила не столько неудача с попыткой добыть план Лабиринта, сколько разочарование в Дедале. В этом он был сродни Коре, она ведь читала в книжках, что великие ученые — средоточие благородства. А когда дело касается твоего старого приятеля...

— Вы давно с ним знакомы? — спросила Кора.

— Много лет, — ответил Хирон. — Он тоже когда-то был моим учеником. Я встретил его, когда он был простым кузнецом, правда, очень способным кузнецом. Но за пределами кузнечного дела Дедал был совершенно необразован, даже не знал элементарной математики.

Кентавр Фол ухмыльнулся:

— Я помню, как Хирон в первый день спросил его: «Сколько будет один и один?» — «Если один и один, — ответил он, — то не знаю, а если один и одна, то получаются трое».

— Этому анекдоту тысяча лет, — отмахнулся Хирон и обратился к Коре: — На твоём месте я пошел бы во дворец. Там сейчас наверняка разворачиваются основные события. Я бы и сам пошел, но Эгей не жалует кентавров, говорит, что от нас пахнет псиной.

— Обидно, — вздохнул Фол, — от кентавров — и псиной!

* * *

Во дворце и на самом деле кипел великий скандал.

Как только было объявлено, что Афины должны заплатить очередную дань юношами и девушками, Тесей отправился к своему новоприобретенному отцу и заявил, что он станет одним из семи юношей.

Сначала, когда слух об этом заявлении и о том, что старый Эгей по этой причине находится в сердечном приступе, распространился по Афинам и по всей Аттике, никто ему не поверил. В Древней Греции, как и во многих иных цивилизациях, не было принято, чтобы царские дети жертвовали собой вместо совершенно безымянных и даже не обязательно знатных сверстников.

Все забыли, что настоящим царским отпрыском Тесей является лишь второй день, а до этого он был весьма сомнительным бастардом, которого дедушка из политических амбиций называл сыном Посейдона. А назвать так человека — это все равно что объявить его подзаборным сиротой.

Тесей вырос в местечке, где ходил рыбачить с такими же, как он, мальчишками и даже пас коз на крутых склонах. Он имел великого дядю Геракла, которому старался подражать, но будучи сам человеком неординарным и благородным, не умел просто подражать — он должен был шагнуть вперед, чтобы стать достойным сравнения с кумиром детства.

Геракл не стал бы предлагать себя в жертву вместо неких юношей. Другие герои сочли бы ниже своего достоинства стать возможными жертвами полоумного быка. Тесей обладал странным для тех времен и мест качеством — чувством справедливости. Ведь это он первым из древних героев придумал способ борьбы с разбойниками: «Я буду делать с ними лишь то, что они делают с невинными прохожими». И таким способом очистил побережье от бандитов. Это он сказал сам себе: «Я не могу оставаться во дворце отца и праздновать здесь, пить и веселиться, если другие отцы оплакивают своих детей, потому что государь, долг которого защищать народ, не смог этого долга выполнить».

Примерно так Тесей заявил отцу.

— Он тебя растерзает! — раздавался по всему дворцу крик Эгея.

— Никто меня не растерзает, — откликнулся Тесей, и жители Афин, которые прислушивались к этой перепалке, радостно приветствовали слова юного героя.

Кора не присутствовала при последней беседе Эгея с Тесеем, но на этот разговор был приглашен посол Миноса Дедал, который за чаркой подробно пересказал все старику Хирону. А Хирон, конечно же, ничего не скрыл от своей любимицы Кору.

Оказывается, Тесей уломал отца, показав себя патриотом Афин и весьма зрелым для своего возраста политиком. Помирившись, Эгей и наследник престола предложили царю Миносу следующие условия.

Вместе с девушками и юношами, предназначенными в жертву Минотавру, на Крит отправляется и Тесей. Минос впускает его в Лабиринт вооруженного лишь одним мечом, и там Тесей сражается с человеком-быком. Если победит Минотавр, то юноши и девушки, как и договорено, безоружными и связанными предоставляются Минотавру на растерзание. Но если победит Тесей, то Афины навечно освобождаются от позорной дани, и их отношения с Критом отныне будут совершенно равноправными...

Афины замерли в ожидании ответа царя Миноса.

Весть к Миносу Дедал послал почтовым голубем, и другой голубь возвратился на следующее утро.

В ответе царь Минос высказывал радость по поводу того, что царь Эгей жертвует своим наследником. В то же время он выразил искреннее сочувствие Эгею, ибо Минотавра победить невозможно, он соединяет в себе силу быка и ловкость атлета, шкура его непробиваема, а рога заточены как стрелы. Но, если царь Эгей настаивает на том, чтобы потерять своего сына, царь Минос не может отказать ему в такой просьбе. И он согласен на условия Афин. Только пускай на этот раз девицы будут помоложе, да покраще, чем в прошлом году, — царю Миносу хотелось насладиться ими прежде, чем передать их юному Минотавру.

Письмо, конечно же, было наглым, но Тесея оно устраивало, потому что после него Эгей уже не мог оставить его дома — была задета честь державы и самого Эгея.

Еще об одном Тесей договорился прямо с Дедалом, — и это было естественно. Тесей поплывет на собственном корабле, не к лицу наследнику афинского престола плыть на каком-то суденышке с черной трубой, из которой валит дым. Опоздание на несколько дней роли не играет. Минотавр немного попустится. Впрочем, ему порой подкидывали пленника или приговоренного к смерти раба.

Дедал тут же отплыл, а в городе между тем шли печальные приготовления.

Конечно же, родители пытались доказать царю и старейшинам, что именно их дети никуда не годятся и известны уродством. Правда, из этого ничего не выходило, ведь в таком небольшом по нашим масштабам городе, как Афины, каждая красавица была на виду, а юноши нередко состязались в гимназиях, так что лучшие из них были известны.

Тесей собрал отъезжающих в одном из небольших залов дворца. Они расселись на складных табуретках у стен. Сбоку, на скамьях, сидели их отцы. Сам царь велел принести себе небольшое кресло и сидел в стороне, не более как наблюдатель.

Тесей остановился перед строем табуреток — милые юные лица глядели на него с напряженным ожиданием, словно на учителя, который намерен был их экзаменовать. И никому из четырнадцати молодых людей не приходило в голову, что наследник престола — их сверстник, а то и уступает возрастом некоторым из них. Да и выглядел он куда старше своих семнадцати лет.

— То, о чем мы сейчас будем говорить, — произнес Тесей, — должно остаться строго между нами. Возможно, от сохранения тайны зависит наша жизнь... Честно говоря, я даже думал, не отравить ли всех голубей в Афинах, чтобы какой-нибудь доносчик критян не послал весть об этом Миносу. Так что, если здесь есть хоть один шпион, мы погибли.

Присутствующие возмущенно зашумели, и неясно было, то ли были обижены подозрениями Тесея, то ли испугались за своих голубей — голубей многие разводили, хорошая голубятня мало чем уступала ценностью конюшне.

— Ладно, — улыбнулся Тесей, поднимая ладонь и призывая к молчанию. — Предателей здесь нет. А разговор пойдет не о том, как убить Минотавра, это я беру на себя, и вы можете быть уверены в моем успехе.

Тут все захлопали в ладоши и более других радовался царь Эгей.

— Но меня беспокоит другая проблема, — продолжал Тесей, расхаживая вдоль ряда своих спутников. — Проблема возвращения домой. Я убежден, что Минос не захочет выпустить нас живыми с Крита. Значит, мы должны его перехитрить.

— Молодец! — воскликнул Эгей. — Мой сын!

— Слушайте, что я придумал! — воскликнул Тесей, чтобы перекрыть радостный шум в зале. — Мы оставляем дома двух девиц... Тебя и тебя. — Тесей показал на двух девушек и пояснил: — Вы повыше ростом и пошире в плечах, чем остальные. Встаньте, встаньте. Разве вы не поняли?

— Что? — спросила одна из девушек, которых Тесей попросил встать.

Она ничего не поняла.

Тесею пришлось взять обеих девушек под локти и отвести их к рыдающим от счастья отцам.

— Вместо девушек я повезу с собой двух молодых солдат из отряда царских лазутчиков.

Тесей хлопнул три раза в ладоши, и в зал, робея от того, что они попали в такое изысканное общество, вошли две девушки, повыше остальных, короче стриженные, но хорошенькие, только, пожалуй, слишком ярко покрашенные — с черными бровями, румянами на щеках, помадой на губах и даже покрашенными ногтями. Правда, хитоны на них были длинные, застегнутые брошками на плечах и закрывающие руки.

— Ты сказал о солдатах из моего отряда лазутчиков? — спросил Эгей.

— Именно о них, — согласился Тесей. — Ведь они славятся тем, что могут незаметно проникнуть во вражеский лагерь, даже в неприступную крепость противника, умеют обращаться с кинжалом и знают тайные приемы борьбы. Как зовут тебя, милая девушка?

Вопрос относился к девушке в синей хламиде.

— Мое имя — Парфена, — ответила та хрипловатым голосом.

— Парфена, — попросил Тесей, — мне кажется, что на тот столб села муха. Убей ее!

В мгновение ока, незаметно для окружающих, девушка выхватила тонкий кинжал и метнула его через весь зал в столб. И все увидели, как конец кинжала вонзился в спину комнатной мухи, которая наблюдала за этой сценой с деревянного столба.

— Спасибо, моя девочка, — сказал, загадочно улыбаясь, Тесей. — Садись. — И он указал Парфене на освободившуюся табуретку. — Теперь ты, красавица, — обратился Тесей ко второму созданию — весьма пышноволосой, с густыми усиками над верхней губой, чернобровой девице с большими руками. Глаза ее были обведены черной полосой, губы — как кровь. Можешь ли ты попасть ножом вон в ту трещинку в потолке?

— Слушаюсь, Тесей, — ответила брюнетка басом.

И тут обман Тесея был разоблачен. Все, кто собрался в зале, догадались, что видят перед собой загримированного мужчину.

— Нет! — крикнул Тесей. — Так не годится! Какая жалость! Я подобрал из отряда лазутчиков двух воинов. Я думал, что мне удастся выдать их за девушек. Но если первая, Парфена не вызвала у вас подозрений, — Тесей показал на лазутчика, который скромно сидел на табуретке, — то второй лазутчик нам не годится... Придется искать снова, а времени нет!

— погоди, Тесей, — вмешалась Кора, которая наблюдала за этой сценой от двери и поняла, что появился хороший шанс попасть на корабль Тесея. — Я надеюсь, что смогу сыграть роль девушки.

— Но ты и есть девушка! — удивился Тесей.

— А тебе кто нужен?

— Неужели ты не понимаешь, мне нужен юноша, воин, который умеет обращаться с кинжалом и мечом, который может быстро бегать и высоко прыгать, но которого критяне примут за девушку.

— А почему они меня не примут за девушку? — спросила Кора.

— Потому что ты — не юноша!

— Так ты радуйся, что я не юноша! Значит, меня не смогут разоблачить. Даже если разденут догола.

— Даже если разденут догола? — переспросил Тесей, дотрагиваясь кончиком указательного пальца до переносицы. — Это любопытно.

— Послушай, сынок, — сказал тогда старый царь Эгей. — Если тебе в самом деле все равно, кто умеет обращаться с мечом и кинжалом, то испытай Кору, а потом уж чеши нос!

— Это идея! — сказал Тесей и протянул Коре кинжал, который взял у брюнетки. — Можешь ли ты перерезать паутинку, по которой спускается паучок в дальнем конце зала?

Все обернулись в ту сторону, но мало кто смог разглядеть паучка.

Кора потрогала кинжал. Он был железным и, если как следует нажать, гнулся.

— Хорошо, — сказала Кора и незаметно для всех быстрым движением согнула длинное лезвие кинжала и тут же метнула его.

Кинжал полетел через весь зал, перерезал паутину, чуть коснулся дальней стены, взлетев повыше, прилетел обратно к Коре и оказался у нее в руке. Теперь осталось лишь быстро разогнуть самодельный бумеранг и протянуть его пораженному Тесею.

— Ты волшебница? — спросил Тесей.

— Нет, я умная, — ответила Кора.

— А может ли прыгать эта девушка? — спросил царь Эгей.

— Здесь тесно, — ответила Кора. — Некуда прыгать.

Но все же она подпрыгнула на месте — метра на два, не выше, схватилась за балку под потолком, оттолкнулась от нее и опустилась у самых ног афинского царя.

Эгей испуганно отпрянул, а когда пришел в себя, то раздраженно произнес:

— С такими способностями лучше выступать в цирке! — Цари не любят, когда их пугают.

Но ни у кого уже не оставалось сомнений в том, что Коре уготовано место в женской каюте.

Когда Кора уселась на табуретку, кто-то из команды Тесея спросил:

— А зачем все это сделано?

Кора тоже рада была задать этот вопрос, но терпела, понимая, что кто-то его обязательно задаст.

— Есть секреты, — ответил Тесей, — которые знаю только я сам. Потому что я не могу рисковать. Вы же держите язык за зубами. Знайте, что вашему Тесею понадобилось, чтобы среди девушек было два юноши... — тут он сбился, проглотил слюну и, не глядя на Кору, закончил фразу: — чтобы среди девушек было две персоны, которые умеют сражаться в ближнем бою...

— И охранять нас! — сказали хором три красавицы, которые были очень похожи, причем не только внешне, но и именами. Их звали Перибея, Эрибея и Феребея.

— Замечательно! — согласился Тесей. — Именно охранять. А теперь два слова скажет один из наших кормчих.

От стены отделились два человека средних лет. Первый был худ, высок и сутул. Его редкие волосы были связаны сзади в косицу. Лицо было темным от солнца и ветра, ибо кормчий весь день стоит на корме и управляет тяжелым рулевым веслом. Он же командует, когда ставить, а когда убирать парус. Первый кормчий — капитан корабля. За ним, отступив на шаг, вышел вперед второй кормчий, широкоплечий горбун с большим крючковатым носом. Он был рыжим, курчавым, лицо его усыпали веснушки.

— Наш первый кормчий — Феак, — представил Тесей, и Феак поклонился царю и наследнику престола.

Это был знаменитый кормчий. Имя его мало кто знал, а называли по имени славного племени феаков, из которого выходили лучшие кормчие. Горбуна же называли Навсифоем.

— Отплываем на рассвете, — сказал Феак. — Гребцов для корабля отбирал я сам. Это лучшие воины Афин.

— Я помогал Феаку и подтверждаю это, — сказал Тесей.

Навсифой говорить ничего не стал. Он глазел на красавиц, словно сатир. Впрочем, он настолько был похож на сатира, что Кора украдкой поглядела на его ноги. Но на ногах кормчего были самые обычные сандалии.

...Они покидали Аттику ранним утром, когда легкий туман еще плыл тонкой пленкой над морем, небо казалось розовым, все приметы были благоприятны, родители доплакивали последние слезы, а царь Эгей стоял рядом с сыном, держа его за руку, как маленького мальчика. Тесей тоже волновался и поправлял несуществующую дужку очков на переносице.

Судно было большим, тридцативесельным, и на веслах сидели славные афинские воины. Феак, стоявший у кормового весла, приказал поднять парус, чтобы в последний раз проверить снасти.

Парус захлопал под легким ветром, разматываясь и вползая на мачту. Навсифой метался вдоль него, следя, чтобы он поднимался ровно.

Парус был черным. Кора не знала этого и удивилась.

Рыдания на берегу, усеянном народом, утроились.

— Почему так? — спросила Кора.

— Корабль, увозящий наши жертвы на Крит, всегда уходит под черным парусом, — ответила пухленькая очаровательная Перибейя.

— Где белый парус? — спросил Эгей. Кора удивилась, услышав, как он произнес эту странную фразу.

— Вон он лежит, сложенный на дне, на нем будут отдыхать девушки, — ответил Тесей.

— Слышала? — спросила Кору Перибейя. — На этот раз мы возьмем с собой второй парус, белый.

— Зачем? — спросила Кора.

Перибейя была рада ответить:

— Мы поднимем его, если все удастся, как мы того желаем. Если мы вернемся живыми!

— Хвала Тесею, — произнесла Кора. — Из тебя может выйти государственный деятель, понимающий смысл исторической детали.

— Вы что-то сказали? — спросила Перибейя. Подобно остальным девицам, она относилась к Коре с почтением. Не только потому, что Кора была старше и превосходила прочих девиц ростом, а скорее подозревая, что Кора — богиня Персефона инкогнито. Это бывает с богинями. Если она решила отправиться на корабле Тесея, это только принесет удачу. Даже дурная по специальности богиня остается полезной богиней, если попала к тебе в союзницы. Девушки полагали, что у Кору с Тесеем начинается роман, но кто из них жертва, а кто охотник оставалось тайной.

Тесей крикнул, чтобы все грузились на корабль, и началась последняя суматоха, которая продолжалась еще часа полтора, прежде чем корабль выбрал каменный якорь и гребцы дружно взмахнули гибкими веслами.

Путешествие до Крита прошло, в общем, благополучно, если не считать шторма, налетевшего в первый же день и сильно напугавшего девушек, которые никогда еще не бывали в море. Аппетит пропал, девушки сидели зеленые, как сирены, и готовы были покончить с собой, только чтобы прекратить эти муки.

К их счастью, кормчий Феак вспомнил, что, отправляясь в путь в спешке, девицы забыли принести жертвы на алтарь Аполлона.

Кормчий тут же направил корабль к берегу и умудрился проскочить на высокой волне в небольшую тихую бухту. Там все вылезли из корабля, воскурили жертвенный треножник, принесли небольшие, но искренние жертвы, и тотчас же небо прояснилось, волны улеглись, и можно было продолжать путь дальше, что и удалось сделать с опозданием на три часа, потому что Феребея и Эрибея убежали в лес собирать грецкие орехи с двумя гребцами.

Тут Кора впервые усомнилась в том, что принц Густав совершенно не помнит о своей прошлой жизни.

— Какое счастье, — сказал он себе под нос, стоя на прибрежной гальке и шаря глазами по кустам, откуда должны были появиться загулявшие жертвы Минотавра, — какое счастье, что проблема девичьей невинности здесь не играет еще решающей роли.

Он обернулся, увидел, что неподалеку стоит Кора, которая могла услышать эти слова, и, смутившись, быстро пошел к кораблю.

Феак долго ворчал на гребцов, потому что до темноты оставалось уже недолго, и обычно на ночь корабли приставали к берегу. Но опытный кормчий после краткого совещания с Навсифоем ушел в открытое море, и, хотя корабль покачивало и было весьма прохладно, повел прямо к Криту. Ровный сильный ветер дул в парус, казавшийся черной квадратной дырой в звездном небе; тихо и слаженно пели гребцы, помогая себе песней. Потом по приказу Феака стали сушить весла и улеглись спать.

Коре не спалось. Она сидела на носу корабля и смотрела, как синяя в свете звезд пена взмывает ва-

ликами у заостренного выгнутого носа корабля, а в воде отражается Луна и наиболее яркие звезды.

Тесей подошел к ней.

— Иди спать, богиня, — сказал он. — Завтра будут красные глаза.

— Богини никогда не спят.

— Странно, — сказал Тесей. — Зачем ты притворяешься, что мало знаешь?

— Зато я знаю, что Тесея надо беречь, потому что у него есть злые враги.

— У настоящего воина должны быть враги. Но я, к сожалению, не знаю своих врагов.

— А Медея? А Минос?

— Я их не боюсь. Как не боялся разбойников. Меня тревожит другое: страх внутри, в груди, страх перед тем, чего я не знаю. Ты мне можешь объяснить это?

— Нет, — солгала Кора.

— Жаль. У меня странное чувство к тебе, Кора. Будто мы с тобой давно знакомы, будто мы с тобой из другого мира, из другой сказки. А ты знаешь куда больше, чем говоришь.

Он положил руку ей на плечо. Рука была теплая — сквозь тонкую ткань Кора почувствовала тепло его ладони. Он чуть притянул ее к себе, и Кора послушно прижалась к нему. Ей было хорошо и надежно.

— Ты не такая, как другие девушки, — сказал Тесей. — В Трезене или Афинах.

Он поцеловал ее в щеку — хотел в губы, но она успела отклониться.

— Тебе неприятно? — спросил Тесей.

— Я не хочу быть, как другие девушки... в Трезене и Афинах.

— Может, ты и вправду богиня?

— Я твой ангел-хранитель, — сказала Кора.

— Какую весть ты мне несешь? — спросил Тесей.

Кора улыбнулась. Она забыла, что в древнегреческие времена слово «ангел» означало совсем иное, чем принято в религиях, которые пришли на смену греческим богам. Ангелы в Элладе были лишь вест-

никами, с их помощью боги объявляли о своих решениях.

— Иди спать, — прошептала Кора, — завтра трудный день.

— Я хотел, чтобы у меня каждый день был трудным, — сказал Тесей.

— Почему?

— Я хочу стать мужчиной.

— Значит, ты еще мальчик, — сказала Кора, потому что она была мудрее великого героя древности, она была женщиной.

Тесею все равно не спалось, и он ушел на корму, к Феаку. Там они о чем-то говорили, но слышны были лишь обрывки слов — ветер уносил звуки назад. Кора лежала на сложенном белом парусе и смотрела на звезды. Звезды были расположены несколько иначе, чем будут через три с лишним тысячи лет, но созвездия можно было угадать.

Низко над кораблем пролетели две гарпии — их отвратительный запах пронесся как удушливая волна. Далеко-далеко запели сирены. Но вряд ли кто-нибудь, кроме Кору, слышал их. Тесей был занят беседой с кормчим, остальные мирно спали. Чайка села на вершину мачты, и Кора подумала — просто ли это чайка или некто принявший этот образ?

— О горе, горе, горе! — пробормотала чайка. Она сорвалась с мачты, сделала круг над кораблем и растворилась в ночи.

* * *

Дедал на своем парохоме обогнал Тесея, поэтому о прибытии афинян были предупреждены заранее.

Царь Минос, как только ему донесли, что приближается афинский корабль под черным парусом, выехал на боевой колеснице на холм, который господствовал над портом.

Как только корабль мягко дотронулся до причала высоким загнутым носом и по команде Феака весла

улеглись вдоль бортов, Минос толкнул в плечо колесничего, и тот погнал колесницу к причалу.

Царь успел к причалу как раз в тот момент, когда по сходням сходил Тесей.

Кора, державшаяся сзади, имела возможность разглядеть знаменитого критского царя. Минос имел облик тирана, словно боги специально собирались и выдумывали, как бы убедительнее сотворить такое чудо.

Высокого роста, по крайней мере не ниже Тесея и Кору, он был скорее могуч, чем толст, и если его сравнивать с горой, то он был скорее горой мяса, чем жира. Телом он был схож с борцами-тяжеловесами, которые раздавливают соперника своей массой. И венчала это закованное в сверкающие золотые латы тело толстощекая голова с низким морщинистым лбом и редкими, медного цвета, кудряшками. В цвет им была и бронзовая короткая борода. Глаза у Миноса были маленькие, черные, пронзительные и бессмысленные, как у мыши. Если добавить к этому толстые мокрые губы и выпяченный вперед, преувеличенный подбородок, то и получится образина, именуемая Миномом.

Проникшись неприязнью к Миносу, Кора подумала, каково же сейчас остальным его жертвам — милым девушкам и стройным юношам, воспитанным в Афинах в зажиточных семьях, где даже рабов пороли редко. В самом деле, к радости Миноса, он всегда наслаждался впечатлением ужаса, которое производил при первой встрече, молодые заложники не могли преодолеть дрожи. Даже сам Тесей с трудом сдерживался, чтобы ничем не показать охватившего его страха.

— А ну! — закричал Минос, поигрывая хлыстом с золотой рукоятью. — Кого привезли вы на этот раз, ничтожные мои слуги! Показывайте товар!

По знаку Тесея, который не имел причин отказать Миносу в наглом приказе, молодые заложники сошли с корабля и выстроились неровной шеренгой на причале. Кора более всего боялась, что обман обнаружится и Минос поймет, что вместо одной из девиц ему подсунули юношу. Но этого не случилось,

потому что взгляд Миноса сразу упал на пухленькую Перибею. Глаза его расширились и из угла рта потекла струйка слюны.

— Кого я вижу! — закричал царь. — Кого я вижу! Девица моего сердца! Услада моих ночей! Ты освобождаешься от смерти. Ты будешь жить в моем дворце и нежиться на лучших пуховых подушках мира!

Собственные слова привели Миноса в полный восторг, и он начал топтать ногами, как избалованный мальчик, требующий конфетку. Утреннее солнце отразилось в золотых начищенных поножах, и лучи его разлетались по причалу, слепя собравшихся там людей.

Минос протянул ручищу и рванул к себе прелестное, растерянное и до смерти перепуганное создание.

— Ты счастлива? — зарычал он. — Ты довольна?

— Нет, — пискнула, обретя наконец голос Перибея. — Лучше пускай меня растерзает Минотавр.

Толпа придворных, воинов и зевак, собравшихся на пристани, ахнула от такой наглости, и тогда вперед шагнул Тесей.

— Приветствую тебя, великий царь Крита, — произнес он, стараясь, чтобы голос его не дрогнул.

— А, кого я вижу! — рассмеялся Минос, не отпуская ручки Перибеи. — Мальчишка из Афин, который решил добровольно влезть на рога моему теленочку?

— Великий царь, — сказал Тесей. — Мы прибыли сюда, потому что Афины согласились, помимо своей воли, отправлять в жертву Минотавру юношей и девушек. В жертву, государь, а не для твоей необузданной похоти.

— Что он сказал? — спросил Минос, оборачиваясь к своим придворным и ожидая услужливого хохота. Но как ни странно, на причале царила тишина. Даже придворные Миноса не смели осмелеть слова царевича Афин. — Я оказываю благодеяние девице, — произнес недовольно Минос, не дождавшись аплодисментов. — И тут мне начинают указывать, что мне положено делать, а что не положено. Я сейчас умру от смеха!

Последние слова были откровенным приказом подданным также умирать от смеха. В толпе послышалось жидкое хихиканье, кашель и иные странные звуки, которые при желании можно было принять за смех.

— Как наследник афинского престола и как сын Посейдона, я обязан заботиться об афинских девах и привезти их невредимыми обратно родителям, — сказал Тесей.

На этот раз Минос не смеялся.

— Ты, по-моему, совсем обнаглел, мальчишка, — сказал он тихо. — Ты не только утверждаешь, что победишь Минотавра, но и указываешь, как мне себя вести! Ты самозванец! Любой нищий в Элладе скажет, что твой дед, ничтожный Питфей, придумал эту сказку о двух отцах. Я сомневаюсь даже, что твой отец Эгей.

Кора понимала Тесея. У него не было иного выхода. Если он останавливает Миноса сейчас, у него сохраняются шансы на победу. Но если он сейчас сдастся, тогда он — ничтожный раб Миноса. А гибель его и прочих афинян неизбежна. Если в этой схватке можно кидать, как козырные карты, любую ложь, любую похвальбу, то Тесей не только волен, но и обязан так себя вести.

— Если ты — сын Посейдона, — сказал Минос, — то докажи это нам.

— Я рад доказать тебе это, царь.

— Тогда смотри.

Минос с трудом стащил с толстого пальца массивный золотой перстень с топазом и, размахнувшись, кинул его с причала в море, где волны, поднимаясь горами, загуляли белыми бурунами и, превращаясь в ревущие валы, неслись к берегу.

— Если твой отец — Посейдон, — произнес Минос, — то он поможет тебе найти и принести сюда мой перстень. Если — нет, то твоя девочка будет сегодня в моей опочивальне, а ты проведешь ночь в вонючей яме моей тюрьмы для рабов.

Дайте мне хороший металлоискатель! — мысленно закричала Кора. Без него никогда не отыскать перстня в крутящемся песке и мутной воде прибоа.

Но мысли Кору остались ее достоянием, а Тесей тем временем быстро стащил через голову хитон, стараясь не упустить глазами точку, в которой перстень коснулся воды. Выбора у него не было, и агент ИнтерГпола Орват была бессильна ему помочь.

Толпа на причале и на склоне холма была безмолвна: одни — в надежде на немыслимую удачу, другие — в злорадном нетерпении. Сам прыжок в волны прибоя был смертельно опасен.

О, как Коре хотелось верить в Посейдона!

А верить приходилось лишь в могущество компьютера. Если тот, подобно Посейдону, пожелает проявить свою власть над воображаемым миром.

Тесей отстегнул пояс с мечом, и ножны прозвенели по камням причала серебряной обшивкой.

Коротко, в десять шагов Тесей разбежался по причалу и прыгнул в мутную зеленую волну, сразу пропав в смеси воды, песка и пены.

И сразу все заговорили, зашевелились, стали продвигаться к краю причала и к кромке воды, но шум человеческой толпы был скрыт в шуме моря, он звучал лишь одним дополнительным инструментом в оркестре.

Рядом с Корой оказался Минос, который тоже двинулся по причалу, словно пытался рассчитать место, куда Тесея выбросит волна. Рядом с ним шли женщины, наверное его семья.

Кора не могла внимательно приглядываться к ним, потому что основное внимание было приковано к воде... Но взгляд агента всегда внимателен. Одна из трех женщин, сопровождавших царя, была старше других, крупнее, увереннее в себе, в ее красоте было что-то диковатое, звериное, и если уж для кого-то из троих мастер Дедал придумал необычное брачное ложе, то, конечно же, для нее, царицы Пасифаи. Похожа на нее была одна из дочерей. Она была выше матери, вдвое тоньше ее, и то, что казалось на лице матери грубым и животным, в ее лице было лишь воплощением страсти, того сочетания черт, что заставляют мужчину остановиться и обернуться, а если в нем живет самец, то, бросив все дела и прежние

привязанности, кинуться за ней. Кто это — Федра? Ариадна? Вот и третья. Изысканно-нежная, каждое движение тонких пальцев отточено, само совершенство, даже складки туники движутся как бы сами, живые, робко дотрагиваясь до удивительного по изяществу тела... Девушка кинула мимолетный взгляд на Кору, не узнающий, скользящий и чужой, и тут же все в Коре зазвенело сигналом тревоги — почти узнавания: эти фарфоровые щеки сегодня еще упругие и горячие, эти серебряные кудри, волнами тончайшего шелка лежащие на узкие беззащитные плечики... Значит, такой вы хотите увидеть себя в ВР-круизе, в охоте за любимым племянником, госпожа герцогиня?

Разумеется, возможна ошибка. Но мы будем действовать так, как будто никакой ошибки не произошло.

Кора словно очнулась от гипноза. Сколько времени прошло?

Внутренние, точные до долей секунды часы сообщили:

— Минута и шесть секунд... семь, восемь, девять, десять...

Кора стала продвигаться к кромке причала, понимая, что еще через двадцать секунд ей надо будет нырнуть в эту круговерть пены и взбаламученного песка — без особой надежды отыскать там безжизненное тело ее героя. И пока она будет, сдерживая дыхание, рыскать в зеленой мути, остается надежда, что принца Густава отыщут мониторы, отметят прекращение дыхания и тут же вытащат его наружу, вырвут из игры. Если не опоздают, если не будут повреждены клетки мозга... если он не разможит себе голову о каменную причальную стенку...

В этот момент принц Тесей выскочил из воды — почти по пояс. Глаза были выпучены, рот приоткрыт, он стремился втянуть в себя воздух, потому что легкие готовы были разорваться...

Один вздох, второй...

Тесей могучими гребками преодолел расстояние до песчаного пляжа рядом с причалом. Он поднялся,

пошатываясь, — воды было по пояс... пошел дальше. Потом повернулся, отыскав глазами Миноса, и поднял вверх два пальца — указательный и большой. Между ними был зажат золотой перстень.

Зарыдала, забилась в истерике пухленькая Перибей — она уже похоронила себя. Резко повернулся и пошел прочь царь Минос. За ним, утками, — его семейство. Лишь тонкая и прозрачная его дочь... Ариадна? — обернулась, глядя на обнаженного богатыря.

— Великий царь! — крикнул Тесей, перекрывая шум прибоя. — Ваше величество! Возьмите свой перстень. Мой отец Посейдон возвращает его вам.

Минос был вынужден остановиться. Он не мог игнорировать дар морского бога.

Тесей протянул руку и кинул перстень в открытую ладонь Миноса.

— Вечером жду вас на пир в моем дворце, — сказал Минос. — Завтра же наступит великий день жертвоприношения.

Кора подумала, что чудо, происшедшее у нее на глазах, не столь уже чудо для тех, кто убежден в том, что боги и существуют, и определяют судьбу людей. Случившееся, скорее всего, можно было бы сравнить с ситуацией, когда царь Минос требует удостоверение: метрику, паспорт — у приехавшего молодого человека. И тот вынужден этот паспорт предъявить.

То, что Тесей чуть не утонул при этом, кого это касается, кроме Минотавра, теряющего завтра новую жертву?

Тесей остановился рядом с Корой.

— Трудно было? — спросила она.

Кора не верила в реальность Посейдона, что было нелогично и даже глупо, потому что если ты всего два дня назад распивала славное вино не только с великим Дедалом, но и с двумя кентаврами, то не грех бы допустить и существование морского бога. Но Кора предпочитала оставаться на позициях здравого смысла, даже когда не оставалось ни позиций, ни смысла.

— Я и не мечтал отыскать, — ответил не менее трезвый, чем она, Тесей. — Я шарил руками в пес-

ке, а быстро это не сделаешь. И когда воздуха уже не оставалось и я понял, что сейчас придется подниматься без кольца, пальцы нащупали что-то круглое... это мог быть камешек.

— К счастью, это оказался перстень, — сказала Кора.

— Прошу уважаемых афинян проследовать в отведенные для них покои, — провозгласил критский придворный.

Тесей поднял руку, прощаясь с гребцами. Те оставались на корабле, а причал был оцеплен двумя шеренгами тяжелых воинов Миноса — тот не хотел рисковать.

Гребцы ответили нестройными криками. Тесей был их вождем и героем. Феак за всех обещал сделать все как надо. Ведь на долю гребцов могло выпасть немало испытаний.

Остальным предстояло провести последнюю ночь в восточных, покинутых даже челядью и отданных летучим мышам, крысам и тарантулам помещениях. Холодный дождь молотил по дырявым крышам, глиняный пол кое-где отсырел и стал скользким. Идти на корабль за одеялами было далеко, да Тесей и не хотел никого отпускать туда, опасаясь подвоха со стороны критян. Так что все сбились в двух комнатах — девушки в маленькой, внутренней, куда можно попасть лишь через внешнюю, в которой спали юноши. Притом всю ночь кто-нибудь бодрствовал.

На рассвете возле комнат послышались шаги. Зазвенело оружие. Тесей громко приказал всем проснуться и занять места у дверей. Тогда все стало тихо. Только шумел дождь.

Утром, когда холодный туман окутал дворец, к Тесею пришла гостья.

Женщина была закутана в длинный, до земли плащ, накинутый и на голову, так что видны были лишь нос, рот и подбородок.

Она сказала часовому, что ей нужно поговорить с Тесеем. Часовой не хотел пускать ее, но Тесей, который не спал, услышал их разговор и вышел к женщине. Кора сидела у стены и слышала их разговор.

— Тесей, — сказала женщина знакомым надтреснутым глуховатым голосом. — Я не могла заснуть всю ночь, и ты тому виной.

— Кто ты?

— Я открою тебе свое имя. Но поверь мне, что я твой друг и, может, единственный настоящий друг на острове.

— Зачем ты пришла?

— Отойдем на несколько шагов. Я не хочу, чтобы нас могли увидеть.

Кора поднялась и прижалась к щели, пересекавшей стену. Две фигуры — высокий массивный Тесей и изящная маленькая, по грудь ему, закутанная молодая женщина — стояли лицом к лицу.

Голубой туман полз у их ног, закрывая до колен.

— Сегодня я впервые увидела тебя на набережной, — прошептала женщина. — В моем сердце что-то дрогнуло. Я поняла, что ты и есть мой избранник.

— Кто ты? — повторил свой вопрос Тесей, и Кора была вынуждена признать, что он совершенно прав. Терять время с незнакомкой на рассвете, перед важными событиями было легкомысленно для вождя похода, даже для очень молодого вождя.

Женщина откинула с головы покрывало, и Кора в рассветном голубом сиянии узнала одну из дочерей царя Миноса, ту, subtilную, тонкую, нежную, знакомую голосом и манерами. Неужели Тесей ничего не почувствовал?

— Я — Ариадна, дочь царя Миноса, — произнесла молодая женщина. — Я славна своей красотой на весь остров и на все земли, подвластные Криту. Сотни благородных принцев и героев сватались ко мне, но вынуждены были возвратиться восвояси...

Кора не сказала бы, что Ариадна уж так хороша, как сама о себе говорила. Впрочем, существуют женщины, которые вынуждены хвалить себя, иначе есть опасность, что их недооценят современники. Но принцессе нельзя было отказать в преходящей и непрочной красоте, такой же, какую Кора увидела у дамы Рагозы, герцогини и главы клана Рагозы. Той

самой, которая, втрое помолодев, стояла ранним утром перед своим племянником Тесеем, он не мог ее узнать, ибо был заколдован условиями ВР-круиза, и с которым дама Рагоза, очевидно решила расправиться, чтобы он пропал без следа. Лучше исчезнувший принц Густав, чем потерпевший поражение либо слишком радикальный реформатор.

— Чего ты хочешь от меня, прекрасная девушка? — вежливо спросил Тесей.

— Я желаю тебя. Тебя всего, прекрасный чужеземец. Я хочу, чтобы ты стал моим возлюбленным и мужем, чтобы ты полюбил меня так же, как я полюбила тебя с первого взгляда.

— Простите, — Тесей говорил вполголоса, чтобы не разбудить своих спутников, — но я не вижу для этого оснований.

В минуты растерянности он становился куда более похож на студента Густава. Стеклышки очков, казалось, поблескивали перед близорукими глазами.

— Разве я не желанна? Разве я не прекрасна, принц? Разве не стану я тебе чудесной и верной женой?

— Но я не собирался жениться.

— Я тоже. — Улыбка тронула губы соблазнительницы. — И я понимаю, что любовь твоя ко мне не может родиться на пустом месте. Но она может начаться сегодня.

— Почему же?

— Из чувства благодарности. Потому что я — единственная, кто может спасти тебя и всех афинян.

— Как же это случится?

Вспомнила! — чуть не закричала Кора. Нить Ариадны! Она сейчас предложит ему нить, и по ней он выберется из Лабиринта!

Странное торжество ученицы, которая в последний момент, уже стоя у доски, вспомнила урок, охватило Кору.

— Я могу предложить вам... — Ариадна искала слово. Кора еле сдержалась, чтобы не подсказать «сделку». — Я могу предложить вам соглашение.

— Странное место и время для такого разговора, — сказал Тесей.

— У нас не будет другого времени и места.

— Я вас слушаю. — Тесей скрывал раздражение.

— На острове лишь моя мать и я знаем, как проникнуть внутрь Лабиринта, как отыскать в нем зал, где живет мой брат... Минотавр. И я знаю, как можно выбраться оттуда. — Ариадна сделала паузу. Тесей ее не перебивал. — За это вы возьмете меня с собой. И женитесь на мне.

— Вы думаете, что вам лучше покинуть остров?

— Вы ничего не понимаете в любви, Тесей, — сказала Ариадна, и тон ее был тоном женщины, которая знает этот предмет очень глубоко. — К тому же если что-нибудь случится с Минотавром, то мои родители быстро догадаются, кто в том виноват. И меня убьют. Я не сомневаюсь в этом.

Тесей несколько раз открывал рот, желая вмешаться, но Ариадна движением руки останавливала его.

— Если же вы отправитесь завтра в Лабиринт, не зная его устройства, то через несколько шагов вы уже попадете в ловушку — не думайте, что Лабиринт лишь бесчисленные коридоры. Он полон ловушек, ям, капканов и тупиков, в которых копошатся ядовитые змеи. Вы никогда не доберетесь до цели. И если кто кого и выследит, то Минотавр выследит вас, ибо его заранее предупредили, что утром вы идете в Лабиринт. И погибнете не только вы — погибнут все ваши спутники. И погибнет надежда Афин освободиться от моего отца... Подумай, мой возлюбленный.

— Вы рискуете, благородная принцесса, — сказал Тесей. — Я не могу говорить о любви к вам. И я не могу обещать вам верности. Вы представляете, в какое положение вы себя ставите?

— Я рискую. Но риск... за этот риск я получаю тебя, Тесей. Кроме того, ты сейчас же поклянешься именами всех богов, что останешься мне верен.

— Ясон поклялся в том же Медее. Ничего хорошего из этого не вышло.

— Они прожили вместе долго и были счастливы.

— Я не могу с тобой спорить, — сказал Тесей, — но и не могу поклясться именами всех богов в верности к тебе.

— И я не надеялась на это. Но обещай жениться на мне.

— Обещаю, — сказал Тесей. — Я обещаю жениться на тебе, Ариадна. Если ты поможешь мне убить Минотавра.

— Если ты не убьешь Минотавра, то мне такой муж не нужен, — сказала громко Ариадна. И раздался дружный смех многих голосов, потому что от мертвого мужа мало пользы.

И тогда Кора поняла, что не только она слышала этот разговор. Оказывается, все афиняне не спали, все стояли у тонких стенок, плетенных из тростника и обмазанных глиной. И слушали.

И Тесей понял, что его спутники не спят.

Уже пожертвовав собой ради них, он не мог предать их снова.

Ариадна поднялась на цыпочки, и, угадав ее движение, Тесей склонился к ней, и их губы встретились. В сердце Кору неприятно кольнуло. В сущности это не должно было ее касаться — она лишь телохранитель античного героя. Но целовался он со своей тетушкой Амалией, герцогиней Рагозой. Это было неестественно, и Кора была против предстоящей женитьбы. Хотя в древности, особенно в царствующих домах, к этим проблемам, сохраняя чистоту крови, относились иначе. В Египте фараоны женились на родных сестрах. Но ведь то Древний Египет...

— Может быть, мы более не сможем встретиться без свидетелей, — прошептала Ариадна, — поэтому слушай. Я все приготовила заранее.

— Ты знала, что я соглашусь?

— Да, потому что ты ответствен за других людей. И это отличает тебя от всех прочих героев.

— Но мой дядя Геракл...

— Твой дядя Геракл способен думать только о себе. И не отвлекайся. Вот — твое главное оружие.

— Что это?

— Волшебный клубок. Клубок ниток. Как только за тобой закроются ворота Лабиринта, ты кинешь клубок на пол, крепко держа в руке кончик нити. Клубок сам покатится впереди тебя. И тогда ты почувствуешь или увидишь, что клубок кончается, — значит, перед тобой центр Лабиринта, логово моего прекрасного братца. С помощью этого клубка я сама бывала в Лабиринте.

— Можно подумать, что ты не любишь своего брата.

— Как можно любить чудовище, плод страшного греха?

— А как же твой отец?

— Ты намерен превратить нашу первую встречу в утро вопросов и ответов? — В голосе Ариадны Кора вновь услышала нотки герцогини Рагозы. — Скажу тебе, что для отца Минотавр — предмет гордости. Как и Лабиринт. Он из тех людей, которые могут похвалиться всем, что удивляет толпу. Даже собственным обжорством. Говорят, что в горах есть коровье стадо, где гуляет несколько его детей. Дурные примеры всегда заразительны...

— В самом деле! Я нигде не слышал об этом!

— Помолчи, мой любимый. Я пошутила. Чувство юмора — это то, что отличает великого человека от простого героя.

— Спасибо тебе за клубок, Ариадна, — сказал Тесей.

— Я пошла. Мне пора спешить.

— Я увижу тебя... — голос Тесея звучал уже куда мягче, чем хотела бы того Кора.

— К двум часам я буду на набережной, у причалов. Надеюсь, что ты не настолько наивен, чтобы не подумать о путях отступления?

Тесей улыбнулся, но не ответил.

Ариадна кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Чем меньше людей знают о твоей тайне, тем она сохраннее.

Издали слышались шум голосов и звон оружия.

Ариадна, как кошка, растворилась в утреннем тумане.

— Поднимайтесь, друзья, — сказал Тесей. — Надеюсь, что вы ничего не видели и не слышали.

* * *

К сожалению, в последующие часы Кора видела куда менее, чем ей того хотелось. Самое знаменитое событие в мифологической истории Греции — бой Тесея с Минотавром — проходило за стенами Лабиринта, и Кора могла, как и прочие, догадываться о нем только по его результатам.

Сначала слишком многочисленные отряды критской конницы и стражи согнали всех афинян, за исключением Тесея, сохранившего видимость свободы, в низкий храм, стоявший неподалеку от Лабиринта, — весьма непривлекательное и невыразительное нагромождение башен и бастионов из грубо обработанного камня. В храме, также каменном и грубом, их заперли во внутренних помещениях, видно складах, — там лежали тюки с шерстью, валялось несколько пустых амфор и битых сосудов. Кора задохнулась бы в этом каменном мешке, но, к счастью, там, как и во многих античных домах, дверей не было, а лишь открытые проемы. Кора сообразила, что пленники нужны Миносу для того, чтобы в тот момент, когда изнутри донесется торжествующий рык Минотавра либо он поднимет над центром Лабиринта какое-нибудь победное знамя, можно будет решить — то ли скормливать пленников поштучно Минотавру, то ли сперва принести их в жертву собственной похоти.

Когда глаза Кору привыкли к полумраку темницы, в которой содержались лишь девушки — пленников опять разделили по половому признаку, — Кора поняла, что сверху из-под потолка проникает свет. В неточно пригнанных плитах были щели. Тогда Кора, приказав жестом своим товаркам молчать, подтащила к стене несколько тюков с шерстью, взобралась на них и получила возможность наблюдать из блиндажа за атомными испытаниями, то есть увидела вход в Лабиринт — приоткрытые сейчас кованые бронзо-

вые ворота, площадь перед ними, заполненную кри-
тянами, и возвышение, на котором стояли самые
знатные люди страны. Впереди — толстая скотина
Минос, рядом крепкозадая Пасифая и две прекрас-
ных принцессы.

Затем на возвышение поднялся Тесей, и завязался
длинный разговор между ним и Миномом, и Кора
заподозрила, что речь идет о выборе оружия. По
примеру своего великого дяди, Тесею очень хотелось
взять с собой железную палицу, тогда как Минос на-
стаивал на бронзовом мече — оружии, конечно же,
хилом в борьбе с любым быком.

В конце концов Тесей сдался и направился к вхо-
ду в Лабиринт.

При его приближении толпа раздалась, оставляя
для Тесея коридор. Воины старались открыть врата
Лабиринта, но те не поддавались.

Если центральный вход в Лабиринт выходил на
площадь, как бы нависшую над спуском к порту, то
его боковые стены и бастионы смотрели в сторону
моря. С трудом, но Кора смогла рассмотреть стояв-
ший у причала корабль афинян. Ей показалось, что
она угадала на нем темноволосого Феака и гребцов,
занятых какими-то обычными делами и не обращаю-
щих внимания на сборище наверху.

Юноша, заменявший собой девицу, поднялся на
тюки рядом с Корой.

— Ну что? — прошептал он. — Зашел?

Остальные девицы столпились внизу. Порой кто-
нибудь из них тоже подбирался к щели, но делали
они это осторожно, чтобы не слышали стражи, ко-
торые стояли снаружи.

У черной пасти Лабиринта Тесей остановился. Он
поднял меч. Видно, ему очень хотелось, чтоб кто-ни-
будь из друзей увидел его. Ведь Тесею было страш-
новато. И лучше всех это понимала Кора. В Тесее
сосуществовали древний герой, для него этот мир
был обычен и страх был также первобытен, и рафи-
нированный демократ, студент, который самоутверж-
дался для будущих дел и политических побед, но в

глубине души, не зная этого, Тесей был более Густавом, нежели эллином.

Никто не помахал ему в ответ, кроме Ариадны, которая осторожно подняла к уху изящную ручку, словно собиралась убрать непокорную светлую прядь.

И Тесей исчез в темной пасти Лабиринта.

Затем воцарилось долгое ожидание.

Ожидание было напряженным и отвратительным, но страха за Тесея Кора не испытывала. Жалко было афинских девушек, если Тесей не одолеет быка...

Кора слезла с тюков, ее спутницы по очереди забирались навёрх, чтобы не оставлять площадь без наблюдения, но понимали, что путешествие по Лабиринту и бой с Минотавром могут затянуться надолго и еще неизвестно, чем закончатся.

Девушки уселись в рядок на тюках, обнялись и пели хором, мелодия была простая и заунывная, но знакомая, наверное, она прожила свои три тысячи лет и попадалась Коре в будущем. Пели девушки хорошо, в три голоса, потом к ним присоединился юноша. А Кора представляла себе, как Тесей идет по коридорам Лабиринта, кое-как освещенным дырами в крыше, — Кора спрашивала об этом Феака. Дырки в крыше были сделаны нарочно, чтобы сквозь них свет проникал в витки коридоров. Ведь не будешь ты отправлять слуг внутрь, чтобы они меняли факелы или масло в светильниках. Странно, подумала Кора, вот читаешь древние мифы и никогда не задумываешься: а как же видел Тесей, если в Лабиринте нет света?

...Вот он идет, настороженный, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы слушать тишину Лабиринта, — ведь Минотавр тоже не стоит в центре, склонив голову с тяжелыми рогами и ожидая врага. Он, наверное, подстерегает Тесея за углом... Осторожней, Тесей!

Но конец этой истории наступил неожиданно и оказался вовсе на таким, каким могла его себе представить Кора.

— Смотрите! — закричал юноша, дежуривший у щели.

Сначала она никак не могла сообразить, что же происходит.

Слишком далеко от нее, да еще подсвеченный созда косыми лучами утреннего солнца, крошечный человечек вылез на крышу Лабиринта — почти в центре его. В руке эта фигурка поднимала нечто круглое, тяжелое, видно было, как она изогнулась, чтобы удерживать равновесие.

И тогда скорее воображением, чем силой зрения, Кора поняла, что видит выбравшегося каким-то образом на крышу Лабиринта Тесея, который поднимает в руке голову быка.

Потом Тесей спрыгнул вниз и исчез почти на двадцать минут — пожалуй, самые длинные минуты в жизни Кору Орват.

Она старалась не выпускать из вида то, что происходит на возвышении, среди высокопоставленных зрителей.

Там царила паника.

Исход боя был настолько невероятен, что Минос и его жена отказывались в это верить и даже обвиняли Тесея в жульничестве. В то же время придумать, как же Тесей обманул их, они не могли и теряли время, сцепившись в ссоре. Какие-то высокие чины отдавали приказы и тут же отменяли их и, по мере того, как приближался момент появления Тесея, суматоха в стане критян все увеличивалась. Но так не могло продолжаться до бесконечности, и одновременно с ростом суматохи в ней появлялась некоторая осмысленность, исходившая от Миноса, который уже отменял самые глупые и поспешные решения. Вот он подозвал к себе нескольких моряков и заговорил с ними, склонившись к ним, чтобы окружающие не слышали о его решении.

Когда появится Тесей, было неясно. Но Кора полагала, что остались считанные минуты. Дальнейшее зависело от того, насколько точно его выход из Лабиринта совпадет с действиями остальных афинян. Ни Кора, ни Феак — никто из них не думал, что, убив Минотавра, афиняне получают за это обещанную свободу. Теперь надо было убежать, ибо в ином случае их сначала всех перебьют из чувства мести и

лишь потом когда-нибудь начнут мирные переговоры с Афинами.

Кора бросила взгляд к причалам — все верно. Она увидела то, что надеялась увидеть, — афинских гребцов, которые по двое, по трое перебирались на пришвартованные рядом военные суда критян и торопливо рубили топорами им днища, благо и команды, и охрана этих кораблей — все были на площади перед Лабиринтом, надеясь увидеть исторический момент — гибель Тесея.

Теперь наступила очередь действовать Коре — она была старшей в этом подвале.

Кора выхватила короткий кинжал, который был скрыт у нее под одеждой, и, подчиняясь этому знаку, другой юноша, замаскированный под девушку, также обнажил оружие.

Эрибея, по знаку Кору, осталась на тюках у щели — она должна была дать сигнал, когда Тесей появится из Лабиринта.

Юноша с кинжалом и Кора замерли по обе стороны дверного проема, за которым ходили, переговаривались солдаты. Воины обращали куда больше внимания на ту комнату, где были заточены молодые люди, — оттуда вырваться было невозможно — они были заранее обысканы, обезоружены, в дверях стояло несколько тяжело вооруженных панцирных воинов с короткими копьями, направленными на дверь. Все надежда была только на девушек, на продуманную еще в Афинах хитрость предусмотрительного Тесея — нападение должно исходить с той стороны, откуда противник его менее всего ждет.

— Идет! — крикнула девушка. — Ой, девочки, он же весь в крови! Сейчас упадет.

Шум и крики, донесшиеся с площади, казалось, поколебали толстые стены храма.

Можно было предположить, что и стражи храмовых подземелий также замерли, прислушиваясь к крикам сверху и стараясь понять, означают ли они победу Минотавра.

— Вперед! — приказала Кора.

Юноша послушно кинулся вперед, Кора за ним.

Два стража у двери, пораженные кинжалами, упали сразу, никак не ожидая нападения от девиц, которых они охраняли. Кора и ее напарник бились молча, отчаянно и быстро, стараясь, прежде чем охрана опомнится, пробиться к двери, за ней их ждали товарищи. Только вместе можно было надеяться одолеть солдат, которые растерялись от нападения, но растерянность скоро минет и тогда положение афинян будет безнадежным.

Через минуту Кора уже была у двери в подzemелье, где содержались афинские юноши.

В полутьме подвала храма мелькали черные тени, слышались крики и звон оружия, испуганный стражник встретился глазами с Корой, и та сразу в прыжке ударила его ногами в живот, надеясь, что теперь он не скоро очнется.

Хорошо уговаривать себя, что все это игра. Все это ВР-круиз, изобретение изысканных умов далекого будущего. Но когда ты наталкиваешься рукой на горячую потную кожу, когда кровь, брызнувшая из раны воина, обжигает тебе бок, когда в крике рвущегося к тебе солдата, ты ощущаешь запах чеснока — какая к черту игра!

Но надо сражаться.

Кого я убиваю? Фантомов или людей?

— Выходите! — крикнула Кора, стараясь перекрыть шум и грохот в подzemелье. — Скорее! Разберите их оружие! Выводите девушек!

Ей подчинялись. Если ты берешь на себя командование, если ты делаешь это уверенно, словно знаешь и о цели, и о том, как ее добиться, — люди готовы доверить тебе свою жизнь, надеясь, что сохранят ее вернее, чем когда будут действовать по собственной инициативе. Они не думают об этом, не анализируют, они просто начинают двигаться быстрее и осмысленнее.

Афиняне пробились к выходу из храмовых подвалов, и никто их не преследовал, настолько оставшиеся в живых воины были растерянны и испуганы тем, что произошло.

Кора не потеряла чувства направления и умения ориентироваться.

Опрокинув нескольких воинов, что находились у храма, афиняне толпой кинулись вниз, к кораблю.

Там у кормового весла стоял Феак и кричал на гребцов, торопя их занимать свои места. Корабль уже развернулся так, что с причалом его соединяли лишь узкие мостки, а по оба борта было открытое водное пространство, в которое гребцы опустили весла, готовые сделать первый гребок.

Теперь Кора, замыкающая группу афинян, смогла обернуться назад и увидеть, как обстоят дела у Тесея.

И вовремя, потому что она стала свидетелем исторического момента.

Именно в эту минуту, измазанный кровью, смертельно усталый, шатающийся, Тесей кинул к ногам Миноса колоссальную голову его сына — тугая шерсть кучерявилась на крутом лбу быка, рога были позолочены, глаза полуоткрыты... Голова с тяжелым глухим стуком ударилась о землю.

— Афины свободны! — воскликнул Тесей.

— Взять его! — Минос как будто ждал именно этого мгновения, но не успел опередить слова Тесея.

Но рядом с Миномом не было простых воинов — он настолько далеко прошел вперед к Лабиринту, что рванувшаяся за ним толпа придворных и знатных критян оттеснила охрану, и потому произошла заминка. Сам же Минос не смог вытащить меч. Ну а что касалось критской знати, то ни один из князей царства не посмел поднять меч на Тесея...

Ариадна уже бежала по крутому склону вслед за группой афинян. Она специально надела в то утро короткий хитон, чтобы он не мешал ей бежать. Да ее никто и не преследовал, потому что все внимание в тот момент было приковано к Тесею.

Тесей кинул взгляд в сторону моря. И сразу оценил обстановку.

Афиняне уже подбегали к причалу. Быстроногая Ариадна вот-вот их догонит.

— Прощай, царь Минос! — крикнул Тесей и помчался вниз, следом за своими спутниками.

И тут вся масса критян, включая стариков, женщин и детей, которые пришли полюбоваться на праздник, набирая скорость и издавая зловещий звук,

словно гигантский рой пчел, покатила по склону к кораблям.

Впереди гигантскими прыжками неся, обнажив свой меч, сам царь Минос. За ним его охрана и полководцы. Затем придворные, потом просто воины и просто зрители.

Кора помогала юношам забрасывать визжащих девиц в корабль.

Тесей крикнул еще с полпути, но так, что голос его докатился до кормчего Феака:

— Днища у их кораблей проломлены?

— Проломлены, царевич. Поспеши!

И в самом деле уставшего Тесея настигали враги.

Тогда он остановился и стал крутить мечом, стараясь задержать толпу.

Но толпа лишь на мгновение замедлила движение, а потом задние ряды стали так напирать на передние, что Тесей понял — ему не удержать критян.

Он снова побежал и успел на причал в последний момент, умудрившись еще подхватить на причале Ариадну, которая выбилась из сил и рыдала в ужасе, что не успеет на корабль.

— И... раз! — крикнул Феак.

Весла дружно разрезали спокойную зеленую воду, и тяжелый корабль сразу сделал прыжок вперед.

Преследователи, заполнявшие причал, после минутной растерянности начали обстреливать беглецов из луков и метать дротики — стало темно от потока острых стрел. Дротики и стрелы выбивали дробь по бортам и банкам корабля, кого-то ранило, кто-то вскрикнул, кто-то уронил весло, и один из бывших заложников кинулся на скамью занять место раненого гребца.

Но уже через минуту стрелы перестали долетать до корабля.

А на причале и возле него кипела суматоха. Критяне старались вычерпать воду из боевых кораблей, продырявленных афинскими гребцами, затыкали дыры паклей. Всадник поскакал в соседнюю бухту, чтобы поднять там вторую критскую флотилию.

— Поставить парус! — приказал Феак.

Черный парус пополз вверх по мачте и, подхватив ветер, надулся пузырем.

Теперь нас никто не догонит, подумала Кора. Удалось.

Тесей лежал во весь рост на скатанном на дне белом парусе. Он был измазан в крови так, словно купался в ней.

Никто не задавал ему вопросов.

Тесей тоже молчал.

Потом сказал:

— Надо не забыть...

Никто не понял, о чем он говорит.

— Надо не забыть, — повторил он, закрывая глаза и засыпая, — сменить парус.

Тесей заснул.

Никто к нему не приближался.

Лишь Ариадна сидела в двух шагах от него, с опаской поглядывая на афинян, которые делали вид, что не замечают ее, им трудно было понять, спасительница ли она или дочь врага... и чего от нее ждать.

Так же на нее смотрела и Кора.

Она почти не сомневалась в том, что Ариадна — идеализированное компьютерное воплощение дамы Рагозы.

И теперь, когда простые подвиги позади, придется не спускать глаз с этой девицы. Она опаснее для Тесея десяти Минотавров.

Ветер крепчал, Феак велел сушить весла, гребцы заговорили, вспоминая приключения прошедшего утра, к ним присоединились и заложники, каждый рассказывал о том, что происходило вокруг него. Коре тоже досталось — оказалось, что она настоящая амазонка и перебила человек десять критян. К счастью, это было не так. Но Кора не спорила. Она тоже устала и не выпалась.

* * *

Во сне Коре казалось, что Ариадна превращается в скрипящую пергаментом герцогиню Рагозу и, вновь став юной, медленно переступая по-

балетному, приближается к раскинувшемуся на парусе Тесею. В руках у нее нож, и Коре понятно намерение герцогини: сейчас она отрежет голову принцу Густаву и кинет ее в море туда, где, преследуя корабль афинян, несутся стаи акул... Надо проснуться и остановить убийцу, ведь задача Кору не допустить гибели принца! Если ты не смогла помочь ему в Лабиринте, то помоги хоть на узком пространстве корабля.

Кора вскочила. Села. Корабль беззвучно скользил по черному морю, опасных акул в Ионическом море никогда не водилось... Тесей спокойно спит, он виден кормчему и впередсмотрящим. Ничто ему здесь не может угрожать. Ариадна тоже спит, свернувшись калачиком на кошке среди других афинских девушек.

Кора не сомневалась, что Ариадна задумала убийство Тесея, — но как?

С этой мыслью она уснула снова, а потом, на рассвете, ей уже в полусне показалось, что она вот-вот догадается, в чем же загадка, но тут случилось трагическое происшествие, которое заставило Кору на время забыть о своем задании.

• Она как раз ополоснулась забортной водой и, посетив примитивный туалет, прикрепленный на носу корабля, чтобы волны омывали его, уселась среди девушек в ожидании утренней пищи — лепешек, пресного сыра и простокваши, разведенной водой.

Настроение у всех было чудесное; эйфория выпавшихся победителей, когда вчерашние испытания вызывают лишь слишком громкий смех. Оказывается, с самого начала афинянам было ясно, что все хорошо закончится.

Тесей еще спал, и это единственное, что удерживало молодежь от желания поднять страшный шум.

И вдруг Феак, который так всю ночь и не покинул своего места кормчего и внимательно оглядывал горизонт и небо, чтобы определить курс судна, предупреждающе крикнул. В голосе его звучала тревога, и мгновенно необузданное веселье афинян сдуло как ветром. Все обернулись туда, куда показывал кормчий.

Там, высоко в небе, выше облаков, куда могли подниматься лишь орлы, догоняя корабль, неслись две точки, две птицы. И казалось бы ничего угрожающего от них не могло исходить.

— Что там? — спросил Тесей, мгновенно просыпаясь и хватаясь за мачту.

Кора поняла, что за прошедший день он стал куда старше и его уже не назовешь юношей. Тесей поправил несуществующую дужку очков и, как бы почувствовав взгляд Кору, на мгновение перевел на нее взор и улыбнулся ей открыто и даже задорно. Кора показала взглядом на проснувшуюся и сидевшую, обхватив колени тонкими ручками, Ариадну. Ариадна, не отрываясь, смотрела на своего мужа — ведь Тесей ее муж? И ей был очевиден обмен взглядами между Корой и Тесеем.

Ариадна поморщилась, она была недовольна. Приоткрыла было рот, чтобы что-то сказать, но новый крик Феака отвлек и ее.

Теперь уже было понятно, что в небе летят не птицы, а какие-то иные существа — вернее всего, люди, ибо тем, у кого было острое зрение, стали видны человеческие тела, расставленные для равновесия ноги и головы без клювов.

— Это боги! — пискнула Перибей.

— Нет, — сказала Ариадна, вставая и протягивая руку Тесею, чтобы он ее поддержал. Тесей взял ее за пальцы. Кору внутренне передернуло.

— Нет, — повторила Ариадна, — думаю, что это Дедал убегает от гнева моего отца.

— Но почему? — удивился Тесей. — Он же пользуется полным его доверием?

— Вас там не было, — сказала Ариадна. — Вас там не было, у Лабиринта, когда в дверях появился Тесей с головой моего брата. И мать Пасифая, увидев, что ее сын погиб, нечаянно, не удержавшись, закричала: «О боги! Какое горе! Лучше бы Дедал не делал мне ложа для того, чтобы я могла отдаться белому быку! Каждая страсть ведет к горю!» Так кричала моя мать, не отдавая себе отчета в том, что выдает себя. Ведь все при дворе, включая отца, думали, что

она — невинная и несчастная жертва того быка. И тогда отец, и без того преисполненный гнева, обернулся к мастеру Дедалу и крикнул: «Смерть тебе, изменник!» Я не знаю, чем это кончилось, потому что вскоре я и сама убежала... Но я знаю, что Дедал давно уже учился летать, он склеивал орлиные перья воском, присоединял их к тонкой раме и делал крылья, чтобы крепить их к рукам. Я думаю, что это он.

— А кто второй?

— Второй — его любимый сын Икар, — сказала Ариадна.

Все смотрели, как две фигурки приближались, нагоняя корабль.

А Кора вдруг вспомнила недавний разговор в гостях у кентавра Фола. Разговор, в котором упоминалось о гении и злодействе...

Гелиос, бог Солнца, уже высоко взбежал в своей колеснице на небо, и потому приходилось прикрывать глаза козырьками ладоней, глядя, как летят отец и сын. Один из них летел прямо, невысоко над морем. Ровно и настойчиво. Второй все норовил то коснуться крылом волн, то устремиться к легким облакам, к самому Солнцу.

Разумный летун был уже близок, и черты его лица были знакомы Коре. Конечно же, это Дедал.

Стало очень тихо. Утреннее море было спокойно, словно зеркало, ветерок дул ровно и беззвучно, и вдруг все услышали, как кричит Дедал:

— Мой сын, берегись! Не воспаряй высоко, чтобы Солнце не растопило воск! Ты слышишь меня, Икар?!

И тут Кора поняла, что Икар отлетел уже так высоко и далеко, что вряд ли слышит предостережение отца, — ведь он взмахивал крыльями и ветер свистел в ушах и шумел в орлиных перьях.

Кора знала, чем закончится сейчас эта история. Об этом она читала.

Что-то творилось с крыльями Икара — они начали изгибаться, оплывать, терять свою изысканную и совершенную форму.

Дедал начал было набирать высоту, но потом спохватился, что рискует погибнуть сам, не спасши сы-

на, и продолжал полет, лишь глядя, как мимо него, набирая скорость, с отчаянным криком: «Отец, спаси!» — летел, кружась, как подбитая стрелой птица, его сын Икар.

Он ударился о воду, подняв высокий фонтан, и сразу исчез с поверхности моря!

Феак, не дожидаясь приказа, налег на кормовое весло, разворачивая корабль в ту сторону, гребцы, не ожидая команды, кинулись к веслам и принялись часто грести.

Дедал кружил над тем местом, где упал в море Икар.

Корабль достиг этого места через несколько минут, но на поверхности гладкой воды лишь медленно плавали белые с черным орлиные перья.

Дедал молча и упорно кружил над кораблем, будто не видя его.

И вдруг кто-то из гребцов крикнул:

— Смотрите!

Из глубины синей воды медленно поднималось тело Икара — море отдавало его.

Несколько гребцов сразу же прыгнули за борт и, поддерживая тело Икара, передали его своим товарищам, которые склонились с борта.

— Дедал! — крикнул Феак. — Ты видишь островок, вон тот, с каменной скалой, стоящей отдельно. Мы причалим к нему и поможем тебе похоронить сына.

Дедал не ответил, он полетел к острову, и когда гребцы через час вынесли на берег тело Икара, Дедал ждал их. Рядом лежали аккуратно сложенные крылья. Он не сказал ни слова во время похорон.

Потом корабль взял курс дальше, к острову Наксос, чтобы набрать воды и фруктов. Впереди предстоял целый день пути. Дедал же вновь поднялся в воздух и вскоре растворился в облаках.

* * *

Кора с интересом наблюдала за жизнью неожиданно создавшейся семьи Тесея, впрочем, странность ее не ускользнула от внимания и прочих

афинян. Вокруг перешептывались, словно на балу, где ждали, пригласит ли Дантес прекрасную жену Пушкина на вальс или не посмеет.

Конечно, сравнение было не очень удачным, просто иного Коре в голову не пришло. Вскоре после того, как афиняне предали земле погибшего Икара и окрепший ветер, срывая с вершин волн белые барашки, еще быстрее понес корабль к дому, Ариадна перешла к Тесею, и они вместе с ним поели так же, как остальные гребцы. На корабле, правда, оказалось несколько амфор вина, и, смешивая его с водой, молодые люди утоляли им жажду и успокаивали нервы.

Кора, которая сидела неподалеку от Тесея и Ариадны, слышала каждое слово, сказанное ими, и находилась в таком же недоумении, как и прочие путешественники.

— Не знаю, — сказал Тесей, откусывая от большого ломтя сыра, — как я представлю тебя жителям Афин и моему отцу. Ты знаешь, что у нас не любят критян. Слишком много несчастий из-за вас...

— Не говори глупостей, — ответила Ариадна. — Афиняне поступали с моими соотечественниками вдесятеро хуже. Еще недавно у меня было два славных брата — одного из них подло убил твой отец...

— Ариадна!

— Я имею право говорить правду! Вся Эллада знает, что моего брата убили из-за зависти. А второго моего брата убил ты, и твои руки до сих пор по локоть в крови.

— Но, Ариадна! — Тесей пытался оставаться по крайней мере вежливым. — Кто дал мне клубок? Кто предложил себя в жены, если я убью твоего брата?

— Вот это и ужасно! — крикнула Ариадна. — Вот это и ужасно, если ты довел несчастную, совершенно невинную девушку до того, что она предала свою семью и кинулась в объятия чужестранца... Впрочем, и объятий еще не было...

— Не спеши, Ариадна, — ответил Тесей. — Мы приедем с тобой в Афины, я представлю тебя как следует моим родителям, мы сыграем свадьбу. В лучших античных традициях.

— Я не верю тебе, потому что я полюбила тебя с первого взгляда, а ты меня так и не полюбил.

— Ариадна, уважаемая мною, Ариадна. Я тебе по гроб жизни буду благодарен за то, что ты сделала для моих родных Афин. И мои спутники также вечные твои должники.

Неожиданно нестройный гул голосов донесся со всех концов корабля — оказывается, все без исключения его пассажиры, были слушателями этой беседы и выражали согласие с Тесеем

— Не подменяй важные понятия! — возмутилась Ариадна, поднимая тонкую ручку, чтобы остановить афинян от участия в беседе. — Любовь и уважение — это не только различные чувства, это чувства взаимоисключающие. В течение тысячелетий люди говорили и будут спрашивать одно и то же: «Ты меня любишь?» и отвечать: «Нет, я тебя уважаю».

— Это близкие чувства, — попытался возразить Тесей.

— Помолчи! — Глаза Ариадны горели светлым, небесным пламенем. Лицо густо покраснело. Такая женщина может приказать казнить, хотя не сумеет сама вонзить кинжал. — Я хочу тебя предупредить при всех твоих спутниках — у меня на борту полсотни свидетелей. Ты станешь моим мужем, ты полюбишь меня, и когда ты унаследуешь трон Афин, я стану афинской царицей. И если ты посмеешь каким-то образом попытаться избежать своей судьбы, то берегись — месть моя достанет тебя в любой точке Земли.

— И все же, — Тесей проявил упрямство, что вообще-то свойственно мягким по натуре людям, — при всех твоих замечательных качествах я не могу сказать, что успел полюбить тебя за те несколько часов, которые мы знакомы. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ответить тебе взаимностью, но и тебе придется быть терпеливой — я не могу полюбить по приказу и за полчаса.

Восторженные, приветственные крики и даже аплодисменты донеслись со всех концов корабля, что вызвало недовольную гримасу на лице Ариадны.

История с гибелью Икара отняла у корабля чуть ли не полдня, так что по дороге к Наксосу пришлось сделать еще одну остановку, чтобы переночевать на островке без названия, на котором, к счастью, выбивался из-под скалы родничок пресной воды, а в бухточке, куда он впадал, кружились в хоро- воде несколько сирен.

Вечер выдался теплым, некоторые из гребцов нырнули в бухточку, чтобы порезвиться с сиренами, но Тесея это не волновало, потому что бухта была не- глубока и вход в нее так узок, что достаточно было посадить двух гребцов покрепче, лишенных музы- кального слуха, на случай, если кто-то из молодежи решит уплыть в открытое море с сиреной и погиб- нуть в его пучине. Но у сирен в тот вечер не было агрессивных намерений, а у молодых людей — стремления к роковой любви, так что они только ре- звились с сиренами в бухточке, а кому было неутер- пез, вылезали с ними в прибрежные кустики и предавались там ласкам.

Тесей отправился помогать гребцам — во время отплытия с Крита треснула мачта, и ее надо было починить. К тому же в двух местах была повреждена обшивка.

Кора услышала, как Ариадна подсела к рыжему горбуну Навсифою. Тот сидел у кормового весла. Ариадна говорила тихо, почти шепотом, Коре при- шлось включить свой слух на полную мощность, но и то она скорее догадывалась, чем слышала, о чем разговаривала царевна со скромным кормчим.

— ...Нет, — донеслось до Кору. — Я хочу знать твою самую главную мечту.

— Жениться.

— И ты знаешь на ком?

— Она не выйдет за меня, потому что я урод.

— Потому что ты урод или потому что ты беден? Что случилось, если бы ты стал богатым?

— Тогда ее отдадут за меня. Но зачем ты задаешь такие вопросы, госпожа Ариадна?

— Я готова дать тебе деньги на выкуп твоей невесты.

— Нет. Это невозможно. Они очень богатые люди.

— Сколько?

— Полталанта серебра.

— У нас на Крите другие меры... Сколько это будет в деньгах?

Помощник кормчего посмотрел на царевну, как на сумасшедшую.

— Царевна не знает, сколько драхм в таланте?

— Забыла. Мне можно забыть. Мне деньги давали без счета.

— В таланте шесть тысяч серебряных драхм.

— Ничего мне это не говорит, — растерянno проговорила Ариадна. Она готова была уже позвать на помощь Кору, но спохватилась. Ее выпуклый лобик наморщился. Видимо, в отличие от Кору Ариадна не так тщательно учила домашние задания.

— Это много? — растерянno спросила она.

— Два таланта серебра — это ваш вес, госпожа. Значит, за четвертинку можно выкупить мою невесту.

Навсифой не был уродлив и кособок. Скорее он казался чрезмерно сутулым. А лицо у него было мрачное, обезьянье, но лукавое, как у сатира.

Ариадна окинула взглядом собственное тело, взгляд ее остановился на ноге. Она подобрала ногу.

— Очень дорого, — согласилась она. — Но я вам могу помочь.

— Весьма благодарен, госпожа, — сказал помощник кормчего. — Но что я должен за это сделать? Бесплатных чудес не бывает.

— Это мы обсудим с тобой потом, — сказала царевна.

Чем-то Навсифой не понравился Ариадне, не вызвал доверия. А может быть, цена показалась слишком велика?

— А что надо делать? — спросил помощник кормчего.

— Выполнить мою просьбу.

— Какую?

— Скажу тебе ночью, когда пристанем к острову.

Навсифой пожал широкими плечами.

— Ариадна! — окликнул невесту Тесей. — Ты бывала на Наксосу?

— Да, — быстро ответила Ариадна.

Ариадна могла там бывать — Наксос близок к Криту, хоть и относится уже к Кикладам. Пока же это дикие, ненаселенные и даже отдаленные земли. На Наксосу иногда ночуют рыбаки или пережидают ночь и непогоду мореходы, что держат путь из Карики в Аттику или на Крит, но постоянно там живут лишь духи ручейков, порой заплывают океаниды, и, говорят, там пасся Пегас.

— Там есть пресная вода? — спросил Тесея.

— Там текут настоящие речки. Это большая земля.

— Там есть деревья?

— Там есть даже оливковые деревья. И там есть дикие козы.

Голос Ариадны был серебряным, ласковым, нежным. Она легко, по-кошачьи, подошла к Тесею.

Зачем она предлагала горбуну деньги? Она готова была заплатить много. За убийство Тесея? Это правдоподобно. Ей самой трудно убить жениха так, чтобы нам не удалось его оживить. С помощью могучего горбуна она могла что-то придумать.

— Эй, Феак, — окликнул кормчего Тесея. — Ты знаешь на Наксосу хорошую бухту?

— Я не водил туда корабли, — ответил Феак. — Но говорят, что там есть бухты.

— Есть, я знаю, — вмешалась Ариадна. — Я покажу.

— У нас новый кормчий, — крикнула Перибей, которая, естественно, не выносила критскую пассажирку.

— Там есть даже пещера, сухая и удобная. В ней раньше жил дракон, но потом его изгнал кто-то из древних героев. Я покажу вам. Отец возил туда нас с сестрой, когда мы были маленькими...

Ариадна смотрела на Тесея влюбленными глазами. Даже Коре было трудно поверить, что за очаровательным обликом этой девушки, почти ребенка, скрывается изощренная в интригах герцогиня.

Затем потянулся томительный, долгий день. В середине дня ветер упал, и гребцам пришлось взяться за работу. Но они были рады размяться. И Коре даже казалось, что корабль побежал еще быстрее.

По сторонам были видны острова, но близко к ним корабль не подходил, порой встречались рыбацьи лодки, один раз на фоне поросшего соснами крутого берега они видели парус большого торгового судна, — вот и все события за день.

Ариадна, как заметила подозрительная Кора, выбрала для обработки еще одного молодого человека, того юношу, что был заслан в девичий лагерь кинжальщиком. Юноша с первого мгновения не сводил с Ариадны восхищенного взора и потому показался Коре куда опаснее, чем горбатый кормчий.

На корабле трудно подслушивать, если люди не хотят, чтобы ты слышала их разговор, а Ариадна была осторожна. Коре удалось разобрать лишь отдельные фразы, а то и слова. Но она сделала важный вывод — Ариадна не склоняла юношу к каким-нибудь действиям. Она лишь кружила ему голову, проявляя к нему больший интерес, чем положено царевне, причем ей оказалось легко это сделать, так как Тесей был занят своими планами, мыслями и разговорами. Он потратил, в частности, часа два на обсуждение с Феаком плана путешествия морем к Понту Эвксинскому для повторения подвига Ясона. Тесей был честолюбив, и в нем сидел тот черт, что отправляет Магеллана искать неизвестно что в пустом океане. А потом дети вынуждены заучивать имена этих великих людей.

Ариадна ворковала, ее горловые, с придыханием рулады доносились до Кору, и она видела, как юноша-кинжальщик таял на глазах, ей даже казалось, что он становится меньше ростом.

Пожалуй, правильно. Кора на месте Ариадны повела бы себя точно так же.

Сначала попробовала бы стойкость мужчин, тех, кого надо будет использовать в своих интересах, и, отыскав нужного, превратила его в воск.

Что касается воска, об этом Коре было неизвестно, но вот короткий хитон Ариадны уже не раз задирался достаточно непристойно, даже по древнегреческим нравам. Царевны из хорошего дома так не поступают. Но остальные афиняне этого не замеча-

ли — благодарность к Тесею, который вытащил их из большой беды, вспыхнув поначалу, уже погасла — все они были сверстниками, приятелями. Они спаслись, они здоровы, веселы, сыты, скоро будут дома, — вот и отлично!

Так что Кора предчувствовала, что основной опасностью для путешественников станет сохранение невинности немногочисленных афинских девиц.

Это не означает, что саму Кору сильно пугала эта перспектива, она всегда умела обращаться с нахалами, которые забывают спросить у девушки разрешения на близость. Но что будет с пухленькой Перибеей — страшно представить!

К счастью, поднимающийся пологими холмами над морем, поросший соснами и кедром, чудесный остров Наксос оказался гостеприимным, как обещала Ариадна.

Корабль вошел в тихую бухту, куда впадала небольшая, мирно журчащая по камням речка, в бухте медленно плавали крупные и весьма миролюбивые лебеди, череп большого дракона валялся, наполовину погрузившись в песок, а из кустов, подходивших к пляжу, выглядывали любопытные физиономии нимф, nereид и фавнов, видно, расплодившихся на острове за отсутствием людей.

Обилие жизнерадостных и изголодавшихся по любовным утехам нимф порадовало Кору. Значит, тем афинянкам, кто бережет честь смолоду, удастся отоспаться в одиночестве.

Ариадна не обманула своих спутников. Остров и на самом деле был мирным, лесистым, полным всевозможной живности, а также дарующим плоды и ягоды.

С веселыми возгласами афиняне разбежались по острову, и вскоре их голоса перемешались с глоссами птиц и нимф. Порой кто-нибудь выбегал из леса и выпрашивал у горбуна Навсифоя очередной бурдюк с вином или круг сыра. Да кормчий и не жадничал, до дома оставалось немного и по обжитым путям — чего экономить?

Лучи вечернего солнца пронзали пожелтевшую и поредевшую листву деревьев. Ариадна, легко пере-

прыгивая через упавшие стволы и обегая камни, вела их крутой заброшенной тропинкой к гроту над речкой.

Грот и на самом деле оказался сухим, даже уютным. Свет попадал внутрь сквозь широкое отверстие входа. Вернее, входа и не было, скорее, это было углубление в скале с нависшим каменным козырьком.

Дно грота было ровным, у входа грудой поднимались сухие листья.

— Вряд ли здесь мог поместиться дракон, — сообразил здравый умом Тесей.

— Это мог быть небольшой дракон, — ответила Ариадна и слегка покраснела, словно была виновата в том, что дракон не поместился в эту пещеру. — Но даже если здесь жил всего-навсего медведь, мы же можем здесь переночевать... с тобой?

Перед последним словом Ариадна сделала паузу, и Кора подумала, что тетя Рагоза может полностью войти в роль. Неизвестно еще, как влияет ВР-круиз на тех, кто попадает сюда нелегально? Во всяком случае сейчас она искренне смотрит на Тесея, как на своего жениха, на мужа, с которым намерена сегодня ночью разделить ложе.

Ариадна протянула тонкую руку и взяла Тесея за пальцы. Она ввела его в грот, словно в спальные чертоги.

— Нет, — сказала она без печали, — не так я представляла себе свадьбу дочери царя Миноса.

— А как? — спросила Кора, потому что Тесей рассматривал окрестности, игнорируя торжественность момента.

— Шумно, — ответила Ариадна и замолчала, будто вспомнила о чем-то более важном, чем свадьба, и забыла о брачной ночи.

— Вас что-то беспокоит? — спросила Кора.

Ариадна посмотрела на нее холодно.

— Как трудно без служанок, вы не представляете, девушка, — сказала она.

Но должность служанки она Коре не предложила. Хотя сегодня Кора бы не отказалась от нее.

— Простите, царица, — сказала Кора. — Я могу помочь вам...

— Зачем? — спросила Ариадна. — Мне приятней самой нарвать зеленых ветвей и сделать ложе нам с возлюбленным, мне удобней самой принести кувшин с родниковой водой. Здесь нет румян, белил и помад, здесь нет благовоний и духов. Здесь мы все такие, какими нас сделали боги.

Кора покорно поклонилась и отошла. По крайней мере, Ариадна отлично владела собой и ее фраза о том, что боги сделали герцогиню Рагозу молоденькой Ариадной не звучала лицемерно. Герцогиня верила в это и была совершенно права.

— Ты не занята? — вежливо спросил принц Густав, но не у Ариадны, а у Кору.

Рука Тесея была кое-как перевязана — Минотавр не хотел умирать. На щеке — ссадина, к тому же, судя по манере держаться, герой сломал два или три ребра, в том месте панцирь из литой бронзы прогнулся и с трудом выдержал удар рога. В этом мог убедиться каждый, кто поднялся бы на борт корабля: панцирь был привязан к мачте.

Тесей шел прихрамывая, держась рукой за бок.

Он вывел Кору на площадку, господствующую над бухтой, где стоял корабль.

— Я эту площадку снизу разглядел, — сказал Тесей. — Отсюда виден весь мир. Даже край земли. Вон там, — герой сел на камень, и ему пришлось, сморщившись, перевести дух, — края гипербореев. Слышала о таких? Оттуда родом Аполлон. В той стране летом никогда не заходит солнце, а зимой оно не поднимается вовсе. Гипербореи достигли счастья. Они не убивают себе подобных...

— Афины — счастливый город, — произнесла Кора.

Тесей уселся поудобнее, боль отпустила, и он сказал:

— Твое тело — само совершенство. Оно наполнено жизнью, и каждая линия его нужна и правильна, как линия тела у пантеры.

— Тебе мало ссадин и переломов, которые нанес Минотавр? — усмехнулась Кора. — Ты решил напасть на богиню?

— Во мне нет сил напасть на тебя, хотя я желаю тебя, незнакомка. Боюсь, что ты и в самом деле не живешь на Земле.

— Зачем ты позвал меня сюда?

— Мне не у кого спросить совета.

— Совета о твоей новой жене?

— Наш брак может принести счастье и Афинам, и Криту. Породнятся два самых могучих царских дома и возникнет держава, которой не будет соперников во всех морях. Но беда в том, что она не любит меня, — сказал Тесей. — Это видно по ее глазам.

Он не спрашивал. Он утверждал. И замолчал, поглаживая бок.

— Тебя интересует мое мнение?

— Да, Кора.

— Я была бы осторожна.

— Ты думаешь, что Минос нарочно подослал ее ко мне? Нет, этого быть не может. Это означало бы, что Минос по доброй воле пожертвовал своим сыном. Унизился перед всем миром не в силах справиться с горсткой... молодых людей.

— Нет, этого быть не может. Минос здесь ни при чем.

Внизу, в бухте, было уже полутемно. Солнце давно ушло оттуда, погрузив залив в синеву. Возле корабля на песке горел костер, и люди вокруг него казались черными тенями. На высокой корме корабля чуть поблескивал в вечернем воздухе панцирь часового — Феак никогда не забывал об осторожности.

— Тогда в чем дело?

Кора промолчала.

— Пускай я молод, — продолжал Тесей. — Но я знаю девушек, я знаю, что означают взгляды и движения, робость прикосновения и боль поцелуя. Я не вижу любви в глазах моей невесты. Я не вижу даже страсти, даже желания быть моей женщиной, моей самкой — ну почему? Разве так может быть? Разве я мог когда-нибудь помыслить, что моя свадьба будет именно такой?

— А ты? — спросила Кора. — Что чувствуешь ты? Любишь ли ты ее? Желает ли ты ее?

— Как твою бабушку, — ответил Тесей.

Кора отвернулась к морю, чтобы скрыть улыбку.

— Пусть все будет как будет, — сказала Кора. — Ложись спать в положенное время. Избегай этой женщины, так как оракулы гласят — тебе выпадет несчастье, если ты войдешь в нее. Уже к утру все станет ясно. Вот увидишь.

— Что станет ясно?

— Она выдаст себя. У нее нет свободного времени. Она спешит.

Кора сделала шаг вперед вслед за отблеском заката, чтобы алое сияние светило ей справа, а Тесей глядел на нее слева. Чтобы Тесей видел все линии ее тела, чтобы оценил длину ее ног и озаренных пламенем волос.

Тесей даже приподнялся, наслаждаясь этим зрелищем, но боль в боку и ноге заставила его воскликнуть:

— О жестокие боги! За что вы лишили меня мужской силы и резвости именно в ту ночь, когда мне могла принадлежать наипрекраснейшая из дев!

— Он имеет в виду Ариадну, — пояснила Кора, как бы переводя монолог богам.

— Замолчи, глупая! — рассердился раненый герой. — Речь идет о тебе, и я докажу тебе, что это все означает, как только у меня заживут хотя бы самые глубокие из ран.

К сожалению, подумала Кора, я к этому времени буду вынуждена покинуть ваши приятные края.

— Боги могут рассудить иначе, — ответила Кора вслух, обнаружив в себе немалое кокетство.

Герой зарычал, но был бессилен противопоставить что-нибудь воле богов, и это встревожило Кору, потому что она предпочла бы, чтобы ночью Тесей был более подвижен, — могут предстоять резкие движения.

Кору более всего злило то, что она не могла представить себе плана Ариадны. У нападающего в такой ситуации миллион возможностей, у того, кто защищается, не зная от чего, не так много шансов уцелеть. Кто-то из древних, может быть и даже из ее

знакомых, зная что ему такого-то числа грозит неминуемая смерть, надел шляпу и ушел гулять в степь, приказав своей армии оцепить степь по периметру. Там пролетел орел, неся в когтях черепаху, уронил ее, да так умело, что проломил герою череп. Интересно, Тесей знает эту историю? Если знает, значит, она уже случилась. Если она ему неизвестна, то герой еще гуляет.

Кстати, где наша Ариадна? Где наша невинная крошка, которая намерена нынче ночью разумно распорядиться своей невинностью?

— Пойди отдохни, герой, — посоветовала Кора. — Ты сегодня устал.

— Это я вчера устал, — разумно возразил Тесей. — Сегодня я не успел совершить ни одного подвига.

— Кстати, — не удержалась Кора. — Тебе не приходилось слышать историю про то, как одному человеку предсказали смерть?

— Я слышал тысячу таких историй.

— И он ушел гулять в степь.

— Дурак. В степи отлично стрелять из лука.

— Но тут пролетал орел и уронил черепаху.

— Ему на голову? — обрадовался своей догадке Тесей. — Вот это да! Вот это совпадение! А ты — все: воля богов, воля богов! А ему черепахой по голове!

Тесей прервал смех — видно, в голове отозвалось болью. Он поднялся и, опираясь на Кору, побрел вниз.

Ариадны в гроте не было, ложе любви она тоже забыла приготовить.

Странно, неужели она задумала каверзу до свадьбы? Кора на ее месте все же не удержалась бы, потеряла бы невинность с самим Тесеем. Правда, если Ариадна помнит, что это ее любимый племянник, которого она качала на коленке, то, может быть, у нее другие планы.

В греческом октябре, когда деревья начинают облетать, а ночи еще не холодные, зато темные, путешественники, остановившиеся на острове, ложатся спать рано, благо есть с кем лечь. Со всех сторон, и

как показалось Коре, даже с самого неба, доносились разноголосые и бравые мужские вскрики, и нежное женское лепетание — гребцы носились за нимфами, а нимфы за гребцами. Но довольно быстро эти крики становились все тише и обрывистее, Кора понимала, что даже самые бойкие козлики в такой темноте опасались сломать копытца...

Оставив Тесея в пещере, Кора осторожно начала спускаться вниз по тропинке, к кораблю. К счастью, в ее глаза было вживлено ночное видение — диапазон частот, видимый ей, был куда шире, чем у обычных людей. Так что лес виделся ей в инфракрасных лучах — серым, туманным, загадочным, но тем не менее любое движение в нем она замечала.

А вот и шепот:

— Да, мой любимый, да, мой прекрасный, как только ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, — я твоя!

— Но так темно и страшно...

Первый голос был женским и нежным, второй — мужским, вернее, юношеским. Кора замерла.

За кустами, еле видные Коре, вели беседу сплетенные в объятиях тени. И это не были случайный гребец и разделяющая его ложе из листвы нимфа. Что нужно нимфе от человека?

— Ты желаешь насладиться моим телом?

— О да, прекрасная царица!

— Тогда иди. Я жду.

— Один поцелуй, моя прекрасная!

Тени слились в одну. Кора сделала вывод, что наблюдает совершенно немыслимый в этой обстановке роман: попытку измены со стороны красавицы Ариадны красавцу и герою Тесею с горбуном низкого происхождения. Разумеется, в истории есть масса примеров тому, как красавцу предпочитали дикого козла. Особенно этим славится именно древнегреческая история. Но так как Ариадна сама выбрала себе суженого Тесея, да еще и по любви, да притом способствовала бесславной гибели единоутробного брата, то тогда ее поцелуй с помощником кормчего принимал зловещий характер.

А раз так, то необходимо поглядеть, что за задание дала милая девица грубому уроду и за какой подвиг она обещала ему свою любовь?

Страстное тяжелое дыхание кормчего становилось все громче, и Коре стало боязно, что он справится со своей крошкой раньше, чем с заданием. И тогда он потеряет интерес к диверсионной деятельности. Кора же была более заинтересована в том, чтобы иметь дело с известными преступниками, чем подозревать невинных.

Она уже готова была оттащить кормчего от царевны, но той самой удалось уцепиться за него настолько больно, что он вскрикнул, выругался на древнегреческом и прошептал:

— Давай свою медяшку.

— Повтори, куда ты ее положишь?

— Я помню.

— Повтори или тебе век моей любви не видать!

— Я поднимусь на отвесную скалу и положу медяшку. И вернусь к тебе.

— Не сразу. Ты вернешься ко мне, когда поднимется луна.

— Когда поднимется луна...

— Иди.

— Ты меня обманешь?

— Я не обману тебя. Ты прекрасный и сильный мужчина. Ты лучше всех.

— Я горбатый.

— Ты самый прекрасный из горбатых! Иди же...

Послышался треск сучьев. «Самый прекрасный из горбатых», кормчий послушно полез по скалам наверх. Но куда? Это обязательно требовалось узнать. Пока тебе неизвестно, что задумал противник, ты бессилен против его козней.

Коре приходилось куда труднее, чем кормчему, потому что он был жилист, коряв и силен, как старый горный баран. Но на ее стороне были молодость и уроки альпинизма, которые она прошла в школе месье Леблана в Ментоне. Ну и разумеется, глаза ночного видения.

Карабкаться приходилось по почти отвесной стене, правда заросшей кустарником, большей частью до-

статочно колючим, чтобы раздеть тебя через двадцать метров. Одетому в короткую куртку из грубой кожи и такую же македонскую юбку, кормчему колючки были не страшны. К тому же ему не надо было заботиться о тишине — услышит ли кто, как он карабкается, или нет, — его не интересовало. Но Кора не могла себя выдать. Поэтому ей приходилось думать о тишине, плюнув на колючки.

К ее удивлению, они оказались на той же самой видовой площадке, с которой вечером любовались закатом с Тесеем. Вот уж самое неожиданное место для альпинистских штудий!

Кормчий явно подчинялся строгим указаниям своей музы. Он подошел к росшему на площадке дереву, присел на корточки и что-то стал прятать среди корней. Затем удовлетворенно поднялся и пошел обратно, чуть не натолкнувшись на зазевавшуюся Кору, которой ничего не осталось, как замереть, приняв позу молодого платана. К счастью, кормчий был настолько занят своими мыслями и скорыми любовными забавами, что не заметил Кору.

Когда он, шумя, как небольшой танк, скрылся в зарослях, Кора быстро перебежала к дереву и протянула руку туда, где кормчий спрятал свою «медяшку». Оказалось, что за деревом через всю площадку проходила узкая глубокая трещина. К счастью, «медяшка» зацепилась за корни на глубине полуметра, и Кора смогла ее нащупать и вынуть. Потом она пригнулась к добыче. У нее был фантастический нюх, лучше, чем у собаки, — это уж было известно всем в ИнтерГполе. На Кору заключали пари и даже не раз приглашали экспертом по делам, которые не могло распутать ничто, кроме ее обоняния.

Ничего особенного. Взрыв-патрон, даже не очень сильный. Но достаточный, чтобы отколоть эту часть скалы, нависшей над обрывом. И взрывчатка Коре была знакома — сладковатый, даже скорее приторный запах. Противный запах, которому категорически не может быть места в античные времена, где пахнет маслинами, оливковым маслом, свежей рыбой, апельсинами, потом сатиров, молодым вином...

Там нет машин и нечего взрывать, если не считать машин Дедала, о которых люди скоро забудут, потому что они им пока не нужны.

Кора осторожно провела пальцем по патрону — вот микроприемник — значит, наш патрон управляется на расстоянии. А кто им управляет? Давайте допустим, что дорогая невеста, которая так благородно спасла Тесея от Минотавра, знает, что, пока цел мозг, человек может быть оживлен. Значит, человека надо расплющить, сжечь, залить кислотой — уничтожить без следа.

Замечательно. Следующий наш шаг — проверить, над чем нависла эта гигантская каменная плита. Кора казалось, что она догадывается, что находится там, под ногами, но следовало уточнить, в таких делах ошибок быть не должно.

Кора спускалась вниз. Это же надо — пронести в ВР-круиз взрывчатку из будущего. Если станет известно в правлении компании, это будет взрыв, крушение галактического бизнеса, потому что каждый житель Галактики несет в сердце нечто святое и все вместе они убеждены, что правила ВР-игры нарушить невозможно. Ты голымходишь в тот мир и голым его покидаешь. А появление дамы с взрывчаткой означало лишь то, что в ВР-компании существует коррупция, масштабов, которой даже невозможно представить.

Все правильно, спуск привел ее к гроту, в котором намеревались провести свою первую брачную ночь счастливые возлюбленные: Ариадна и Тесей!

А если рвануть хотя бы небольшой заряд, то скальная плита толщиной метров в двадцать, являющаяся элегантным навесом над гротом, мягко сядет на освободившееся место и грота больше не будет, а от обитателей грота останется, как говорится, мокрое место. Но даже об этом никто никогда не узнает.

Кора стояла в темноте, тем более непроницаемой от того, что перед входом в грот все еще горел костер. Тесея возле него не было, как и в самом гроте, — видно, спустился к кораблю. Она пыталась анализировать свои действия: почему же она не взя-

ла с собой бомбочку Ариадны? Ну хотя бы перенесла в другое место? Зачем рисковать? Но в то же время Кора отлично понимала, что она права и ее цель теперь — доказать, что Ариадна напрасно выдает себя за любящую невесту. Сейчас неважно, кем будет считать ее Тесей, главное — убрать ее от Тесея. Желательно не убивая. Все же герцогиня... Комиссар Милодар взбесится от возможных международных осложнений. А раз так, то не мешает позволить Ариадне провести в жизнь свой злодейский замысел.

Теперь следовало бы поглядеть, где прячется Ариадна, какие у нее планы. Здесь время поджигает — вот-вот пора начинать первую брачную ночь с Тесеем.

Кора осторожно двинулась к тому месту, где еще недавно таилась Ариадна.

Там шуршали кусты, ломались сучья, оттуда доносились взволнованные голоса. Не все возгласы долетали до Кору, но она услышала достаточно, чтобы понять суть происходящего:

— Да, я обещала! — это писк Ариадны. — Да, я выполняю свое обещание! Но только не сегодня!

— Это почему же... — Кора угадала голос кормчего.

— Но поймите же, глупый человек, сегодня мне предстоит брачная ночь с вашим же начальником, с принцем Тесеем. А я — невинная дева...

В ответ на это последовало рычание, треск сучьев — Ариадна билась в когтях могучего горбуна, подобно куропатке, попавшей в силки или, хуже того, в когти бурого медведя.

Повизгивания то поднимались соловьиной трелью к самому небу, то снижались до шипения бешеной кошки. Постепенно они ослабевали, и Кора отправилась вниз, к кораблю, на поиски Тесея, потому что не намерена была более выпускать его из поля зрения, почувствовав очевидное злорадство. Давай, бабуся, говорила она себе, хотя, конечно же, объективно герцогине было едва за пятьдесят, а если говорить об Ариадне, то ей и двадцати еще не исполнилось, давай, бабуся, повторяла Кора, отстаивай свою девичью честь. Ты сама накликала себе такого любовника.

К сожалению, борьба между царевной и разъяренным кормчим закончилась не столь мирно, как того хотелось Коре. Завершающий этап ее происходил на лесной прогалине, освещенной взошедшей луной, уже недалеко от моря, и никто не обратил внимания на схватку лишь потому, что вскрики нимф и возгласы подвыпивших гребцов все еще оглашали окрестные склоны и потому казались естественной частью пейзажа.

Отчаявшийся одолеть маленькую, но упрямую крошку, кормчий не придумал ничего лучше, как врезать ей кулаком в подбородок. Нельзя забывать, что это были жестокие времена и нравы оставляли желать лучшего. Ведь лишь в средние века, да и то лишь в определенных кругах общества, женщинам перестанут наносить удары кулаком в челюсть, чтобы сломить их целомудренное сопротивление.

Головка Ариадны дернулась, и она явно попала в нокаут.

Такой способ любви Кору возмутил. И хоть агент ИнтерГпола не должен ни в коем случае вмешиваться в деликатные ситуации, Кора вышла из темноты и спокойно направилась к могучему горбуну, который не спеша и поудобнее для себя раскладывал на траве свою жертву.

Впрочем, если задуматься, то окажется, что даже в такой ситуации, даже защищая честь женщины, которая вряд ли этого заслуживала, Кора не выпускала из виду интересов дела. Ей нужна была живая, здоровая и разоблаченная Ариадна. Ариадна же пострадавшая и, может быть, после любовного общения с кормчим вообще потерявшая способность предпринять что-либо злодейское, для планов Кору не подходила.

Итак Кора вышла из кустов и негромко окликнула кормчего:

— Эй обернись, насильник!

Тот не услышал.

Кора подошла поближе и похлопала его ладонью по плечу.

Кормчий вскочил и обернулся к ней. Он доставал Коре до пояса, но был шире ее втрое и скручен из мышечных канатов.

— Еще одна! — сказал он радостно, и только тут Кора вспомнила, что она совершенно раздета и притом густо исцарапана спереди, потому что вынуждена была карабкаться по кустам за этим самым негодяем.

— Погоди, — сказал кормчий, после удачного романа с Ариадной поверивший в свою неотразимость для прекрасных и знатных дам, — сейчас я с этой кончу и потом возьмусь за тебя. Подождешь, крошка?

Тогда Кора повторила тот удар, которым кормчий посылал в нокаут свою царственную возлюбленную. Причем надо сказать, что Кора проходила неплохую школу боевых искусств и сдала на пятерки все виды единоборств, кроме классической борьбы. Так что от ее удара в челюсть кормчий отлетел к дубу, росшему на краю прогалины, и ударился о него спиной и затылком. Дуб радостно загудел. Давно его так не ласкали. Кормчий тихо сполз по стволу и улегся плашмя на землю. Кора подошла к Ариадне, которая еще не пришла в себя, и, осторожно откинув ее тунику, чего не успел сделать насильник, обнаружила, как и ожидала, кожаный кошель для косметики, прикрепленный к внутреннему поясу. В кошельке, среди пузырьков, баночек и ароматических палочек, лежал миниатюрный пульт дистанционного управления. Достаточно было нажать тонким наманикюренным пальчиком на маленькую красную в цвет маникюра кнопку, как громадная скала, нависшая над гротом, который Ариадна выбрала для первой брачной ночи с Тесеем, рухнет, превратив в кашицу всех, кто не догадался раньше выйти из этого грота.

Кора осторожно положила приборчик обратно, закрыла кошель и пощупала пульс Ариадны. Пульс был слабый учащенный, но ровный. Вот-вот она придет в себя.

Кора отступила от нее, и вовремя.

Ариадна открыла глаза, и в них мутно отразились звезды и Луна.

Сознание возвращалось к ней быстро. Вот ее руки метнулись к кошельку на поясе и ощупали застёжку. Затем Ариадна провела руками по животу и ногам, решая, видно, для себя вопрос, получил ли кормчий свою плату за минерные работы... На том Кора оставила Ариадну и не спеша опустилась вниз, к кораблю, во-первых, чтобы проверить, чем занимается Тесея, а во-вторых, чтобы взять из своей сумки, оставленной на борту корабля, запасной хитон. Ей не хотелось привлекать к себе повышенное мужское внимание.

Корабль неподвижно застыл у берега, соединенный с пляжем длинными мостками. У мостков дежурил один из гребцов, вернее, не столько дежурил, сколько маялся. Кора отдала должное предусмотрительности Феака — Тесею достался хороший главный кормчий... но весьма посредственный помощник кормчего.

— Кто идет? — спросил гребец, хотя глаза его давно уже привыкли к темноте, к тому же светила луна и безоруженность Кору была более чем очевидной.

— Это я, Кора, — ответила она и подумала: а вдруг здесь уже придумали пароли и отзывы?

Оказалось, не придумали. Но вот ущипнуть обнаженную женщину ниже спины — на это у часового хватило сообразительности.

И тут же с корабля раздался оклик:

— А ну прекрати баловаться на посту!

— Спасибо, Феак, — сказала Кора. — Я зашла переодеться.

— Когда переодеваются, то вместо новой одежды оставляют старую, — разумно возразил Феак. Он лежал, завернувшись в шерстяной гиматий, на корме, на своем рабочем месте. Отсюда ему был виден и корабль, и берег.

— Резвишься? — спросил Феак, пока Кора доставала и надевала хитон и накидку, чтобы не замерзнуть ночью.

— Нет настроения, — честно ответила Кора. Но Феак не поверил.

— Когда нет настроения, — сказал он, — то не ходят голышом, чтобы мужчине не тратить ни одной лишней секунды.

— Несчастный случай, — ответила Кора.

По тону Феак понял, что она не шутит.

— Я не хотел тебя обидеть, госпожа, — сказал он.

— Я не обиделась, мастер Феак, — ответила Кора. — Вы не видели господина Тесея?

— Он только что был со мной, — ответил кормчий. — Он очень любознательный молодой человек. Из него вышел бы классный мореход. Посмотрите дальше по пляжу. Он пошел гулять.

— Скоро ему предстоит брачная ночь, — сказала Кора, — поэтому я искала его.

— Во-первых, — засмеялся Феак, — насколько я понимаю, ваша брачная ночь еще впереди и вам не следует так переживать, оседлает ли ваш жеребец другую кобылицу. Во-вторых, он сделает это без ваших советов...

— Ах, вы не понимаете, — ответила Кора. — Меня беспокоят совсем иные проблемы. Я заверяю вас, Феак, что, когда мне понадобится муж, я найду его себе без труда. Лучше бы вы смотрели за своим помощником.

— А что с ним? Он должен был подменить меня... Неужели он осмелился напасть на вас?

— Спросите его об этом завтра, — ответила Кора и решительно пошла прочь. Хоть и нечего бы обижаться на доброго Феака, но Кора была сердита — скорее всего на себя. Чем-то она выдала излишний интерес к Тесею. А ведь настоящий агент должен быть почти невидим, как паутинка, летящая над лугом.

Вдруг внимание Кору привлекли звон мечей и возгласы, которые доносились из-за скалы, отделяющей бухту, где стоял корабль, от соседней. Еще этого не хватало!

Кора кинулась туда, и пока она огибала далеко выступающую в море скалу, так что обходить ее приходилось по колени в воде, шум боя все усиливался.

Она сразу узнала Тесея. Отступая к воде, он отбивался мечом от двух нападавших на него воинов...

Неужели эта гадюка герцогиня Рагоза припасла резервный вариант?

Кора доверчиво гонялась за кормчим, да проводила время в беседах с Феаком, а тем временем Тесея намереваются разрубить на куски?

В какую-то долю секунды Кора оценила ситуацию. Тесей стоял спиной к воде и под напором противников был вынужден медленно отступать, в чем и заключалась основная опасность, так как сбоку и сзади Тесея стояли еще двое мужчин с мечами, стояли они лениво, как волки, ожидая, пока их собратья по стае разорвут оленя, чтобы потом присоединиться к трапезе. До тех двух было метров десять, и потому, когда Кора поняла, что спасение уставшего Тесея зависит от нее, она, добежав до края кустов, собралась и прыгнула вперед ногами так, что начисто вышибла дух из одного из сражавшихся, тут же перевернулась, подсекла второго противника Тесея и даже умудрилась услышать при этом, как зазвенел о камень, отлетев, его меч. Парню было больно — возможно, Кора сломала ему руку. Но оставались еще двое.

— Тесей, берегись! Сзади! — крикнула Кора и кинулась на стоявших по шиколотку в воде наблюдателей, понимая, что ее шансы на победу невелики и нет времени подобрать один из мечей.

Но тут наступил несколько неожиданный финал сражения, потому что наблюдатели, к которым она устремилась, оглашая окрестность воплями, кинулись в разные стороны, поднимая при каждом шаге фонтаны воды, а остальные сражавшиеся — имелись в виду Тесей и два его противника — понеслись в кусты.

И Кора осталась на пляже в полном одиночестве.

Глупое положение.

Ты бросаешься в бой, ожидая близкой и почти неминуемой смерти, а вместо этого обнаруживаешь вокруг такую пустоту, что даже не с кем перекинуться словом.

Кора увидела у ног меч. Это был меч с перевившимися змеями на рукоятке — героический меч Тесея. Чепуха получается...

— Тесей! — позвала Кора. — Тесей, ты здесь?

Полная тишина.

Потом заплескала вода — темная фигура появилась из-за скалы со стороны бухты, в которой стоял корабль. Фигура была невысокая, приземистая, в длинной хламиде и какой-то тряпке, накинутой на плечи.

— Эй, что за шум? — спросила фигура ворчливым голосом Феака. — Кого убили?

— Это я, Кора.

— Кого ты еще убила?

— Надеюсь, все целы, — сказала Кора. — И может быть, находятся поблизости.

Тесей первым вышел из кустов и, различив при свете луны свой меч в руках Кору, сказал голосом самого Зевса, страшно недовольного поведением гномов:

— Дай сюда сейчас же! Не дело женщине носить такой меч.

— Не дело мужчине разбрасываться мечами, — не пожалела своего героя Кора. — Особенно на дальних островах. Любая ворона может унести.

Темные тени возникли из кустов. Все четыре...

— Кто скажет мне, что происходит? — строго спросил Феак, который, будучи вдвое старше своих спутников, исполнял должность общего родителя.

— Да мы так, — сказал Тесей смущенно. — Решили немного на мечах побиться, разве нельзя? Мы же не всерьез...

Господи, они же мальчишки! Самые обыкновенные мальчишки, у которых есть сабельки, а завтра будут бластеры... Им не так хочется сражаться, как играть в войну. И клянусь тебе, Зевс, подумала Кора, что Тесею было вдесятеро приятнее фехтовать с гребцами и доказывать им свое превосходство в чистом умении рукопашного боя, чем в каком-нибудь полутемном лабиринте, тяжело дыша и страшась чудовища, втыкать меч в сердце несчастной скотины...

— Неужели она вас одна испугала? — В голосе Феака звучал смех. Но не очевидный, он, как и Кора, понимал, что обижать таких великовозрастных мальчиков нельзя. Пускай они сами догадаются рассмеяться.

— Я во всем виновата! — воскликнула Кора, стараясь опередить всех. — Прости меня, Тесей! Я так испугалась... Мне показалось, что на тебя напали какие-то страшные демоны... здесь же темно. Я так закричала, что, наверное, перепугала весь Олимп. Прости меня, если сможешь... И пусть простят меня отважные воины. Я понимаю, что когда на вас кидается перепуганная женщина, то воину лучше отойти в сторонку.

— Так мы и поступили, — сообщил сообразительный Тесей Феаку.

— Когда раздался этот дикий крик, мы решили: а вдруг это бешеная львица? Ведь тут так плохо видно, — слышался еще чей-то голос.

— Да, тут так плохо видно, — отозвались промокшие наблюдатели, которым даже посражаться не удалось. Один из них наклонился и шарил руками в воде в поисках своего меча.

— Мы с госпожой Корой искали тебя, — сообщил тактичный Феак. — Наступает ночь, и молодая жена ждет тебя на брачном ложе. Но ты так увлекся фехтованием, что Коре пришлось кричать на весь остров.

Тут наступила разрядка. Молодым людям показалось очень забавным то, что Тесей позабыл о свадьбе, сражаясь на мечах, и посыпались весьма несдержанные и даже грубые шутки в адрес женщин, а особенно девственниц или по крайней мере тех, кто впервые оказался на брачном ложе. Кора слушала непристойности терпеливо, так как никто не собирался шадить ее самолюбия. Здесь это не было принято. Любопытно, подумала она, а если я привезу парочку из этих историй и расскажу их в конторе в присутствии Милодара — он хлопнется в обморок или просто меня уволит? Надо попробовать...

* * *

Тесей шел к пещере как бы нехотя, но не задавал естественного в такой ситуации вопроса: а какого черта эта женщина Кора тащится за ним

в свадебный грот? Или она намерена присутствовать при таинстве? Скорее всего он был подавлен происшествием на берегу, как-то в одночасье смявшим значение его подвигов. Но это Кору не так беспокоило — молодой человек быстро забудет об инциденте, а если не забудет, то переведет его в разряд забавных анекдотов, вроде «Тут из кустов как выскочит что-то черное!»

— Господин Тесей, веришь ли ты мне? — спросила Кора.

Голос ее дрогнул, потому что ей приходилось торопиться, чтобы не отставать от взбирающегося в гору юноши.

— Я тебе верю, — откликнулся Тесей.

— Тогда остановись хоть на минутку! Никуда твоя брачная ночь от тебя не денется.

Молодой человек с готовностью остановился. Свет луны, бивший ему в спину, очерчивал стройную мускулистую фигуру элина — все-таки у них буквально культ физкультуры. Но нечего этим хвастаться, сели бы за компьютер...

— Ты мне что-то хочешь сказать? — спросил Тесей.

— Да. Я хочу попросить тебя о небольшом одолжении.

— Жаль, что не о большом, — сказал Тесей, и на черном силуэте его зубы блеснули голубым.

— Я хочу попросить тебя не оставаться в гроте, когда твоя невеста выйдет оттуда.

— Я тебя не понял, — произнес Тесей.

— Мне явилась сейчас моя мать, великая богиня Деметра, — сказала Кора как можно торжественней, потому что судьба всего задания, а уж тем более жизнь этого теленка зависела от того, насколько он верит в богов, в призраков, являющихся своим родственникам. Но она почти не сомневалась в том, что Тесей отнесется к ее словам серьезно. Подсознательно ему было куда удобнее полагать, что на самом-то деле Кора не простая девушка, а особенная, может, даже на самом деле богиня Персефона. Тогда и история на берегу приобретала совсем иной смысл и годилась для того, чтобы после достойной обработки попасть в какой-нибудь миф.

— Мне явилась богиня Деметра, — повторила Кора более решительно. — И моя мать предупредила меня, что если ты останешься в гроте один, то погибнешь.

— Но если Ариадна будет бегать... если у нее болит живот! Мне что, сопровождать ее на каждую прогулку?

— Ты не понял, юноша, — произнесла Кора.

— Говори же, госпожа.

— Она выйдет не по нужде, она выйдет сознательно, чтобы смерть, которая ворвется туда, не причинила ей вреда.

— Она? Моя невеста?

— Так случилось. Так повелели некоторые из богов, решившие наказать тебя.

— Но почему?

Ну сейчас я тебе выдам все родственные связи, которыми меня снабдил говорливый Феак, пока мы плыли сегодня по спокойному морю, еще не названному в честь твоего папы. Сейчас ты у меня затрясешься от суеверного отца.

— Ты забыл, кто отец Миноса?

— Я об этом никогда не знал.

— Любой мальчишка в Аттике или на Крите скажет тебе, что Минос — сын Зевса и Европы, брат самого Сарпедона. А слышал ли ты когда-нибудь, чья дочь Европа? Она дочь Феникса! И кстати, Зевс похитил Европу, приняв облик... Чей?

— Не знаю, о госпожа. — Голос юного героя дрогнул.

— Зевс принял облик быка, похитил ее, когда она с подругами резвилась на берегу моря, увез на своей спине на Крит, а потом сделал с ней то, что позже изобрел Дедал для Пасифаи, но совершенно без всяких технических ухищрений.

Но Тесей не желал воспринимать иронию. Он был существом того времени, и для него родственник Зевса был же что и брат начальника районной милиции в России двадцатого века. Он трепетал...

— И она будет мстить мне?

— Не она сама, — великодушно сказала Кора, — а рассерженные родственники используют ее как орудие мести.

— И я не смогу спастись?

— У тебя есть один путь спасения. Полностью подчиниться мне.

— Я готов, госпожа. Я повинуюсь.

— Тогда пусть все идет своим чередом. И пусть взойдет твоя невеста на свое ложе, но вскоре после этого она под каким-то предлогом покинет грот. И тогда, если ты останешься там, тебя ждет неминуемая гибель.

— Конечно, я верю тебе... Но как же так получается? Она ради меня предала своего отца и помогла мне убить своего брата...

— Вот именно, — настоятельно произнесла Кора, — и тогда боги наказали ее безумием.

— О я несчастный! — Тесей искренне переполошился. — За что же мне такая немилость богов? — Вдруг он нашелся и схватился за соломинку: — Но ведь я сын Посейдона! Он должен за меня вступить!

— Говорят, что ты сын Посейдона, — согласилась Кора. — Твой дедушка Питфей любил рассказывать об этом. Но почему-то ты понес свой меч в Афины к Эгею, а не на дно морское.

— Но ведь я нашел кольцо!

— Тесей, дорогой, — сказала Кора устало, — ты мне надоел. Если ты хочешь проверить, испытывает ли к тебе Посейдон отцовские чувства, то, пожалуйста, спускайся вниз, ныряй и ищи своих родственников.

— Но, может, мы уйдем отсюда?

— Тесей боится?

— Нет, лучше я ее зарублю!

— Беззащитную девушку? За что? За то, что ты поверил моим словам, продиктованным завистью или ревностью. А что, если я решила убрать со своего пути соперницу? Да ты не оберешься позора во всей Элладе, если поступишь так с самой внучкой Зевса.

Короткая, но энергичная речь Кора привела Тесея в полное смятение. Больше всего на свете ему хотелось бежать отсюда за тридевять земель к маме в Трезену.

— Возьми себя в руки, Тесей, — сказала Кора, стараясь не улыбнуться, ибо вид здорового парня, который дрожал от волнения, как от холода, был не-леп, — ничего плохого не произошло. А если ты будешь вести себя, как тебе велят, то и не произойдет.

— Может быть... может быть, вы побудете со мной в пещере?

— Еще чего не хватало! — рассердилась Кора. — Свадьба со свидетелем? Но я буду поблизости. И когда нужно, я тебе помогу. Только ни в коем случае не подавай виду, что ты о чем-то догадываешься! Ни в коем случае. Иначе погибнешь.

Пожалуй, я его достаточно запугала.

Они дошли уже до площади перед гротом. На земле возле входа горела масляная плошка. Еще одна светила внутри, возле ложа из листьев, прикрытого несколькими морскими хламидами, какие носят моряки, — заботливый Феак велел принести их с корабля.

Кора едва успела остановиться и не войти в слабенький круг света. Темная фигурка Ариадны поднялась при приближении Тесея.

— Тебя так долго не было, мой повелитель, — прошептала невеста, — я уже боялась за тебя.

— Ну что со мной может случиться на этом острове! — ответил Тесей, обретая в присутствии маленькой Ариадны остатки прежней смелости.

— Я готова развязать свой пояс перед тобой, — прошептала Ариадна.

— Я бы сначала выпил чего-нибудь, — сказал Тесей. — Неужели эти лодыри не догадались принести сюда вина?

— Вон там стоит кувшин, — сказала Ариадна. — Я позаботилась обо всем.

Кора подошла к самому входу в грот и наблюдала за тем, как, грациозно опустившись на колени, Ари-

адна протягивает Тесею глиняный кубок. Тот жадно выпил его.

— А теперь — на ложе! — провозгласила царица и одним движением развязала тонкий пояс и скинула короткий хитон и сандалии.

Тонкая, хрупкая, как девочка, она стояла на коленях перед богатырем, который послушно отставил выпитый кубок и, понимая, что выхода нет, отстегнул пояс с мечом.

Подогнув под себя ногу, он уселся на грудь плащей. Он вел себя как муж, который прожил в браке с Ариадной уже лет двадцать. Сейчас спросит, заперла ли она скотину, засыпала ли птице корм...

— Наверное, нам лучше, — сказал Тесей, — чтобы свадьба такого рода состоялась достойно, при жрецах и гостях, в нашей опочивальне...

Ариадна осторожно сложила свой хитон, прикрыв им детонатор.

— Не говори глупостей, мальчик, — сказала она, — сейчас само по себе, а в Афинах само по себе. — Она задула светильник, и грот погрузился в темноту. Тесей охнул.

Кора, которая стояла сбоку от входа в грот, с тоской подумала: сейчас она его изнасилует. И удивилась, почему это должно ее касаться? Мало ли какие племянники спят со своими тетушками, а тем более, не подозревая, что это их тетушки.

— Иди ко мне, — прошептала девица, которая, по роли, должна была бы быть самой невинностью.

— Да, — согласился Тесей. — Подожди немного, я так устал сегодня!

Это ты устал! Бычок! — усмехнулась Кора. Просто я тебя так пуганула, что тебе кажется, будто с тобой возлежит сама горгона Медуза.

— Ну давай же, ну где ты! — сердилась Ариадна. Тесей что-то мычал в ответ.

Коре стало неловко, да и неприятно подслушивать эту сцену. Она отошла подальше к краю площадки, метров за пятьдесят. Теперь звуки из грота еле доносились, и исход схватки между невинностью и перепуганной сексуальностью ей был неизвестен.

Но довольно скоро звуки изнутри вовсе прекратились.

Это Кору смутило. Она подошла на цыпочках поближе к пещере. Оттуда доносилось ровное дыхание Тесея. Затем зашуршала ткань. Ариадна одевалась. Но странно, что Тесей на это никак не реагировал.

Ариадна выскользнула из пещеры так близко от Кору, что она могла бы, протянув руку, дотронуться до нее.

Как же все быстро произошло!

У Кору оставались минуты. Может, секунды... Как только Ариадна отойдет на безопасное, с ее точки зрения, расстояние, она тут же взорвет заряд.

— Тесей! — позвала Кора, заглядывая в грот.

Она не боялась, что Ариадна услышит ее, — царица убежала, ломая сучья, словно стадо диких свиней.

— Тесей же!

Никакого ответа.

Уже прошло три секунды.

Кора нырнула в пещеру. Темно, хоть глаз выколи. Где этот чертов любовник?

Она налетела на грудь хламид, под которой уютно храпел Тесей, и схватила его за плечо.

— Тесей!

Он спал как дитя.

Эта гадюка еще и усыпила его, чтобы уничтожить наверняка! Ну и нравы в этой проклятой Рагозе!

Кора подхватила Тесея, в котором было чуть больше ста килограммов живого веса, забросила его на плечо и, пошатываясь, потащила прочь из пещеры. Ей некогда было разбираться, ломает она ногу или нет, главное успеть отойти в сторону — именно в сторону, — ведь оползень пойдет вниз.

Опять ее хлестали и рвали ветви — неужели новую хламиду тоже придется выкидывать? Это была ее последняя сознательная мысль, потому что земля под ногами дрогнула и поехала, и гул был настолько страшным и утробным, что Тесей проснулся, но не мог понять, что же происходит, он попытался убежать, и Коре пришлось заломить богатырскую руку за спину.

— Стой! — крикнула она. — Погибнешь! Теперь ты видишь, что значит жениться на дочках Миноса?

— Но что это? Это Зевс! Это гром! Это он явился на землю!

— Ничего подобного. Твоя невеста знала, что сверху над пещерой, в скале, есть трещина. Скала держалась еле-еле. Утром посмотришь внимательно. А когда ты заснул...

— Но у нас с ней ничего не было, — доверчиво сообщил Тесей Коре.

— Вот и молодец! — похвалила его Кора, как старшая сестра братишку, который умудрился возвратиться невинным из публичного дома.

— Она хотела меня убить?

— Ты почему меня не послушался? Ты почему заснул, когда я тебе велела немедленно выходить из пещеры следом за ней?

— А я не вышел? А почему я здесь?

— Потому что... потому что добрая Афина-Паллада вынесла тебя на своих плечах, — сказала Кора, которой не хотелось выступать в глазах юноши богатыршей. Юноши их уважают, но не любят.

— А где сейчас Ариадна?

— Я думаю, что мы найдем ее на берегу. Она наверняка рассказывает твоим друзьям, как у пещеры поехала крыша и как ее нечто божественное выбросило наружу, а тебя это божественное не выбросило.

Кора не успела договорить, как они услышали внизу взволнованные голоса.

Афиняне поднимались к гроту.

Шум поднялся невероятный, тем более что к нему присоединились жители леса — к месту катастрофы стремились и люди, и нимфы, и фавны... Кто-то из девиц уже вопил, оплакивая прекрасного Тесея, но тут всех их перекрыл голос Ариадны:

— Это была ночь моей мечты! Это была ночь моего супружества! И пускай боги уничтожили Тесея, я понесу в себе его сына...

— Погодите вы, господа, — совсем рядом от Кору послышался голос Феака. — Не хороните его.

Кора держала Тесея за руку. Но он и без нее понимал, что спешить сейчас не следует. Чем подольше они поговорят без Тесея, тем полезнее.

Тесей широко зевал, но спать ему расхотелось.

Процессия афинян подтянулась к площадке перед входом в грот. Точнее к тому, что от нее осталось. У некоторых с собой были факелы, все новые и новые факелы зажигали внизу и приносили сюда.

Скала, упав вниз, полностью ликвидировала не только пещеру, но и память о ней. Перед людьми был крутой скалистый откос...

— Может, мы ошиблись? — спросил кто-то.

— Нет, мы не ошиблись, — сказал Феак. — Смотрите!

И тут все увидели, что из камня торчит рукоять меча Тесея, родового меча, сделанная в виде переплетающихся змей.

И тогда зарыдали все — и женщины, и нимфы, и мужественные воины.

Плакала и Ариадна. И Кора подумала, что она, наверное, и на самом деле жалеет племянника Густава, которому приносила конфетки на день рождения и которого качала на своей сухонькой коленке. Но интересы клана превыше всего...

— Я вышла по нужде, — с античной откровенностью рассказывала, обливаясь слезами, герцогиня. — А когда обернулась, то увидела этот ужас.

Кто-то из гребцов подошел к скале и попытался потянуть меч. Но он, придавленный многотонной скалой, не пошевелился.

— Мы даже не сможем его достойно похоронить, — сказал Феак.

— Но как я докажу ее злой умысел, — прошептал Тесей на ухо Коре. Мальчик уже настолько пришел в себя, что в нем частично проснулся студент Московского университета. — Лишь твое предупреждение... и тоже тайное.

Кто-то из гребцов притащил копья, палки, пытались копать, но скоро стало ясно, что это бесполезно, — на все есть воля богов.

— Предоставь это мне. Твое дело лишь появиться рядом со мной и не мешать.

— Ты меня спасла.

После этого им осталось лишь дожидаться, когда утомляться неумелые спасатели и плакальщики. И постепенно вся процессия потянулась к бухте, к кораблю. Прежде чем следовать за ними, Тесей подошел к скале и совершил никем не описанный очередной подвиг. Он потянул свой меч за рукоять с такой силой, что чуть не вызвал новой лавины. Но через три минуты меч, хоть и сильно поврежденный, был у него в руке. Можно было спускаться вниз и завершать представление.

Когда они подходили по тропинке к кострам, еще горевшим на берегу, ибо мало кто лег спать в ту ночь, они избрали самый большой из них, возле которого сидел Феак, накрывший плащом все еще всхлипывавшую Ариадну. Там же сидели знатные афинские юноши. И помощник кормчего, Навсифой.

— Теперь, — сказала Кора, — мы займемся шоковой терапией.

— Чем? — спросил Тесей.

— Сейчас увидишь. Иди первым. И остановись в пяти шагах от костра так, чтобы они видели твой меч. Обвини вслух Ариадну в своей смерти.

Тесей послушно совершил нужные движения, и тут Кора увидела, как рождалась вера в чудеса.

Первым Тесея заметил Феак. Он осторожно отпустил Ариадну и пал ниц перед костром.

И тут же цепной реакцией начался шок, куда больший, чем в момент лавины или поисков Тесея. Ибо они видели возвращение из мертвых, чему дополнительным доказательством был меч в руке героя.

— Я обвиняю эту женщину, — Тесей показал на вскочившую Ариадну, — в том, что желая моей смерти, она сотворила подлое колдовство, чтобы убить меня в брачную ночь. И лишь заступничество богов спасло мне жизнь. — При словах «заступничество богов» Тесей показал на Кору, и никто не посмел возразить. Лишь Ариадна вдруг закричала — нервы не выдержали у тетушки: «Нет! Нет! Ты мертвый! Те-

бя не может быть!» Она упала на землю и, сидя на корточках, отчаянно колотила кулачками по слежавшемуся песку.

— Может ли быть такое? — спросил Феак.

— Нет! — Ариадна уже взяла себя в руки. — Нет! Я любила его, я лишь отошла в сторону.

Тесей в растерянности обернулся к Коре. Правильно. Ее очередь.

— Я утверждаю, — произнесла она, — что Ариадна хотела погубить Тесея мерзким колдовством. Она обрушила скалу на пещеру, а сама убежала заранее.

— Нет!

— А почему она была в хитоне, подвязанном поясом, в хламиде, платке и сандалиях?

— Я вышла по нужде.

— Вы видели женщину, которая в лесу выходит по нужде в таком наряде?

Тут все начали смеяться, — это была нервная разрядка. Смеялись, хохотали, хихикали, просто на песок валились от того, как это смешно — надеть хитон, подвязать пояс, накинуть хламиду и пойти по малой нужде! В брачную ночь!

— А ведь это не смешно! — рывкнула на них Кора, и смех постепенно иссяк. — Ведь это была хитрость убийцы.

— Нет! Вы никогда не докажете этого! — закричала Ариадна. — Вы клеветеете на меня, и я обращаюсь к моему деду Зевсу с мольбой о помощи! Меня оклеветали.

Толпа на берегу замерла в ужасе.

Все же они имели дело с внучкой Зевса, и понятие справедливости у богов всегда уступает родственным соображениям.

Но, к счастью в этот раз для Кору и Тесея, Зевс, видно, отдыхал. Он не стал вступаться за Ариадну.

— Раз боги молчат, — сказала тогда Кора, — говорить буду я. У меня есть свидетель ее подлого колдовства. Есть человек, которого еще днем она послала положить колдовское устройство в трещину над пещерой. И это один из вас...

— Не может быть... — прокатилось по толпе.

— Может, он сознается сам? — спросила Кора. — Я все равно знаю правду.

И тогда могучий горбун сделал раз, два, три... трудных шага к костру.

— Она просила меня подняться днем на площадку над пещерой и положить медяшку в трещину над пещерой...

Он замолк, бессильно опустив руки.

— Так было? — спросил Феак. Он подошел близко — между кормчими было лишь два метра.

— Так было.

— Он сам! Он сам хотел! Он пытался меня изнасиловать! — закричала Ариадна.

— И это было? — спросил Феак.

— И это было, — сказал горбун.

И Кора не успела заметить, как Феак выхватил свой короткий прямой меч и нанес два удара — по шее и по животу Навсифая.

Горбун сложился как перочинный ножик и превратился в хрипящую грудку красных и черных тряпок.

Визжала Ариадна. Наверное, она решила, что ее ждет такая же участь...

* * *

Утром Тесей сказал всем свое слово:

— Мы отплываем домой в Аттику. Нас ждут. И ждут мира. И я не хочу, чтобы наш праздник был омрачен плохой памятью. Ариадна, ты здесь?

— Здесь! — За ночь она втрое постарела. Теперь она была почти такой же, как в тот день, когда Кора впервые увидела даму Рагозу, беспокоившуюся о безопасности племянника.

— Ариадна, ты останешься на этом острове. Тебе дадут пищу, воды здесь много. Сюда заплывают рыбаки. Я надеюсь, что дурного с тобой не случится. Но я больше не хочу видеть тебя никогда в жизни.

И Феак сказал:

— Ты прав, Тесей.

Гребцы, уже занявшие места на банках, застучали древками весел об уключины, в знак согласия и одобрения.

Ариадна повернулась и ушла вдоль речки в глубь острова. Кора о ней тоже не беспокоилась.

Все смотрели ей вслед.

Но она не обернулась.

Тогда Феак приказал поднимать якорь, потому что их уже заждались дома.

Феак был удручен и мрачен. С горбуном они вместе проплавали много лет.

Поднялся ветер. Феак приказал сушить весла. Остров Наксос казался издали спиной кита. Феак велел поднимать парус. Никому не пришло в голову, что парус надо переменить на белый. Они привыкли к черному парусу, и радость от возвращения перекрывалась печалью от прошедшей ночи. И потому никто не встревожился из-за того, что корабль идет к Афинам под черным парусом.

История многим известная и очень печальная: когда Эгею сообщили, что виден черный парус, он не спеша оделся и, не проронив более ни слова, поднялся, окруженный стражей и придворными, на вершину Акрополя. Он долго смотрел на море, пока корабль, на котором плыл Тесей, не приблизился к берегу настолько, что никаких сомнений не оставалось.

Тогда Эгей, все так же хранив молчание, подошел к обрыву, которым в том месте Акрополь отделен от Афин, и кинулся вниз.

Он погиб сразу.

Он не смог перенести крушение всех надежд.

Тесей ожидал встретить веселье и торжества, а вместо этого он участвовал в траурной церемонии — хоронили Эгея.

И Тесей стал царем Афин. Одним из самых могущественных властителей античного мира.

Кора хотела поселиться самостоятельно, снять небольшой домик и жить там, пока Тесей не закончит свой ВР-круиз. Но никто ей этого не позволил. Кентавр Фол, проводивший обратно в Коринф своего

друга Хирона, требовал, чтобы Кора разделила с ним его скромное жилище, но Фол был излишне говорлив, дом его представлял собой обширные конюшни да и находился далеко от дворца. А работа Кору еще не завершилась. Ей надо было оставаться как можно ближе к Тесею и ждать, не появится ли рядом еще кто из убийц.

Так что в конце концов она приняла настойчивое, граничащее с приказом предложение нового царя Афин и заняла часть покоев Медеи на женской половине афинского дворца.

* * *

Кора не знала, каково соответствие времени здесь, в Афинах, и там, в Галактическом центре. Она знала всего, что ВР-круиз может вместить в себя человеческую жизнь, а в будущем пройдет лишь несколько недель. Но дни, прошедшие после возвращения с Крита, казались ей совершенно бесконечными, потому что у нее не было никакого стоящего дела. Даже не отправишься в путешествие к каким-нибудь циклопам или горгонам, — когда еще такое увидишь! — потому что не можешь долго удалиться от Тесея.

А вот Тесей был занят с утра до вечера.

Он принимал послов, творил суд и расправу, налаживал экономику, совершенно разваленную Эгеем и Медеей, не интересовавшимися ею, причем делал все это с врожденными навыками править державой, чем немало удивлял Кору, да, впрочем, и не ее одну.

Кору, потерявшую реальную скорость движения времени, больше всего злила невозможность узнать, когда же, чем же должен закончиться ВР-круиз принца Густава. Вероятнее всего, смертью Тесея. Местной смертью, не связанной с судьбой королевства Рагоза. Но никто не подскажет — надо терпеть.

Кора боялась, что за бездельем и вынужденным ожиданием она стала малоподвижной и прибавила в весе. По ночам она ныряла в небольшой бассейн, принадлежавший ей по чину, и плескалась в нем, а

потом подтягивалась на балке или отжималась, пока рабы и служанки спали.

Чтобы оставаться поближе к царю, она добилась при нем поста советницы по вопросам безопасности, который, разумеется, так не назывался. И до тех пор пока ее многочисленные враги при дворе (а с каждым днем она зарабатывала все новых — нельзя же быть хорошей и доброй со всеми придворными мерзавцами и лакеями) не оклеветают ее умело перед царем, она будет рядом с ним...

Наступила зима. Ночью трещал мороз, утром вода в кувшине для мытья покрывалась корочкой льда, примитивные печки грели скверно, во дворце царили сквозняки, все ходили сопливые и кашляли.

Тесей пригласил Кору на охоту.

Они охотились на оленя в дубравах, что начинались сразу за Афинами. Под лучами солнца снежок растаял и высох. Сухие листья и сучки похрустывали под подошвами башмаков. Кора привычно закуталась в гиматий.

Они оставили лошадей внизу и вскоре потеряли охрану, которая с криками погналась за зайцем. Кора понимала, что Тесей не случайно увел ее в сторону. Но прежде чем смог начать разговор по существу, к нему следовало подобраться...

— Ты оставил в живых Палланта и его братьев, — сказала Кора. — Это опасно?

— Родственники всегда опасны, — улыбнулся Тесей. — Если я почувствую опасность с их стороны, я их убью.

— Убьешь? Этого тебе не простят...

— Они мне многое простят. Потому что я хороший правитель. Я навел порядок, я сделал так, что нашим купцам в Афинах лучше, чем приедем, но и приедем хорошо настолько, что они не меняют Афины на Фивы и Спарту. Я приношу все жертвы, которые от меня требуются, и участвую во всех праздниках. В Афинах больше праздников, чем в любом другом городе.

— Но у тебя здесь самые жестокие законы.

— Против преступников — да. А обыватель любит узнать, что казнили вора. Даже если вор украл только булку. И знаешь почему? Он теперь уверен, что именно этот вор не украдет его булку.

— Значит, когда Паллантиды тебе покажутся опасными...

— Когда Паллантиды дадут мне предлог, я с ними разделаюсь. Кроме самого Палланта. Я уважаю стариков.

Улыбка Тесея была жесткая и в углах рта появились морщинки. А ведь только вчера, буквально вчера она увидела этого мальчишку под Коринфом!

— Сколько времени прошло, как мы знакомы? — спросила Кора.

И сама считала — началось все в сентябре, сейчас уже январь.

— Прошло шесть лет, как мы возвратились с тобой в Афины, — сказал Тесей.

— Как так шесть лет?

— Вспомни, моя госпожа. В первую зиму после возвращения мы с тобой были в Дельфах и приносили жертву оракулу, а потом направились в Фивы. Нам нужен был договор с Фивами.

— Да...

— А вторую зиму мы провели в Трезене. Ты помнишь, как мой дед испугался, заподозрив, что ты — моя невеста. И что у нас с тобой будут такие высокие дети, что боги невзлюбят их?..

Тесей лгал. Он лгал, потому что никаких шести лет пройти не могло.

И тут же память стала выплескивать отметками, клочками, туманными обрывками картинок то, что происходило с ней за прошедшие годы, за годы, которых, она могла поклясться всем святым, в ее жизни не было, но событиях которых, впервые упомянутые сейчас Тесеем, словно бы происходили. Настолько реально, что вдруг начали всплывать и детали их — неудобное ложе к Трезене и мелкие пакости Этры, невзлюбившей воображаемую наложницу ее сына... А как она пыталась разгадать механизм Дельфийского оракула...

— Сейчас в городе много новых людей, — сказал Тесей.

Несмотря на то что он был всего лишь на охоте, он был облачен в боевой панцирь и малый шлем. Это были плоды агитации Кору, немало времени потребовалось ей, чтобы убедить царя в том, что его геройские подвиги не будут забыты народом из-за того, что он будет проявлять осторожность. К счастью, приближенный к Тесею Феак, кентавр Фол, некоторые мудрые старейшины бывших общин Аттики, объединенной отныне в одно государство, понимали, что в их интересах беречь государя... Пока он служит городу и государству.

— Почему ты говоришь мне об этом? — спросила Кора. — Я и без тебя знаю, что по всей Элладе ты разослал людей, которые призывают: «Придите сюда, все народы!» Ты хочешь, чтобы Аттика была самым населенным и благодатным краем, а Афины самым большим и знаменитым городом в мире.

— Ты возражаешь?

— Я рада твоей политике, она разумна. Но я боюсь, когда ты начинаешь рассуждать странными для меня и опасными для человечества категориями «самый большой», «самый знаменитый», «самый сильный!» На каждого «самого сильного» всегда найдется «сильнейший».

Тесей не обиделся.

— Я знаю, — сказал он спокойно. — Ты имеешь в виду моего дядю Геракла?

Кора о нем и думать не думала, но не стала возражать.

— Я иногда выхожу в город, — продолжал Тесей.

По просьбе Кору Феак организовал небольшую охрану Тесея, сопровождающую его в этих походах, которые, как правило, заканчивались не в тихих садах, где обитали философы, а в трактирах, либо у известных гетер, а то и превращались в постыдную, с точки зрения Кору, охоту за хорошенькими девицами на улицах Афин. В таких прогулках было переломано немало ребер, но Тесей всегда умел остановиться в опасный момент и отойти в сторону, что и выдавало

в нем государственного деятеля. Кора всегда мечтала о том дне, когда вернется обратно, раскроет историю Древней Греции и выяснит, какова же объективная оценка роли царя Тесея в истории Афин. Должна же быть такая!

— Продолжай, — сказала Кора, делая осторожный шаг в сторону, чтобы освободить плечо от ладони Тесея.

...Не может быть, чтобы время так жестоко играло с ней! Но она забывала, что это компьютерное время и оно может играть в любые свои игры, допуская или не допуская ее к пониманию игры. Значит, прошло шесть лет ее жизни в Афинах, и Кора понимала, что, если она постарается, все эти годы всплывут в памяти. Но означает ли это, что они окончательно вычеркнуты из ее жизни? Что у нее появились морщины и кожа потеряла упругость? Но как это выяснишь, как это докажешь, если не с чем и не с кем сравнивать, если ты ведешь настолько травоядный образ жизни, что могла уже превратиться в корову. Причем при качестве местных зеркал об этом даже не догадаешься!

— Ты меня слушаешь, госпожа?

— Да, я вся — само внимание.

— В последние месяцы мои советники и старейшины все в один голос требуют, чтобы я женился. Трон должен достаться моему наследнику.

— Вот и замечательно, — ответила Кора, отлично отдавая себе отчет в том, что это ее совершенно не касается. И она давно уже была готова к такому вопросу.

— Мой новый друг, — продолжал Тесей, — Пифифой, рассказал мне, что в Спарте растет сестра Диоскуров по имени Елена... ее называют Еленой Прекрасной.

— Что еще за Пифифой?

— Вспомни, я тебе говорил о нем. Он обещал скоро быть в Афинах. Это славный парень. Герой, подобный мне самому. Он правит магнитами, живущими у реки Пеней. Как раз в прошлом октябре он решил испытать мою силу и решительность и, напав

на границы Аттики, угнал оттуда стада. Неужели ты не помнишь?

...Еще одно воспоминание. Шум на улицах Афин, Тесей врывается к ней в опочивальню, где она беседует с навестившей ее Харикло, и кричит, что он уши открутит этому мальчишке! Хотя сам-то Тесей тогда был... Давайте забудем сколько лет Тесею.

— Да, я помню. Но ты, кажется, отнял у него стада?

— Он сам их отдал, — засмеялся Тесей. — Мы с ним встретились на берегу реки и пошли навстречу друг другу, оставив наши отряды за спиной. Мы хотели помериться силой. Но у него было такое приятное лицо... и он так хорошо, по-человечески, попросил у меня прощения за стада. Мы с ним тогда же поклялись друг другу в вечной дружбе. Теперь он намерен нанести мне визит.

— Это очень приятно, — ответила Кора, проклиная себя за недооценку игр времени. Вот и появился Пирифой, очаровательный герой, взявшийся неизвестно откуда и правящий магнетами, о которых, наверное, ни в одном учебнике не написано. Немедленно сегодня же удвою охрану! И начну вести дневник, чтобы не терять дней и лет.

— И что же он предлагает? — спросила Кора.

— Настоящее дело! — радостно сообщил Тесей и на глазах снова превратился в мальчишку. — Мы с ним едем в Спарту и крадем Елену! Затем кидаем жребий. Кому он выпадет, тот женится на Елене.

— Но почему именно на Елене?

— Потому что уже известно, что она — самая красивая девушка на Земле.

— Тесей, — сказала Кора. — Я тебя хорошо знаю. Ты никогда бы не стал советоваться со мной, с кем переспать или даже на ком жениться. Я сейчас не совсем понимаю, сколько лет прошло с нашего возвращения с Крита, но я помню войну с амазонками из-за похищенной тобой Антиопы, когда амазонки опустошили половину Аттики. Я вспоминаю историю со смертью Федры... Ты никогда не советовался со мной!

Что я несу, что я несу! Какая Антиопа? Какая война с амазонками? Почему трагедия с Федрой? Кто такая Федра? Сестра Ариадны? Почему память об этих событиях провалилась вглубь — не достанешь, и почему так странно смотрит на меня Тесей...

— Антиопа, война с амазонками, — произнес он неуверенно. — Это разве было? Антиопа?

ВР-круиз, дорогие мои, не обязательно может и должен включать значительные события в жизни путешественника. Законы игры выбирают нужные фишки. Но сложность заключается в том, что ты можешь вспомнить некоторые несбывшиеся события, если они были в иной реальности, и ваши воспоминания не совпадут.

Тесей был растерян, и Кора поняла, что они с ним сейчас попали в сходное положение и лучше выбираться из него, чем погружаться в эту трясину. Давай вспомним лучше, что здесь, в зимнем солнечном прозрачном лесу, беседуют принц Густав из Рагозы и агент Кора Орват.

— И все же, — сказала Кора, — ты пришел ко мне по иной причине. Что-то еще случилось?

— Ты права, — сказал Тесей. — Я вчера видел на улице носилки. Закрытые носилки, в которых взяли за обычай выезжать знатные дамы. Когда носилки проносили мимо меня, занавески в них раздвинулись, и я увидел, что на меня смотрит и улыбается, понимаешь, улыбается — Ариадна!

— Ариадна? Не может быть!

— Я не сумасшедший. Я ее отлично видел. И она не пыталась скрыть от меня, что находится в Афинах.

— Ты догнал носилки, ты поговорил с ней?

— Не смейся, Кора, но я растерялся. Я стоял как дурак и думал — откуда я знаю эти глаза, этот маленький рот и эти белые щеки? Пойми же — прошло столько лет!

Это уже неважно. Антракт закончен. Убийцы принца Густава догнали его.

— Я вспомнил, — продолжал Тесей, — что она — злая волшебница. И если она узнает, что я женился на Прекрасной Елене, она мне жестоко отомстит.

Один раз ты смогла, Кора, меня предупредить. Сможешь ли сделать это вновь?

Кора ответила не сразу. Конечно, наивно было предполагать, что враги Густава откажутся от своих планов, но наглость, с которой они это сделали, Кору удивила. Ариадна не скрывала, что она в Афинах. Значит, чувствовала свою силу. Или уже придумала способ расправиться с Тесеем и теперь как бы предупреждала: «Иду на Вы!»

— Мне не нравятся новости, которые ты мне сообщил, царь, — произнесла наконец Кора. — Меня тревожит появление коварной Ариадны, она, конечно же, ненавидит тебя. Меня тревожит и другое: твое желание жениться на Прекрасной Елене. Почему вдруг ты решил это сделать?

— Так Пирифой мне все уши прожужжал! Он считает, что это выражение мужской дружбы. Мы ее крадем у Диоскуров, а потом разыгрываем по жребию. Если выпадает мне, я на ней женюсь, а Пирифою подыскиваем какую-нибудь другую дочку Зевса.

— Может, хватит тебе породниться с богами?

— Почему? — искренне удивился царь. — Это очень полезно для государственных дел. В конце концов можно добиться такого положения, что я смогу попросить кого надо о бессмертии.

— Подсказали?

— Дедушка подсказал, — признался Тесей, чуть покраснев, что говорило в его пользу.

— А дедушка знает о похищении Прекрасной Елены?

— Я думаю, что ему рано об этом говорить.

— Из-за ее братьев?

— В частности из-за ее братьев, — вынужден был признаться Тесей.

Такое признание дается герою нелегко. Но слава о близнецах Касторе и Полидевке, принцах Спарты, гремела звонче, чем слава о подвигах Тесея. Им было проще — отцом их считали Зевса, а Зевс никогда от отцовства не отказывался. Да и как откажешься, если каждый мальчишка в Элладе знает, как Зевс из-за страсти, настигшей его при виде их матери Леды, принял образ лебедя. Именно в таком образе он стал

ластиться к девице, которая и не заподозрила дурного, пока не оказалась обесчещенной. Леда благополучно забеременела и в назначенный срок, когда все акушерки и повивальные бабки Этолии сбежались принимать у нее роды, а ее муж царь Тиндарей взволнованными шагами мерил коридор у женской половины дворца в ожидании вестей, случилось очередное древнегреческое чудо: вместо детей Леда снесла два яйца. Вот именно, два крупных яйца, вернее, одно просто крупное яйцо, а второе совсем крупное яйцо.

Царь Тиндарей ворвался в опочивальню и поднял страшный скандал, заявляя во всеуслышание, что, если в яйцах окажутся саламандры или дракончики, он покончит с женой и дракончиками. Зевс помирал со смеху, Гера устроила ему сцену ревности, какой давно не устраивала, потому что ей не хотелось далее жить с таким, как она полагала, извращенцем, а Леде пришлось сесть на яйца и через неделю нелепого, тревожного, истеричного ожидания из совсем крупного яйца вылупились два прелестных мальчика, а из просто крупного яйца — еще более прелестная девочка. Царь Тиндарей сразу успокоился и счел выходку Леды за женский каприз, Зевс помирился с Герой, а Леда стала выкармливать свое потомство. Мальчики из яйца звались Полидевком и Кастором, а девочка Еленой. Причем, как уверяют достойные доверия историки, эта тройня была не совсем тройней, потому что мальчики с момента рождения были на десять лет старше своей сестренки-близняшки, что не мешало им опекать ее, нежно любить и быть готовыми положить за нее жизнь любого нежеланного жениха. А репутация у братьев Зевсовичей была такая, что вся Аттика перед ними трепетала. И если забежать вперед (об этом в те дни Кора знать не могла), то братья не расстались и после смерти. Зевс превратил их в созвездие Близнецов. А что касается Елены... Ну, многие слышали о Прекрасной Елене и знают, что из-за нее произошла самая страшная война в древней истории. Но об этом Кора тоже не

подозревала. И Тесей не подозревал, и, тем более, не подозревала сама Прекрасная Елена.

— Послушай, Тесей, — сказала Кора. — Ты уже не тот мальчик, который раздирал голыми руками разбойников. Ты — государь Афинский, можно сказать, царь самого передового государства в древнем мире, которому суждено войти в историю.

— Я так и думал, — честно признался Тесей.

— Ты обеспечил Афинам благосостояние, укрепил их, объединил всю Аттику и совершил множество подвигов государственного значения. Одно введение твердой конвертируемой валюты ставит тебя в один ряд с крупнейшими экономистами мира!

— Ну уж, не преувеличивай! Я допускаю, что у иудеев или на краю Ойкумены у гипербореев тоже есть свои экономисты.

Но, разумеется, царь был польщен.

— Рядом с тобой появляется юнец Пирифой.

— Он не юнец — он взрослый муж!

— Тем более! Рядом с тобой появляется так называемый взрослый муж Пирифой и втягивает тебя в нелепейшую авантюру. Ты в какие времена живешь? В эпоху дикости и варварства?

— Нет! Ты же знаешь, как я отношусь к цивилизации.

— Относишься? Только вчера ты принимал спартанскую делегацию по поводу обмена в области легкой атлетики.

— И дискоболов. Отстаем мы с дискоболами, — сказал Тесей.

— Вот именно! И на фоне этих отношений со Спартой ты намереваешься красть у них невест, как какой-нибудь дикий македонец?

— Но ведь это прекраснейшая девушка в мире! Пирифой поклялся мне в этом! Не могу же я жениться Бог знает на ком?

— А Антиопа? А Федра? Они что, были уродливы?

Тесей пожал плечами. А Коре вдруг стало холодно и страшно. Она вдруг поняла, что память о прошлом Тесея, которое миновало рядом с ней, в ее присутствии, на самом деле живет в ней вполне объектив-

но — ведь имена предыдущих жен царя, о них она сегодня утром не имела представления, вырвались из ее уст совершенно естественно и вполне нечаянно.

— А если это авантюра Пирифоя? Если на самом деле этот красавец выиграет Елену в кости, куда же дальше направится ваша честная кампания?

— Вот это мы решим! — твердо заявил Тесей, показывая, что все-таки царь в Аттике может быть один, а женщин-советниц — сколько угодно царю.

— Тогда я предупреждаю тебя, — сказала Кора твердо, — любя тебя, желая добра Афинам и всем близким тебе людям, я приму все меры, чтобы ты не кидался сломя голову воровать девушек из яиц Леды и не навлекал на Афины гнев всемогущего Зевса. И главное, не начинал из-за этого войны с Диоскурами. Ты знаешь, что их армия сделает из афинской?

— Что?

— Гуляш.

— Что?!

— Не знаю, как это у вас называется. В общем изрежет вас на кусочки!

Тут Тесей принял королевскую позу и зарычал на весь лес:

— Пусть только эти Диоскуры посмеют пальцем тронуть хоть одного афинянина. Пусть только они посмеют вторгнуться в пределы нашей славной державы! Да я сам с ними так расправлюсь, что у них навсегда пропадет желание нападать на нас!

— Тесей, мой дорогой, — сказала Кора. — Ты, кажется, забыл, что у них нет никаких намерений на тебя нападать. И твои Афины в полной безопасности. И будут пребывать в таковой, пока ты сам не кинешься воровать девиц на их территории.

— Чепуха! — заявил Тесей, потому что ничего больше заявить не мог.

Облако набежало на солнце, и сразу стало студено, как под Москвой в ноябре. Начал сыпать редкий снежок. Придумали бы гетры или хотя бы штаны, подумала Кора, глядя на голые колени царя. На мгновение она представила себе, как лежала на ее плече жесткая ладонь Тесея... Сейчас об этом и речи

быть не могло. Кора была той нелюбимой тетей, которая готова отнять конфету или пожаловаться на мальчика маме. Таких тетя не обнимают за плечи, даже если это очень красивые плечи. А черт их разберет под этими хламидами! Придумали тоже моду!

— Пошли обратно, государь, — сказала Кора, злясь и на себя, и на этого Тесея, которого почему-то должна оберегать от глупостей, и на Милодара, который сейчас восседает в уютном кресле, посасывая свое любимое вино «Васибузани».

Тесей, не говоря ни слова, пошел впереди. Он не оборачивался.

Кора шагала сзади.

Нечего распускать нюни. Хватит бездельничать... будем работать. А что, если они там что-то не так соединили и она вернется на Землю старухой, когда все ее современники покинут этот мир?.. Кора, не думай о чепухе. У янки, который жил при дворе короля Артура, был телеграф и даже вроде телефон, а как ей связаться с Трезеной, с дедушкой Питфеем? Требуется мобилизация всех средств... Сейчас же надо встретиться с кентавром Фолом, сообщить обо всем Хирону — это все народ мудрый, тертый. И главное...

— Главное, — сказал кентавр Фол тем же вечером, когда они втроем: Фол, Кора и кормчий Феак обсуждали опасность, нависшую над Афинами и всей цивилизацией, — послать верного человека в Спарту и дать им понять через неофициальные источники, что принцессу по имени Прекрасная Елена следует беречь всей армией страны, потому что ей угрожает страшная опасность. Надо припугнуть Диоскуров, не говоря им, конечно, откуда эта опасность исходит.

— Будь другом, — попросила Кора Феака, — разузнай что можешь об этом Пирифое, когда и откуда появился, чем славен, что это за внезапная дружба с Тесеем и откуда такое умение влиять на тщеславие нашего царя?

— А ты? — спросил Фол.

— Я хочу найти Ариадну. Меня во всей этой истории больше всего тревожит именно она.

Поиски Ариадны, на которые Кора, с согласия царя, взяла из казны чуть ли не полталанта серебра и подняла на ноги всех осведомителей афинской полиции, ни к чему не привели. Ариадна показала свое рыльце, как тарантул из-под камня, — и сгинула. Но отныне ни Коре, ни Тесею не было покоя.

Зато подготовка к набегу на Спарту, набегу бесмысленному, совершенно нецивилизованному, исподволь шла. При дворе древнего царька всегда найдутся лакеи, готовые на любую подлость ради царских милостей, там же нет недостатка и в лейтенантах, мечтающих о майорских погонах. А так как Тесею много для набега не требовалось — лишь подготовленные кони и колесницы, лучшие в Аттике, да отряд всадников, готовых отдать жизнь, чтобы остановить преследование. Вот, пожалуй, и все на первый день. А на второй — место, в котором можно укрыть добычу. Не поведут же ее по улицам Афин, это уж будет пахнуть первой мировой войной, так как на сторону Спарты сразу станет весь Пелопонесс, все дорийцы, включая, конечно, и Крит, хотя, по слухам, Миноса на Крите не было — он уже несколько месяцев занимался безуспешными поисками ненавистного Дедала. А может быть, это был очередной пропагандистский трюк хитрого Миноса и под видом этих поисков он проводил какой-нибудь морской набег, особо его не афишируя.

Новости о жизни в других полисах и царствах Кора черпала из разговоров в агоре и при дворе, в беседах с кентаврами и мудрецами, но, разумеется, она так и не стала достаточно образованна в понимании греческой жизни. Для этого надо было родиться, вырасти здесь, верить в то, во что верит обыкновенный древний эллин, и лишь тогда этот мир откроется перед тобой в своей страшной, смешной, забавной и обыкновенной полноте. Люди, окружавшие Кору, жили в глубоком убеждений в том, что не солнце поднимается на небо, а сверкает колесница Гелиоса; не молния ударила в храм, а рука Громовержца; не сам потонул в море матрос, а его увлекла туда сирена. Все должно быть волшебным... А Кора существовала в мире вол-

шебном по нашим меркам, но совершенно лишенном волшебства по меркам греческим. Ибо она никак не могла убедительно сказать себе самой, что старый Хирон или сатир Никос являются существами противоестественными. Они просто жили тут, как и Тесей, и Медея. Кора видела нимф и nereид, она даже купалась в одной бухте с сиренами, которые в тот вечер категорически не желали петь и вовсе не отличались особой красотой... Но чудеса вселенского уровня были скрыты от Кору. И она подозревала, что так и не попала в тот уровень ВР-круиза, где эти существа и события обитают. И ей не суждено увидеть, как Атлант держит небо или как от взгляда на горгону Медузу человек превращается в камень. Чудес не бывает. И если Тесей убил в Лабиринте большого злобного быка, он никогда и никому не признается в этом, потому что сам верит в то, что убил именно Минотавра. А если он убил Минотавра, то, значит, Коре не велено правилами «ВР» увидеть существо с бычьей головой и человеческим телом.

А раз так, то где-то впереди будет состязание самых красивых женщин Эллады, как бы выборы «мисс Греция», где воспитанный медведицей Маугли тех времен Парис отдаст предпочтение Афродите, которая пообещает ему любовь самой красивой женщины в мире. И тогда начнется кровавая суматоха вокруг Прекрасной Елены...

Елена достанется Парису!

Значит, даже если набег и удастся, то Тесей недолго будет наслаждаться любовью спартанской красавицы. Иначе Афродита никогда не посмела бы наградить ею Париса. А это значит то, что либо похищение Елены не состоится, либо Диоскуры настигнут Тесея, и тогда... тогда в самое ближайшее время Кора может возвратиться домой, выполнив или провалив задание.

Пока что разведка Кору, не найдя, где скрывается Ариадна, узнала много интересного и, возможно, полезного. Во-первых, оказалось, что Дедал живет в Афинах, делает вид, что он простой кузнец, даже отрастил длинную бороду и красит ее хной. Во-вторых,

стало известно, что Пирифой появился среди магнетов недавно, победив в бою совсем уж забытого предыдущего вождя, а может быть, помер тот вождь... Магнеты были племенем мелким, плели корзины, ловили рыбу и никогда не стриглись. Их и за людей-то мало кто считал. На самом деле Пирифой был сильным малым, от него не было спасу соседним деревням, но, конечно же, настоящим героем или царем его никто не считал. Так что и Феаку эта дружба была непонятна и тревожна. Верные люди уже проникли в Спарту, к сожалению, там не было сейчас кентавров — какая-то очередная размолвка с лапифами закрыла для них ворота того города. Но удалось проникнуть во дворец, достичь ушей Кастора и донести до него мысль об опасности для Елены. Кастор взбеленился — братьям давно уже не нравилось то, что некие внешние силы пытаются разыграть Елену как политическую карту. Так Кастор и сказал человеку Феака, который побывал в Спарте. А так как в карты еще никто играть не умел, то Кора отнесла это выражение к издержкам ВР. Елену охраняют, а, возможно, удастся сделать и больше...

Они опять сидели за столиками во дворе конюшен Фола. Фол был мрачен, он был у какого-то местного оракула, и тот предсказал ему близкую кончину от отравленной стрелы Геракла. Это было необъяснимо и даже обидно разговорчивому ученому кентавру, он все порывался отправиться на поиски Геракла, чтобы выяснить, что за этим таится, но никто в те дни не знал, где скитается герой после очередного своего безобразия, а Кора советовала Фолу сбегать к более солидному Дельфийскому оракулу, может, он опровергнет местное предсказание.

Был вечер, жена Фола приносила им молодое, мутное, легкое, но хмельное вино, звезды, хоть и зимние, горели ярко и висели низко. И Кора представила себе, как тонка перегородка между ею и тем миром, где Милодар расшифровывает в компьютерном зале ВР-центра данные о ее существовании. Если не забыл... или сам не умер от старости...

— Завтра приезжает Пирифой, — сказал Фол.

Налетел порыв ветра и проник сверху в окруженный стенами, но открытый с неба дворик. Фол опрокинул кубок вина.

— Не пей, — сказала его жена Феодосия, странного пятнистого раскраса кентавресса, — нашему народу пить вредно. Ты же видишь, как спивается молодежь. Это плохо кончится.

— Для меня — точно, — согласился Фол. Феак напился и заснул тут же во дворе, под снежком.

Фол со вздохом отставил пустой кубок и стал клониться вправо. Кора испугалась, что он упадет в очаг, горевший посреди двора, и с помощью жены осторожно уложила его на кошму.

— Все ли будет готово к приезду Пирифоя? — спросила Кора.

— Я молю богов, чтобы так и случилось, — ответил Хирон.

— Пожалуй, к ним по этому вопросу лучше не обращаться! — сказала Кора.

* * *

Приезд Пирифоя был обставлен куда скромнее, чем можно было ожидать, если судить по сплетням о нежной дружбе двух молодых героев, заполонившим Афины. И если бы Кора не была предупреждена друзьями заранее о том, что Тесей так и не отказался от дикой затеи, она могла бы проспать и появление Пирифоя, и даже отъезд друзей-героев за Прекрасной Еленой.

Но Кора была предупреждена.

Она выехала верхом на своей мирной кобылке Партенопе к северным воротам, которые, несмотря на туманный, зябкий, припорошенный инеем голубой час, были открыты. Возле них стояла группа всадников — небольшой отряд фракийцев, славных своим умением быстролетно и неустанно скакать на лошадях. На стене среди редких зубцов были видны ранние зеваки — в Афинах ты мог рассчитывать на зеваку даже в полночь. Под взглядами фракийцев Кора отъехала несколько в сторону, за выступ, при-

крывавший городские ворота. Кора была одета по-мужски, голова ее прикрыта небольшим кожаным шлемом и волосы убраны под него, так что решить издали, юноша это или амазонка, не было возможности. А так как после войны с амазонками их корабли нередко приходили в Афины, то никто уже не удивлялся ни их одежде, ни странному акценту, ни поведению, непривычному для молодой женщины.

Солнце еще не поднялось, тянулся томительный рассвет. Переступали ногами кони, воины горячили их, и порой кто-нибудь вырывался из строя отряда и неся в сторону, затем останавливал коня и шагом возвращался к товарищам. Вдали из мглы зимнего тумана слышался шум копыт, как шум лавины. Фракийцы сразу насторожились и замолчали. И тут же, словно свернув часы, изнутри, из города также слышался шум — гремели по каменным мостам окованные колеса колесниц и звенели подковы.

Все происходило точно так, как и было обещано Коре ее соглядатаями.

Ах ты, мой милый Тесей, не без злорадства подумала Кора, ты решил обмануть свою главную охранницу, но на этот раз не получилось.

Они возникли почти одновременно.

С севера, с гиканьем, не боясь разбудить мирно спящие за стеной кварталы Афин, мчались магнеты; волосы их, лишь перехваченные кожаными тесемками поперек лба, развевались сзади, как черные равные флаги, а одежда, сшитая из шкур, делала их похожими на обезьян. Впереди толпы магнетов неся ладно сложенный, могучий воин, в шлеме, украшенном петушиными перьями, в медных доспехах и с коротким копьем в руке.

Из ворот, навстречу ему, куда сдержанней и медленней выехали несколько колесниц афинского царя. На передней стоял он сам. За колесницами скакала сотня царской охраны — легко вооруженные и быстрые воины, приученные к бою на мечах и метанию дротиков.

При виде Тесея Пирифой осадил своего вороного коня и спрыгнул на землю. Тесей перекинул вожжи

колесницы возникшему и тоже спустился на землю. Одет он был без торжественного блеска, с коим положено выезжать на бой афинскому монарху. Шлем его был круглым, без украшений, а латы как у простого воина. Даже поножи были простыми и гладкими.

Цари поспешили друг к другу, широко раскрыв объятия.

Кора оглянулась. Ее союзники запаздывали.

Нет, вот подъезжает кентавр Фол.

— Здравствуй, друг. Где же посылка из Спарты?

— Молчи, — прошептал Фол.

Из повозок и больших фур, которые опоздали вчера вечером к закрытию ворот и теперь, проведя ночь у стен столицы Аттики, ожидали, когда откроются ворота и можно будет въехать на рынок или по иным торговым делам, вылезали любопытные — куда от них денешься?

Тесей что-то крикнул фракийцам, и они помчались к скоплению повозок, веля любопытным спрятать свои рожи от греха подальше.

Обняв друг друга за плечи, Тесей и его союзник направились к воротам, где уже был поставлен стол и на нем кувшин с вином, два серебряных кубка и нарезанный сыр.

Кравчий разлил алое вино по кубкам.

Пирифой прошел совсем близко от Коре, и она смогла разглядеть его.

Самые дурные предчувствия оправдались.

Новый друг Тесея, увозивший героя в смертельно опасное путешествие, был знаком Коре. Это был не кто иной, как Кларенс, претендент на престол в Рагозе, и, самое главное, соперник принца Густава по несостоявшейся дуэли. По каким-то своим соображениям, а может быть и не без сговора с герцогиней, он предпочел расправиться с Тесеем без дуэли.

Ну что ж, вот и еще один убийца? Кора обрадовалась, как радуется диагност, пусть тяжелому, но верному диагнозу. Убийца номер три. Прекрасная Кларисса намеревалась растопить нам мозги кислотой, прекрасная Ариадна обрушила на нас целую гору, чтобы и следа не осталось от ее жениха, а вот теперь

появился и Пирифой. Видно, он решил передать судьбу Тесея в руки Диоскуров, которые, предупрежденные о набеге, готовы изрубить Тесея на мелкие кусочки, что тоже может стать последним подвигом афинского царя.

Пирифой высоко поднял свой бокал.

— За нашу победу, друг! — воскликнул он. — Два дня пути — и самая красивая женщина в Элладѣ наша. Но ты клянешься соблюсти уговор?

— Я клянусь, — ответил Тесей, — и не спрашиваю тебя об этом, потому что дважды с другом не договариваюсь.

— Я пошутил. Я доверяю тебе, мой брат, — сказал Пирифой.

Господи, до чего же неприятное лицо, подумала Кора, хотя в общем ничего неприятного в том лице не было. Герой как герой...

Почувствовав чужой взгляд, Кора подняла голову. Ей показалось, что среди фигурок на городской стене одна ей знакома — Ариадна! Хотя она могла ошибиться.

Тесей ударил кубком о стол и выплеснул остатки вина на покрытую изморозью землю. Вино кровью полилось к колеснице. Пирифой допил кубок до конца.

— Ну что ж, — сказал Тесей, — чем скорее мы поскачем, тем быстрее мы обгоним слухи о нашем подвиге. Я предлагаю отправиться в путь.

Феак незаметно подъехал сзади к Коре.

— Все в порядке, — сказал он.

Тогда Кора легонько натянула поводья, и ее кобылка выехала на открытое место между двумя отрядами.

Ее сразу заметили.

Тесей как раз поставил ногу на подножку колесницы. Он замер. Он покраснел от стыда и гнева.

— Это что такое? — закричал он. — Как ты смеешь?! Что ты здесь делаешь, женщина?

Лишь хорошее трезенское воспитание не позволило ему употребить более грубое слово.

— Я пришла, — сказала Кора, словно не чувствуя, как клокочет в царѣ гнев, — чтобы остановить твою безумную затѣю.

— Уйди с дороги! — Тесей вступил на свою колесницу и рывком вырвал поводья у возничего. — Прочь!

— Не будь мальчиком, Тесей. Ты — царь, — сказала Кора.

Сзади она почувствовала движение воздуха. И, не оборачиваясь, поняла, что старый кормчий не испугался стегнуть своего коня и встать рядом с Корой.

— Выслушай нас, — сказал Феак. — Мы никогда не учили тебя дурному.

Краем глаза Кора увидела, что сзади подошел кентавр Фол, уважаемый учитель и мудрец в Афинах. Тесей заколебался. Это были его люди, его друзья...

Но не друзья Пирифоя.

И тот, конечно же не Пирифой — не известный никому вождь мелкого племени, а плейбой Кларенс из знатного клана королевства Рагоза, сделал ошибку.

Он закричал полным презрения голосом:

— Да что ты их слушаешь, Тесей! Ты не мальчишка! Гони прочь этих жалких рабов, или я их сейчас сам изрублю на куски.

И, подняв меч, Пирифой двинул своего коня на Кору.

Тесей мог выгнать оппонентов, он мог и приказать убить их — в гневе он терял выдержку. Он мог и выслушать их.

В тот момент он сам еще не знал, как поступит.

Наглость Пирифоя решила этот вопрос за него.

— Остановись! — сказал Тесей, повернув открытую ладонь в сторону своего спутника.

Тот остановился, подчиняясь тону и властности окрика.

— А ты, госпожа Кора, говори. И я советую тебе сказать что-то новое. Иначе я накажу тебя, клянусь Зевсом.

— Ты знаешь, кого ты намерен украсть в Спарте?

— Да, Прекрасную Елену.

— Ты ее видел когда-либо?

— Я ее не видел, но слухи о ее красоте распространились по всей Эллад.

— И кто тебе сказал об этом?

— Неважно, кто сказал!

— Я сказал! — крикнул, потеряв всяческое терпение Пирифой. — Я сказал. И если ты не выгонишь эту девку, клянусь, я убью ее, но тебе я больше не друг.

— Вот видишь, — сказала Кора. — Может, ты помнишь старую поговорку «Зевс, ты сердисься, значит, ты не прав».

— Говори, Кора.

— Видел ли ты портрет Елены? Видел ли ты ее изображение, как это делается при сватовстве, если ты не можешь приехать на свидание с невестой?

— Зачем это мне?

— Тогда позволишь ли ты мне показать тебе изображение твоей невесты?

— У тебя оно есть? — Тесей был заинтересован. — Ну и хитра ты, Кора!

Кора обернулась. Кентавр Фол заржал, и голос его пронесся в утреннем воздухе до самого моря.

Одна из крытых повозок, запряженная четверкой славных коней, по сторонам которой ехали, появившись сзади и незаметные раньше два вооруженных и закованных в панцири кентавра, в одном из них Кора узнала своего старого друга Хирона, двинулась с места и подкатила ближе.

Хирон наклонился и раскрыл полог. Он помог слезть с повозки полногрудой молодой женщине в длинном сером хитоне и черной хламиде. Тем временем второй кентавр вытащил из повозки нечто длинное, завернутое в холстину.

Все замерли, как в ожидании фокуса. Пирифой, который, видно, не отличался тонким умом, тоже стоял проглотив язык.

— Здравствуй, царь Тесей, — сказал Хирон.

— Доброе утро, мудрый Хирон, — ответил Тесей. — И ты тоже участвуешь в этом заговоре?

— Ради спасения тебя от обмана, царь, я готов подняться с постели раньше чем обычно... Эта женщина, стоявшая перед тобой, кормилица царевны Елены Прекрасной.

— Что? Повтори?

— Да, господин Тесей, — сказала молодая женщина. — Я кормилица и нянька царевны Елены. Мне выпала большая честь — высиживать яйцо, из которого она вывелась, а затем выкармливать девочку грудью. Эти добрые господа сказали мне, что тебя подговорили украсть нашу девочку и начать войну между Спартой и Афинами. Я не могу этого позволить! У меня сестра и племянницы живут в Афинах. У меня половина семьи тут!

— Так что ты хочешь мне сказать? Говори! — Тесей был раздражен, как раздражается мальчик, у которого сорвалась лыжная прогулка.

— Разверните! — приказала кормилица кентавру. Тот стал разматывать холст.

— Великий скульптор Фидий-старший изваял мою милую любимицу месяц назад. И это точное изображение ее я привезла с помощью добрых кентавров, чтобы ты мог посмотреть собственными глазами на нашу Прекрасную Елену.

Холстина упала на припорошенную снегом землю.

Перед ними стояла изваянная в рост и оттого казавшаяся несколько меньше, чем в действительности, девочка лет десяти. Розовый мрамор передавал детскую беззащитную нежность ее тела. Глаза Елены голубели на открытом и доверчивом лице, а темнорыжие, вырезанные из янтаря волосы были забраны в две косички.

Пауза тянулась бесконечно. Молчали все.

Лишь переступали и порой коротко ржали кони.

— Это и есть Прекрасная Елена? — спросил наконец Тесей, обведя взором окружающих и остановив его на Хироне.

— Я видел эту девочку три дня назад, — сказал кентавр. — Ее брат Кастор разрешил мне покатать ее по двору. Она будет очень красивой девушкой. Лет через десять. И завидной невестой...

— Это клевета! — Пирифой наконец-то собрался с силами. — Врут они! Она и ее братья близнецы.

— Она родилась с ними, но они родились десятилетними, а она обычным младенцем, — пояснила кормилица, — об этом все знают.

— И ты хотел, чтобы я женился на маленьком ребенке? — спросил Тесей. — Или ты рассчитывал, что я позволю тебе сделать это?

— Откуда я знал! — закричал Пирифой. — Откуда мне знать! Мне сказали, что она прекрасная, и я тебя позвал. Чтобы сделать лучше! Я же твой друг!

— Этот господин, — кормилица показала на Пирифоя, — прошлой осенью был у нас. Его принимали Диоскуры. Он представился братьям-государям, как царь острова Наксос.

Конечно же, подумала Кора, внутренне улыбаясь и наконец-то переведя дух, Ариадна подсказала ему название острова. А может быть, они там с ней встречались?

— Молчи, старая ведьма! — закричал Пирифой и поднял копье, намереваясь пронзить кормилицу. Та завизжала. Тяжело вооруженный кентавр вышиб мечом копье из рук Пирифоя. И схватил его за руку.

Магнеты заворчали.

Афиняне подняли луки и дротики.

— Видел ли Пирифой Елену? — спросил Тесей у кормилицы.

— Он видел девочку. И даже играл с Леночкой, — сказала женщина. — И он не смеет называть меня старой ведьмой. К тому же я должна вам сказать, господин Тесей, что несколько дней назад от этого господина Пирифоя пришло письмо братьям Диоскурам. В нем сообщалось, что ты, царь Тесей, хочешь украсть себе в жены их маленькую сестренку. Я видела это письмо собственными глазами. Он просил устроить тебе засаду.

Кора увидела, как напряглись жилы на шее у кентавра, — боги не обидели силой Пирифоя. И уж конечно из руки простого человека он бы легко вырвался.

— Наш поход отменяется, Пирифой, — спокойно и царственно произнес Тесей. — Я попрошу тебя и твоих людей покинуть пределы Аттики и никогда более не переступить ее границ. Иначе ты не вернешься домой живым.

— Это мы еще посмотрим! — закричал Пирифой.

Кентавр отпустил его.

Пирифой крикнул: «Мы еще встретимся, мальчишка!», полоснув плетью своего коня, помчался прочь. За ним — отряд магнетов.

Раздался громкий стук копыт по мерзлой земле. Все смотрели вслед Пирифою, и никто не заметил, как стрела, пущенная с городской стены, нашла свою цель...

Кору будто толкнули в спину.

Она попыталась обернуться, и ей стало очень больно. Она вскрикнула.

Никто не услышал ее крика, но Феак увидел, как она падает, и прыгнул с коня. В следующее мгновение земля содрогнулась — на колени рухнул гигантский кентавр Хирон, оба они старались закрыть Кору от других стрел — если они были...

И еще через три или четыре секунды, когда стук копыт магнетов стал гложуть в воздухе, Тесей увидел, что случилось с Корой.

— Откуда? Кто? — закричал он.

— Со стены, — ответил Феак.

— Выньте стрелу!

— Подождите, — ответил Хирон. — Боюсь, как бы она не изошла кровью. Я обломаю лишь древко, а наконечник выну дома.

— А вдруг он отравлен! — Тесей был в отчаянии. — Я во всем виноват!

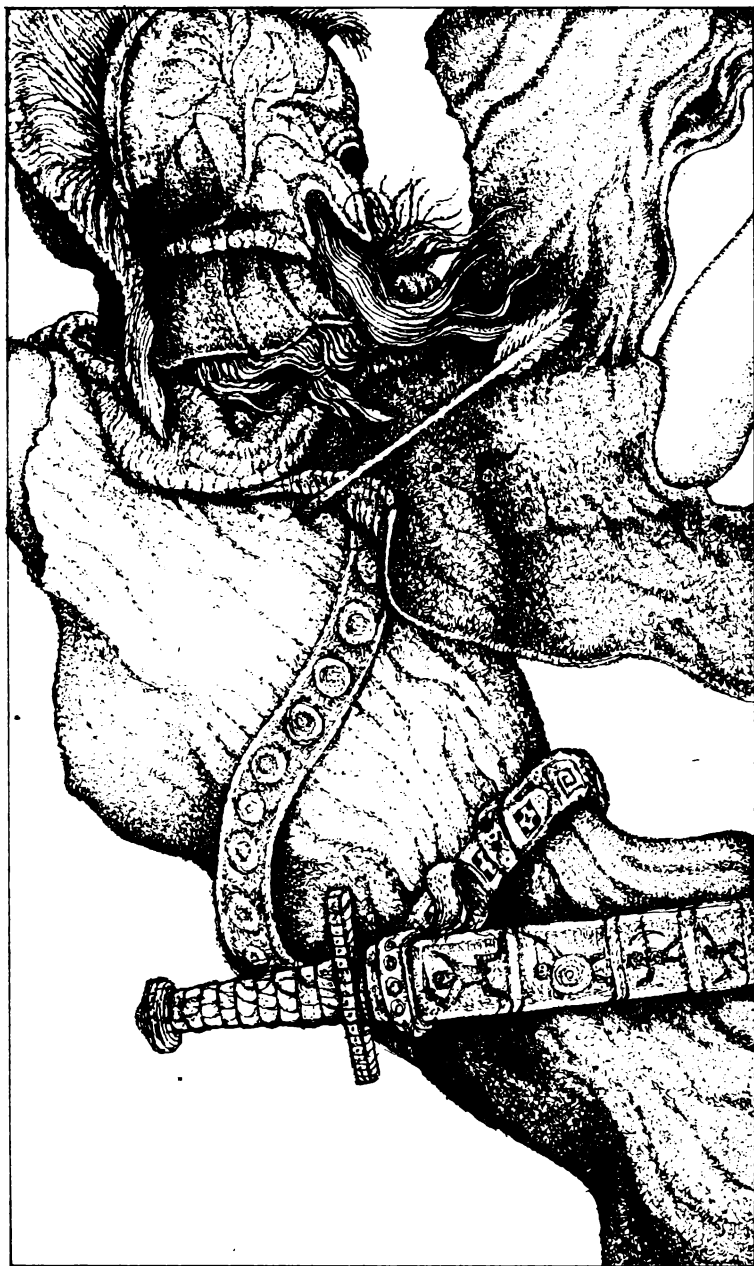
Он выскочил из колесницы и упал на землю рядом с Корой.

Он гладил ее бесчувственное плечо, он гладил ее волосы, выбившиеся из-под кожаного шлема.

— Я никогда не любил никого, кроме тебя... Кора, богиня моя, спасительница...

— Прости, царь, — сказал кентавр Хирон, — но нам надо отнести ее к Фолу. Она теряет много крови.

Два кентавра несли ее через город, который просыпался, так и не узнав о сцене, которая только что разыгралась перед воротами Афин. Кентавры несли накрытую плащом Кору осторожно, как сосуд, полный воды...

Кора проснулась на следующее утро слабой и бессильной. Феодосия, как звали жену Фола, которая ухаживала за ней, принесла ей ночной горшок, за что Кора ей была благодарна до гробовой доски, так как мысль о необходимости передвигаться с помощью собственных ног была невыносимой.

Добрая Феодосия, чтобы не беспокоить раненую, надела на копыта нечто вроде валенок и потому ходила по комнате беззвучно. Она сказала Коре, что та провела без сознания больше суток, правда, Хирон и хотел этого, он специально подмешивал ей в лекарство сонное зелье, потому что раны затягиваются у людей, когда те спят.

Едва Кора пришла в себя, появился Асклепий, главный врач Афин, по слухам, будущий или даже современный бог медицины, но притом ученик Хирона. Асклепий оказался высоким худым сутулым молодым человеком, который рассуждал значительным глубоким голосом, словно больше учился риторике, чем медицине. Он пощупал у Кору пульс, приподнял веко, потрогал лоб, разве что только не сделал кардиограммы, то есть вел себя совершенно несоответственно эпохе. Но с Хироном он разговаривал с превеликим почтением, и когда они обсуждали действия каких-то неизвестных Коре трав и настоев, он мерно качал головой, соглашаясь с каждым словом учителя, и был похож на цаплю, выбирающую из болота червяков.

Потом Асклепий торжественным тоном сообщил Коре, что лечение проходит нормально, ее состояние не вызывает опасений, но требуется постельный режим.

Хирон блаженно улыбался, гордясь своим учеником.

Асклепий сообщил, что донесет свое мнение до слуха царя, который лично изволит беспокоиться о здоровье Кору. А Кора спросила на прощание:

— Попросите его беречь себя. Мой пример пусть будет ему наукой.

— Я с вами совершенно согласен, — неожиданно согласился Асклепий. — Вы знаете, что лучника, стрелявшего в вас, до сих пор не нашли.

Он попрощался с Корой, и они с Хироном перешли в конюшню, где Асклепий еженедельно смазывал волшебными мазями рану, нанесенную некогда кентавру Герой. Хирон утверждал, что чувствует себя все лучше, но Кора подозревала, что на этот раз Гера победила.

После его ухода Феодосия сказала Коре по секрету, что отношения Асклепия и Хирона не такие простые, как кажутся, — ведь Асклепий по чину и происхождению принадлежит к богам, хотя ей, простой кентаврессе, сложно объяснить, каким образом. У Асклепия есть два флакончика из египетского стекла. В них содержится кровь Медузы. Один флакончик может оживить человека, а второй убить — одной каплей. Но Афина не разрешает Асклепию пользоваться этими каплями, и поэтому он лечит обычными, которые научил его составлять Хирон. Ну как тут разберешься, кто из целителей главнее?

— И ты веришь в эти флакончики? — спросила Кора слабым голосом.

— Как же не верить? — удивилась Феодосия. — Все берут. — Потом подумала малость и сказала мудро: — А если их и нет, то все равно верю.

— Глас народа — глас богов, — сказал Хирон, который, проводив Асклепия, возвратился к пациентке. — Завтра еще полежишь, наберешься сил, Харикло прислала тебе варенья из грецких орехов, а потом будешь как новенькая.

— Спасибо, — сказала Кора. — Я встану завтра, хорошо? Я обеспокоена.

Хирон почесал бороду, вытащил из нее несколько сучков, с отвращением отбросил в угол комнаты и сказал:

— Хорошо. Только учти, что будешь чувствовать большую слабость. И тебе лучше передвигаться на носилках.

На том и порешили.

Так как носилок в доме, разумеется, не было — кто будет носить кентавров на носилках? — то, по просьбе Хирона, Феодосия послала слугу в город,

чтобы он нашел там человека, который специально держит носилки, чтобы давать их на прокат.

Хирон заставил Кору выпить еще целый кубок теплого душистого горьковатого зелья и стал рассказывать о том, какой у него талантливый ученик Асклепий. Он только выглядит таким хилым и худым, а голова у него умнее, чем у самого Зевса.

Кору стало клонить в сон, и она спросила доброго кентавра:

— А у него есть флакончики с кровью Медузы?

— Тебе уже сообщили? — Хирон улыбнулся, а потом сказал: — К сожалению, Афина в самом деле подарила ему эти флаконы. И соблазн воспользоваться ими.

— А разве плох соблазн оживить человека?

— Человека можно вылечить, — объяснил Хирон. — На то и есть лечение. Возвратить человека из царства Аида могут только боги. И если человек обладает правом бога, то для него это плохо кончится.

— Феодосия сказала, что Асклепий — бог медицины?

— Он хороший врач. Профессионал. Я даже сказал бы, что он — мой лучший ученик. Но он общался с богами, он — любимый сын Аполлона, тот не только знал его, но и баловал! И убедил Афину сделать ему такой подарок. А подарок — это соблазн. Пока еще Асклепий подчиняется мне. Но я скоро погибну.

— Что ты говоришь!

— Чует мое лошадиное сердце, что я скоро погибну. И может быть, лучше, что не доживу до беспомощной старости. И без меня Асклепий наверняка захочет почувствовать себя равным богам, он захочет поставить медицину выше смерти. Он оживит одного человека, убьет второго, оживит третьего... и погибнет сам. Вот увидишь! Боги испытывают нас, смертных, на прочность.

— Значит, я сегодня познакомилась с первым в мире реаниматором? — сонным голосом произнесла Кора.

Кентавр понял это слово.

— Называй его как хочешь, но доверяйся лечащему врачу. — И он осторожно накрыл Кору мягким шерстяным одеялом.

* * *

На следующее утро Кора проснулась совсем здоровой. Настолько, что использовала свои слабые ноги для передвижения по комнате и дому, хотя Феодосия ходила за ней, не отставая ни на шаг, готовая поддержать Кору, если та начнет падать.

В зеркало она попыталась увидеть рану, но стараниями Хирона рана затянулась, и осталось лишь красное пятно под лопаткой.

Метко стреляли, подумала Кора.

Потом она позавтракала в постели. Ее кормили какой-то пресной кашей и зимним, вялым, очень сладким виноградом.

Кентаврята совали рожицы в комнату, чуя, что госпоже уже лучше и их не прогонят. Их и на самом деле не гнали.

Потом они даже забрались в комнату. Это были потешные создания, шаловливые, но робкие. Девочка, самая маленькая из них, попросила разрешения причесать Кору, и, когда получила его, ее братья чуть не лопнули от зависти.

Дома было тихо и пусто. Фол ушел по делам, Феодосия отправилась на рынок. Лишь копытца детей звонко перестукивались по глухим комнатам.

Вошла служанка и сказала:

— За вами носилки, госпожа.

Кора поблагодарила девушку и быстро оделась. Она надела два хитона и гиматий, сверху шерстяную хламиду, а также свой любимый, облегающий голову, кожаный шлем, который привезла из путешествия на Крит, но хоть убей, не помнила, как и когда он ей попался. Башмаки она натянула высокие, на шерстяные носки — слава Богу, их кто-то уже изобрел. Кора боялась простудиться.

Спина еще болела, но Хирон перед уходом поклялся, что можно не бояться, рана не будет крово-

точить, там уже образовалась новая кожа. Кора вышла во двор. Сыпал мокрый снег, а может, снежный дождь. Было темно и гадко.

Носилки стояли перед воротами дома.

Возле них переминались с ноги на ногу носильщики довольно жалкого вида. Серые хламиды, натянутые концами на головы, не спасали от дождя.

Толстяк в шляпе, с полей которой капала вода, с обвислыми щеками и тремя подбородками, закутанный еще более, чем носильщики, поклонился ей и сказал, что носилки поданы, как велено. И спросил, куда госпожа намерена ехать.

— Во дворец, — сказала Кора.

Она ступила на носилки, которые стояли на земле, возвышаясь лишь сантиметров на десять, подобно длинному столу на очень коротких ножках. Ножки переходили в высокие столбики, перекрытые сверху тентом, так что дождь и снег не попадали внутрь. В носилках пахло дешевыми духами и пудрой — видно, их недавно использовала какая-то гетера. За время жизни в Элладѣ Кора научилась разбираться в местных духах и благовониях и даже приобрела свои склонности и привязанности, но в целом запахи духов и кремов здесь были грубы и примитивны.

Усевшись получше, Кора при помощи толстяка, который командовал носильщиками, опустила занавески — с открытыми занавесками хорошо разъезжать на носилках в теплую сухую погоду, а тут, то ком грязи от встречной повозки, или снежок, пущенный сорванцом с плоской крыши, могут испортить одежду, а то и разбить лицо.

В носилках сразу стало полутемно, они качнулись. Носильщики подняли их профессионально — ровно и одновременно, и понесли вперед. Зря человечество отказалось от таких носилок. Конечно, жаль оставлять лошадей и автомобили без работы, но люди умеют это делать куда приятней, чем механизмы или животные.

Носилки равномерно покачивались, и Кора, еще слабая после ранения, даже задремала, представляя себе мысленно улицы, по которым ее несли ко двор-

цу. За бесконечную жизнь, проведенную в Афинах, она, казалось бы, знала наизусть каждую из улочек этого города, уже не городка, а настоящей столицы. Это произошло у нее на памяти. Но на памяти или в ложном воображении обманутого мозга? Вот и сейчас ей начало казаться, что ее несут не в гору, как положено, а ровно, по узкой извивающейся дороге... Она потянулась было к занавеске, чтобы открыть ее, но тут носилки резко остановили свой бег.

Раздался звон оружия. Голоса.

Стража дворца... Значит, просто разыгралось воображение.

Нетерпеливая мужская рука распахнула занавески.

— Выходи, госпожа.

Носилки опустились.

Придерживаясь рукой за стойку, чтобы не потерять равновесия, Кора вышла из носилок. Дождь со снегом усилились, ветер нес струи почти горизонтально, и Кора прикрыла лицо от зверского нападения стихий.

Толстяк, как ему и положено, резво бежал впереди носилок и теперь, промок до нитки и был несчастен, затрусил к двери, за которой оранжевым отблеском горел очаг. Вслед за Корой, туда же зашагали тяжело вооруженные воины в кожаных панцирях и медных шлемах — слишком просто одетые для царской стражи.

Эта мысль не успела толком отпечататься в сознании Кору тоже поспешившей к спасительной двери.

И вот она в помещении — низком, никак не дворцовом, освещенном факелами слуг и большим открытым очагом, над которым на вертеле медленно поворачивался баран.

Над бараном склонился человек, опрыскивая его из флакона мутным винным уксусом, он был занят своим делом настолько, что не обернулся к Коре. По ту сторону очага стояла Ариадна. Она скрестила на груди тонкие ручки и смотрела на Кору спокойно и свысока, как в момент их самой первой встречи, когда герцогиня Рагоза выразила недовольство тем, что ей предлагают лишь агента номер три.

На шаг сзади Ариадны стояли рядышком Кларенс и Кларисса — то есть Пирифой и Медея.

— Какое изысканное общество, — произнесла Кора, как только обрела способность говорить.

Она резко обернулась назад, в надежде отыскать возможность бежать из этой комнаты. Но воины в кожаных куртках с длинными волосами, забранными под кожаные колпаки, надежно перекрывали вход, держа руки на рукоятках загнутых кинжалов.

Человек, который поливал уксусом барана, сделал шаг назад, вытирая пот с лица, раскрасневшегося от жара костра.

— Жаркое у нас получится на славу, — сказал он.

Этого мужчину Кора также узнала — удивительно, сколько у нее знакомых в этом древнем мире! Это был великий мастер и изобретатель Дедал, в поисках которого дни и ночи проводил царь Минос.

— Скоро можно приступать к пиру, — добавил он и только тут признал Кору. — Какая радость! — сказал он, улыбаясь вольтеровской улыбкой. Лысина его блестела и отражала свет факелов. Жидкая рыжая борода казалась приклеенной. — К нам пожаловала госпожа Кора, с которой я имел честь общаться. Надеюсь, что у вас нет дурных воспоминаний о наших встречах?

Дедал засмеялся тем добрым предстарческим смехом, когда лучики добрых тонких морщинок букетиками собираются возле уголков глаз.

— Кора, — сказала Ариадна, — надеюсь, вы достаточно разумны, чтобы не устраивать здесь ковбойских трюков. Дом надежно охраняется. Пирифой привел сюда самых отъявленных головорезов из своих магнетов. А у стен дома стоят деревянные люди Дедала — прообразы роботов. Надеюсь, их вам уже приходилось встречать.

Кора молчала. В таких ситуациях, как учил комиссар Милодар, агент сохраняет шансы на выигрыш, только если ведет себя не так, как ожидает от него победитель. Когда он молчит, то приходится разговаривать преступнику. И преступник, как правило, почувствовав себя победителем, становится словоохот-

лив. Вот тогда-то агент должен уметь слушать. Кора умела слушать. Она молчала.

— Я предлагаю тебе, Кора, пройти в соседнюю комнату. Там удобнее. И там не будет свидетелей нашего разговора.

— Я желаю присутствовать при этом разговоре! — вдруг заявил Пирифой. Он не скрывал своей злобы — видно, до сих пор не мог простить Коре унижения у городских ворот.

— Ты еще наговоришься с ней, Кларенс, — сказала герцогиня. — Так ты идешь, Кора?

Раздвинув занавески, Ариадна двинулась в глубь дома. Кора молча последовала за ней.

Они оказались в небольшой, уютной и достаточно освещенной светильниками комнате, где с трех сторон вдоль стен тянулись низкие диваны с подушками и мягкими шкурами, чтобы было уютно возлежать или сидеть на них. Перед диванами стояли овальные столики со стеклянными и серебряными кубками.

— Садись, Кора.

Ариадна двигалась ловко и быстро, и при колеблющемся свете было трудно понять, изменилась ли она за то время, пока они не виделись, или нет. Вроде бы она стала старше.

Но двигалась герцогиня легко и ловко.

Она разлила по кубкам мутноватую белую жидкость.

— Хочу отплатить тебе добром, Кора, — сказала она. — Конечно, я не могу в ВР-круиз взять с собой виски или хорошую водку, но старина Дедал, светлая голова, соорудил достойный перегонный аппарат, так что можешь попробовать виноградной водки.

Ариадна протянула свой бокал, чтобы чокнуться. Бокал был очень красив. Видно, египетский или сирийский, как бы сплетенный из витков разноцветного стекла. Самогон оказался крепким, почти чистый спирт. С непривычки Кора закашлялась.

Ариадна спокойно выпила свой бокал до дна и улыбнулась.

— Теряешь практику, моя дорогая девочка. Тебе пора возвращаться домой и приниматься за доброе шотландское виски.

— Зачем вы все это устроили? — спросила Кора.

— Позволишь еще бокал?

— Нет, спасибо, я сегодня первый день как встала.

— Стрелял мой человек, — сообщила не без гордости Ариадна. — Мы думали, что если убьем или серьезно раним тебя, то они будут вынуждены убрать тебя отсюда и мы тогда кончим наши семейные дела без твоего вмешательства.

— Кентавр Хирон — замечательный лекарь, — сказала Кора.

— Недолго ему жить осталось, — сказала Ариадна.

— Не смейте его трогать!

— При чем тут мы? Мы вообще никого здесь не трогаем. Отдайте нам нашего милого Густава, и больше нас никто не увидит. Думаешь, мне легко здесь без моих кремов, без моих гелей, без моих массажисток? Это же каторга! Хирона, кажется, убьет Геракл или кто-то еще из местных хулиганов. Разве вы перед отлетом не читали?

— Тогда все было так срочно... И честно сказать, порой я рада, что не знаю завтрашнего дня.

— Это ничего не дает, — ответила Ариадна. — У каждого мифа есть столько вариантов, любой может стать ВР-вариантом. Так что со знанием попадаешь впросак хуже, чем с полным неведением. Ну разве я могла предполагать, что ты сдуру вытащишь из пещеры моего жениха? — Ариадна засмеялась серебряным мелодичным смехом; свет от светильника упал на лицо и осветил сетку морщин, которые покрывали его. Да, годы здесь нелегко дались герцогине Рагозе.

— А как вы выбрались с Наксоса? — спросила Кора.

— Это длинная история. Зевс прислал мне на помощь Диониса. Мы жили с ним... впрочем, это не имеет отношения к нашей истории.

— Много детей нажили?

— Оставьте свои глупые шутки, Кора. И не путайте субъективное время здесь, которое у каждого свое, и объективное, которое продолжается там...

— Зачем вы похитили меня, герцогиня? — спросила Кора.

Рагоза отпила еще от своего бокала, взяла спелый мандарин, очистила его, потом гневно отбросила в угол, он покатился по ковру, покрывавшему пол.

— Потому что ты мне надоела, черт побери! И когда три дня назад ты сорвала нашу последнюю, так тщательно продуманную операцию, я поняла, что хватит нам охотиться за Густавом — пора убирать тебя. Мы не можем больше рисковать. Не сегодня-завтра здешний ВР-путь Тесея заканчивается. И Густав вернется обратно в наше время, чтобы погубить нашу династию. Так что перед тобой, Кора, очень простой выбор.

— Какой же?

— Или ты сегодня же даешь сигнал, чтобы тебя отсюда откомандировали, вытащили, убрали, эвакуировали! Впрочем, ты можешь куда-нибудь уехать — но ни в коем случае не приближайся больше к Тесею!

— Либо?

— Либо — ты знаешь. Ты не выйдешь отсюда живой.

— Меня в будущем вылечат от смерти, а у вас будут очень крупные неприятности.

— Я лучше тебя знаю, какие у меня будут неприятности. Поэтому я позабочусь о том, чтобы тебя не смогли оживить. Я знаю правила ВР-круизов не хуже тебя. И все наши покушения на Тесея, как ты понимаешь, имели в виду именно окончательное уничтожение. Так что тебя не смогут оживить... даже в Галактическом центре. И твой идиот комиссар останется без своего агента номер три... А может, триста тридцать три?

— Не важен номер, — сказала Кора и протянула свой бокал Ариадне. Хозяйка дома налила в него водки. — Важно то, что мне удалось сорвать три ваших покушения. Так что считайте, добрая тетушка Густава, что я неплохо отрабатываю свои гонорары.

— Проклятие! — вырвалось у герцогини в лучших традициях готического романа.

Но этим сцена и завершилась, потому что женщины чокнулись и выпили обжигающий напиток.

— Ну как? — спросила дама Рагоза. — Ты уезжаешь?

— Не могу, — по мере сил искренне ответила Кора.

— Почему?

— Потому что у меня нет связи с моим временем. Только когда Тесей тем или иным образом покинет или завершит ВР-круиз, я тоже буду возвращена...

— Белая рабыня, не так ли? — спросила дама Рагоза.

Они еще выпили. Кора с удовлетворением подумала, что судьба благородно поступила, определив ей в соперницы даму Рагозу. Будь она союзницей, споила бы АГЕНТА. С герцогиней так прекрасно пилось. Даже такая чепуха, как этот первобытный самогон.

— Здесь до черта вредных примесей, — сказала Кора о спирте.

— Ни в коем случае. Чистейший продукт, — возразила герцогиня. — Двойная перегонка. Дедал — гений своего времени. Помните, как он улетел с Крита? И с тех пор его не нашли. Я рада, что мы теперь работаем вместе.

— Он знает о вашем задании?

— Ни в коем случае. Но он умеет ценить необычных людей.

— Ну и компания! — искренне воскликнула Кора. — Вас здесь трое?

— Как так трое? А, ты имеешь в виду гостей из Рагозы? Да, конечно, нас трое. — Голос дамы Рагозы прозвучал лживо.

Кора не знала, верить или нет.

Но дама Рагоза не дала возможности рассуждать.

— Не знаю, — сказала она, возвращаясь к главной теме беседы, — действительно ли ты не имеешь связи...

— А вы?

— У нас есть связь. Но по своим каналам...

— Наверное, нелегко вам удалось отправить в Древнюю Грецию целую бригаду мстителей?

— Мы все купили себе путевки в ВР-круиз, — быстро солгала Ариадна.

— Не надо считать меня идиоткой, — ответила Кора. — Я-то знаю, что в ВР-круизе человек теряет память о своей действительной жизни. Это условие существования в этом мире. Тесей не подозревает, что он — принц Густав. Вы же все знаете. Как и я. Но решить вопрос о том, чтобы отправить сюда не участников, а охотников за человеком, могли лишь на самом верху. Боюсь, что назревает уголовное дело века...

— Пожалуй, мы сожжем тебя, Кора, — задумчиво сказала Ариадна.

— Не успеете — меня автоматически вытащат обратно, как только датчики сообщат информацию об угрозе для моей жизни.

— Кора, уходи! Не мешай нам! Мы заплатим тебе столько, сколько ты не заработаешь за три жизни!

— Спасибо за комплимент. А то этот скряга Миллодар уже третий год не повышает мне категорию. Я работаю как младший инспектор, представляете?

— Кора, немедленно перестань молоть чепуху! Уходи, или мы тебя уьем.

Кора увидела, как дрожит лапка Ариадны под тяжестью старинного бокала.

— Мне надо подумать, — сказала она.

Можно предположить, что уже сейчас ее хватились. Впрочем, нет, даже если кентавр Фол вернулся домой, он полагает, что Кора уехала во дворец в наемных носилках. А Тесей занят другими делами. И ему грозит беда.

— Некогда думать! — заявила Ариадна. Голос ее звучал нетвердо. Язык подчинялся с трудом. Кора решила пожертвовать собой.

— Еще по бокалу за встречу! — предложила она.

— Ни в коем случае! — сказала Ариадна. — Наливай!

Но ничего не вышло.

Занавеси в дальнем конце комнаты резко раздались в стороны, внутрь пахнуло алым отблеском очага и запахом жареной баранины.

В комнате стоял человек в бронзовом шлеме с маской, закрывавшей все лицо. На нем был драгоценный чеканный панцирь с изображением головы горгоны Медузы. У пояса висел широкий меч в украшенных золотом ножнах. Это был или бог, или царь, или герой... Именно он командовал в этом доме.

— Мне надоело ждать, — сказал он, забыв поздороваться с Корой. — Боюсь, что вместо делового разговора у вас получилась попойка.

— Не смей так говорить! — возмутилась Ариадна. — Я царица и герцогиня. И кстати, спала с богом Дионисом, чего тебе не дано!

— Какая мерзость, — сказал человек в шлеме-маске. — Она хоть успела вам, Кора, сообщить наши условия? Достаточно мягкие?

Голос его был знаком. Она уже разговаривала с этим человеком.

— Я попросила времени подумать, — ответила Кора.

— Некогда думать. Иначе мы убьем вас.

— Попробуйте, — сказала Кора. — Тогда я окажусь в центре реанимации прежде, чем вы успеете замести следы. И посмотрим, как вы тогда выпутаетесь. И кто здесь останется, чтобы убить Тесея.

— Нет, голубушка, Ариадна пожалела тебя, — сказал человек в шлеме-маске, — у нас есть способы убить тебя навечно, и для этого мы завели здесь местного умельца по имени Дедал. Может, слыхала? Способный, бестия, но тщеславие его загубит... погоди, не возражай. Но я согласен с тобой, незачем брать на себя лишний грех. Лишний грех — лишний риск. Так что тебе просто придется несколько дней побыть у нас в гостях, пока мы закончим операцию «Принц Густав». Красиво звучит для Древней Эллады, а?

— Ни черта у вас не выйдет, — сказала Кора.

— У нас все выйдет, потому что я сам специально прибыл сюда, чтобы организовать ликвидацию этого

мальчишки. До этого здесь работали дилетанты, то есть особы, которые по своим мелким эгоистическим причинам желали убрать Густава с политической арены.

— Я не особа! — сказала Ариадна, сложила калачиком и захрапела мужским басовитым рыком.

— Мне же Густав опасен по-настоящему. Для меня его смерть — дело моей жизни или смерти. Как-нибудь, Кора, когда все это кончится, я тебе расскажу, почему мне пришлось подталкивать этих людишек к действию, — человек в маске-шлеме сделал жест в сторону двери, включая таким образом в число людишек Пирифоя и Медею. — Но я не учел один фактор — тебя. Теперь мне пришлось прибыть сюда самому, взять на себя руководство операцией и в первую очередь изолировать тебя. Так что не сетуй, что попала между жерновами, — уж очень велики ставки. — Он обернулся к двери, ведущей в большую комнату, и позвал: — Мастер Дедал.

Тот вошел. Уверенно, без приниженности и страха.

— Будь любезен, друг, — сказал человек в маске-шлеме, проводи госпожу Кору в ее новое жилье.

Дедал сухо ухмыльнулся и сказал Коре:

— Иди, — и показал на небольшую дверь между диванами, закрытую занавеской.

Кора понимала, что сейчас ей нужно время подумать, прежде чем бросаться в бой.

Она послушно пошла вперед по темному коридору. Коридор привел в комнату без окон, освещенную лишь одним факелом. Вот и моя тюрьма, подумала Кора. В дальней стороне комнаты было невысокое ложе, покрытое кошмой.

— Иди туда, — сказал Дедал.

Кора молча пошла.

Когда она дошла до середины комнаты, то услышала сзади громкий щелчок.

Плита пола, на которую она наступила, поддалась под ногами, и Кора, не готовая к такому повороту событий, упала вниз.

Внизу, на глубине метров двух или чуть более, была куча соломы.

— Отдыхай, госпожа, — сказал Дедал.

Плита повернулась, и в каменном мешке наступила абсолютная темнота.

* * *

Кора ушибла локоть и колено. И была зла на себя. Вдвойне — за наивность и за глупость. Это совершенно разные понятия, но абсолютно непростительные в работе агента. Она дала сама привезти себя в носилках в западню, хотя ей всего-то следовало время от времени выглядывать наружу и смотреть, куда ее несут. Так не попадают и первокурсники. И благо бы попалась месяц назад, когда ничего не грозило ни ей, ни Тесею. Но сейчас, в кульминационный момент борьбы — так подставиться!

Кора лежала на каменном полу подвала.

Надо было заставить себя побороть боль.

Кора подвигала руками и ногами — все цело. Значит, у меня ничего не сломано, это замечательное везение. Сейчас я отсюда выберусь и покажу им всем, где раки зимуют...

Кора села. Солома была влажная, ледяная, от нее смрадно пахло гнилью и дохлыми крысами.

Сначала дадим им всем покинуть дом. Пускай уезжают. Пускай готовят покушение... А как ждать, если не знаешь, когда же покушение состоится? Значит, их теперь четверо. Трое мне знакомы. А четвертый — фигура новая и неизвестная ИнтерГполу. Впрочем, уверенно говорить об этом можно, только сняв с него шлем. Надо же было грекам придумать такие шлемы! В строю они красивы — каска шлема переходит в нащечники, сверху спускается защитная планка для носа, так что остаются видны лишь глаза. Замечательно... Значит, я плохо работала на планете Густава, если не нашла в Рагозе главного убийцы, того человека, который может управлять такими разными фигурами, как дама Рагоза и Кларенс.

Раздумывая подобным образом, Кора не бездействовала.

Она обшаривала кончиками пальцев стены своей тюрьмы, затем пол... Она предположила, что вряд ли во внутренних помещениях дома, где жил Дедал, специально сделали каменную ловушку для Кору или подобных ей пленников. Судя по всему, подвал был выкопан очень давно — стены были влажными от слизи и подземных растений, волокна которых свисали космами со стен.

Теперь давайте простучим костяшками пальцев. Только не торопись, Кора, сейчас важнее точность, чем быстрота.

Она стала простукивать стены подвала.

По законам приключенческого жанра или, может, по закону подлости — звук пустоты обнаружился лишь за камнями четвертой, последней стенки. Наверное, уже прошло больше часа, как она в заточении. А возможно, и больше. Камень звучал чуть-чуть иначе. Может быть, здесь заложено отверстие? Тем более что кажется, вроде и слой слизи здесь не так толст...

Ну давай постучим еще... и еще раз.

Разумеется, никаких инструментов у Кору с собой не было. Или почти не было. Ведь не считать же инструментом небольшой ножик, который поместился в сумочку с косметикой, прикрепленную к поясу под верхним хитоном. Обыскивать здесь еще не умеют. И всегда удивляются, когда видят, что антигерой пронес в зал заседаний если не катапульту, то копье с себя длинной.

К счастью, камни крепились в подвале раствором. Хваленая циклопическая кладка древности конечно бы Коре не поддалась. Но та часть стены, в которую вгрызлась Кора, состояла из небольших, плохо подогнанных камней, скрепленных раствором, относительно мягким и даже крошащимся от постоянной сырости.

Так что ножика, умелых движений опытных пальцев и помощи бронзовой булавки, которой была скреплена на плече хламида, было достаточно, чтобы через некоторое неустановленное время один из камней пошатнулся.

А как только один камень в стене пошатнется, считай, что стены не существует, — это древний закон крепостной осады.

Камень упал на солому. Кора осторожно протянула руку — за камнем была пустота. Конечно, подумала она, будет очень грустно оказаться в роли графа Монте-Кристо, который копал проход в стене двадцать лет только для того, чтобы попасть в соседнюю камеру. Но ведь и в соседней камере может сидеть полезный для дела аббат!

Со злостью, которая удесятирила силы, Кора, забыв о ранении и усталости, буквально вырывала из стены камень за камнем, пока не образовался достаточный выход из ее подземного дворца. В последний раз вдохнув мерзкого затхлого воздуха подвала, Кора выползла в соседнее помещение и поняла, что это не просто помещение, а подземный ход, какие делались порой в домах, чтобы хозяин мог незаметно выбраться за пределы дома. По крайней мере, Кора сделала такое предположение, пройдя, согнувшись в три погибели по длинному коридору, а затем, поднявшись по нескольким каменным ступенькам к двери.

Дверь была деревянной, рассохшейся, в трещины проникал вялый свет.

Теперь требовалось удвоить осторожность, потому что совершенно неизвестно, где ты окажешься, миновав эту дверь.

Кора дотронулась до двери и начала ее отжимать. Дверь была не заперта, но страшно скрипуча. Тем более что с внешней стороны к ней были привалены какие-то мешки и глиняные кастрюли. Так что когда Кора надавила чуть сильнее, то вся эта преграда загремела, зашуршала, зашелестела, взвыла... и дверь, распахнувшись, широким жестом сеятеля, разбросавшего семена, раскидала предметы, которыми была завалена.

Горшки покатались по полу небольшого храма, куда и вывела Кору лестница, следом за горшками поддались мешки с шерстью и какой-то гнилью, пустые или наполненные всяким хламом корзины —

видно, сюда кидали то, в чем приносили в храм дары, но некому было толком заняться разборкой упаковки древних времен.

Но благо бы горшки, амфоры и корзины покатились просто так. Нет, они покатались на человека, который, сидя на корточках спиной к Коре, раскладывал или складывал на полу нечто большое и белое. Этот человек сначала в страхе вскочил и хотел было бежать, затем догадался оглянуться и не увидел Кору, которая присела в темном углу за оставшимися там корзинами. Тогда он кинулся на катящийся на него поток вторсырья, отбрасывая корзины и мешки ногами и руками, стараясь защититься от них нечто для себя драгоценное, что лежало на каменном полу. При этом он совершенно неприлично ругался на древнегреческом языке голосом изобретателя Дедала.

Наконец Дедалу удалось справиться с лавиной, и он отправился поглядеть, что же стало его причиной.

Видно, Дедал был неглуп, потому что, увидев открытую дверь, — и чего же я ее не закрыла впопыхах! — связал ее с наличием в доме Кору, так что приближаться к ней не стал, а, наоборот, отступил назад и крикнул:

— Стража, ко мне!

Кора продолжала таиться за мешками, лихорадочно оглядывая храм, чтоб сообразить, как из него выбраться. Храм, вернее, храмик представлял собой помещение метров двадцать на пятнадцать с одним входом вдали от Кору, если не считать хода в подвал.

Вдоль стен храма рядами стояли колонны, которые поддерживали кровлю. Между ними тянулись потемневшие от времени балки. Никакой статуи или другого знака, указывающего на то, кому принадлежал храм, Кора не увидела. Вот и все, что она успела понять до того, как в храм, стуча медными подковами башмаков, вбежали десятка два деревянных солдат Дедала, выстроились, перекрывая выход, и замерли в одинаковых позах оловянных солдатиков, что говорило об их искусственном происхождении.

— Кто там есть, — сказал Дедал, — выходи!

Кора рассудила, что у нее нет особенного выбора, шагнула вперед, пытаясь отряхнуть с себя пыль и паутину, обмотавшую ее в укрытии.

— Молодец — сказал Дедал. — Так быстро найти выход из этого каменного мешка и выбраться сюда — этого не смог бы и я сам. Нет, ты стой, господа, не приближайся.

Он махнул рукой, и на условный жест два воина подняли дротики, готовые метнуть их в Кору. Это было неприятно. Но с фактами приходится считаться.

— Можно я сяду? — спросила Кора. — Я ужасно устала. К тому же у меня еще толком не зажила рана.

Дедал оглянулся, увидел округлый табурет, стоявший метрах в пяти от него, и снисходительно произнес:

— Садись, если тебе не сидится в подвале.

Кора сочла это предложение добрым знаком. Как говорится в старом анекдоте, который рассказывают либо о Наполеоне, либо об Александре Македонском: «Дал конфетку, а мог бы и пришибить».

Кора села в позе послушной ученицы, сложив ладони на коленях.

Дедал был в коротком хитоне, поверх которого надел кожаный фартук, как у кузнеца. Сандалии у него старые, ремешок у одного порван, и он пришепывал при ходьбе. Изобретатель был не стрижен и не ухожен.

— Вы здесь совсем один, без семьи? — спросила Кора.

— Ты видела, как погиб мой сын, — зло ответил Дедал.

Не надо было спрашивать об Икаре, осторожнее, Кора.

— А чем вы тут занимаетесь? — голос у Кору звучал мягко, почти жизнерадостно, словно у внучки старого мастера, который в одиночестве вырезает из дерева модели фрегатов.

— Я не знаю, — сказал Дедал, глядя на Кору и обнаруживая определенный цинизм, который можно назвать и прямотой. — То ли велеть им тебя заре-

зять при попытке к бегству, то ли связать и кинуть обратно в подвал.

— Что ты хочешь, девочка, — передразнила его Кора, — кусочек торта или чтобы тебе отрубили голову?

— Я думаю, что они будут мне благодарны, — заметил Дедал, — если тебя убьют при попытке к бегству. И мне спокойнее. Я не люблю тараканов, которые пролезают во все щели.

— Ты их боишься, мастер? — спросила Кора, будто речь и не шла о ее смерти.

— Я никого не боюсь, — ответил он. — Но госпожа Ариадна встретила меня, когда я скрывался от ее отца, она дала мне приют, она купила для меня этот дом и даже заброшенный храм, где я могу заниматься своими опытами.

Дедал обвел рукой вокруг, и Кора только сейчас заметила, что в темных углах храма таятся какие-то колеса и балки, — видно, и в самом деле следы изобретательской деятельности Дедала.

— Я ей благодарен. А бедному изобретателю всегда нужна защита.

— Царь Тесей тоже может защитить бедного изобретателя, — сказала Кора. — И надежнее, чем эти проходимцы, которые сбегут отсюда не сегодня-завтра.

— Царь Тесей обречен, — уверенно сказал Дедал. — Я не могу на него рассчитывать.

— Царь Тесей переживет всех своих врагов, — сказала Кора. — И это говорю я, богиня Кора-Персефона.

— Ах, оставь, — улыбнулся Дедал и сразу стал похож на очень лысого Вольтера. — Богини не ползают по подземным ямам и не собирают на себя паутину.

— Ты в самом деле можешь меня убить? — спросила Кора.

— Если ты будешь мешать моим занятиям, моим изобретениям, моей великой судьбе, то, конечно же, я тебя убью, — ответил Дедал, и он был совершенно искренен.

— Тогда я буду помогать твоим изобретениям, — сказала Кора. — И стану незаменимой.

— Не надо говорить глупостей, женщина! — рассердился Дедал. — Ты тратишь мое драгоценное время.

— Я вижу, что на полу лежат твои знаменитые крылья, на которых ты улетел с Крита?

— Да, я придумал, — сказал Дедал, он совершенно изменялся, если речь заходила о его изобретениях, — я придумал, как сделать, чтобы они не плавись от Солнца. Я заменил воск, скрепляющий перья, составом из алебаstra и черного клея, который, затвердевая, уже не боится жары. Как жаль, что я не знал этого, когда мы летели с Икаром!

Дедал приложил кулак ко лбу — он в самом деле любил своего сына и до сих пор переживал его гибель.

— А над чем вы еще сейчас работаете? — спросила Кора.

Дедал сразу насторожился.

— Не надо, женщина, — сказал он сердито, — хитрить и делать из меня дурака. Я обещал моим друзьям присмотреть за тобой, пока они не убьют этого мерзавца Тесея.

— Мерзавца?

— Конечно же! Порождения Ехидны! Это он виновник гибели моего сына — не появись он на Крите, я бы жил там в свое удовольствие! И мой сын был бы жив. Ты думаешь, почему я помогаю во всем тем людям, которые его сегодня убьют? Только потому, что не прощу ему смерти Икара.

— Я думаю, что ты не совсем прав, Дедал, — сказала Кора, хоть и понимала, как рискует, произнося такие слова. — Я думаю, что ты делаешь то, что тебе надо. И если бы не было Тесея, ты нашел бы другого виноватого. А так ты связался с самыми страшными преступниками Эллады, пришельцами, которые намерены зверски убить законного царя Атики, потому что им это выгодно! Они дали тебе мастерскую и деньги, чтобы ты мог покупать приборы и всякие приспособления. В истории человечества

таких, как ты, будут тысячи! И завтра они истребят всех греков, пользуясь твоим изобретением, каким-нибудь дьявольским огнем, но ты скажешь, что никогда не принимал в этом участия, потому что именно в это время изобрел новый клей для своих белых крыльев.

— Ты не смеешь так говорить! Это неправда! Я никому не продаюсь!

К счастью для Кору, от ее напора Дедал растерялся.

— Тогда выпусти меня, чтобы я могла успеть во дворец предотвратить убийство!

— Нет.

— Ты боишься?

— Я не хочу им мешать. К тому же ты не успеешь им помешать.

— Тогда тем более ты должен меня отпустить.

— Нет.

— Тогда продай мне мою свободу.

— Любопытно, — произнес Дедал. Он вытер руки о фартук, снял его, стащил через голову и кинул на пол. — Как же ты намерена меня подкупить? Своим прекрасным телом?

— Нет, не думаю, что ты к этому сейчас стремишься.

— Только бесплатно! — Дедал нехорошо засмеялся.

— Что для тебя всего дороже?

— Знания, — ответил Дедал так, словно был готов к этому вопросу.

— Тогда я буду торговать с тобой знаниями.

— Что можешь знать ты, женщина, закрытого от меня?

— Ты можешь смеяться над паутиной, которая покрыла мою хламиду, — ответила Кора. — Но, наверное, даже ты уже знаешь, что нутро человека не должно соответствовать его одежде.

— Ты не богиня! — упрямо ответил Дедал. — И только тянешь время. А это тебе ничего не даст.

— Я предлагаю тебе товар, — сказала Кора. — Что ты хотел бы изобрести?

— Чепуха!

— Хорошо. — Кора старалась придумать первый ход, который убедил бы Дедала в ее могуществе. Но что придумаешь, когда у тебя нет под рукой ни компьютера, ни логарифмической линейки? Нужен принцип, понятный Дедалу... — Хорошо, — повторила Кора. — Ты изобрел крылья, которые несут тебя над морем. Но я знаю, что еще легче построить воздушный корабль, который поднимет и тебя, и всю твою семью.

— Ты знаешь? — Дедал вдруг взволновался. Он был заинтригован. Что-то в голосе Кору убедило его, что она не шутит.

— Да. И могу рассказать тебе. Это простое изобретение. Но до него ты не додумался.

— Скажи.

— Нет. Мена за мену. Ты скажешь мне, что замыслили твои друзья.

— Они не друзья мне.

— Не спеши отрекаться, мастер. Ты хочешь знать, как построить воздушный корабль, который поднимет в воздух десять человек? А несколько таких кораблей могут поднять в воздух целую армию. С этим знанием ты станешь главной драгоценностью для любого агрессора.

— Для кого?

— Ты согласен?

— А ты не обманешь?

— Дедал. Я сейчас в твоей власти. Мне нужно бежать. Если мое изобретение тебе не подойдет, ты можешь приказать своему роботу меня застрелить, ты можешь бросить меня связанной в подвал — я в твоей власти.

— А если я тебя обману?

— Зачем? Кто убивает курицу, которая несет золотые яйца?

— Ты знаешь еще что-то?

— Ты можешь не верить в то, что я богиня, но от этого я не переменюсь.

Дедал отошел к крыльям, странное зрелище являли они — словно падший ангел растворился, исчез, оставив лишь символ воздушной чистоты.

— Эти люди, — сказал Дедал, — эти люди придумали, как выманить царя Тесея из дворца.

— Как?

— Ариадна сказала ему, что ты попала в плен к Пирифою, который хочет тебе отомстить. И она знает, как найти тебя, при условии, что Тесей забудет прошлое и женится на ней.

— Но она же сама сказала, что вышла замуж за Диониса!

— Тесей не знает этого. Тесей думает, что Ариадна все эти годы ждала его. Что она страдала, что она раскаялась... Теперь ты скажи, что за изобретение может поднять в воздух несколько человек?

— Куда Ариадна повезет его?

— В Собачьи скалы. Их мало кто знает, там лесистые места. Там никто не живет.

— И что угрожает там Тесею?

— Так мы не уговаривались, госпожа. Расскажи мне об изобретении.

— Никуда он не поедет! Почему он должен куда-то ехать ради меня? Кто я такая? Одна из женщин его двора.

— Даже мне известно, что это не так.

— Что угрожает ему на той скале?

— Хватит. Ни слова больше.

— У тебя есть черный уголь? — спросила Кора. Она поняла, что больше Дедал ничего сейчас не скажет.

— Где-то был.

Дедал отошел в сторону, к ящику с инструментами, и извлек из него коробочку, в которой лежали мел и кусок угля.

— Я нарисую здесь, — сказала Кора, показав на каменный гладкий пол рядом с крыльями.

— Только рисуй крупнее, — сказал Дедал, — здесь темновато, а у меня пошаливают глаза.

— И сильно... Я имею в виду, ты совсем плохо видишь?

— Я хорошо вижу издали, но плохо вблизи, а это очень неудобно для работы, для тонкой работы. Но это знак старости... Порой так хочется разглядеть малую вещь...

— Может быть, и здесь я смогу тебе что-то посоветовать, — сказала Кора, стараясь, чтобы ее слова прозвучали обыденно.

— Глаза исправить не могут даже боги, — ответил Дедал, но он был взволнован. Изобретатель в нем трепетал от ожидания. — Покажи!

Кора нарисовала углем круг.

Под ним нечто вроде светильника.

— Представь себе, Дедал, — сказала она, — что ты сошьешь или склеишь из кожи или тонкого материала, сквозь который не может проникнуть воздух, большой шар.

— Насколько большой?

— Может быть, как этот храм. Если в нижней его части сделать отверстие, а под ним поместить сильный светильник, который дает много тепла, то этот шар начнет надуваться.

Кора кинула взгляд на мастера. Он стоял, скрестив руки на груди и склонив яйцеобразную голову. Он думал.

— Когда шар начнет рваться вверх, ты должен обмотать его веревками и привязать снизу корзину. В корзине же будут люди, которые полетят в небо.

Дедал молчал.

Кора понимала, что не может донести до сознания Дедала даже смысл того, что такое воздух и почему он не должен проникать через оболочку воздушного шара. Сейчас он поднимет ее на смех и прикажет кинуть в подвал...

— Чем же лучше покрыть оболочку? Если я сошью ее из шелка, который привозят торговцы с Востока, он будет легким, но если я покрою оболочку клеем, то она станет тяжелой... А кожа, госпожа, совершенно для этого не годится! И не пытайтесь меня учить! — закричал Дедал. Он оттолкнул Кору и, встав на колени посреди зала, принялся рядом с ее неумелым рисунком чертить проект воздушного шара...

— Кроме этого проблема будет — чем питать светильник и как сделать, чтобы он не поджег шар, понимаешь?

— Понимаю, — прошептала Кора, готовая расцеловать старого негодяя.

Только минут через пять — для Кору они прошли быстро, потому что она с наслаждением квалифицированного зеваки любовалась тем, как Дедал рисует и вновь стирает варианты воздушных шаров, ругаясь при этом, смеясь, и проклиная кого-то. Вот он начал биться над проблемой управления шаром, а когда Кора сказала ему, что, может, стоит попробовать тот винт, который он уже использовал на своем корабле, Дедал вскочил, подбежал к ней и, встав на цыпочки, расцеловал в обе щеки, щекоча мягкой бородой. Это было неожиданно, и даже трогательно. Тут же он отпихнул ее от себя и кинулся вновь к чертежу.

— Дедал, — сказала Кора, — мы еще не закончили разговор.

— Но я же тебе все сказал! Ты можешь идти куда хочешь. Я тебя не держу.

— Объясни мне, что грозит царю?

— Все ясно и подло, — сообщил Дедал, как будто только сейчас догадался о моральной нечистоплотности своих друзей. — Почему-то им нужно, чтобы твой Тесей не просто погиб, но погибла его голова. С моей точки зрения, это не очень правильно. Но сущности это ваши проблемы.

— И что они придумали?

— Там есть скала, — сказал Дедал. — Она совершенно отвесная... — Тут он забыл о Коре, вернулся к чертежу и нарисовал вместо шара нечто вроде сигары так, чтобы можно было поставить по винту спереди и сзади.

Он принялся рисовать винты.

— Дедал! — закричала Кора. — Я тебя убью!

— Вот это новость, — удивился мастер. — Не жели я тебе чего-то не сказал?

— Не сказал! В чем его смерть?

— Я выковал им множество, может, тысячу толстых бронзовых шипов, каждое с локоть длиной. Когда тело твоего любимого царя упадет с обрыва, охотники пронзят его в сотне мест. И должен сказать тебе, что задача отлить эти иглы была не простой да

для меня. Хочешь, я тебе покажу, какую я придумал систему постоянного литья и заточки?

— Боже мой, какой замечательный образец военного ученого двадцатого века! — воскликнула Кора. — Это же вы, Дедал, чуть-чуть не уничтожили всю Землю, сохранив при этом способность к любознательности и любовь к музыке и изящным искусствам.

— Я очень любознателен, — согласился Дедал. — Твои носилки стоят во дворе. Можешь ими воспользоваться.

— А где кони?

— Если они оставили хоть одного коня — погляди в конюшню! И запомни, что я всегда честно соблюдаю соглашения.

— С кем бы ни заключил?

— С кем бы ни заключил. А кто прав, кто виноват, — у меня нет для этого выработанных этических критериев.

И в этот момент, когда Кора поняла, что больше ей не о чем разговаривать с этим нейтралом, в храме стало темно.

На секунду.

С грохотом разлетелись в разные стороны деревянные воины Дедала.

Растаптывая их в неудержимой ярости, в храм ворвался кентавр Хирон.

Но несмотря на грохот, возникший при его появлении, Кора услышала шум и сзади — из полуоткрытой двери, которая вела в подвал, тюрьму Кору, вылез, проклиная всех на свете, измазанный паутиной, весь в пыли и грязи кормчий Феак.

— Ну вот, — сказал укоризненно Дедал, — вы разбили моих деревянных людей, а в них вложено столько моего творческого труда!

Но никто не слушал Дедала. Феак поддержал Кору за плечи — ее вдруг охватила такая слабость, что она с трудом могла бы удержаться на ногах. Кентавр склонился над ней.

— Они тебя били?

— Нет.

— Они тебя хотели убить?

— Может быть. Но пока им было выгоднее посадить меня в подвал. Потом, я полагаю, они бы меня обязательно убили, так, чтобы следа от меня не осталось.

— Правильно, — сказал Дедал, спокойно стоявший в сторонке от могучих копыт кентавра. — Они договорились сжечь Кору, опоив ее, сжечь в печи. Когда закончат все с Тесеем.

— И ты молчал, грязная собака? — закричал кентавр.

— Хирон, мы были с тобой друзьями, — сказал Дедал. — Не оскорбляй меня. Подумай, кому бы я мог об этом рассказать?

— Мне. Или Фолу.

— Мне было некогда, — честно признался Дедал. — Я ковал иглы, чтобы погубить Тесея.

— Подождите, не надо сейчас обо мне, — попросила Кора. — У нас совсем нет времени. Они хотят заманить Тесея на Собачьи скалы. Там они устроили для него ловушку.

— Тесея во дворце нет, и никто не знает, где он, — сказал Феак.

— Он давно уехал?

— Он уехал как раз перед нашим приходом, и по описанию за ним приезжала Ариадна.

— С ним есть охрана?

— Он не взял с собой охраны.

— Это я и боялась, — сказала Кора.

И в нескольких фразах она рассказала друзьям о плане Ариадны. Дедал подтвердил ее рассказ. Он с нетерпением ждал, пока кентавр уведет Кору, потому что ему хотелось вернуться к своему новому изобретению.

* * *

Путь к лесу, неподалеку от берега моря, возвышались Собачьи скалы — отвесный обрыв с одной стороны, крутой откос — с другой, и все это высотой в двести локтей, — вел из тех ворот

города, неподалеку от которых находилось убежище Дедала. Конечно, можно было бы вернуться во дворец, поднять там тревогу и уговорить отряд телохранителей Тесея отправиться на поиски царя. Но это означало потерять по крайней мере полчаса. Так что во дворец Фол послал одного из двух своих племянников, которые ждали у дворца, среди поверженных и поломанных деревянных людей.

Кора сразу обратила внимание на то, что магнетов — охраны Пирифоя — в доме или возле него, нет. Значит, отряд всадников там, в лесу. На стороне же Кору были два старых и один молодой кентавры, пожилой кормчий, да она сама. Небольшая разномастная, но отчаянная армия.

И ей было вовсе не страшно — только бы успеть. А в остальном она была уверена в том, что они обязательно спасут принца Густава. Должна бы трепетать сейчас от страха и нетерпения, а улыбается, скача верхом на верном Хироне и похлопывая его по пегой теплой колючей спине. В своем времени теперь буду непревзойденным мастером скачек на кентаврах.

— Успеет? — спросил Фол. У него было тяжелое копьё. Кентавры предпочитают копы. У них могучие руки, и они могут достать копьем практически любого всадника, а если не проткнут, то собьют с коня.

В лесу снег лежал надежно, до весны. На узкой дороге были видны следы многих людей и коней.

— Дурак, что дал себя увести, — сказал Фол.

— Он боялся за жизнь госпожи Кору, — ответил Хирон.

Феак ехал верхом на Фоле. У него был старый железный меч с золотой рукоятью. Он привез его из дальнего путешествия к краю света. На лезвии меча было выложено золотом изображение динозавра. Но Феак говорил, что никогда не видел такого зверя.

Два пьяных сатира, видно, сильно замерзли за ночь, выбежали из леса и стали зазывать в гости. Хирон строго спросил у этих бездельников, когда проезжал здесь отряд чужих людей?

— С ними ехал благородный Тесей, — сказал один из сатиров. — Он был печален.

— И рядом с ним ехала красивая женщина, такая нежная, что я не посмел бы обнять ее, — сказал второй сатир. Они глупо смеялись и топали козлиными ногами. Скоро они скрылись за деревьями.

Молодой кентавр хорошо читал следы и потому ехал первым.

— Вот тут они останавливались, спорили, совещались, как ехать дальше. Вот следы царя Тесея — подкова его коня несет на себе изображения змей. Царь спорил... но они его уговорили.

— Скоро ли? — спросила Кора.

— Теперь надо молчать, — сказал Фол. — Звуки здесь разносятся далеко.

Кентавры осторожно ступали по мерзлой земле. Они шли рысью рядом с дорогой, не спуская глаз со следов.

Внезапно молодой кентавр поднял руку.

В этом месте следы их противников отделились от основной дороги и по узкой тропинке углубились в лес. Тропинка шла все выше. И становилась круче.

Кора хотела сказать, что слезет с Хирона. Почему-то ей показалось, что так будет лучше. И в этот момент из скопления черных, голых, кое-где с бурыми листьями, кустов вылетела стрела. Она пролетела над плечом молодого кентавра, который с удивлением и слишком поздно повернул голову, следя за ее полетом, скользнула по бедру Кору и вонзилась в ствол дерева.

И совершенно беззвучно. Как во сне.

Тогда Феак сам прыгнул с кентавра и покатился по земле. Кора инстинктивно последовала его примеру, кентавры, освобожденные от своей ноши, кинулись в сторону, и в ту же долю секунды стая стрел промчалась над прогалиной, где вилась тропинка, и стрелы застучали наконечниками по деревьям или беззвучно падали на снег.

Если бы кто-то из магнетов, сидевших в засадах, охраняя своих господ, не поспешил выстрелить, то она наверняка бы уже была мертвой. И все они...

Но Кора выхватила небольшой меч, что забрала перед отъездом из дома Дедала, обнажили свое оружие и ее друзья.

В сущности, магнетов было не так много, чуть больше дюжины, — столько Пирифой смог привести в Афины. Они были убеждены, что ловко подстерegli врагов и убьют их, но когда их залп сорвался, то оказалось, что они, стараясь стрелять наверняка, подпустили кентавров слишком близко, и оттого у них не было времени заложить новые стрелы и натянуть луки. И не было времени, а может, сообразительности кинуть луки и схватиться за кривые кинжалы. Ревущая лавина кентавров — а почему бы трем кентаврам и двум взбешенным людям не окзаться лавиной? — обрушилась на длинноволосых дикарей, опрокинула, разметала их — несколько тел остались на земле, и Кора не заметила и не знала, ударила ли кого-нибудь из них мечом, хоть и хотела этого. Оставшиеся в живых разбежались, но, как ни странно, лес, сдавленный холмами, сожрал звуки этого короткого жестокого сражения, и тишина возвратилась немедленно, как только угас топот последнего из магнетов.

...Они стояли в пустом лесу, перед ними была тропинка, которая вела вверх.

Светило зимнее солнце, высоко в небе парил орел, ветер был свежим и бодрым.

Я понимаю, что за чувство движет мною, подумала Кора, это чувство шахматиста, который увидел верный выигрыш в партии, и хотя соперник еще сопротивляется, убежденный в возможности выкрутиться, ты знаешь игру на несколько верных шагов вперед.

— Пошли? — спросила Кора.

Один из магнетов застонал. Он держался рукой за живот, и вокруг него было много крови.

— Добить его? — спросил молодой кентавр.

— Они вернутся за ним и добьют, если нельзя донести до дома; — сказал Хирон.

Они начали подниматься, и вскоре деревья расступились, и перед ними образовался покатый подъем к

вершине скалы, которая с той, дальней стороны обрывалась вниз.

Они остановились. Впереди, на краю обрыва, стоял Тесей. Остальные были там же — все, включая Медею. Они окружили Тесея полукругом, так что Пирифой стоял сзади, Ариадна и Медея по краям, а незнакомец в шлеме-маске разговаривал с Тесеем, сообщая ему что-то неслышное на таком расстоянии. Как они заманили его сюда?

Тесей не согласился с чем-то и опустил руку на рукоять меча, но не успел — Медея выхватила меч раньше и отбежала, смеясь. Тесей шагнул к ней, но был настороже. Он, видно, понял, что попал в ловушку.

...Не сговариваясь, Кора и кентавры шли вперед молча, чтобы не спугнуть врагов.

Но все же человек в шлеме-маске что-то услышал, и быстро обернулся — глаза его сверкнули сквозь разрезы бронзы — и крикнул что-то Пирифою. Кентавры и Кора с Феаком ринулись вперед, но Пирифой успел толкнуть его. Тесей не удержал равновесия — слишком силен и неожиданен был толчок. Он поднял руки в тщетной попытке удержаться на краю, и тогда человек в маске толкнул его еще раз, хоть и не сильно...

Тесей с криком исчез с обрыва.

— В стороны! — закричала Ариадна.

Четверо убийц побежали в разные стороны, и лишь Кора поняла причину паники, прозвучавшую в голосе герцогини: если они последуют за Тесеем, то погибнут также наверняка и навсегда, как Тесей.

Они разбегались как зайцы по вершине скалы, вламываясь в кусты, что росли там с боковин скалы, но Кора и ее друзья не стали их преследовать.

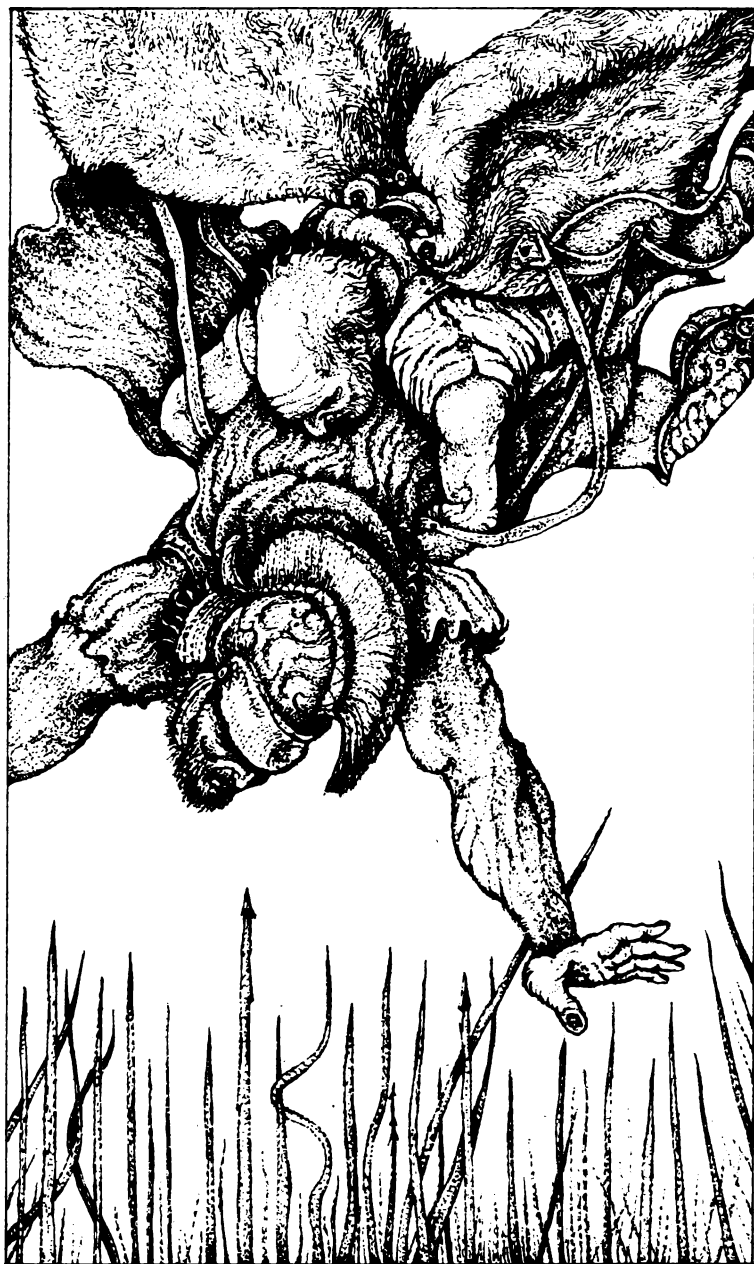
Потому что бежали прямо к обрыву.

Они замерли на самом краю.

Внизу — страшно далеко, они разглядели золотистый отсвет бронзовых игл.

Но не увидели тела Тесея, пронзенного насквозь этими иглами.

Тесея не было.

— Хирон, — взмолилась Кора. — У тебя же глаза, как у орла...

— Его нет там, — сказал кентавр. — Что-то случилось.

— Может, там куст, незаметный отсюда и он зацепился за него? — спросил Феак.

И тут большая, но легкая тень пронеслась над площадкой.

Громадная белая птица, из последних сил взмахивая крыльями, пролетела над площадкой и уронила свою тяжелую ношу на снег.

Тесей лежал на площадке.

Дедал, не сложив крыльев, опустился рядом с ним и сказал:

— Вот уж не думал, что смогу его поднять.

— Как? Почему? — закричала Кора.

— Я успел подлететь и увидел, как они его скинули. У меня новые крылья. Стоило же их испытать.

Они подошли к Тесею.

Он открыл глаза, нашел Кору, обрадовался ей.

— Все-таки ты жива, хвала богам, — сказал он.

— Мой друг Дедал, что на самом деле подвигло тебя на столь рискованный и героический поступок? — спросил Хирон. — Это настолько не в твоём характере...

— Уважаемая госпожа Кора. — Дедал перевел дух и проверил ремни, которыми крылья были прикреплены к его телу. — Смотрите, как я все рассчитал. Я не повторяю ошибок дважды.

— Дедал! — Хирон вышел из себя. — Говори, почему ты здесь?

Изобретатель обернулся к Коре. Он не просил, а объяснял — воспитанный человек среди друзей.

— Уважаемая госпожа Кора обещала показать мне, каким образом можно улучшить зрение, когда я смотрю на малые предметы. Если она не солгала, то такой дар с ее стороны стоил небольшого полета к скале Партеры.

— Ты, как всегда, расчетлив, — сказал Фол.

— Разумеется, мой друг. Потому я велик и буду великим в памяти человечества, а тебя скоро забудут.

— Не все, — сказала Кора.

Тесей сел и потряс головой, как бы приводя в порядок ее содержимое.

Феак помог ему подняться на ноги.

Молодой кентавр подобрал его меч и принес царю.

— Спасибо, Тесей, — сказала Кора.

— Мы квиты, — улыбнулся молодой царь. Но молодой ли? Кора увидела лицо человека умудренного суровой жизнью. Сколько тебе лет, Тесей?

Дедал тронул ее за локоть. Глаза его были такие же, как у голодного кота.

— Для этого, — сказала Кора, — надо взять кусок стекла. Допустим, шар. — Дедал внимательно слушал ее. — И затем надо будет шлифовать его до тех пор, пока не получится линза. Линза — это вот что. — Кора нарисовала линзу пальцем на снегу. — Мы смотрим как бы сбоку на плод твоей шлифовки. И от того, насколько линза плоская, она будет поразному увеличивать...

Поблагодарил ли ее Дедал, или не успел, она так никогда и не узнала.

Мир вдруг потерял четкость очертаний и стал крутиться, набирая скорость, пока не превратился в серую тошноту от бесконечного и стремительного взлета... И все исчезло.

* * *

Кора очнулась в клинике ВР-центра, в отдельной палате. Она открыла глаза и увидела возле койки мужественное и слишком красивое — даже в Древней Элладке таких не делают — лицо комиссара Милодара.

— Что случилось? — спросила она.

— Поздравляю с завершением первой части задания.

— Как так? Они же остались там! И Тесей тоже!

— ВР-круиз принца Густава завершен, так как завершенно земное существование царя Тесея. Разрешите процитировать соответствующий источник.

Милодар включил дисплей у ее койки. Голос оттуда произнес:

«Царь Лиокомед притворился, что хочет показать царю Тесею его владения. И заманил его на вершину высокого утеса, откуда толкнул героя вниз. Представил же он все это дело так, будто Тесей упал случайно, когда пьяный решил прогуляться после обеда». Павсаний. Описание Греции, издание Роша-Перейра, том первый, параграф семнадцатый.

— Спасибо, — сказала Кора и почувствовала бесконечную на всю жизнь горечь, потому что никогда больше не увидит Хирона, Феака и Фола, с которыми она не успела попрощаться... Ну что бы предупредить ее за минуту до конца той жизни?

— Ты плачешь? — удивился Милодар. — Ну и нервочки у тебя, агент Орват. Возьми себя в руки. Нам нельзя здесь с тобой разнюниваться.

— Уйдите, а? — попросила она. — Хоть ненадолго.

— Только ненадолго...

Милодар вышел, и Кора выплакалась сразу за несколько лет.

* * *

Милодар, как и грозился, возвратился через час. Но предварительно прислал косметолога и массажистку. Негодяй, ни слова не сказал о том, как она выглядит, но как нагло продемонстрировал свое действительное отношение к ее пропавшей красоте.

Первым делом Кора потребовала зеркало и принялась себя разглядывать. Массажистка и косметолог сидели смирно.

Объективную картину ущерба, который нанесла Коре прошедшая командировка, было определить нелегко, потому что перед этим она полчаса редела, глаза и щеки опухли и покраснели. Но помимо этого Кора была вынуждена признать, что из зеркала на нее глядит женщина скорее средних лет, нежели молодая, загорелая до черноты, с выгоревшими до белизны волосами, среди которых Кора, с покорностью судьбе, увидела и седые...

Под взглядами специалисток Кора разделась — тело загорело неравномерно, правая рука и ноги до

колен были темными. Ведь специально Кора не загорала, но эти части тела нередко были открыты.

— Какое сегодня число? — спросила она массажистку, которая начала разминать ей живот и пробежала пальцами по груди и плечам.

— Восьмое марта, — сказала та. Она была совсем девочкой, черненькой, курчавой, Коре даже показалось, что видела ее среди своих рабынь в Афинах. Видно, теперь ей часто будут чудиться здесь знакомые лица.

— А какого года?

Она ждала ответа, но боялась, что он будет иным. И в самом деле Кора потеряла меньше, чем полгода жизни. С осени прошлого года, с конца сентября и до начала марта.

— Значит, все это сойдет? — спросила она у косметолога, проводя жесткой ладонью по обветренной и еще не высохшей щеке.

— Вы снова будете молоденькой, как... Афродита.

— Смешно, — сказала Кора. — Афродита вовсе не молода.

— Ну вы же понимаете, что я имею в виду!

Специалистам, видно, не объяснили, из какой командировки вернулась агент Орват. Впрочем, в центральной клинике ИнтерГпола не принято задавать вопросы. Ни здесь, в отделе диагностики и контроля, ни в отделении пластики, ни в корпусе замены тел.

Милодар вошел, когда косметолог и массажистка еще трудились в четыре руки.

Кора не стеснялась его — в Древней Греции иное отношение к наготу.

Милодар отвернулся к окну и попросил:

— Если можно, то прикройся, а?

— Мы кончаем на сегодня, — сказала массажистка.

— Отлично, — ответил Милодар. — Вы получите агента в качестве постоянной пациентки через несколько дней. Разработайте пока наиболее быструю и эффективную программу восстановления. Понятно?

Специалисты собрали свои чемоданчики.

— Что нового? — спросила Кора, когда они вышли.

Милодар почти нежно прикрыл ее простышкой.

— Не надо соблазнять меня, — попросил он. —
Ведь я собираюсь жениться.

— Наконец решили?

— Почти.

— И на ком же?

— На обеих. Иначе умру от ревности. Нельзя жениться лишь на одной из близняшек, оставляя вторую неизвестно кому, при условии, что ты их не различаешь.

— Хорошо быть начальником, — сказала Кора.

— Ты не представляешь, какой будет скандал!

— Никакого скандала, — ответила Кора. — Вам просто сменят гражданство на кувейтское или оман-мускатское. И у вас еще останется резерв исламских браков.

— Не говори глупостей! — вспыхнул Милодар.

— Расскажите же, что нового, — попросила Кора.

— Нового? — Милодар вытащил трубку, хотел ее раскурить, потом спросил, можно ли курить в палате. Сам себе ответил, что конечно же — нет. Раскурил трубку и сказал: — Тесея проверяют в этой же больнице. У него все в порядке.

— ВР-круиз выдаст ему сертификат об успешном завершении путешествия?

— С отличием, — искренне ответил Милодар.

— И он полетит к себе?

— Завтрашним специальным рейсом.

Эту фразу Милодар произнес с некоторым нажимом, и Кора решила не спрашивать его, почему же спецрейсом, — пускай сам расскажет.

— А остальные?

— По моим сведениям, их ждал крейсер без опознавательных знаков, который тут же взял курс на их планету.

— Как я понимаю, для нас с вами их роль в этой истории интереснее, чем роль Тесея?

— Тесей прост, как правда, — сказал Милодар. — Тебе не мешает, что я курю?

— Как могло получиться, что три или даже четыре наших современника, не взяв путевок на ВР-круиз,

не соблюдая его правил, носились свободно по Древней Греции, как пошлая банда убийц?

— Почему ты решила, что они не взяли путевок?

— Да потому что они помнили, кто они, где они и зачем они! Точно как я!

— Они не были в игре?

— Вы, по-моему, свалились с Луны, или вас сознательно кто-то запутывает. Разве вам не понятно, что...

— Стоп! — приказал Милодар. — Ни слова больше. Мне была высказана иная версия.

— Вы ей поверили, комиссар?

— Я ей не поверил, но должен был справиться у тебя.

— Тогда я вам скажу...

— Ты ничего не скажешь, — ответил Милодар. — И больше не откроешь рта до тех пор, пока не окажешься на тайной московской базе.

— Но я голодная как собака!

— Еще одно слово, и я загоняю в тебя иглу!

В руке Милодара поблескивал парализатор. Кора посмотрела с ужасом на своего шефа. Глаза его сверкали злодейским, убийственным огнем.

Дулом парализатора он нажал на кнопку на браслете и произнес:

— Эвакуационный флаер высокой защиты... палата номер шестнадцать акклиматизационного отделения! Шестой этаж. Два флаера сопровождения! Усилить охрану московской базы по схеме особой тревоги.

— Комиссар, — начала было Кора.

И увидела узкое дуло парализатора, из которого высывался кончик иглы.

Она промолчала все шесть минут, пока перед окном не завис флаер особой службы.

За это время Милодар успел подвинуть к двери тяжелый шкаф, привалил кровать. Кора стояла за шторой.

Флаер замер у окна, и Кора первой прыгнула в него через узкое отверстие. За ней последовал Милодар. По жесту комиссара флаер сразу упал вниз, — и правильно сделал — в тот же момент ручная раке-

та, выпущенная из коридора по двери палаты, рванула в шкаф с инструментами.

...Флаер пошел прочь на бреющем полете.

Флаер сопровождения летел чуть выше и левее...

Патрульный вертолет ВР-центра сорвался с крыши небоскреба и спикировал на них. Удар принял на себя флаер сопровождения. Милодар, не спускавший глаз с картины короткого боя, смотрел, как обломки флаера сопровождения и парашюты с катапультировавшимися агентами сыплются на Воробьевы горы. Он не переставая передавал их координаты в центр реанимации, чтобы за ними как можно скорее прислали «скорую помощь».

До «Узкого» добрались без новых приключений. Там барражировали еще две боевых машины, которые прикрывали их сверху, пока флаер спускался к широкой трубе, торчащей из пруда. Милодар и Кора спустились по веревочной лестнице к трубе, там по ступенькам, вделанным в стенку трубы, проникли под пруд, где на изрядной глубине и располагался московский узел управления ИнтерГполом.

Милодар сказал Коре:

— Теперь можешь разговаривать.

Сам же прошел к транслятору вещества и вложил в него кассету с полной записью событий последнего часа. Через шесть минут эта кассета ляжет на стол шеф-комиссара в Галактическом центре. Ему принимать решения.

Кора спросила:

— Можно выпью?

— Разумеется. Открой бар и пей.

Совсем недавно здесь сидела визитерша — дама Рагоза. Совсем недавно.

— Ты что, перешла на сухое вино?

— Да, привыкла как-то...

Оба засмеялись.

— Пойми, что я не имел с тобой связи. Все время, пока ты была в ВР-круизе... А ты утверждаешь, что убийцы свободно проникли и туда?

— Может быть, и не единожды.

— Кто были эти убийцы?

— Трех я знаю. Кларисса выступала в облике волшебницы Медеи, герцогиня Рагоза стала Ариадной...

— Не может быть! — вдруг развеселился Милодар. — Ей захотелось своего племянника?

— Ничего не вышло. Я это пресекла.

— Из ревности?

— Не будем вдаваться в подробности... Я спасала его жизнь.

— Он предпочел тебя? Нет, ты скажи, предпочел? Если ты скажешь «нет», я тут же подошлю к нему наемного убийцу — и уж мой человек не промахнется!

— Иногда я жалею, что этого не случилось, — сказала Кора.

— У вас было столько времени! Как они мне сказали, субъективно — несколько лет.

— Об этом ты догадываешься только в последний день, — ответила Кора.

— Тогда первым делом ты должна сообщить мне подробно, во всех деталях обо всем, что произошло в ВР-круизе с тобой и охраняемым тобой объектом. На подробный рассказ я даю тебе двадцать минут. Через двадцать минут кассета должна уйти в Галактический центр. Мы имеем дело с достаточно серьезным противником, и решения, очевидно будут приниматься на самом высоком уровне.

Пока Кора, усевшись перед компьютером, докладывала о своей командировке, Милодар сделал и принес ей яичницу с ветчиной и банку обожаемого абрикосового джема.

— Картошки! — потребовала Кора, отключив на секунду запись.

К концу передачи Милодар испек несколько картофелин в мундире.

Отправив кассету, он уселся напротив и с удовлетворением смотрел, как Кора ест картошку, окуная ее в соль.

— Рассказ я твой слышал. Не откажи мне в нескольких дополнительных деталях.

— Пожалуйста. У вас пива нет?

— Где-то была банка.

Милодар достал банку из холодильника.

Отдаленный гул проник в их каземат, и стены его задрожали. С потолка полилась струйка воды.

— Ничего, — сказал Милодар. — Отобьются. Мы давно следили за паном Гермесом-Полонским. Они забрали слишком большую власть над Игрой, и она для них перестала быть игрой. Они стали зарываться — от уверенности в себе и от того, что им обязаны многие сильные мира сего. Но скупой платит дважды. Они польстились на миллиарды, которые им предложили убийцы с Рагозы, хотя, сидя тихо, они могли бы спокойно заработать эти миллиарды за несколько лет. — Милодар позволил себе улыбнуться.

— А акционеры? Общественность?

— Я полагаю, что мало кто, кроме посвященных лиц, узнает о действительной сути конфликта. И голову даю на отсечение, что из Галактического центра придет указание смикшировать звук... сделать все тихо. Спокойствие — вот главный принцип Галактического центра. Кто-то исчезнет, о ком-то забудут...

Больше взрывов не было. Милодар снова сходил на кухню, принес оттуда большую кастрюлю и подставил ее под струйку, льющуюся с потолка.

— Трех ты знаешь, — сказал он. — Для Центра нужна была информация. Они сами ее будут обрабатывать. Я не такой умный. Мне интересно твое мнение. Кто четвертый, так и не догадалась?

— Нет. Но он был главным.

— И все равно сочетание этих марионеток мне кажется неестественным. Хотя я и изучал твой отчет о полете на Рагозу. Давай попробуем понять, кем что руководило.

— Давайте, — сказала Кора. Она так неожиданно вкусно и быстро наелась, что ее начало клонить в сон.

— Первая убийца — Медея. Кларисса.

— Она — помощница, — сказала Кора. — Я убеждена. Она у них в руках. Я помню ее по Рагозе. Она меня спасла от смерти. Думаю, что Кларенс обещал ей, что разделит с ней ложе и трон в случае своего прихода к власти.

— Второй убийца сам Кларенс. Почему бы ему не рассчитаться с Густавом на дуэли? Как и договаривались? И почетно, и красиво.

— А вдруг Густав вернется из ВР-круиза другим человеком? Так случалось. Ведь прожитая человеком в круизе жизнь остается в его памяти и навыки остаются тоже. Я думаю, что, по здравом размышлении, Кларенс решил не рисковать, и когда у Клариссы операция провалилась...

— Когда ты провалила операцию Медеи, то он взялся за дело сам.

— В промежутке была госпожа Рагоза, — напомнила Кора.

— Ее игра настолько нелогична, что я теряюсь... даже забыл о ней. Удивительно, но злейшие враги объединились против Густава из страха перед тем новым, что он намерен принести на планету. Полагаю, что все разговоры о позоре поражения на дуэли, которыми меня кормили милые агенты Космофлота, это домашние домыслы. Я даже допускаю, что заговор против него, возглавляемый тетей и главой его собственного клана, существовал давно. И когда госпожа Рагоза появилась у нас с рассказом об опасности, угрожающей Густаву, она уже знала, кто займется его ликвидацией.

— Я не спорю, что ваша версия может быть справедливой, комиссар, — согласилась Кора. — Если бы не появился потом человек, который не хотел показывать своего лица и который взял в руки руководство операцией. До того как он появился, я так или иначе с ними справлялась. У меня есть способность заводить друзей, вот они мне и помогали. Но когда появился четвертый, Бронзовая Маска, я чуть было не потерпела поражение.

— А кто были твои друзья? — спросил Милодар.

— Вы не поверите, комиссар, — ответила Кора. — Два кентавра, Феак и Дедал.

— Тот самый?

— К сожалению, тот самый.

Уловив нечто странное в голосе Кору, Милодар оживился:

— Ты обязана мне все рассказать.

Зажужжала межпланетная грависвязь. Кассета из Галактического центра материализовалась под компьютером.

— Ну вот, а ты боялась, — сказал Милодар.

Послание из Галактического центра было чисто звуковым, кратким и безликим:

«Комиссар Милодар остается на Земле для задержания любой ценой, несмотря на противодействие ряда земных правительств, президента Гермеса-Поланского. Задержание проводится в течение сегодняшнего дня. В случае необходимости вылет с Земли блокировать. Эскадра крейсеров уже вылетела».

Комиссар Милодар слушал голос начальства, медленно качая головой, подобно старинной китайской игрушке — болванчику.

«Агент Кора Орват сегодня же на корабле, которым летит на Рагозу принц Густав, отправляется с ним и осуществляет его охрану до момента, когда Галактический центр ИнтерПола решит, что опасность для его жизни миновала».

— Еще чего не хватало! — закричала Кора. — Я в отпуске.

Ее никто не слышал.

«Ответственность за отлет принца Густава и Кору Орват, а также за их безопасность в пути полностью лежит на комиссаре Милодаре. Рекомендуем использовать для этой цели его личный крейсер».

— Еще чего не хватало! — закричал комиссар Милодар. — У меня только один крейсер, и он нужен для более важных операций!

Но и Милодара никто не услышал.

Когда голос шеф-комиссара умолк, Милодар нажал кнопку селектора:

— Лейтенант, приведите сюда моего гостя.

— Он здесь?

— Я его с утра убрал из госпиталя. И видишь, оказался прав.

Открылась дверь, и вошел принц Густав. В руке он держал длинный черный футляр.

В отличие от Кору, которая была в ВР-мире в командировке и потому сохранила свой облик, Густав, как игрок ВР-круиза, имел право себя улучшить в соответствии с выбранной ролью. Поэтому Кора не сразу узнала в высоком сутулом молодом человеке героя Древней Эллады Тесея, который мог свободно поднять Кору на одной руке.

Молодой человек будто сошел с фотографий, с тех, что Кора рассматривала в этом кабинете полгода назад. Те же очки в тонкой золотой оправе. Он их носит, чтобы казаться умнее, поняла Кора.

Густав сразу ее узнал.

— Дама Орват! — воскликнул он и радостно улыбнулся, и это была улыбка царя Тесея, открытая, добрая и в то же время плутовская, которая всегда напоминала тому, кто умеет смотреть, что с этим человеком лучше все же держать ухо востро.

— Кора, — поправила его она. — Пожалуйста, называйте меня Корой, хотя я совершенно теряюсь, как вас мне называть. Просто господином наследным принцем и вашим высочеством?

— Я тоже умею шутить, — ответил принц. — Вы знаете мое имя — Густав. Хотя, наверное, вам приятнее было бы называть меня Тесеем.

— Для этого вам придется полгода качать мышцы, — бесцеремонно сообщила принцу Кора, и тот не стал спорить.

— Что-нибудь выпьете, принц? — спросил Милодар.

— Пива. — Принц поставил футляр на пол. Он был метра полтора длиной.

— Что там внутри? — спросила Кора.

— Контрафагот, — ответил Тесей, — в свободное время я люблю играть на контрафаготе.

Милодар разлил пиво по бокалам. Себе же нацедил из сифона воды.

— Вы бросили пить? — спросила Кора. — Совсем?

— Мое заявление о переходе в кувейтское подданство рассмотрено благожелательно, — ответил Милодар. — А у нас в Кувейте строгие правила: никаких спиртных напитков.

Малый крейсер «Честь-2», название которого всегда забавляло Кору, потому что она представляла его как честь второго сорта или разряда, стартовал без всяких помех через четыре часа с подмосковного поля.

Крейсер был невелик и автоматизирован. Кроме пассажиров на нем находилось лишь три навигатора и девица-связист, она же оружейник. Девица была резка в движениях, подчеркнуто сурова, но при этом завидовала Коре и мечтала стать полевым агентом. Имени ее Кора за несколько полетов на «Честь-2» так и не запомнила, потому что команде крейсера на каждый полет выдавали новые фальшивые документы, отчего и сами навигаторы порой не могли оперативно вспомнить детали своей новой биографии.

Каюты Густава и Кору были невелики, но уютны и славно обставлены, включая обильно снабженные бары, содержимое которых также тщательно проверялось и заменялось перед каждым рейсом во избежание отравы. Так что можно догадаться, что на борту этого крейсера передвигался по Вселенной сам комиссар Милодар.

Тесея в первый день Кора почти не видела. Сама она диктовала отчет и отвечала на миллион компьютерных вопросов, касавшихся как альтернативной Древней Греции, так и особенностей ВР-круиза и, наконец, положения дел на Рагозе.

Перед обедом Кора отыскала бывшего Тесея в гимнастическом зале, этот небольшой зал был любимым детищем Милодара. Тесей крутил колеса тренировочного велосипеда. Кора несколько удивилась, увидев, что, несмотря на худобу и некоторую сутулость, он хорошо сложен, мышцы его вполне рельефны, очевидно, на них нет ни капли жира. По типу мускулатуры Кора скорее отнесла бы принца к стайерам или даже марафонцам, способным к длительным упорным усилиям.

— Вы будете обедать? — спросила Кора.

Густав прекратил крутить педали. Бегущая перед ним на экране дорожка погасла.

— Мы больше не друзья? — спросил Густав.

— Мне трудно воспринимать вас здесь как моего старого протеже Тесея.

— Тот был красив, отважен, непобедим и служил царем, — сказал Густав, слезая с велосипеда и накидывая на плечи махровое полотенце, чтобы идти в душ.

— Какая чепуха! — искренне возмутилась Кора. — Он был милым человеком, и мне очень хотелось бы, чтобы вы от него что-нибудь унаследовали.

— К сожалению, я все помню, — сказал Густав. — Всю свою ту жизнь. Поэтому я ощущаю себя очень старым.

Кора внутренне согласилась с ним. Старость Густава была в тоне его голоса, во взгляде, в том, как он осторожно и выверенно двигался и даже поворачивал голову. В отличие от Кору Густав не сохранил ни загара, ни мышц — они были им как бы получены в начале Игры, как бутсы или теннисная ракетка. И теперь сланы бутафору. Раны и шрамы Кору были внешними, Густав же получил свои на всю жизнь, только для этого надо было заглянуть ему в душу.

— Скажите, вам субъективно понятно, сколько времени мы с вами там прожили? — спросила Кора уже за обедом.

— Я жил там дольше, чем вы, потому что вырос в Трезене.

— Вы помните и это?

— Смутно. Я думаю, что это программа как бы предварительные условия игры, заложенные в мою память в момент входа в роль.

— Тогда у вас нет оснований чваниться годами и веками. Я же тоже прилетела вслед за вами, как только стало известно, что на вас готовится покушение.

— И тогда познакомились с моей тетей?

— И вашей будущей супругой, — позволила себе улыбнуться Кора. Ей было любопытно, как воспримет ее слова Густав. Что он успел узнать после возвращения? Что он помнит? Что он понимает?

— Я ознакомился с вашим отчетом, — сказал Густав. — И внутренне сравнил его с собственными воспоминаниями.

— И не совпало?

— Отчет — это как медицинское пособие. Скелет.

— А факты — кости?

— Факты совпадают, — улыбнулся Густав и поправил указательным пальцем дужку очков. Совсем как царь Тесей. — Меня спасло то, что вы, госпожа Кора, побывали на Рагозе и знали их всех в лицо.

— Не всех. Для меня загадочен четвертый член бригады.

— Не узнали? — спросил Густав. — Может быть, вы его не видели в Рагозе?

— У него тоже династические соображения?

— Мне давно следовало бы догадаться, — сказал Густав. — Я никуда не годный глава государства. Я не разбираюсь в людях!

— Неправда! — возмутилась Кора. — Я наблюда-
ла за вами много лет! Вы отлично разбираетесь в людях!

Густав замер с ложкой в руке. Он смотрел на Кору так, как царям не положено смотреть за обедом на своих охранников.

— Я в тебе никогда не разбирался, — произнес он после того, как Кора увидела и впитала этот взгляд, ощутив щекотание под ребрами. — Но во мне всегда сидело опасение, что ты намерена кинуть меня через бедро.

— Ну вот и все испортил, — расстроилась Кора. — Мы чуть было не перешли на лирическую ноту.

— Тебе это было неприятно?

— Нет, царь Тесей.

— Не надо. Мне грустно сознавать, насколько я жалок после обратного превращения.

— Глупости! — заявила Кора. — Пустые выдумки. Я видела, как ты работал в тренировочном зале. У тебя нормальное мужское тело. Даже смотреть приятно.

— Если бы ты не была древней гречанкой, — сказал Густав, — я бы наверняка растерялся от такого замечания.

— Я не только древняя элинка, — сказала Кора. — Но есть подозрение, что я — воплощение Персефоны, хранительницы царства мертвых.

— Чепуха! — рассмеялся Густав. — Это тебя пугали глупцы, а ты, наверное, как и положено полемому агенту, не любишь читать. Кора-Персефона — покровительница цветения, расцвета жизни. Именно поэтому каждую осень мрачный Аид затягивает ее обратно в царство мертвых. До весны.

Они перешли в маленькую кают-компанию. Кора споткнулась о футляр с контрафаготом. Густав открыл горячий бар и извлек из него две чашечки кофе, Кора — хороший коньяк из другого бара.

— Твой Милодар — сибарит, — сказал Густав.

Они сидели на небольшом диване, невероятно мягком и расслабляющем. И Кора никак не могла понять, почему она оказалась на этом диване, когда ей можно было бы сесть в кресло по другую сторону низкого столика.

— Тебя не стесняет наша одежда? — спросил Тесей.

— Еще как стесняет! — призналась Кора. — А кто тот человек, Бронзовая Маска?

— Мы его увидим... Я тебе его покажу. Нет смысла называть его имя сейчас, если оно ничего не говорит.

— Жаль. Это как в плохом детективе — главный убийца появляется в последний момент со стороны, потому что автор не придумал, кому отдать пальму первенства.

— Обычно это бывал дворецкий, — напомнил Густав.

Он чуть-чуть подвинулся к Коре. И замер, как бы проверяя реакцию птицы глазами кота.

— Тебе было лучше, — сказал он. — Подумай, ведь ты все видела и всех узнавала. Для меня же вокруг существовали лишь мои современники, мои древние современники. Я видел тебя, я видел тупицу

Кларенса и охотницу за тронем Клариссу. Но иными, чем мы. Я же не подозревал, что где-то существует страна Рагоза и в ней трон, который мне, вернее всего, не суждено занять. И все мои надежды на то, чтобы омолодить мою страну, рухнут... Понимаешь ли ты, что прожила несколько субъективных лет рядом с самым настоящим Тесеем. Я помню, как я боялся ворожбы Медеи, как внутри весь дрожал.

— Внешне это не было заметно.

Рука афинского героя потянулась за чашечкой кофе, но на полдороге зависла над коленом Кору, словно вертолет, заблудившийся в плохую погоду.

Кора не обратила на вертолет никакого внимания, а спросила:

— И совсем ничего не отзывалось в твоём сознании, или, скажем, подсознании? Ведь твоему мозгу объективно эти люди были более чем знакомы!

— Больше того... ты будешь смеяться. — Густав отвел вертолет к летному полю — к плоскости стола, откуда он забрал пассажиров, то есть чашечку с кофе. — Ты будешь смеяться, но до того, как я выслушал твой рапорт, я не до конца осознавал всю серьёзность положения. Я видел, как ты сидишь в какой-то комнате и с равнодушным лицом рассказываешь, что в такой-то ситуации такая-то герцогиня Рагоза приняла ВР-облик Ариадны и передала объекту охраны клубок ниток... Я слушал тебя и в мозгу что-то шелкало. И я вспомнил ситуацию: и ревущую толпу перед входом в Лабиринт, и глаза Ариадны, а потом — как я рубил этого несчастного уродца.

— Минотавра?

— Конечно. Но тогда он не показался мне несчастным уродом. Он был зловещим чудовищем, символом угнетения моих родных Афин, пожирателем девиц! Я сражался с ним... потом слушал тебя и понимал: О боги! Ариадна же и на самом деле моя помолодевшая тетка Рагоза, которая сочла за самое разумное в интересах сохранения кланов присоединиться к моим врагам. Хотя я думаю, ей пригрозили...

— Кто?

— А потом я слушал твои слова о Пирифое и думал: идиот, как же ты мог не узнать братца Кларенса!

— Братца?

— Это было его прозвище в школе для особо одаренных детей, в которой мы учились. В Рагозе все князья и принцы по рождению получают звание «особо одаренных детей» и отправляются в особую школу. Это демократично и в то же время дает возможность не толкаться в обществе плебеев. На самом деле это ужасное лицемерие!

— Разумеется, — сказала Кора, с надеждой глядя на то, как рука Густава вновь поставила чашку на столик и на этот раз по-братски опустилась ей на дальнее плечо, так что Коре пришлось чуть податься к принцу. Что она и сделала весьма покорно.

— И тогда мне стала ясна структура заговора, — сказал Густав. — И я догадался, кто же тот, четвертый, главный организатор моего устранения!

— Когда вернешься, ты их всех повесишь?

Густав так удивился, что, к сожалению, снял руку с плеча Кору.

— Почему я должен их вешать? Я же намерен строить демократическое государство!

— И тебе позволят?

— Пусть только попробуют возразить!

— Тогда положи мне руку на плечо, как было! А то здесь что-то прохладно!

— Тебе зябко? — удивился Густав. — Ты же всегда любила холод. Дай-ка я подниму температуру в отсеке, — и он потянулся через Кору, чтобы достать до выключателя...

Кора чуть-чуть сдвинулась с таким расчетом, чтобы Густав не удержал равновесия и вынужден был дотронуться ухом до ее груди.

Сладкий электрический ток пронзил все ее тело, а этот идиот тут же вскочил с дивана и принялся извиняться.

— Тесей, — сказала тогда Кора, — мне это надоело. Мы сможем с тобой наговориться о делах и даже подорваться на mine, которую нам подложат в

Космопорте завтра. Но уже десять или пятнадцать лет я хочу, чтобы меня поцеловал настоящий древнегреческий герой. Он же, совершенно не обращает на меня внимания.

— Честное слово? — спросил Тесей.

Нет, конечно же, он глуп!

— Я тебе лгу, я над тобой издеваюсь, я над тобой смеюсь — что тебе еще надо? Или ты хочешь, чтобы я... чтобы я...

И тут она поняла, что не знает, как и чем ему угрожать, как его задеть, обидеть, расшевелить и уничтожить, потому что ей хотелось всего одновременно.

Тогда Тесей осторожно, как в замедленной съемке, опустился перед Корой на колени и опрокинул при этом журнальный столик, правда этого не заметив. Почему-то он принялся целовать ей руки, что было, конечно, очень красиво и сентиментально, но, с точки зрения Кору, пустой тратой времени после всех лет ожидания.

Так что Коре ничего не оставалось, как осторожно извлечь свои пальцы из его рук и, сжав ими щеки бывшего царя и будущего короля, поднять его голову поближе к своим губам.

Густав не сопротивлялся, особенно после того, как сообразил, что от него требуется.

— Я так ждал этой минуты, — прошептал он.

Кора позволила ему склониться к ней и поцеловать ее с искренним древнегреческим энтузиазмом. Кора подозревала, что длительное пребывание в древнем мире превратило рагозского студента в опытного любовника — правда, пока лишь подозревала...

Поцелуи Густава становились все жарче, и он уже как-то приспособился на диване рядом с Корой, так что наступал тот момент, когда надо было решать, начинать ли сопротивление, хотя бы из тактических соображений, либо плюнуть и не сопротивляться.

...Комиссар Милодар, конечно же, угадал ее мысли. Это, к сожалению, отличает его от остальных людей в Галактике.

— Молодые люди, — сказал он. — Я вам искренне сочувствую, но работа еще не закончена, и я категорически возражаю против того, чтобы мои агенты позволяли себе отвлекаться на любовь в то время, когда работают телохранителями.

Кора вырвалась из-под обалдевшего Густава, вскочила с дивана и почему-то принялась ставить на место опрокинутый журнальный столик. Густав, опомнившись, встал на колени на ковер, чтобы собрать с него разбитые чашки и прочую мелочь, свалившуюся со стола. Он старался не смотреть на Милодара.

— Я вам этого, комиссар, никогда не прощу, — искренне заявила Кора. — И если бы я не знала, что это вовсе не вы, а только ваша голограмма, то я бы задушила вас собственными руками.

— Голограмма! — воскликнул Густав. — А я-то ломаю голову, когда господин комиссар смог забраться на корабль, если мы отлетали без него.

С этими словами он кинул в Милодара книгой воспоминаний первой жены физика Эйнштейна, которую схватил с рояля. Комиссар инстинктивно отшатнулся, но книга все равно прошла сквозь его плечо.

— Правильно, — сказал Густав. — Это только голограмма.

— Тем не менее я категорически возражаю против метания в меня предметов, — заявил Милодар. — Я нахожусь при исполнении обязанностей, и вы нанесли моральную травму высокому должностному лицу.

— Что вас принесло, комиссар? — обиженно спросила Кора, которая уже пришла в себя. Она наклонилась и подобрала с пола книгу.

— Разумеется, завтрашние дела, — ответил Милодар. — Я спешил сюда, будучи совершенно уверен, что молодые люди обсуждают завтрашнюю тактику поведения. Ведь именно завтра нас может ждать засада. Все четверо убийц из Рагозы исчезли еще до возвращения принца Густава и агента Орват. Их поджидал быстроходный корабль. У них в запасе было несколько часов, чтобы подготовить встречу и уничтожение принца. Поэтому естественно, что я отло-

жил все дела и примчался к вам. К сожалению, я застал совершенно непотребную эротическую сцену. Я подозреваю, что в своей Древней Греции в результате непрерывного общения с сатирами, нимфами и другими козлами вы совершенно распустились и думаете лишь о сексе. И мне стало стыдно... — Комиссар понурился.

— А теперь позвольте мне сказать два слова, — принц Густав остановил поднятой рукой готовую уже броситься в бой Кору. — Я разговариваю сейчас с вами как глава независимого государства, комиссар, и прошу об этом помнить. Хорошо?

— Хорошо, — произнес Милодар на тон ниже. Он был чуток на перемены в политической обстановке.

— И хоть вас это совершенно не касается, — продолжал Густав голосом и тоном царя Тесея, — для вашей информации могу заверить вас, что агент Кора Орват, которая по крайней мере трижды спасла мне жизнь и находилась при моей особе несколько субъективных лет на труднейшей работе, ничем — ни жестом, ни словом — не дала мне надежды на какое бы то ни было сближение с ней. И никаких иных чувств, кроме глубочайшего уважения к госпоже Коре, я не испытывал. Да, сейчас, в нашем времени, в безопасной обстановке, наступила реакция. И я позволил себе дотронуться до госпожи Кору. Я прошу за это у нее прощения. Но не у вас, комиссар.

Густав протянул Коре руку, и та сказала:

— Спасибо, ваше высочество.

— Для тебя я — твой друг Тесей, — ответил принц.

— Да, Тесей. Но я должна сказать, что для меня жизни не было более сладкого поцелуя, чем тот, который у нас с тобой почти получился, но был прерван этой жалкой копией сексуального извращения липового гражданина государства Кувейт...

— Кора! — взмолился комиссар. — Давай не будем переходить на личности. Я к вам не приставал,

то, что позволил себе пошутить... Бог мне судья! Любите друг друга, дети мои, и я буду счастлив.

Голограмма позволила себе скатить по щеке большую слезу, которая сорвалась и упала на ковер.

— Не обращай внимания, — попросила Кора принца. — Это его обычные штучки.

— Тогда, если вы не возражаете, — сказал Милодар, — я хотел бы начать обсуждение возможных событий завтрашнего дня и нашей тактики. В нашем распоряжении не так много времени — одна ночь. И мы будем работать.

Черт побери, вздохнула Кора, одна ночь! Ну почему ее нужно губить тактикой и стратегией? В конце концов я всего лишь влюбленная женщина.

— Навигатор, — произнес Милодар, — попрошу вас принести все последние материалы по обстановке в Рагозе.

Навигатор вошел почти мгновенно — крейсер «Честь-2» невелик. Он нес чемоданчик с документами и кассетами.

Интересно, давно ли он стоял за дверью? Мы совсем забыли, что не одни на корабле. А будем ли когда-нибудь одни? И Кора поняла, что это в высшей степени сомнительно. Она кинула взгляд на Тесея, но тот уже перебирал пачку вчерашних газет и журналов, только что телепортированных через Галактический центр.

— Пока они не прилетели, — сказал Густав, — может быть, у нас остается шанс, что они не успеют подготовить народное восстание, чтобы нас достойно встретить.

— Это вчерашние газеты, — сказал Милодар. — Не надо себя утешать.

* * *

Крейсер «Честь-2» опускался к столице Рагозы осторожно, прощупывая эфир в поисках опасностей. Но ничего чрезвычайного услышать не удалось.

— Опускайтесь! — приказал комиссар. — В конце концов нас не возьмешь даже прямой наводкой. Мое присутствие на борту остается тайной. Я буду посредником между вами и Галактическим центром. Никто не должен догадаться, что я здесь.

По лицу Тесея, который, как и Кора, успел прикорнуть лишь на два часа, скользнула усмешка.

— Милый, — сказала Кора, заметив усмешку. — Не забудь, что наш комиссар Милодар оставляет на борту только свою голограмму. А ей ничего не грозит, так что считай, что дядя шутит. И не стоит его недооценивать.

— Мудрые слова, — согласился Милодар, — можно составить славное кладбище из героев, которые меня недооценили.

— Где опускаемся? — спросила Кора, пропустив браваду мимо ушей.

— На столичном Космодроме, — сказал Густав. — Мне стыдно таиться.

— Но на вас может быть совершено покушение! — возразил Милодар.

— Милодар! — возмутился Густав. — Я потратил полночи чтоб убедить вас в том, что дома, на глазах у всей страны, они ничего не посмеют сделать. Иначе зачем им было тратить столько сил, чтобы убивать меня в Древней Греции?

— Я все понимаю, — сказала голограмма. Но потом махнула рукой.

Впрочем, если и оставались сомнения, то они были тут же разрешены посланием с планеты: «Кораблю „Честь-2“, исполняющему специальное задание ИнтерГлола по доставке принца Густава. От Центральной диспетчерской. Вам предлагается посадка на площадке «один» Центрального космопорта. Наводка производится нами».

— Мы подчиняемся? — спросила суровая оружейница по внутренней связи.

— Разумеется, мы подчиняемся, — заявил Милодар. — Но я не пожалею жизни на то, чтобы узнать, кто мог сообщить сюда о нашем прилете и дать за-

ранее координаты? Я их всех уничтожу! Всюду предатели!

— Извините, комиссар, — ответил навигатор «Чести-2», который слышал эту грозную филиппику голограммы. — Данные о нашем корабле в соответствии с правилами полетов я выдал Центральной диспетчерской уже два часа назад на ближних подступах к системе.

— Тогда считайте, что вы уволены!

— Простите, не скажете ли, за что? — спросил навигатор. Он был молод, подтянут и, видно, намеревался сделать космическую карьеру.

— За то, что слишком прямолинейно понимаете правила. Правила существуют для слабых. Мой крейсер правилам подчиняться не намерен. Тем более когда я нахожусь на его борту!

— Простите, а когда вы появились на его борту? — нагло спросил навигатор, которому уже нечего было терять. — В судовой роли вы не значитесь.

— Я сейчас на борту!

— Командир корабля, каковым являюсь, — заявил навигатор, — несет ответственность лишь за тех, кто находится на борту и принимает приказ от вышестоящего начальника, только если он находится на борту. В ином случае я рассматриваю вас как самозванца и попрошу покинуть корабль!

— Покинуть? Вы выбрасываете меня в космос!

Внезапно навигатор отвернулся от экрана.

— Приготовиться к посадке. Держать связь с диспетчерской, — приказал он своему помощнику. Затем экран погас. Пассажирам незачем присутствовать в навигационном отсеке во время посадки.

— Какой мерзавец! — воскликнул Милодар.

— Он прав, комиссар, — вежливо сказал Густав, забирая в свою руку пальцы Кору и легонько сжимая их. — И если вы намерены его рассчитать, я хотел бы взять его в свой флот. Мне нужны решительные навигаторы, которые не лебезят перед сумасбродными голографическими копиями своего начальства.

— Да как вы смеете!

— Я смею, комиссар... Не так ли?

Голограмма Милодара обворожительно улыбнулась в ответ. Конфликт был исчерпан.

— Приготовиться к посадке. Посадка через две минуты, — сказал навигатор.

Кора поцеловала Густава.

Поцелуй был коротким, но нежным. Милодар отвернулся. Он был мрачен.

Они пошли собираться. Следовало появиться в Рагозе в соответствующем виде.

— Какое огневое прикрытие потребуется пассажирам? — спросила оружейница у Милодара.

— Никакого огневого прикрытия, — ответил комиссар. — Наше с вами присутствие — лучшее огневое прикрытие в мире. Меньше всего рассчитывайте на ракеты, моя юная подруга. Нам еще не раз придется вместе летать и потому советую прислушиваться к человеку с боевым и жизненным опытом.

— Слушаюсь! — ответила оружейница.

На том разговор закончился. Кора поспешила в свою каюту, чтобы переодеться.

* * *

Далее происходило нечто невероятное.

Площадь космодрома, внушительная своими размерами и количеством вышедших из употребления, но не вывезенных из-за хронической нехватки средств кораблей всевозможного вида и преклонного возраста, была заполнена ликующим народом. Тысячи и тысячи рагозийцев, оставив свои дела, с утра, когда какими-то своими путями руководство державы дозналось о прилете принца Густава, начали собираться туда. Одни из любопытства, другие, движимые страстью к реформам и в надежде на выход из периода исторического застоя. Были тут и многочисленные члены и слуги клана Рагозы, которые законопослушно готовились приветствовать завтрашнего сюзерена. Там стояли рука об руку горячие сторонники свободы и галактического братства и поклон-

ники клановых законов и полной изоляции от внешних влияний. Были там князья, приехавшие на импортных «мерседесах», и нищие с глиняными конусообразными чашами для подаяния в руках, там стояли плечом к плечу дорогие валютные проститутки из квартала Ванильных ванн рядом с задумчивыми, но восторженными студентками физического техникума — любимого детища принца Густава. Но главное заключалось в том, что, идя по зову сердца, спеша из любопытства, торопясь по призыву клана, все эти тысячи встречавших были призваны и организованы (не подозревая о том) усилиями энергичной и неутомимой дамы Рагозы.

Но шаг этот был вынужденным, потому что дама Рагоза провела предыдущую ночь в яростных переговорах с представителями ведущих кланов, для того чтобы выработать единую линию поведения.

Даме Рагозе и ее спутникам пришлось выслушать немало горьких упреков в том, как они провалили охоту на Густава, хотя на подкуп президента и некоторых иных сановников «ВР» пошла половина годового бюджета страны, а также драгоценности покойной королевы-матери.

Разумеется, некоторые горячие головы (как доносили в Галактический центр агенты ИнтерГпола, внедренные при дворе) требовали немедленно устроить засаду и нечаянно взорвать весь Космопорт и корабль, на котором прилетит Густав, а еще лучше взорвать его на подлете к планете. Но радикалы были поставлены на место влиятельными главами кланов, понимающими, что подобные акции дискредитируют государство и могут вызвать действия со стороны Галактического центра, тогда как веками отработаны куда более тонкие и действенные способы расправы с противником.

Надо сказать, что на совете кланов было немало сторонников Густава. По крайней мере, тех законопослушных вельмож и нуворишей, которые понимали, что на самом деле пора что-то менять в государстве Рагоза. К тому же они противились криминальным замашкам некоторых традиционалистов. Эти

сторонники Густава выполняли роль амортизаторов, останавливая радикалов, которых, разумеется, ничему не научили провалы в Афинах.

В результате было решено ликвидировать принца Густава, но сделать это культурно и чисто. Для чего была выработана следующая программа:

«1. Организовать встречу принца Густава на высоком уровне.

Рассеять имеющиеся у него и у руководства ИнтерГпола подозрения. Народ встречает принца Густава. Все рады.

2. В случае если ИнтерГпол пришлет с Густавом какую-нибудь охрану, отрезать и изолировать ее, как только принц будет отвезен в предназначенную ему резиденцию.

3. При первой же возможности устроить неожиданную катастрофу, в которой обязательно должна погибнуть некая Кора Орват, объявленная врагом Отечества номер один. После ее уничтожения принести официальные извинения Галактическому центру.

4. Участникам неудачного круиза в Древнюю Грецию полностью отрицать свою причастность к этому делу и объяснять возможные совпадения нестойким состоянием психики принца Густава. Если он будет настаивать на том, что подвергался покушениям, убедить его, что убийцами были агенты ИнтерГпола во главе с Корой Орват. Тут же попытаться спровоцировать принца на убийство агента Кору Орват.

5. На следующий день, когда все уладится, назначить срок коронации Густава и тут же в тронном зале во время заседания организовать случайное появление принца Кларенса с дубиной, который потребует немедленной дуэли. После бурного объяснения совету кланов надлежит проголосовать за проведение дуэли.

6. Появление принца Кларенса, подготовку к дуэли и дуэль демонстрировать по всем телевизионным каналам в прямом эфире, чтобы не дать принцу Густаву свободы маневра. Если он соглашается на дуэль, выдать ему тяжелую, но гнилую палку, чтобы не подвергать опасности жизнь уважаемого принца Кла-

ренса. Если Густав откажется от дуэли, то разоблачить его трусость и дезавуировать права на престол по настоянию старейшин. Особая роль при этом отводится даме Рагозе, которая должна со слезами на глазах отказаться от прав Густава на престол ввиду того, что кандидат его недостойн.

7. Совершенно лояльно и официально выслать принца Густава из страны для продолжения образования в Московском университете, с последующей ликвидацией его, когда вся кутерьма затихнет.

8. Если не будет выполнен пункт 3, не дать выбраться живой с планеты агенту Коре Орват, как наиболее низкому и преступному элементу, проникающему к нам с подлыми замыслами...»

* * *

Густав перестал читать документы.

— Тут дальше подписи, — сказал он. — Моя тетя старалась привязать их всех к колеснице, чтобы потом не сбежали.

— А мне нравится, — сказала Кора, — внимание к моей недостойной персоне. Как им хочется меня убить!

Они стояли в кают-компании и ждали, пока копия секретного протокола уйдет в Галактический центр. Голограмма Милодара вне себя от возмущения носилась по кают-компании, проходя сквозь рояль, диваны и столики. Комиссар утверждал, что более грязной интриги еще не встречал. Он врал, потому что не только встречал, но устраивал интриги похуже.

Представитель Космофлота Мишель с Вероникой доставили еще ночью выкраденный протокол совещания совета кланов и смогли, не обратив на себя внимания, сразу после посадки пронести его на «Честь-2», были довольны собой, но слабы в ногах от чувства опасности, которой избежали. Они-то понимали, что им, если бы попались с таким документом, на свете не жить!

Навигатор уже трижды передавал запросы с диспетчерской: почему не выходит любимец народа?

— Они снайпера не посадят? — спросила Кора. — Вон туда на крышу?

— Ничего они мне сейчас не сделают.

— Надо дождаться решения Центра! — Милодар увидел, что Густав направляется к выходу.

— Здесь правлю я, — ответил Густав. Потом улыбнулся и уточнил: — Здесь я король, мой милорд.

Интересно, подумала Кора, направляясь за ним. Какого Шекспира он цитирует?

— А ты куда? — взбеленился Милодар. — Тебя же подстрелят!

— Мне с Густавом и приятнее, и безопаснее, — ответила Кора.

— Спасибо, — сказал принц.

Он прижал к переносице дужку очков. Потом накинул плащ — легким и привычным движением царя Тесея. Взял в руку длиннющий футляр с контрафаготом, сунул в другую руку так и не дочитанную книгу воспоминаний первой жены Эйнштейна и вышел на площадку перед пандусом.

В толпе, сразу узнавшей принца, раздались приветственные крики и началось массовое размахивание флажками и портретами госпожи Рагозы, а также основателя клана короля Волкнера Великого. Также слышались крики «Да здравствует свобода!», «Да здравствует демократия!». Они были не так слышны, как возгласы в честь кланов, но в толпе тут же завязались схватки и началась некоторая суматоха, а полиция и войска стали раздвигать толпу, наводя порядок.

Все эти первые минуты Густав стоял на площадке у пандуса, Кора — на полшага сзади. Так хотел Густав. Ему нравилось дразнить соперников.

— Что дальше? — спросила Кора.

— Мы будем играть на опережение.

— Осторожней, Тесей, — сказала Кора.

— Ты их не бойся. Они страшны, только когда чувствуют силу. Сейчас они не уверены в себе.

Кора подумала, что такими устами неплохо бы пить мед.

В толпе образовался довольно широкий коридор. По нему к кораблю приближалась процессия, одетая ритуально и, на взгляд Кору, нелепо. Хотя, пожалуй, если вспомнить, как она бегала в хитоне по горам Атики, то и она сама покажется кому-нибудь нелепой.

Впереди рядом шли главы трех основных кланов. Два старика в плащах немыслимого фасона вышагивали по бокам дамы Рагозы, наряд которой был прост и темен.

На два шага сзади — остальные высшие чины государства. Кора могла различить среди них некие знакомые лица.

Дама Рагоза вытянула вперед тонкие белые ручки, и широкие рукава плаща съехали к плечам — зрелище было трогательным, почти эллинским: Пенелопа встречает возвратившегося Одиссея и не знает еще, донесли ли ему о ее любовниках.

Микрофоны всех телекомпаний страны покачивались над головами Густава и Рагозы. И потому всем телезрителям были видны их лица. И слышен возглас тетки герцогини:

— Густав, мой мальчик! Ты вернулся в родную Итаку! Как мы ждали тебя!

Дама Рагоза повисла на Густаве, и на его лице появилась весьма вымученная улыбка, замеченная всеми телезрителями.

— Наконец-то ты пришел, чтобы занять причитающийся тебе по праву престол твоих предков.

Раздался грохот салюта — фейерверк раскрылся звездами над полем, от мельтешения флагов кружилась голова. Шум стоял несусветный. Густав с трудом успел уклониться от теткиных объятий. Он передал Коре книгу воспоминаний фрау Эйзенштейн и поочередно пожал расшитые перчатки вождей главных кланов.

— Обратитесь к народу? — спросил один из журналистов, что пробился со стороны.

Журналист показал на деревянную платформу, сооруженную, вероятно, специально ради такого события.

Согласно пункту № 2 протокола о намерениях кланов, все должно решиться после торжественного обеда в тронном зале дворца, под юпитерами камер, когда Пирифой забьет своей дубинкой Густава. Ну что ж, видно, перед смертью Коре придется пострелять... Если успеет.

— Я рад обратиться к народу!

Эта идея всех привела в восторг.

И дала возможность Густаву пройти сквозь толпу знати с минимальными рукопожатиями и объятиями. Кларисса попыталась ущипнуть Кору, и Кора не отказала себе в удовольствии так рубануть ее по кисти, что Кларисса взвыла и схватилась за руку. Она пыталась выкрикнуть какое-то обвинение, но в таком шуме разве разберешь — обвинение это или вопль восторга?

Волоча свой футляр с контрафаготом, Густав пробился к платформе и встал перед букетиком микрофонов и камер, установленных на общей толстой ноге, как на связке розг, которые таскали с собой по Древнему Риму какие-то негодяи.

Густав поднял вверх свободную руку, и народ воодушевился.

Остальные знатные люди постепенно влезали на платформу и выстраивались за его спиной. По крайней мере, с самого начала Густав перехватил инициативу.

Герцогиня Рагоза успела все же шустро нырнуть под руку Густаву и выкрикнуть в микрофон:

— Наш дорогой принц так устал с дороги. Сейчас он, показавшись народу, отправится в свою резиденцию. Завтра — торжественный прием во дворце и парад. Ура! Да здравствует принц!

И тут же она потащила Густава прочь от микрофона.

Оттащить его от микрофона можно было лишь бульдозером, а бульдозера не нашлось под рукой, Пирифой же показал нерешительность. Впрочем, как и Бронзовая Маска, который двинулся было к Густаву, но восторженный крик толпы и требования, чтобы Густав сказал хоть несколько слов, остановили его.

— Дорогие мои сограждане! — заговорил Густав.

Площадь замолчала.

— Дорогие мои соотечественники. Я возвратился на родину, завершив образование, и готов теперь принять бремя власти. Я принял решение короноваться!

Толпа закричала «Ура!»

Ариадна растерянно обернулась к Бронзовой Маске, тот к Пирифою, но остановить сейчас Тесея не представлялось возможным.

— Я надеюсь, что общими усилиями мы все вместе вытащим нашу любимую страну из той ямы, в которой ее держат князья и принцы, думающие лишь о своих клановых интересах, — продолжал Густав.

И тут на площади наступила гробовая тишина. В приветственной речи таких слов говорить не положено. Да и кто ожидал от этого физика столь решительных слов?

— Я не намерен отменять старинные законы и обычаи нашей страны. Я уважаю заветы предков. Я знаю, что многие, очень многие из граждан Рагозы были удивлены и даже шокированы моим прошлогодним решением отложить дуэль с благородным Кларенсом, представителем дружественного мне клана, до окончания моего образования. Надеюсь, однако, что никто не заподозрил меня в трусости и малодушии — в ином случае такой король нам не нужен!

— Не нуужен... — глухо прокатилось по площади.

— Так что прежде чем приступить к делам, я должен отдать долги. При свидетелях. Надеюсь, что мой соперник здесь?

Густав обернулся — он знал, куда смотреть.

Кларенс был потрясен словами Густава и лишь тряс головой, стараясь возбудить в ней какую-нибудь разумную мысль.

— Ну что вы! — закричала, прорываясь к микрофону, дама Рагоза. — Будем ли мы омрачать поединком первый день встречи короля? Можем ли мы рисковать его жизнью и здоровьем? Нет и еще раз нет!

Герцогиня подняла ручки, призывая толпу поддержать ее, но толпа поддержала ее далеко не так дружно, как ей того хотелось. Многие страшно обрадовались тому, что станут свидетелями исторического зрелища, другие не выносили всем надоевшего хулигана Кларенса, третьи вообще были довольны, когда господа и дамы дрались между собой. Четвертые вдруг вознадеялись, что король и на самом деле сможет противостоять этой страшной и тупой силе кланов — их же оружием!

Ариадна кинулась к Бронзовой Маске за советом. Она ничего не понимала. Спектакль разворачивался по непонятному сценарию. И это было тревожно. Но поддержки от Бронзовой Маски, за которой внимательно наблюдала Кора, полагая в нем главного противника, не последовало.

— Ну как, Кларенс! Ты готов к бою?

Спесь взяла верх. Кларенс уже пришел в себя.

— Пускай принесут из «мерседеса» мою дубинку, — сказал он.

— Она у тебя с собой? — ласково спросил Густав.

— Я всегда готов проломить прыщик, который боги выдали тебе вместо головы. — И Кларенс засмеялся. Кларисса вторила ему.

Старики, старейшины кланов, неодобрительно качали головами. Все происходило неправильно: ведь битвы на дубинках должны проводиться лишь в кругу своих... Но поведение Кларенса также было недопустимо. И старикам лишь оставалось повторять:

— Ну и времена пошли...

Несколько полицейских уже тащили нечто завернутое в синий бархат.

Это была дубина Кларенса. Он развернул бархат. Дубина была толстой, шишковатой, с рукоятью, оклеенной для удобства акульей кожей.

— Где твое оружие, претендент? — спросил Кларенс Дормир, вложив в слово «претендент» все свое презрение к сопернику.

И тогда впервые заговорил Бронзовая Маска:

— У нас заготовлена дубина для наследника.

Он дал сигнал, и несколько молодых людей в масках вытащили на платформу не очень толстый кривой сук.

В толпе поднялись возмущенные крики.

— Другой у нас нет, — ответил, разведя руками, Бронзовая Маска. — Может, Густав привез с собой свое оружие?

И тут он осекся, потому что увидел, как Густав раскрывает черный футляр для контрафагота и там, на красном бархате лежит довольно тонкая палица... И Кора поняла, откуда она у Густава. Он же отнял ее у разбойника! В первом своем подвиге. И больше того, поняла Кора, Густав с самого начала избрал судьбу Тесея не только потому, что ему понравился этот герой, но и потому, что тот был славным мастером драк на палицах. Оставалось тайной, как Тесей пронес палицу в наше время.

— Проверить оружие, проверить оружие! — закричала было Ариадна и осеклась, потому что ей подошло время отступить далеко на задний план.

— А ну, давай, братец! — закричал Густав, превращаясь вновь в молодого Тесея.

— Убью! — зарычал Кларенс.

Князя, принцы и министры в мгновение ока посыпались с платформы.

И на возвышении, открытом со всех сторон для телевизионных станций и кинокамер Галактики, два претендента на трон сошлись в смертельном бою. Вообще-то по правилам положено было надевать стальные шлемы... но в классическом бою, в бою за трон — касок не надевали.

Кларенс пошел вперед, словно Минотавр.

Он так размахивал дубиной, что Кора поняла: на самом-то деле искусство битвы на дубинах давно уж вымерло на этой планете и Кларенс в своем воображении питался лишь историческими фильмами, где князя и вожди только этим и занимались.

А Тесей... Тесей учился этому в детстве при дворе Питфея, он победил мастера своего дела — разбойника Перифета. И потом Кора не раз видела палицу в руках Тесея, полагая, что тот лишь подражает сво-

ему дяде и кумиру — Гераклу. Но лишь теперь она поняла, что тихий интеллигентный физик, глубоко сидевший в печенках царевича, все эти годы готовился к бою.

И потому бой был довольно короток и вовсе не так красив, как многие того ожидали. Раз два или три палицы тяжело ударились и застонали... Затем Тесей, дождавшись, пока Кларенс сделает выпад, отступил в сторону так, чтобы противник пронесся мимо. И когда тот летел в прыжке, он как следует врезал ему палицей по лопаткам. Кларенс ускорил полет и вылетел за пределы платформы. Тесей принял форму отдыхающего Геракла и стал ждать, пока полицейские и помощники помогут Кларенсу возвратиться на платформу, чего тот вовсе не желал.

Наконец Кларенс встал на платформе и заявил для всех телекамер:

— Так нечестно!

Коре было видно, как поперек его спины вздулся красный след.

Зрелище было удивительным, и Кора поняла, что оно ей напоминает бой Давида и Голиафа. Причем Давидом был стройный, но худой и даже чуть сутулый физик, прилетевший с Земли, Голиафом — накачанный в клубе культуристов для прогулок по пляжу кретин и развратник.

Местный Голиаф поднял дубину и вновь пошел на Густава.

Тот подождал, пока противник приблизится, и несильно ударил его по пальцам — дубина у того выпала. Густав так же легонько ударил палицей Кларенса по щеке, и на глазах у всех щека начала раздуваться.

Кларенс поднял руки и завопил:

— Ну хватит, прекратите безобразие! Развели здесь средневековье! Я буду жаловаться!

Он закрыл лицо руками. А толпа хохотала.

Один из старейшин поднялся на платформу и сказал в микрофон:

— По старинному обычаю я, как старейший из вождей, прошу победителя пощадить жизнь соперника ради его престарелых родителей. Но если ты, по-

бедитель, не примешь моих слов во внимание, никто тебя не осудит.

Густаву невозможно было принимать или не принимать слов во внимание, потому что Кларенс уже достиг своего «мерседеса» и, давя зрителей, дал газ, чтобы уехать как можно дальше.

Теперь осталось только убить меня — и программа выполнена, сказала себе Кора. Густав отыскал ее глазами — она стояла у самой платформы, готовая в любой момент вскочить наверх, чтобы помочь своему Тесею. Густав подмигнул ей и тщательно уложил палицу в футляр.

Кора посмотрела на «Честь-2». Люк был открыт. Там стоял комиссар Милодар. Кора пожалела, что он стоит слишком далеко и не разглядишь выражение его лица. А приятно бы посмотреть. Разумеется, чувство собственного превосходства над всеми остальными жалкими представителями человечества, за исключением его прямого начальства, не оставило и никогда не оставит Милодара. Но все же он получил ощутимый щелчок по носу — этот студент-физик смог провести операцию без помощи и даже в определенном смысле вопреки указаниям Милодара. Теперь комиссару предстояло выработать версию, по которой все лавры должны будут достаться именно ему.

Впрочем, Кора понимала, что операция далеко не завершена и если ты, находясь в осином рое, прихлопнул одну из ос, это вовсе не означает, что все остальные тут же попрячутся в гнездо.

Честно говоря, Кора не представляла, каким будет следующий шаг Густава. Хотя надеялась, что правильным.

А веселье на площадке не утихало — даже те, кто пришел посмеяться над свихнувшимся на Земле наследником, теперь готовы были носить его на руках. Люди непредвзятые не скрывали своих светлых ожиданий, связанных с появлением на престоле настоящего образованного демократа с дубиной.

Тем временем под бурные крики народа старейшина объявил, что отныне никаких препятствий к коронации принца Густава нет и быть не может. И со-

стоится она, как только астрологи определяют наиболее подходящие день и час. Затем старейшина обратился к принцу Густаву с вопросом, не пожелает ли он сказать несколько слов своему славному народу на прощание.

— Хорошо, — ответил Густав. — Тогда я скажу сегодня то, что хотел отложить на завтра.

Эта фраза прозвучала так странно, что толпа на площади буквально опешила.

И тут не выдержали нервы у герцогини Рагозы. С тихим повизгиванием, разносившимся далеко по площади, она начала проталкиваться сквозь толпу подальше от платформы. И Кора поняла, что герцогиня решила не дожидаться мести, которую обрушит на ее хрупкие плечи победитель.

— Тетя! — закричал тогда Густав в микрофон. — Не убегайте. Я вас простил. Вы — детище своей эпохи и всего социального воспитания. Доживайте свои дни в своих дальних имениях, только не появляйтесь мне на глаза и поменьше интригуйте.

Хотя в толпе было мало тех, кто разбирался в политике, и, тем более, знавших о роли герцогини в последних событиях, даму Рагозу проводили с поля свистом и криками, потому что народ уже понял, что ему повезло с новым правителем, и, следовательно, старые правители, неугодные новому, народу больше не нравятся.

Но главный сюрприз был впереди.

— Кора, — попросил он, а так как его голос разносился микрофонами, то люди стали вставать на цыпочки, чтобы увидеть, к кому обращается принц. — Кора, передай мне, пожалуйста, воспоминания первой жены физика Эйнштейна.

— Первой жены... — прокатилось по площади.

— Воспоминания...

— Эйнштейна... Вы знаете Эйнштейна? Я не знаю никакого Эйнштейна!

Кора передала книгу. Густав открыл ее, проверил, на месте ли закладка.

— А теперь, — произнес Густав столь руководящим голосом, что послушаться его было невозмож-

но, — я попрошу подняться ко мне вот этого господина в бронзовой маске.

Головы всех на площади стали поворачиваться к господину, в непривычного вида греческом шлеме и бронзовой маске, скрывавшей лицо. Тот с опозданием почувствовал внимание толпы и осознал опасность в приглашении принца. Очевидно, подумала Кора, он просто забыл, что выделяется таким странным образом.

— Идите сюда, — позвал Густав. — К вам же обращается ваш принц.

Бронзовая Маска постарался двинуться в обратном направлении — подальше от платформы. Почувствовав это, зрители на площади сомкнулись и принялись подталкивать Бронзовую Маску к платформе, причем потерявшие уверенность в своем всемогуществе бюрократы и аристократы, так же как простой народ, дергали Бронзовую Маску, толкали и тянули, так что через две минуты Бронзовая маска очутился на платформе.

— Мои дорогие сограждане! — воскликнул тогда Густав озорным голосом Тесея, сражающегося на мечах со своими сверстниками: — Я хочу показать вам человека, который в последние дни предпринял несколько попыток меня убить.

— О-о-о-о! — прокатилось по площади.

— В свое время при необходимости я могу обратиться в суд и привлечь туда таких свидетелей, как принц Кларенс из рода Дормиров, даму Клариссу и даже мою родную тетку Амалию Рагозу.

Бронзовая Маска попытался прыгнуть с платформы, но Густав решительно схватил его за плечо.

— Но я не намерен наказывать этого человека, — сказал он. — Этот человек сам придумал себе наказание, равного которого по изысканности и жестокости еще не знало человечество.

Вновь заинтригованная толпа замерла, с небом роем спустились жучки телевизионных камер и замерли над головой принца. Бронзовая Маска нервно оглядывался, и Коре было видно, как воспаленно блестят его глаза.

— Если хочешь, Оливер Джадсон, — сказал Густав, — то ты можешь снять шлем. Без него легче дышится.

Ой! — мысленно воскликнула Кора. Как же она могла не узнать главного убийцу! Он оставался для нее настолько вне подозрений, что даже разговаривая с ним, видя его глаза и руки, она, опытный профессионал, не заметила очевидного сходства. Конечно же, это Оливер Джадсон, он же — Будда бесконечной жизни по имени Амитаюс, он же — оракул Провала, самый знаменитый человек в государстве Рагоза.

Но мало кто в толпе догадался, кто такой Оливер Джадсон, ведь знали всемогущего оракула, фактического властителя судеб всей страны. Знали будду Амитаюса, но не Джадсона...

— Помочь тебе? — спросил Густав.

— Нет, — ответил оракул. — Мне удобнее в шлеме.

— Наивно. Весь народ нашего государства хочет увидеть тебя воочию, а ты прячешься в медном ночном горшке.

— Не смей так говорить, мальчишка! — воскликнул оракул, сам сорвал шлем и бросил его на платформу. Шлем покатился по ней и, покачавшись на краю, замер.

И тут народ узнал оракула Провала.

И гул ужаса прокатился по площади. Так велика была власть предсказателя, так упорна была вера в его всемогущество...

— Почему, Оливер, — спросил Густав, глядя, как ветер колышет редкие волосы оракула. — Почему ты хотел моей смерти?

— Потому что, — ответил оракул, приглаживая волосы и обретая уверенность в себе, потерянную несколько минут назад. — Потому что все мои предсказания, без исключения, обязательно сбываются. И если я предсказал смерть человеку, он должен умереть!

Предсказатель говорил хорошо поставленным голосом, приблизив губы к микрофону, отчего его голос, казалось, заполнял все пространство над площадью и проникал в сердца тысяч людей.

— Я предсказал твою смерть, — произнес оракул. — Значит, ты, считай, мертв.

— Значит, ошибся, мой старый друг.

— Я не друг тебе, принц. Я выше тебя. Я знаком и близок с астральными силами, с черной и белой магией. Великие экстрасенсы России прилетают ко мне после своей смерти посоветоваться о вечности. Как смеешь ты, ничтожество, поднять на меня руку!

Оракул разошелся вовсю, и Кора видела, как толпа постепенно отступала от платформы, люди не смели стоять так близко к своему божеству.

— Ты кончил? — хладнокровно спросил принц Густав.

Оракул ничего не сказал. Он ожидал ответного крика или капитуляции противника, но не такого делового вопроса.

— Если кончил, то завяжи шнурок. У тебя шнурок на правом башмаке развязался.

И это тоже было сказано так, что оракул посмотрел на свой ботинок, потом присел на корточки и стал завязывать шнурок.

Эта минута и дала возможность Густаву вновь овладеть вниманием толпы. А людям опомниться от грома джадсоновской речи.

— Мы с Оливером Джадсоном, — буднично продолжал Густав, — вместе кончали спецшколу. Только я закончил десятилетку за восемь лет, а наш уважаемый оракул умудрился просидеть в каждом классе по три года. И его выпустили из школы на волю, когда у него уже была третья жена и восемь детей. Что ему оставалось делать? Он пошел в экстрасенсы.

Толпа грохнула хохотом. И понятно — люди в хохоте расправлялись с собственным страхом и собственным пресмыкательством перед Буддой вечной жизни Амитаюсом.

Оракул поднялся, с трудом удержал равновесие и попытался оттолкнуть принца от микрофона. Но принц уже привык к дуэлям, он так рубанул ребром ладони по тянущейся к микрофону руке оракула, что тот завопил на всю площадь:

— Ты с ума сошел! Ведь больно же...

Это были самоубийственные слова.

И если даже Оливер Джадсон, поняла Кора, сможет сохранить за собой рабочее место над Провалом, ему потребуется несколько лет, чтобы вернуть хотя бы часть власти над умами рагозийцев.

— Мы так устроены, — продолжал Густав, не глядя на оракула, — что помним только сбывшиеся предсказания. Нас можно дурачить сколько угодно и назначать конец света раз в три месяца, а затем отодвигать его по климатическим условиям. Из тысячи предсказаний Оливера Джадсона сбывалось одно, но о нем сразу же начинали трубить газеты и купленные экстрасенсом телевизионные дикторы. Отсюда один шаг до преступлений...

Густав сделал паузу.

А оракул предпринял еще одну попытку незаметно сползти с платформы, но тут уж в дело вмешалась Кора и легко выбросила его обратно на помост.

— И ты здесь, — сказал оракул растеряннo, будто только что узнал Кору. Он остался сидеть у ног Густава. Он подобрал свой бронзовый шлем, но надевать не стал, а обнял и прижал к животу.

— Сейчас идет следствие в Галактическом центре, — сказал Густав, — о причастности оракула к смерти моего отца.

— Я никого не убивал! — сказал оракул, глядя вверх.

— Но ты знал от заговорщиков день и час смерти моего отца. И ты опубликовал это предсказание, чтобы добиться славы оракула! С помощью сети шпионов и при помощи своей любовницы... — Густав посмотрел на Клариссу. Та стояла, в ужасе зажав рот ладонью, — ...имя которой не играет роли, он проник в дома спальни людей, он узнавал грязные секреты, он шантажировал и вымогал деньги — дым, выходящий из Провала, стал самым грязным дымом нашего отечества.

Как все любопытно и несправедливо устроено на свете, подумала Кора. Не будь Кларисса — Медея так сказочно хороша, пожалел бы ее Густав? Скрыл

бы ее имя?.. И тут же она остановила себя: не ревнуй.

— Вранье, вранье, вранье! — Оракул отпихивался рукой, но не поднимался с помоста.

— Вы только вспомните, какую власть над нашим государством получил этот жулик! Как ловко он и его друзья пользовались нашей доверчивостью и дикостью нашей клановой системы! Три года назад он предсказал войну с нашими соседями вариллами. Может, вы помните, что произошло? В день, предсказанный оракулом, наша армия напала на наших соседей. И не потому, что это было так удобно только одному оракулу. Вы спросите у генералов, не договорились ли они заранее с Оливером Джадсоном.

Гул возмущения охватил площадь. Некоторые вельможи, пригибаясь, бежали с площади к своим машинам.

— А вы забыли, как голодала вся страна, когда оракул объявил, что нельзя сеять хлеб, потому что планеты противятся этому. Сколько они все заработали на ввозе хлеба? И власть этого третьегодника стала столь громадной, что если он предскажет кому-то из вас, что его мать должна умереть ночью, то ее может убить собственный сын.

— Это клевета!

— Тогда скажи, скажи, зачем ты отправился в Древнюю Грецию? Почему ты хотел убить меня?

— Потому что все мои предсказания сбываются. А если и не сбываются, значит, я так захотел.

— Когда ваш любимый оракул говорит, что руководил моим убийством только для того, чтобы сбылось его предсказание о моей смерти, это правда, — сказал Густав. — Я не должен был возвратиться сюда живым. И когда не удалась попытка на меня других убийц, он занялся этим сам. И если бы я погиб, то он бы вновь торжествовал. И вы бы еще покорнее подчинялись его приказам и капризам. Но можно я задам тебе вопрос, Оливер? Почему тебе нужно было предсказать мою смерть? Только потому, что тебя попросила об этом моя тетя?

— Я не просила! Он сам придумал! И мне сказал! — завопила из толпы герцогиня.

— Все куда серьезнее. Оливер однажды совершил роковую ошибку. Ошибку, в которой он раскаивается всю жизнь. Ты помнишь?

Оракул не ответил.

— Именно эта ошибка чуть не стоила мне жизни. Дело было пять лет назад...

— Замолчи! — закричал оракул, стараясь встать, и Кора с удивлением увидела, что ноги не держат предсказателя, — так он был испуган.

— Пять лет назад, на вечере встречи учеников нашего класса оракул сильно напился. Очень сильно. И у меня с ним вышел спор. Я спросил его, может ли оракул предсказать собственную смерть. И он ответил, что такое предсказание — дело чести каждого достойного оракула. Например, Нострадамус предсказал свою смерть. «А ты?» — спросил я. «А я как оракул сильнее всех!» — «Тогда скажи, когда умрешь?» — спросил я его.

— Молчи! — умолял оракул, но Густав отмел его сильным движением руки.

— У меня был перстень с изумрудом, родовой перстень. Дядя, как плебей, всегда обожал знаки принадлежности к благородным. Он был пьян, но жаден, как всегда. И он сказал: «Отдашь перстень, скажу!» Я снял перстень и попросил написать дату собственной смерти и подписаться. Много раз после этого он просил меня вернуть записку. Но я понимал, что записка — грозное оружие, и не отдал ее. И убить меня он решил из-за предсказания не столько о моей смерти, сколько собственной смерти.

— Где? Где это предсказание? — летели со всех сторон вопросы.

— Так как меня многократно обыскивали, и дом мой обыскивали, и дачу, и даже охотничий домик, и комнату в московском общежитии, то мне пришлось хранить предсказание оракула в таком месте, где его никто не мог найти. — Тут Густав поднял книжку. — Вот воспоминание первой жены физика Эйнштейна. Это моя настольная книга, я ее всегда тас-

каю с собой. А в книге есть закладка. Ну кто будет обращать внимание на закладку в моей книге, если ее так просто вынуть?

И Густав открыл книжку и вынул закладку.

Кора знала, что произойдет, и первой прыгнула на помост, чтобы свалить отчаянно бросившегося на Густава оракула.

— Я бы справился, — сказал Густав.

Оракул бился в руках Кору, потом вдруг обмяк и затих.

— Уважаемый глава клана Дормиров, — обратился Густав к старейшине. — Не будете ли вы любезны прочесть предсказание оракула Оливера Джадсона, именующего себя предсказателем?

Старейшина принял листок из руки Густава.

И прочел:

«Я, великий непогрешимый оракул, вечный Будда вечной жизни Амитаюс, предсказываю, что я умру 2 августа... 234 года Галактической эры».

Наступила абсолютная тишина, потому что множество людей на площади шевелили губами, стараясь сообразить, когда же это второе августа наступит.

И потом кто-то крикнул:

— Но это же сегодня!

— Это сегодня!

— Сегодня! Сегодня!.. — ревела толпа.

— Поэтому я и торопился попасть сюда именно второго августа, — сказал Густав.

И тут началось самое страшное.

Кора ничего не успела сделать. И Густав тоже был бессилен — никто не ожидал, что толпа с такой яростью кинется на всесильного, а потому столь ненавистного оракула. Сотни рук тянулись к предсказателю....

Кора пришла в себя на пустой платформе. Над ней склонился Густав.

— Ты жива?

Лавируя среди редких оглушенных и ошарашенных зрителей, к платформе подкатил побитый, обшарпанный, но еще крепкий микробус Космофлота. Ми-

шель помог Густаву внести Кору внутрь. Она уже пришла в себя настолько, что уселась в кресло.

— Что было дальше? — спросила Кора. — На меня кто-то наступил, и я отключилась.

— Они его понесли... — сказала Вероника.

— Куда?!

— Мы можем поехать за толпой, — предложил Мишель,

— Не надо, — сказал Густав. — Я все знаю. Я предвидел заранее.

— Что, ваше высочество? — удивился Мишель.

— Я уверен, что славные граждане моего королевства, собравшись в толпу, исполнят последнее предсказание оракула Оливера Джадсона.

— Ты их не остановил? — вдруг вскрикнула Кора.

— Как я мог это сделать, если сам едва успел отскочить в сторону? И честно говоря, в тот момент меня куда больше беспокоила твоя судьба, чем финал этого подлца.

— Ты жесток.

— Я не могу позволить себе прощать тех, кто меня убивает.

— И остальных... троих?

— Для остальных есть смягчающие обстоятельства, — усмехнулся Тесей.

Кора уже научилась различать улыбки этих двух царей. Но разговор на этом оборвался, потому что микробус вынужден был остановиться, — на площадку ворвалась гвардейская бригада на бронированных мотоциклах, призванная найти и спасти наследника престола.

Густав высунулся из микробуса и крикнул командиру, чтобы бригада следовала за ним к резиденции.

Так они и ехали по загородному шоссе. Впереди — потрепанный микробус Космофлота, перед ним и за ним гвардейская бригада — на мотоциклах, похожая на преувеличенный почетный эскорт.

Только через несколько километров Кора сообразила.

— Мишель, поворачивай обратно.

— Почему?

— Я хочу вернуться на «Честь-2».

— Почему? Она же не улетает сегодня, — удивился Мишель.

— Жаль, — ответила Кора. — Но мне приятнее будет ночевать на борту «Честь».

— Невозможно, — сказал Мишель. — Экипаж уже в городской гостинице, мы их отправили на машине агентства ИнтерПола. Корабль заперт на ключ.

Густав хранил молчание, уставившись в окно. Он угадывал знакомые с детства пейзажи и как бы заново знакомился с аллеями и кущами пальм, разбегающихся от шоссе.

— В какой они гостинице? — спросила Кора.

— В «Сириусе».

— Я тоже переночую там. С ними.

— Но вам забронирован номер в «Люксе». «Люкс» куда лучше.

— «Сириус»! — приказала Кора так, что Мишель не посмел ослушаться.

Густав, как назло, молчал и нельзя было высказать все, что о нем думаешь. Только когда машина остановилась у «Сириуса» и мотоциклы наполнили собой и невероятным грохотом широкую улицу, он вышел из микробуса, чтобы помочь Коре.

— Ты не примешь ничего из рук убийцы? — спросил он.

— Я постараюсь не принимать, — сказала Кора.

— Желаю тебе счастья, — сказал Густав.

— Тебе же — долгого царствования на благо подданных.

Густав снова заглянул в микробус.

— Вы меня подбросите до резиденции? — спросил он.

— Разумеется, — ответил Мишель.

Вероника высунулась из окошка микробуса и протянула Коре банкнот.

— Этого тебе хватит на ужин и выпивку, — сказала она.

— Спасибо. — Кора приняла деньги. — Я отдам завтра.

- Не надо. Спасибо тебе за нашего принца.
— Если бы я знала, — сказала Кора.
— Ты ничего не понимаешь, — сказала Вероника. — Может, приедешь к нам поужинать?
— Нет, простите, я устала.

Мотоциклы ревели так, что Кора устала говорить с Вероникой. Она помахала ей на прощание. Гвардейская бригада приняла этот жест за приказ к выступлению, и кортеж покинул площадь.

* * *

Кора встретила в холле одного из навигаторов, он пригласил ее в бар. Навигатор не видел, что происходило на площадке, — они уехали, как только сдали корабль наземной службе. Кора рассказала ему, как Густав возвратил себе трон. Пришел второй навигатор с оружейницей, и пришлось повторить рассказ. Тут начались вечерние новости по телевизору, и Кора поняла, что в баре слишком многие на нее смотрят. Она попрощалась с навигаторами, договорившись встретиться с ними в девять за завтраком.

Она поднялась к себе в номер, простой и безликий, как каюта на корабле, приняла душ и потом, открыв окно и потушив свет, уселась у открытого окна и смотрела с четвертого этажа на вечернюю жизнь улицы, очевидно более оживленную, чем обычно, — ведь такой день!

В конце концов какое она имеет право судить Тесея? Тесей убил немало разбойников. Кто-то должен убивать разбойников. Ты, Кора, все путаешь: студента Густава с физического факультета и царя Тесея, которого ты до какой-то степени сама воспитывала. По крайней мере воспитывалась вместе с ним. Но ты была там, в Элладе, для того, чтобы, выполнив задание, сбросить его и память обо всем, как старую кожу, а он провел там жизнь, чтобы стать не только Густавом, но и Тесеем. И преуспел на этом поприще. А ты, Кора, очень рассердилась.

Черная тень образовалась на фоне синего неба.

Кора угадала Густава.

Он спрыгнул в комнату.

— Прости, — сказал он, вглядываясь в густой полумрак комнаты, — я снял номер рядом и перешел по карнизу.

— Ты с ума сошел! — испугалась Кора. — Ты же мог сорваться.

Она кинулась ему навстречу, чтобы исколотить его за такие глупости.

Но он неправильно истолковал ее порыв и обнял. Нежно и крепко. Так что ей некуда было деться и пришлось ответить на его поцелуй.

— Прости, — прошептал Густав, — я был жесток.

— Я не могу тебя осуждать.

— Если ты не будешь меня осуждать, значит, ты меня совсем не любишь.

После этого они довольно долго молчали, потому что целовались.

Следующая фраза принадлежала Коре, но была сказана, когда они уже очутились в постели:

— Ты давно хотел удовлетворить свое любопытство, Тесей?

— Если это называть любопытством, то что называть любовью?

Кора предпочла поверить Густаву, потому что вера была ей желанна, а ждать этого свидания, которое растянулось на столько лет, ей было невмочь.

— Да, — шептала она Густаву, когда рука его неслемо и трепетно дотронулась до ее груди, а потом скользнула к бедрам...

В глаза Коре раздражающе била непонятная надпись световой рекламы, которая каждую секунду меняла цвет.

— погоди, милый, — прошептала Кора. Она вскочила с постели и задернула шторы. Тогда в комнате стало абсолютно темно, настолько, что они оба исчезли, остались лишь ощущения. Кора сбросила туфли и кинулась в постель. Ее тело точно знало, где его встретят жадные руки Тесея.

— О Тесей! — прошептала она. — Наконец-то мы вместе.

— О Кора! — воскликнул Тесей. — О миг свершения!

— Погодите, погодите, — произнес сухой голос Милодара. — Я попрошу вас прервать ваши объятия. Вы успеете к ним вернуться. У меня же нет ни одной лишней секунды.

Голос комиссара возник в темноте совсем рядом с кроватью.

Кора вырвалась из объятий Густава и попыталась вскочить, но Густав дернул ее к себе и, плотно приложив губы к ее уху, неслышно прошептал:

— Он нас не видит. Не помогай ему.

— Кора, я все слышу, — ответил Милодар. — Я слышу, как скрипнула кровать. Кора, немедленно откликнись. Кора, зажги свет. Я считаю до пяти. Если ты не зажжешь свет, считай, что ты уволена. Раз, два, три, четыре, четыре с половиной... четыре и три четверти... Принц Густав, от вас, как от зрелого государственного деятеля, я не ожидал такого поведения. Вы же знаете, что я голограмма. Я не могу зажечь свет! Вы меня слышите! Учтите, что я упрямее вас. Несмотря на мою крайнюю занятость, я останусь здесь и буду ждать, пока вы не сообразоволите в конце концов отпустить моего сотрудника. В Галактическом центре требуют немедленного отчета о драматических событиях. Сегодня же ночью. Кора, ты на службе, черт побери! Сначала ты наговоришь отчет, я тебе даю номер телефона — там ждут... Да слышите ли вы, в конце концов!

Густав потянул Кору за руку к двери.

— Главное, — прошептал он, — оторваться от преследования. Голограммы бегут не быстрее людей, а расположение помещений в этой гостинице мне знакомо.

Они выбежали босиком в коридор, и, когда добежали до угла, Кора увидела, как сквозь запертую дверь номера в коридор выходит, зажмурившись от яркого света, голограмма ее шефа.

Но они уже скрылись за углом, потом на грузовом лифте поднялись до последнего этажа, по пожарной лестнице спустились на два этажа ниже, пробежали сквозь три служебных помещения, снова оказались в коридоре, и, наконец, Густав толкнул Кору в какой-то номер и закрыл дверь.

— Света зажигать не будем. И будем надеяться на счастье.

— Мы где? — спросила Кора.

— В моем номере, — ответил Густав. — В том, который я снял, чтобы встретиться с тобой.

Они уселись рядом на кровать и несколько минут молчали, держась за руки.

Любовный энтузиазм возвращался медленно, неспешно, и первый поцелуй прозвучал лишь минут десять спустя. Но, правда, последующие поцелуи посыпались как из пулемета и слились в один. Впопыхах Кора даже и не заметила, что она совершенно обнажена и лежит в объятиях Тесея на его кровати.

— Ой, мой дорогой, — прошептала она... и слилась с ним в одно...

Дверь в коридор отворилась, и в комнату ввалилась фигура, источавшая отвратительный запах.

Фигура нащупала выключатель у двери.

Вспыхнул верхний свет.

Кора и Густав сидели, поджав колени и натянув одеяло до подбородков.

Измазанный в экскрементах и каких-то помоях, обвешанный грязными тряпками и клочьями бумаги, неузнаваемый, как рождественская елка сумасшедшего золотаря, в номере стоял совершенно обессиленный и почти неживой оракул, Будда вечной жизни, Оливер Джадсон.

— Приютите меня! — взмолился он, продирая глаза грязным рукавом и не понимая еще, куда он попал, — я несколько часов пробирался канализационными каналами — меня скинули туда изверги.

— Теперь можно его убить? — спросил Густав.

— А вот теперь его убивать нельзя, — ответила Кора. — Теперь он настолько провалился со своими

предсказаниями, что на некоторое время стал безопасен. А потом, как и положено просвещенному монарху, ты найдешь ему применение. Пока что вызови сюда телевизионщиков.

Оракул, потеряв сознание, свалился у двери.

Густав вызвал бригаду с телевидения, чтобы она могла показать народу его ненавистного любимца.

Густав же с Корой босиком спустились по пожарной лестнице и, пробежав незамеченными два квартала, скрылись в густом городском парке, в это время суток совершенно пустом, если не считать парочек под кустами.

301 серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наиболее популярная у читателей серия представлена лучшей прозой отечественных мастеров детектива, чьи имена не требуют особого представления, – Э.Хруцкий, Д.Корецкий, Н.Леонов, Л.Словин, Ф.Незнанский, Э.Тополь, С.Высоцкий, Н.Александров, Б.Бабкин и др. Они пишут об ужасах сегодняшнего дня – заказные убийства, похищения людей, разборки

между преступными кланами, погони...

Книги нашей серии удовлетворяют вкус не только любителей модных ныне триллеров, но и поклонников криминальных романов, психологических драм.

Серию отличает добротное красочное оформление, хорошая печать.

Формат 84x108 (1/32) (20x13см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 стр.

В месяц выходят 3-4 книги.

203 серия УРАГАН ЛЮБВИ

Серия романов о любви, написанных как в прошлом веке, так и в наши дни. В числе их авторов – не только те, чьи имена давно и хорошо известны, но и те, кого только сегодня открывает издательство своим читателям.

В этой серии есть все: роковая страсть и слепая ревность, случайные встречи и вероломные предательства, коварные соперницы и подлые завистники, наивные героини и многоопытные герои.

Серия адресована не только почитательницам сентиментального чтения, но и любителям крутых сюжетов, ярких характеров и нетрадиционной развязки привычных ситуаций.

Формат 84x108 (1/32) (20x13см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 стр. В месяц выходят 1-2 книги.

303 серия БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Для любителей крутых сюжетов издательство задумало новую серию – "Белый лебедь". Она составлена из супер-детективов супер-авторов! Начинают серию бестселлеры – триллеры уже известного многим Бориса Бабкина. Любители жанра откроют для себя новые, молодые, яркие, талантливые имена; среди них – Платон Обухов. Проза молодых писателей отличается тем, что многое из того, о чем они пишут, авторы испытали на себе. Поэтому их сюжеты исключительно правдоподобны и безумно интересны.

Формат 84х108 (1/32)
(20х13см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 стр.
В месяц выходят 2-3 книги.

302 серия СОВР. РОС. ДЕТЕКТИВ (ОБЛОЖКА)

Библиотека в вашем кармане!

Издательство "Локид", заботясь о своих читателях, печатает малым форматом лучшие произведения лучших авторов серии "Современный российский детектив".

Красочное оформление, формат 72х108 (1/32) (17х11см), мягкая обложка, рельефное тиснение золотом, в книгах в среднем по 360 стр.

В месяц выходят 2-3 книги.

651 серия ЭНЦИКЛОПЕДИИ «AD MARGINEM»

В составе серии энциклопедии:

- Колдовства и демонологии
- Суеверий
- "Мистики XX века"
- Мистических терминов
- Третьего Рейха
- Знаков, символов и эмблем
- Супергероев

Энциклопедии издательства "Миф", входящие в эту серию, предлагают читателю окунуться в мир загадочных маргиналий, которые всегда волновали воображение чело-

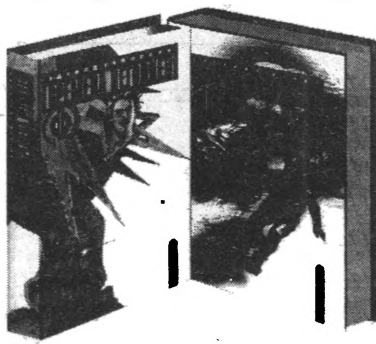
века. Полнота охвата тем, наличие современного материала, строгость, наряду с ясностью и простотой изложения,

обилие уникальных иллюстраций, высокое качество полиграфического исполнения, – подобных энциклопедий в России еще не издавалось!

Все книги формата 70х100(1/16) (24х17см), в твердом целлофанированном переплете, отпечатаны на плотной, долговечной бумаге, содержат сотни иллюстраций. Средний объем тома - 560 стр.

Периодичность: 1 книга в 2 месяца.

401 серия СОВР. РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

Издательство "Локид" приступило к выпуску серии острозащитной современной российской фантастики. Вниманию читателей будут предложены книги только отечественных авторов. Фэнам фантастики предоставляется уникальная возможность прочесть новые романы и повести уже известных и, несомненно, полюбившихся писателей, а также узнать новые, безусловно, яркие имена молодых фантастов. Серию отличает оригинальное красочное оформление.

Формат 84х108 (1/32) (20х13см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 стр.
В месяц выходят 2-3 книги.

Дорогой читатель!

Если Вас заинтересовали предложенные серии книг, то для их получения необходимо заполнить отрезной купон и отправить его по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «МИР КНИГИ»

Все книги, по мере их выхода в свет, будут рассылаться по почте наложенным платежом без предварительной оплаты

Вы оплачиваете только отпускную стоимость книги и услуги по доставке

Да, я подписываюсь на книги следующих серий:

код серия

кол-во экз.

203 «Ураган любви»

301 «Совр. российский детектив»

302 «Совр. рос. детектив» (обложка)

303 «Белый лебедь»

401 «Совр. российская фантастика»

651 Энциклопедии «AD MARGINE»

подпись заказчика

Ф.И.О.

Адрес:

индекс

Убедительная просьба:

— купон заполнять печатными буквами;

— в колонке «Кол-во экз.» указать, сколько книг в месяц Вы хотели бы получать;

— если же Вам удобнее отправить заказ на открытке, то не забудьте указать на ней код серии, ее название и количество экземпляров, которые Вы хотите получать ежемесячно.

Киp Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ

Книга вторая
трилогии «Галактическая полиция»

Редактор Н. Беркова
Художественный редактор Е. Андреева
Технический редактор В. Котова
Корректоры Л. Малова, Л. Вайнер
Верстка А. Галимов

Издательская лицензия
ЛР № 063957 от 15.03.95 г.

Подписано в печать 08.11.95. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 15,5. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 23,3.
Тираж 26 000 экз. Заказ № 1236.

Издательство «Локид»
129110, Москва, ул. Трифоновская, д.56

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

«ПОХИЩЕНИЕ ТЕСЕЯ» —

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

второй роман из фантастической трилогии об агенте Интер-Галактической полиции XXI века Коре Орват повествует о самом сложном, опасном и долгом задании, которое ей поручено выполнить: в Древней Греции Коре следует отыскать и охранять от покушений злодеев мифического героя Тесея, в облике которого скрывается наследник престола одной из дальних планет. Коре приходится совершить путешествие по античному миру, побывать на Крите, увидеть Минотавра, подружиться с кентаврами и многократно рисковать жизнью, так как мир виртуальной реальности, в который Кора попала, может оказаться смертельно опасным.

А. Рыжов